

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XXXVI

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XXXVI

Керчь
Kerch

Симферополь
Simferopol

2018

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 1 от 05.03.2018 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор

Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)

Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Крыжицкий С.Д., чл.-корр. Национальной академии наук Украины, д.и.н., Институт археологии
НАН Украины (Киев)

Масленников А.А., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)

Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород)

Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 5 от 25.05.2016 г.)*

Боспорские исследования. Вып. XXXVI / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2018. – 272 с.
ISBN 978-5-9906791-8-4

В XXXVI выпуске «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и зарубежных исследователей по проблемным вопросам и результатам исследований античных и раннесредневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94(477.75)082

ББК 63.4-63.3 (0)32

*Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
При поддержке Благотворительного фонда «Артемиды»*

ISSN 2413-1938

ISBN 978-5-9906791-8-4

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018

© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2018

© Авторы, текст, 2018

СТАТЬИ

Я.М. ПАРОМОВ

IA.M. PAROMOV

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА ВО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ VI в. до н.э.

BOSPORUS CIMMERIAN AND FORMATION OF TRADE RELATIONS OF ASIAN BOSPORUS IN THE SECOND AND THIRD QUARTERS OF THE VI CENTURY B.C.

Из сведений, сообщаемых древними авторами, известно, что в античную эпоху берега Понта Евксинского и Меотиды были хорошо знакомы греческим мореплавателям. Их маршруты, на первый взгляд, были простыми. Выйдя из Боспора Фракийского в Понт, корабли направлялись по одному из двух путей: либо вдоль западного берега к Ольвии, откуда, обогнув Тавриду, приходили к Боспору Киммерийскому, либо от Фракийского Боспора они двигались к Боспору Киммерийскому в другом направлении, вдоль южного и восточного берегов Понта. Если торговые дела вели их в устье Танаиса, то далее, пройдя по Боспору Киммерийскому, они плыли к цели вблизи восточного берега Меотиды [Брашинский, 1984. Карта 10]. Со временем греческие кормчие научились ходить от южного берега Понта до Тавриды напрямую, однако этот краткий путь был освоен ими позже, уже в IV в. до н.э. В ранний период этот путь еще не был известен и плавание по морю было только каботажным [Максимова, 1954; Гайдукевич, 1969; Брашинский, 1984, с. 177].

В VII и первой половине VI вв. до н.э. морские торговые пути в Причерноморье, вероятнее всего, не представляли собой замкнутого кольца. Северо-восточное побережье практически не посещалось купцами и мореходами, о чем свидетельствуют археологические исследования. Данное обстоятельство требует более подробного рассмотрения. До последнего времени считалось, что на памятниках Колхиды самый ранний античный материал относится ко второй половине VI в. до н.э. [Лордкипанидзе, 1979, с. 246–249]. Исследованиями последних лет это утверждение несколько поколеблено [Эрлих, Ксенофонтова, Джоуа, 2016]. Торгово-обменные связи с греками начинают проследиваться в районе Диоскурии, по мнению авторов, с первой половины I в. до н.э. Появление этих контактов основано на находке в архаическом слое Эшерского городища трех фрагментов восточно-греческого расписного сосуда, датированного по аналогии росписи на березанской амфоре первой четвертью VI в. до н.э., а также нескольких фрагментов двуручных чаш с точечным орнаментом, широко датированных VI в. до н.э. Следует отметить, что фрагменты аттических мелкофигурных киликов из того же слоя относятся к 550–520 гг. до н.э., а среди тарной керамики определяющими являются фрагменты клазоменских амфор, датированные по П. Дюпону последней четвертью VI – началом V вв. до н.э. [Эрлих, Ксенофонтова, Джоуа, 2016, с. 21–23, 33]. Вероятно, следует согласиться

Паромов Я.М. Боспор Киммерийский ...

с тем предположением, что район Диоскурии попадает в сферу греческой колонизации еще в начале VI в. до н.э., хотя, как сами авторы замечают, прямых данных о присутствии здесь греков-колонистов в эпоху архаики пока не найдено, однако постоянные торговые связи с греческим миром появились, скорее всего, лишь во второй половине VI в. до н.э., возможно, ближе к концу этого столетия.

Западнее Колхиды на значительной части Черноморского побережья от реки Псоу до входа в Геленджикскую бухту античные вещевые и нумизматические находки вплоть до конца 1960-х гг. были зафиксированы только в 11 пунктах и районах скопления. Анализируя эти материалы, И.Б. Брашинский поставил вопрос о распространении боспорского влияния на этот регион в IV в. до н.э. – III в. н.э. [Брашинский, 1968]. Для нашей темы прежде всего важна нижняя дата. Более раннего материала, насколько известно, в этих местах не было найдено и после упомянутой публикации, о чем наглядно свидетельствует хотя бы так называемый Мзымский клад – разрозненный комплекс серебряных и бронзовых изделий IV в. до н.э. – II в. н.э., изъятых в Сочи у «черных археологов» [Хрисанова, 2005]. Большое значение имели планомерные исследования в этом районе, проводившиеся Институтом археологии в 2008–2011 гг. Только на территории Имеретинской низменности было открыто 11 поселений, в большинстве относившихся к эпохе раннего железа. Керамические комплексы, выявленные раскопками, состояли из фрагментов местных лепных и античных гончарных сосудов. Доля импорта составляла от 1 до 8%. Датированными в нем являлись ножки античных амфор IV в. до н.э. [Мимоход, Скаков, Клещенко, 2011, с. 61, 62].

Далее к западу расположены три пункта: известные древним авторам Торик, Баты (селение и гавань), а также раннеантичное поселение на месте Анапы. О датировке Торика, локализованного Н.А. Онайко на западном берегу Геленджикской бухты, следует сказать особо. Найденный и раскопанный ею памятник предварительно был широко датирован VI–V вв. до н.э. [Онайко, 1972, с. 135]. В более поздней обобщающей работе вопрос о времени его основания подменяется общим высказыванием о том, что «активное освоение греками изучаемого района началось в первой половине VI в. до н.э.» [Онайко, 1980, с. 120]. Однако опубликованные ею материалы, прежде всего фрагменты амфор (хиосских с воронкообразным горлом, с окрашенными венцами, клазоменских, самосских, амфор с усечено-конусовидным дном и амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне), при ближайшем рассмотрении не выходят за хронологические рамки третьей четверти VI – начала V вв. до н.э. [Онайко, 1980, табл. I–IX]. Селение и гавань Баты, до настоящего времени не идентифицированные, находились, предположительно, вблизи современного Новороссийска и на его территории [Гайдукевич, 1949, с. 220]. В этом районе было выявлено не менее семи небольших античных поселений конца VI – начала V вв. до н.э., бывших, по мнению автора, хорошей известной по литературе Баты [Онайко, 1970, с. 131–138]. Данные исследования, на первый взгляд, могут показаться устаревшими, однако других поселений в районе Новороссийска, относящихся к периоду первых кон-

Боспорские исследования, вып. XXXVI

тактов с греческим миром, до настоящего времени не найдено [Шишлов, Колпаков, Федоренко, 2011]. Раннеантичное поселение, существовавшее в последней четверти VI – конце V вв. до н.э. на берегу Анапской бухты на месте более поздней Горгии, судя по всему, как и упомянутая Бата, имело свою хору в виде укрытого плавнями речки Анапки маленького поселеньца, также относящегося к последней четверти VI в. до н.э. [Алексеева, 1991, с. 7–19]. Большое поселение греков на месте современной Анапы тянулось вдоль моря не менее чем на 400 м. Анализ находок из строительных комплексов и культурного слоя поселения свидетельствует о том, что оно возникло во второй половине VI в. до н.э., ближе к его последней четверти [Алексеева, 1997, с. 18, 19].

Таким образом, ранее третьей четверти VI в. до н.э. морского торгового пути вдоль северо-восточного побережья Понта Евксинского от Колхиды до Боспора Киммерийского, скорее всего, не существовало. Путь вдоль южного берега Черного моря, разведанный легендарными аргонавтами, оканчивался в устье Риони. В предшествующий период, охватывающий около века (третья четверть VII в. – вторая четверть VI в. до н.э.), вся колонизационная и торговая деятельность греков в Северном Причерноморье осуществлялась западным путем, опорными пунктами которого были основанные Милетом в низовьях крупнейших рек Истрия, Борисфен (Березанское поселение) и Кремны (Таганрогское поселение), ставшие центрами греко-варварской торговли в западной, средней и восточной частях Скифии [Федоров, Полевой, 1973, с. 155–157; Шувалов, 2008, с. 144; Соловьев, 2000, с. 95; Копылов, 2009, с. 28, 29]. О давней известности западного пути свидетельствуют найденные в Северо-Западном Причерноморье изделия эгейского и малоазийского происхождения, в более позднее время замещенные в импорте ввозом металла [Иессен, 1947, с. 19–21, 26, 28]. Опорными пунктами этого пути были, кроме того, связанные с широко известным культом Ахилла Понтарха остров Левка (Змеиный, Фидониси) и Ахиллов Бег (Тендровская коса), с древнейших времен служившие указателями безопасного плавания вблизи устья Дуная и между устьем Днестра и Каркинитским заливом.

С момента основания колонии Кремны (Таганрогское поселение), относящегося к третьей четверти VII в. до н.э. [Копылов, 2009, с. 28], до возникновения первых греческих колоний в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, плавание судов по Боспору Киммерийскому было, очевидно, транзитным. Однако нельзя не отметить, что появление здесь первых апойкий было значительно облегчено предварительным знакомством с берегами. На европейской стороне Боспора самым ранним из поселений стал Пантикапей, возникший на рубеже VII–VI вв. до н.э. в наиболее высокой и защищенной части горы Митридат [Тугушева, Толстиков, 2015, с. 359]. Наиболее ранним на азиатской стороне могло быть поселение, оставившее Тузлинский некрополь. По общему мнению, это была размытая морем Корокондама, находившаяся на мысу или узком перешейке в начале Тузлинской косы [Сорокина, 1957, с. 48–54; Кондрашев, 2010, с. 118, 124]. О времени основания Корокондамы можно судить только предположительно, исходя из того, что самую многочисленную группу в ран-

Паромов Я.М. Боспор Киммерийский ...

ней керамике Тузлинского могильника составляют ионийские сосуды рубежа VII–VI и VI вв. до н.э. [Сорокина, 1957, с. 9], а также, принимая во внимание общую закономерность, могильники могли быть лишь «моложе» поселений, которым принадлежали, так как старшее поколение граждан не участвовало в основании колоний, оставаясь на родине. Следует особо отметить выгодное место расположения первых поселений – Пантикапея, находившегося в глубине удобной и защищенной бухты, и Корокондамы, расположенной вблизи Тузлинской косы, где еще в эпоху, предшествовавшую греческой колонизации, существовала якорная стоянка [Кондрашев, 2000, с. 159, 160]. Следует отметить также, что морские подходы к этим местам не были связаны со сколько-нибудь существенным отклонением от главного торгового пути, проходившего по Боспору Киммерийскому. Важной вехой на этом пути являлось исследованное Н.В. Молевой святилище на мысе Такиль – скалистом плато при входе в Боспор Киммерийский из Понта Евксинского, в районе крутого изменения курса корабля с широтного на меридиональный. Святилище, представлявшее собой скопление множества фрагментов керамики и костей животных в расщелинах скал, было синхронно первым поселениям на берегах Боспора и было местом, где мореплаватели приносили скромные жертвы богам с благодарностью за пройденный путь и просьбами о благополучии дальнейшего плавания [Молева, 2017]. Появление первых поселений означало собой зарождение на берегах Боспора новой, античной системы расселения и было первым шагом в освоении земель Керченского и Таманского полуостровов древними греками (рис. 1).

Следующим этапом этого освоения стало учреждение на крымской стороне Боспора двух новых апоекий – Нимфея и Мирмекия, основанных на рубеже первой – второй или во второй четверти VI в. до н.э. в 17 км к юго-западу и в 4 км к северо-востоку от Пантикапея [Соколова, 2013, с. 51; Лебедева, 1999, с. 44–46; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 3]. На азиатской стороне в рассматриваемый период возникло пять населенных мест (рис. 2). Три из них стали известными по письменным источникам городами – Патреем, Гермонассой и Кепами, основанными на берегах Корокондамского озера (современного Таманского залива) не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Абрамов, 2010, с. 529; Финогенова, 2005, с. 433; Журавлев, Кузнецов, 2010, с. 541]. Поселения Ахтанизовская 4 (95) и Голубицкая 2 (221) были расположены на двух мысах одно напротив другого, контролируя выход из нынешнего Ахтанизовского лимана в Меотиду через один из рукавов Гипаниса-Антикита (современное Пересыпское гирло) [Паромов, 2006, с. 370, 371; Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер, 2010, с. 557, 558]. В конце второй четверти VI в. до н.э. или в середине столетия на европейской стороне пролива, в 11 км к юго-западу от Пантикапея, появилось еще одно поселение – Тиритака. Судя по керамическим материалам, вывод колонии в эту часть побережья Боспора Киммерийского произошел не ранее 565–560 гг. до н.э. [Гайдукевич, 1941, с. 86; Зинько, 2010, с. 229].

Уже на раннем этапе освоения древними греками этого региона отчетливо выявились характерные особенности и различия в развитии античной системы

Боспорские исследования, вып. XXXVI

расселения на территории Европейского и Азиатского Боспора. Упомянутые города на европейской стороне (Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака) находились в приморской полосе, на побережье Боспора Киммерийского. Все они были основаны на местах более ранних местных поселений, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты керамики кизил-кобинской культуры, каменные шлифованные орудия, изваяния и другие находки эпохи бронзы и раннего железного века [Толстиков, 2014, с. 235; Сенаторов, 1999; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 11; Гайдукевич, 1949, с. 172]. Это явление говорит о нехватке в этом регионе свободных мест, удобных для размещения новых поселений, о сравнительно плотной освоенности его селитебного пространства или неблагоприятной общей ситуации. На Азиатском Боспоре картина была иной. Первые поселения там и тут были береговыми. Однако если на Европейском Боспоре они находились в прибрежной полосе вдоль главного торгового пути, то на азиатской стороне все поселения, за исключением Корокондамы, находились в глубине территории нынешнего Таманского полуострова, то есть были, условно говоря, внутренними береговыми поселениями. Корокондамское озеро, лиманы и протоки Гипаниса-Антикита связывали их внутренними водными путями. Многие различия в системе расселения на Европейском и Азиатском Боспоре объясняются их природно-географическими особенностями. Если Пантикапей обладал замечательной гаванью – удобной стоянкой для кораблей, сразу ставшей знаменитым портом и центром торговли, то поселения на другой стороне пролива были окружены плодородными полями, хлебной нивой, составившей подлинное богатство Азиатского Боспора.

В данной статье нельзя обойти вниманием гипотезу о существовании в античное время второго морского пролива между Понтом Евксинским и Меотидой, находившегося, по мнению ее авторов, на месте Кизилташского лимана и дельты Кубани. В последние годы эти взгляды активно продвигаются Д.В. Журавлевым в совместных с зарубежными соавторами публикациях [литература см.: Гарбузов, Поротов, Сударев, 2017, с. 84]. Противниками существования второго пролива являются С.Р. Тохтасьев, поместивший свою критику на электронном ресурсе Academia.edu (https://independent.academia.edu/Sergej_Tokhtasev) и позднее опубликовавший ее в отдельной статье [Тохтасьев, 2017], а также Я.М. Паромов, основывающийся на подводных археологических исследованиях у берегов Таманского полуострова [Паромов, 2015, с. 150]. Идея второго пролива отрицается и в упомянутой статье трех авторов, где она подменяется неким «замкнутым мелководным палеолиманом» [Гарбузов, Поротов, Сударев, 2017, с. 65–70]. По определению выдающегося антиковеда Ю.В. Андреева, такие важнейшие перекрестки морских путей, как Гибралтар или Боспор Киммерийский, служили идеальными контактными зонами, самой природой приспособленными для передвижения племен и народов, развития торговли, обмена информацией, распространения новых идей, являясь своеобразными «перевалами» или «мостами» в их бесконечном круговороте [Андреев, 2010, с. 12, 13]. Эти же функции Боспор Киммерийский исполнял и в доантичное время, соединяя

Паромов Я.М. Боспор Киммерийский ...

Прикубанье, Приазовье и Северный Кавказ с Крымом и Нижним Поднепровьем [Паромов, Гей, 2005, с. 321, 322]. Попробуем обобщить изложенное на предыдущих страницах. Одно лишь то обстоятельство, что в конце VII в. до н.э. греческие корабли проходили по Боспору Киммерийскому к устью Танаиса, приближаясь к проливу западным путем (так как путь вдоль юго-восточного побережья Понта еще не был освоен), одно лишь это исключает мысль о существовании какого-то второго пролива. Основание первых поселений на европейском и азиатском берегах Боспора, а не где-либо еще, святилище на мысе Такиль и якорные стоянки у мысов Тузла и Панагия укрепляют сказанное, поскольку в историческом ландшафте всего этого региона нет никаких признаков виртуального второго пролива.

Торговые связи самых ранних греческих поселений Таманского полуострова осуществлялись только водными путями. Вход во внутренние водоемы, на которых они располагались, открывался в двух местах. Первое находилось около мыса Тузла, в 10 стадиях (1,8 км) от поселка Корокондама, где Корокондамское озеро (современный Таманский залив) соединялось с морем (Страбон, XI, 2, 9). Вторым входом во внутренние воды являлось Пересыпское гирло (в древности рукав Гипаниса-Антикита), до настоящего времени соединяющее пресноводный Ахтанизовский лиман с Азовским морем (Меотидой). Оба эти входа были расположены у главного торгового пути, проходившего по Боспору Киммерийскому и далее вблизи меотийского берега. Первым путем, пройдя Корокондаму и войдя в Корокондамское озеро, можно было, плывя в восточном направлении, прийти в Гермонассу, Патрей и Кепы. Длина этого пути от Корокондамы до Кеп составляла около 32 км, или 180 стадий. Вторым путем через Пересыпское гирло можно было пройти и к поселению Ахтанизовская 4 (95), и к поселению Голубицкая 2 (221). Длина этого пути от входа в гирло до первого поселения составляла 3,2 км (18 стадий), до второго – 4,1 км (23 стадия). Вероятно, в рассматриваемое время можно было от Кеп добраться по воде до поселений Ахтанизовская 4 (95) и Голубицкая 2 (221), плывя в восточном направлении по рукаву Гипаниса-Антикита, соединявшему северную часть Ахтанизовского лимана с Корокондамским озером, реально существовавшему еще в XIX в. [Войцеховский, 1929–1930, с. 6; Миллер, 1931, с. 27]. Длина пути по этому руслу от Кеп до обоих поселений равнялась 16–16,5 км (около 90–93 стадий). Выгодные места первых поселений и удобные связи открывали хорошие перспективы для успешного освоения земель Азиатского Боспора.

Свободное расположение четырех городов на берегах Корокондамитиды (Гермонассы и Корокондамы – на южном, Патрея – на северном и Кеп – на восточном берегу), а также двух поселений – Ахтанизовская 4 (95) и Голубицкая 2 (221) – на ключевых позициях в Ахтанизовском лимане, свидетельствуют о беспрепятственном выборе наиболее удобных мест для жизни. О том же говорит отсутствие следов более раннего обитания человека в этих местах. Патрей, где были выявлены остатки поселения тудоровского этапа сабаатиновской культуры, не составляет исключения, поскольку между поселением этого периода и античными слоями существовал опре-

Боспорские исследования, вып. XXXVI

деленный хронологический разрыв [Абрамов, 2010, с. 530]. Следует отметить при этом, что среди упомянутых селений лишь Корокондама имела негреческое название [Сорокина, 1957, с. 50]. Сказанное вовсе не означает, что апойкии выводились в совершенно не обжитые места. В ту пору коренными жителями Нижнего Прикубанья и Приазовья являлись оседлые племена, обобщенно называемые меотами (синды, дандари, тореты, керкеты, меоты и другие). Жизнь новых поселений в значительной мере зависела от взаимодействия их обитателей с представителями местного населения. Анализируя процесс внедрения греков в период колонизации в иные культурные зоны Северного Причерноморья, А.Н. Щеглов выделял два основных типа, или две модели колонизации. Первый тип, по его мнению, отличает гибкость приспособления к самым разным местным условиям, контактность, способность восприятия, воспроизведения и переработки элементов чуждых культур. Второй тип – это более простая и жесткая модель внедрения греческих поселенческих структур в инокультурную среду; суть ее состоит в захвате территории и вытеснении негреческого населения, его полном или частичном подчинении, или же сочетании того и другого – частичном вытеснении и частичном подчинении представителей местных племен [Щеглов, 1993, с. 28, 29]. Вероятно, первый, более гибкий тип взаимодействия греков с местным населением, более подходит для характеристики колонизации Азиатского Боспора, а второй, более жесткий – для оценки этого процесса в Восточном Крыму.

В третьей четверти VI в. до н.э. число поселений на Таманском полуострове увеличилось с шести до 36 (рис. 3). Этот рост убедительно подтверждает высказанное выше предположение о характере его освоения. Очевидно, уже на первых этапах колонизации местное население было включено в активный процесс освоения Азиатского Боспора и составило значительную часть жителей ранних поселений и городов [Паромов, 1989, с. 78]. Это мнение было основано на данных разведок еще в то время, когда раскопки поселений практически не производились. Поэтому для нас в высшей степени показательны сведения о двух больших поселениях – Волна 1 (137) и Артюшенко 1 (150), исследуемых в настоящее время. О каждом из этих поселений, по данным архаических керамических комплексов, схожих с лепной посудой земледельческих племен Прикубанья, с уверенностью говорится, что среди их жителей с самого начала существования имелись (или составляли большинство) представители местного меотского или синдского населения [Соловьев, Бутягин, 2002, с. 78; Виноградов, 2006, с. 75]. Данный этап развития античной системы расселения на Таманском полуострове характерен появлением Фанагории – ярко выраженного центра всего Азиатского Боспора с большим числом поселений, земельными наделами и сетью дорог, охвативших практически всю территорию полуострова [Паромов, 1998; 2000; 2006, с. 368–372].

В этот же период произошло освоение юго-западного берега полуострова от мыса Тузла до мыса Панагия, где у поселения Волна 2 (138) ранее существовала вторая якорная стоянка для судов [Кондрашев, 1993], а также осуществилось дальнейшее продвижение вдоль берега Понта в восточном и юго-восточном направлении.

Паромов Я.М. Боспор Киммерийский ...

Главным результатом этого продвижения стало открытие третьего прохода во внутренние водоемы (лиманы Бугазский, Кизилташский, Цокур и Старотитаровский) через Бугазское гирло, находившееся около озера Соленого и поселения Артющенко 1 (150). Этот проход открыл доступы с воды к поселениям Вышестеблиевская 1 (173), Виноградный 2 (161), Веселовка 1 (151) и Таманский 3 (143), расположенным на берегах лимана Цокур, к поселению Старотитаровская 5 (193) – на Кизилташском лимане и поселению Стрелка 2 (210), находившемуся на высоком месте над речной поймой, там, где главное русло Гипаниса-Антикита расходилось на несколько рукавов. Доступ с воды к поселению Соленый 3 (90) – на берегу Малого Ахтанисовского (Соленого) лимана и к поселениям Стрелка 1 (209), Старотитаровская 13 (201) – на берегу Старотитаровского лимана, открылся в процессе освоения акватории Ахтанисовского лимана и рукавов Гипаниса от их впадения в названные лиманы до разветвления главного русла. Таким образом, в течение третьей четверти VI в. до н.э. сложилась единая система водных и сухопутных связей Таманского полуострова, включавшая проходы с моря во внутренние водоемы, доступ по воде ко всем поселениям, расположенным на их берегах, и развитую сеть дорог, соединявших поселения по суше с центром – Фанагорией и друг с другом.

Развитие морских связей Азиатского Боспора продолжилось как в рассматриваемое время, так и позже, в последней четверти VI в. до н.э. В этот период в трех бухтах – Анапской, Новороссийской и Геленджикской были основаны упомянутые в начале нашей статьи Торик, Бата и раннее поселение на месте Анапы. По общей культуре и присутствию в керамических комплексах сосудов меотского облика они были близки таманским поселениям Волна 1 (137), Артющенко 1 (150) и другим [Алексеева, 1990; 1991, с. 7–20; Онайко, 1970, с. 131–133; 1980, с. 84–90]. К этому следует добавить, что наиболее ранним центром речной торговли был Лабрис (Семибратнее городище), основанный в самом начале V в. до н.э. [Горончаровский, 2010, с. 52]. Он находился на левом берегу Гипаниса-Антикита в 48–50 км (270–280 стадий) к востоку от Фанагории и в 9–15 км (50–85 стадий) вверх по реке от места разделения ее на главные рукава (так называемые Новое и Старое русла). Город был окружен стеной и несколько веков являлся главным местом контактов Азиатского Боспора с земледельческим населением Прикубанья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П.* Патрей // АНК. Т. I. М. 2010. С. 528–539.
Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н.э.) // КСИА. Вып. 197. 1990. С. 19–30.
Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М. 1991.
Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М. 1997.
Андреев Ю.В. Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза // В ожидании «греческого чуда». Из записных книжек. СПб. 2010. С. 11–27.
Брашинский И.Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. 1968. С. 62–72.
Брашинский И.Б. Торговля // АГСП. М. 1984. С. 174–186.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб. 2006.
- Виноградов Ю.А.* Архаические комплексы поселения Артюшенко I // Таманская старина. Вып. 4. 2002. С. 61–66.
- Виноградов Ю.А.* Лепная керамика архаического времени с поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 1. СПб. 2006. С. 69–76.
- Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // ЗСКОАИЭ. Кн. 1 (3). Вып. 5–6. Ростов-на-Дону. 1929–1930. С. 4–9.
- Гайдукевич В.Ф.* О местоположении древней Тиритаки // МИА. № 4. М.–Л. 1941. С. 85–92.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л. 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. Вып. 116. 1969. С. 11–19.
- Гарбузов Г.П., Поротов А.В., Сударев Н.И.* К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // ДБ. 2017. Т. 21. С. 64–81.
- Горнчаровский В.А.* Лабрис (Семибратнее городище): итоги исследований 2001–2008 гг. // SUMBOLA. Вып. 1. Москва–Киев. 2010. С. 51–57.
- Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д.* Кепы // АНК. Т. I. М. 2010. С. 540–555.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А., Шлотцауер У.* Памятники северо-восточной части Таманского полуострова // АНК. Т. I. М. 2010. С. 556–580.
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритаки // ДБ. 2010. Т. 14. С. 220–232.
- Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л. 1947.
- Кондрашев А.В.* Подводные исследования у мыса Панагия // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар. 1993. С. 84–90.
- Кондрашев А.В.* Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Таманская старина. Вып. 3. СПб. 2000. С. 159–160.
- Кондрашев А.В.* Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // SUMBOLA. Вып. 1. Москва–Киев. 2010. С. 118–124.
- Копылов В.П.* Нижне-Донской культурно-исторический район в системе международных отношений (VII – первая треть III вв. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону. 2009. С. 28–38.
- Лебедева Е.В.* Греческая расписная керамика первой половины VI в. до н.э. из раскопок Мирмекия и Нимфея (опыт сравнительного анализа) // Боспорский город Нимфей. СПб. 1999. С. 44–46.
- Лордкипанидзе О.Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. 1979. С. 187–256.
- Макимова М.И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. № 33. М. 1954. С. 45–57.
- Миллер А.А.* Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. № 1. 1931. С. 26–29.
- Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А.* Новые данные о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. Сухум. 2011. С. 61–74.
- Молева Н.В.* Ландшафтное святилище в скалах на мысе Такиль: для кого и для чего? // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Нижний Новгород. 2017. С. 104–111.
- Онайко Н.А.* Разведки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА. № 1. 1970. С. 130–139.
- Онайко Н.А.* О работе Новороссийской экспедиции // АО 1971. М. 1972. С. 134–135.
- Онайко Н.А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М. 1980.
- Паромов Я.М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72–78.

Паромов Я.М. Боспор Киммерийский ...

- Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1. С. 216–225.
- Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. № 7. СПб. 2000. С. 309–319.
- Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время // ДБ. 2006. Т. 10. С. 365–388.
- Паромов Я.М. Краеугольный камень Таманской палеогеографии // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 137–153.
- Паромов Я.М., Гей А.Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // ДБ. 2005. Т. 8. С. 320–339.
- Сенаторов С.Н. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфей // Боспорский город Нимфей. СПб. 1999. С. 60–66.
- Соколова О.Ю. Нимфей // БРЭ. 2013. Т. 23. С. 51–52.
- Соловьев С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб. 2000. С. 94–111.
- Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. СПб. 2002. С. 67–80.
- Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М. 1957.
- Толстиков В.П. Пантикапей // БРЭ. 2014. Т. 25. С. 235–237.
- Тохтасьев С.Р. Еще раз о географии Таманского полуострова в древности // https://independent.academia.edu/Sergej_Tokhtasev.
- Тохтасьев С.Р. Еще раз о географии Таманского полуострова в древности // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2017. № 16. С. 28–44.
- Тугушева О.В., Толстиков В.П. Керамика восточно-греческих центров из раскопок Пантикапея // ДБ. 2015. Т. 19. С. 351–376.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
- Финогенова С.И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Т. 8. С. 422–442.
- Хрисанова О. 2005. Греческий клад в Сочи. Сочи.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Особенности поселений раннего железного века в приморской зоне Северо-Западного Кавказа // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. Сухум. 2011. С. 75–78.
- Шувалов П.В. 2008. Истрия // БРЭ. Т. 12. С. 144.
- Щеглов А.Н. К изучению механизма трансляций культур в северочерноморском ареале расселения греков // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. СПб. 1993. С. 28–29.
- Эрлих В.Р., Ксенофонтowa И.В., Джонсу А.И. Древнейшие контакты региона Диоскурии с античным миром. Эшерское городище в архаическую эпоху // Материалы Международной научно-практической конференции ко Дню города Сухум «Древняя Диоскуриада». Сухум. 2016. С. 20–35.

REFERENCES

- Abramov A.P. Patrei. ANK. T. I. M. 2010, pp. 528–539.
- Alekseeva E.M. Rannee poselenie na meste Anapy. (VI–V vv. do n.e.) KSIA. Вып. 197. 1990, pp. 19–30.
- Alekseeva E.M. Grecheskaia kolonizatsiia Severo-Zapadnogo Kavkaza. M. 1991.
- Alekseeva E.M. Antichnyi gorod Gorgippiia. M. 1997.
- Andreev Iu.V. Egeiskii mir: prirodnaia sreda i ritmy kul'turogeneza. V ozhidanii : grecheskogo chuda". Iz zapisnykh knizhek. SPb. 2010. Pp.11–27.
- Brashinskii I.B. K istorii Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia v antichnuui epokhu. Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. L. 1968, pp. 62–72.
- Brashinskii I.B. Torgovlia. AGSP. M. 1984, pp. 174–186.
- Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A. Mirmekii v svete novykh arkhelogicheskikh issledovanii. SPb. 2006.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Erlikh V.R., Ksenofontova I.V., Dzhopua A.I. Drevneishie kontakty regiona Dioskurii s antichnym mirom. Esherskoe gorodishche v arkhaiskuiu epokhu. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k dniu goroda Sukhum "Drevniaia Dioskuriada"*. Sukhum. 2016, pp. 20–35.
- Fedorov G.B., Polevoi L.L. *Arkheologiia Rumynii*. M. 1973.
- Finogenova S.I. Ocherk istorii Germonassy po materialam raskopok poslednikh let. *DB*. T. 8. 2005, pp. 422–442.
- Gaidukevich V.F. O mestopolozhenii drevnei Tiritaki. *MIA* № 4. M.–L. 1941, pp. 85–92.
- Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. M.–L. 1949.
- Gaidukevich V.F. O putiakh prokhozhdeniia drevnegrecheskikh korabei v Ponte Evksinskom. *KSIA*. Vyp. 116. 1969, pp. 11–19.
- Garbuzov G.P., Porotov A.V., Sudarev N.I. K obsuzhdeniiu rezul'tatov paleograficheskikh issledovaniy v del'te Kubani. *DB*. T. 21. 2017, pp. 64–81.
- Goroncharovskii V.A. Labris (Semibratnoe gorodishche): itogi issledovaniy 2001–2008 gg. *ΣΥΜΒΟΛΑ*. Vyp. 1. M.–K., 2010, pp. 51–57.
- Iessen A.A. *Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor'ia. Ee predposylki i osobennosti*. L. 1947.
- Khrisanova O. *Grecheskii klad v Sochi*. Sochi. 2005.
- Kondrashev A.V. Podvodnye issledovaniia u mysa Panagiia. *Drevnosti Kubani i Chernomor'ia*. Krasnodar. 1993, pp. 84–90.
- Kondrashev A.V. Korabel'naia stoianka u mysa Tuzla v Kerchenskom prolive. *Tamanskaia starina*. Vyp. 3. SPb. 2000, pp. 159–160.
- Kondrashev A.V. Novye issledovaniia u mysa Tuzla na Tamanskom poluostrove. *ΣΥΜΒΟΛΑ*. Vyp. 1. Moskva–Kiev. 2010, pp. 118–124.
- Kopylov V.P. Nizhnee-Donskoi kul'turno-istoricheskii raion v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii (VII – pervaiia tret' III v.do n.e.) *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia*. Rostov-na-Donu. 2009, pp. 28–38.
- Lebedeva E.V. Grecheskaia raspisnaia keramika pervoi poloviny VI v. do n.e. is raskopok Mirmekiia i Nimfeia (opyt sravnitel'nogo analiza). *Bosporskii gorod Nimfei*. SPb. 1999, pp. 44–46.
- Lordkipanidze O.D. K problem grecheskoi kolonizatsii Vostochnogo Prichernomor'ia (Kolkhidy). *Problemy grecheskoi kolonizatsii Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ia*. Tbilisi. 1979, pp. 187–256.
- Maksimova M.I. Kratkii put' cherez Chernoe morei vremia ego osvoeniia grecheskimi morekhodami. *MIA* № 33. M. 1954, pp. 45–57.
- Miller A.A. Tamanskaia ekspeditsiia GAIMK. *SGAIMK*. № 1. 1931, pp. 26–29.
- Mimokhod R.A., Skakov A.Iu., Kleshchenko A.A. Novye dannye o poseleniakhraiona Sochi v epokhu rannego zheleza (po materialam raskopok v Imeretinskoj nizmennosti) *Problemy arkheologii Kavkaza. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Iu.N. Voronova*. Sukhum. 2011, pp. 61–74.
- Moleva N.V. Landshaftnoe sviatilishche v skalakh na myse Takil': dlia kogo i dlia chego? *Artefakty i sakral'noe v istorii Bospora*. Nizhnii Novgorod. 2017. 104–111.
- Onaiko N.A. Razvedki antichnykh pamiatnikov v raione Novorossiska i Gelendzhika. *SA*. № 1. 1970, pp. 130–139.
- Onaiko N.A. O rabote Novorossiiskoi ekspeditsii. *AO* 1971. M. 1972, pp. 134–135.
- Onaiko N.A. *Arkhaicheskii Torik. Antichnyi gorod na severo-vostoke Ponta*. M. 1980.
- Paromov Ia.M. Obsledovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Tamanskogo poluostrova v 1984-1985 gg. *KSIA*. Vyp. 196. 1989, pp. 72–78.
- Paromov Ia.M. Glavnye dorogi Tamanskogo poluostrova v antichnoe vremia. *DB*. T. 1. 1998, pp. 216–225.
- Paromov Ia.M. O zemel'nykh nadelakh antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove. *AV*. № 7. СПб. 2000, pp. 309–319.
- Paromov Ia.M. Tamanskii poluostrov v ranneantichnoe vremia. *DB*. T.10. 2006, pp. 365–388.
- Paromov Ia.M. Kraeugol'nyi kamen' Tamanskoi paleografii. *KSIA*. Vyp. 241. 2015, pp. 137–153.

Паромов Я.М. Боспор Киммерийский ...

- Paromov Ia.M., Gei A.N. Pamiatniki epokhi kamnia i bronzy na Tamanskom poluostrove (kratkii obzor). *DB. T.8. 2005. pp. 320–339.*
- Senatorov S.N. O lepnoi keramike varvarского poseleniia na meste Nimfeia. *Bosporskii gorod Nimfei. Spb. 1999. pp. 60–66.*
- Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V. Osobennosti poselenii rannego zheleznogo veka v primorskoj zone Severo-Zapadnogo Kavkaza. *Problemy arkheologii Kavkaza. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Iu.N. Voronova. Sukhum. 2011. pp. 75–78.*
- Shuvalov P.V. Istriia. *BRE. T. 12. 2008, pp. 144.*
- Shcheglov A.N. K izucheniiu mekhanizma transliatsii kul'tur v severochernomorskom areale rasseleniia grekov. *Dinamika kul'turnykh traditsii: mekhanizm peredachi i formy adaptatsii. Spb. 1993, pp. 28–29.*
- Sokolova O.Iu. Nimfei. *BRE. T. 23. 2013. pp. 51–52.*
- Solov'ev S.L. Iz istorii polisov Nizhnego Pobuzh'ia: Borisfen i Ol'viia. *Antichnoe Prichernomor'e. Spb. 2000. pp. 94–111.*
- Solov'ev S.L., Butiagin A.M. Arkhaicheskie komplekсы poseleniia Volna 1 v okrestnostiakh Germonassy. *Tamanskaia starina. Vyp. 4. Spb, 2002, pp. 67–80.*
- Sorokina N.P. *Tuzlinskii nekropol'. M., 1957.*
- Tolstikov V.P. Pantikapei. *BRE. T. 25. 2014, pp. 235–237.*
- Tokhtas'ev S.R.. Eshche raz o geografii Tamanskogo poluostrova v drevnosti. <https://independent.academia.edu/SergejTokhtasev>.
- Tokhtas'ev S.R. Eshche raz o geografii Tamanskogo poluostrova v drevnosti. *Aristei. Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii. № 16. 2017, pp. 28–44.*
- Tugusheva O.V., Tolstikov V.P. Keramika vostochno-grecheskikh tsentrov iz raskopok Pantikapeia. *DB. T. 19. 2015, pp. 351–376.*
- Vinogradov Iu.A. Arkhaicheskie komplekсы poseleniia Artiushchenko I. *Tamanskaia starina. Vyp.4, 2002, pp. 61–66.*
- Vinogradov Iu.A. Lepnaia keramika arkhaicheskogo vremeni s poseleniia Artiushchenko I na Tamanskom poluostrove. *Zapiski IIMK RAS. № 1. Spb. 2006, pp. 69–76.*
- Voitsekhovskii S.F. Opyt vosstanovleniia rel'efa Tamanskogo poluostrova primenitel'no k epokhe Strabona i pozdneishemu vremeni. *ZSKOAIIE. 1 (3). Vyp. 5–6. Rostov-na-Donu, 1929–1930. pp. 4–9.*
- Zhuravlev D.V. Kuznetsov V.D. Кепы. *ANK. T. I. M.2010, pp. 540–555.*
- Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A., Shlotsauer U. Pamiatniki severo-vostochnoi chasti Tamanskogo poluostrova. *ANK. T. I. M.: 2010, pp. 556–580.*
- Zin'ko V.N. Osnovanie i stanovlenie Tiritaki. *DB. T. 14. 2010, pp. 220–232.*

Резюме

В конце VII в. – первой половине VI в. до н.э. морские торговые пути в Северном Причерноморье не представляли замкнутого кольца. Колонизационная деятельность греков осуществлялась здесь вдоль западного берега Понта, по Боспору Киммерийскому и Меотиде. Первым поселением на европейской стороне Боспора стал Пантикапей (рубеж VII–VI вв.), на азиатской – вероятно, Корокондама (начало VI в.) (рис. 1). Следующим этапом явилось основание во второй четверти VI в. Нимфея и Мирмекия – на европейской стороне и пяти поселений (Гермонасса, Патрей, Кепы, Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2) – на Таманском полуострове (рис. 2). В третьей четверти VI в. число поселений на Таманском полуострове возросло до 36. На этом этапе здесь сложилась единая система торговых связей: внутренних водных путей и сети дорог, соединявших поселения с центром Азиатского Боспора Фанагорией и друг с другом (рис. 3). Касаясь гипотезы о существовании еще одного пролива,

Боспорские исследования, вып. XXXVI

«дублирующего» Боспор Киммерийский, необходимо отметить, что размещение ранних поселений, формирование связей и весь исторический ландшафт региона свидетельствуют о несостоятельности этого виртуального пролива.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Понт, Меотида, Азиатский Боспор, Таманский полуостров, торговля, колонизация, связи, пути, поселения.

Summary

At the end of the 7th - the first half of the 6th century BC sea trade routes in the Northern Black Sea region did not represent a ring. The colonization activity of the Greeks was carried out here along the western coast of Pontus, along the Cimmerian Bosphorus and Meothis. The first settlement on the European side of the Bosphorus was Panticapaeum (the boundary of the 7th-6th centuries), on the Asian one - probably Korokondama (the beginning of the 6th century) (Fig. 1). The next stage was the foundation of Nymphaeum and Myrmekion - on the European side and five settlements (Hermonassa, Pathrei, Кепа, Akhtanizovskaia 4 and Golubitskaya 2) - on the Taman Peninsula (Figure 2) in the second quarter of the 6th century. In the third quarter of the 6th century, the number of settlements on the Taman Peninsula increased to thirty-six ones. At this stage, there was a unified system of trade links: inland waterways and a network of roads connecting the settlements with the center of the Asiatic Bosphorus with Fanagoria and with each other (Figure 3). Concerning the hypothesis of the existence of another strait, «duplicating» the Cimmerian Bosphorus, it should be noted that the location of early settlements, the formation of links and the entire historical landscape of the region indicate the failure of this virtual strait.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Pontus, Meothis, Asian Bosphorus, Taman Peninsula, trade, colonization, communications, roads, settlements.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).
+7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paromov Iakov Maksimovich, CSc
Researcher of the Institute of Archaeology RAS (Moscow)
+7(495) 936-56-85
E-Mail: kukuoba@yandex.ru

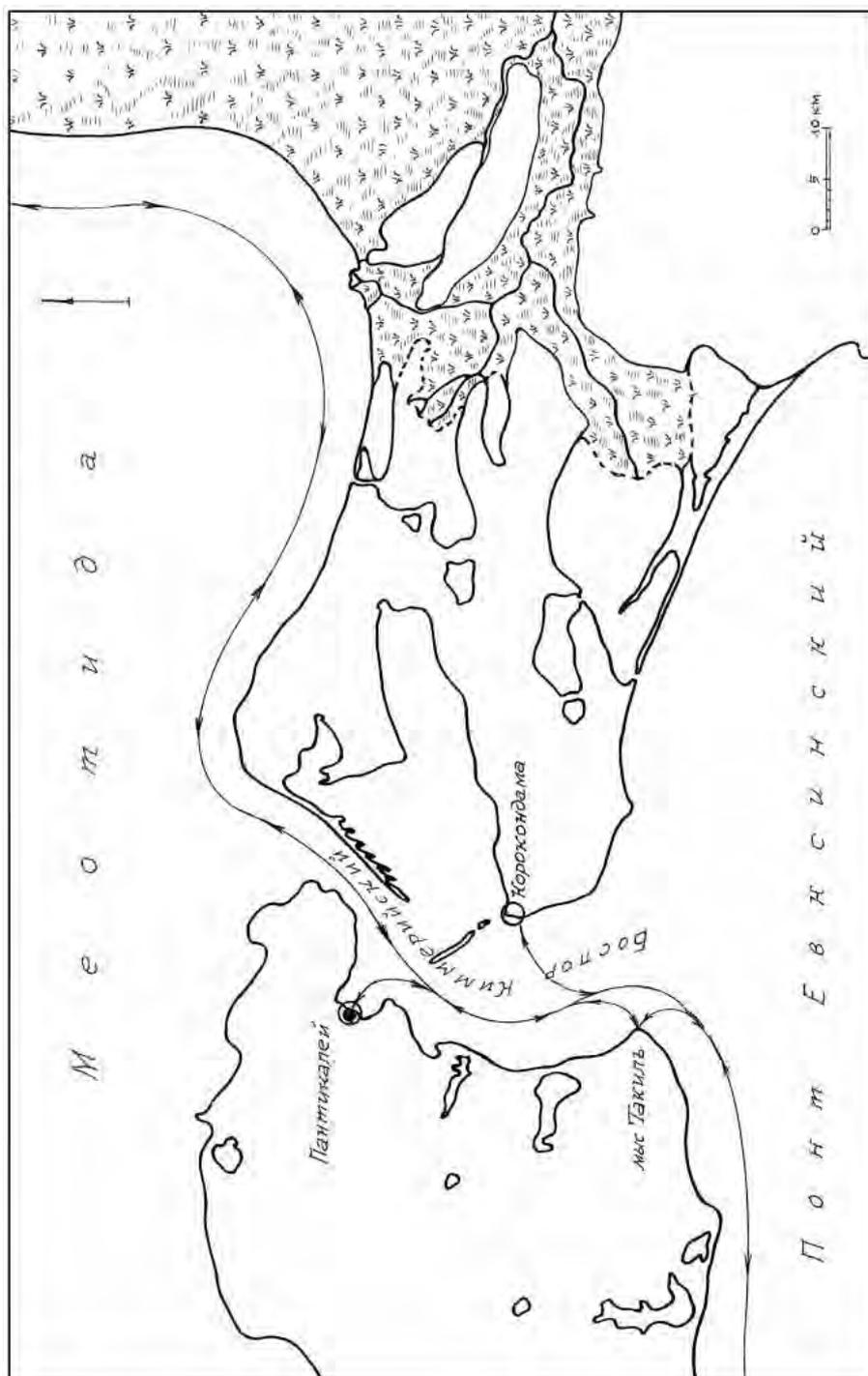

Рис. 1. Боспор Киммерийский. Первая четверть VI в. до н.э.

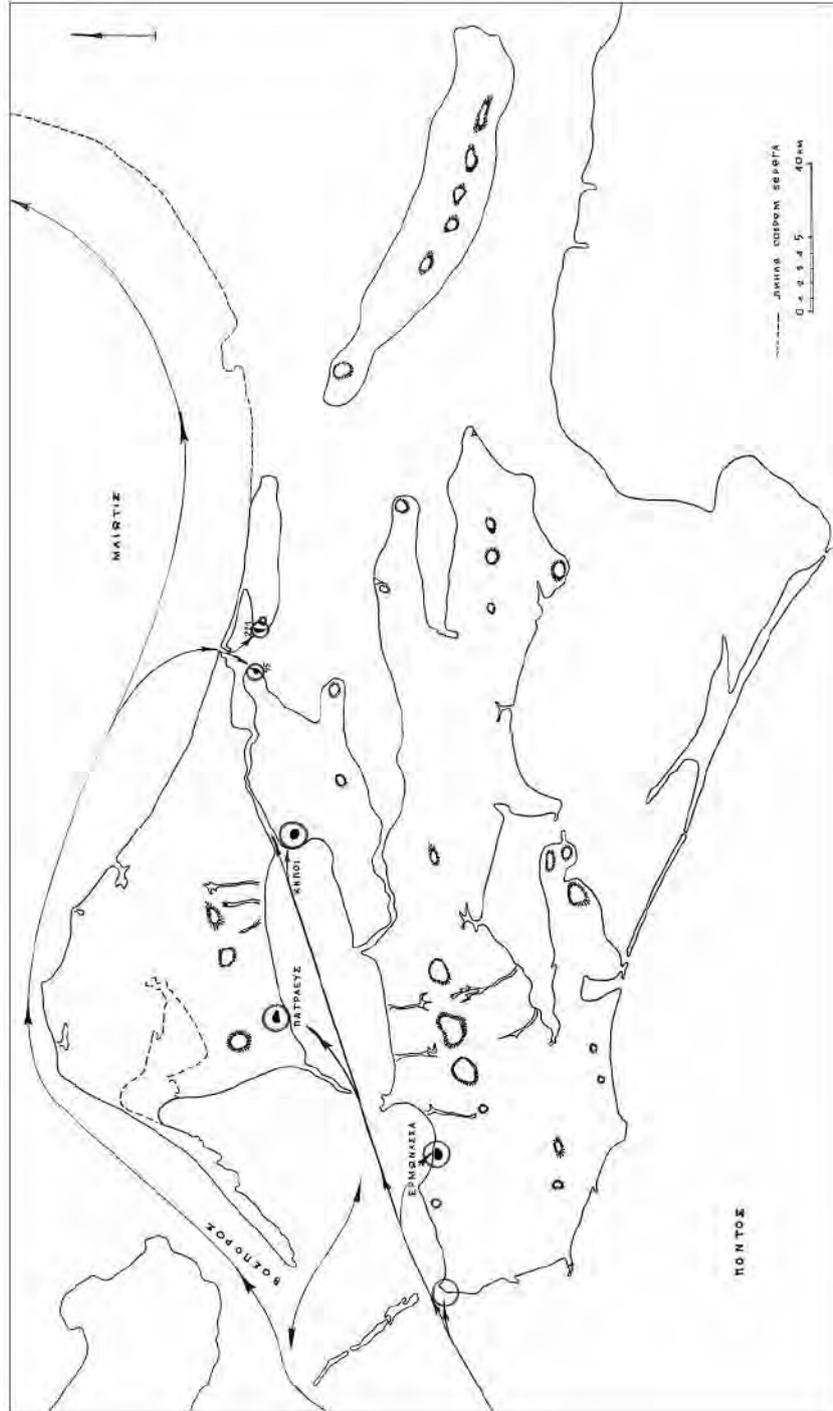

Рис. 2. Таманский полуостров. Вторая четверть VI в. до н.э.

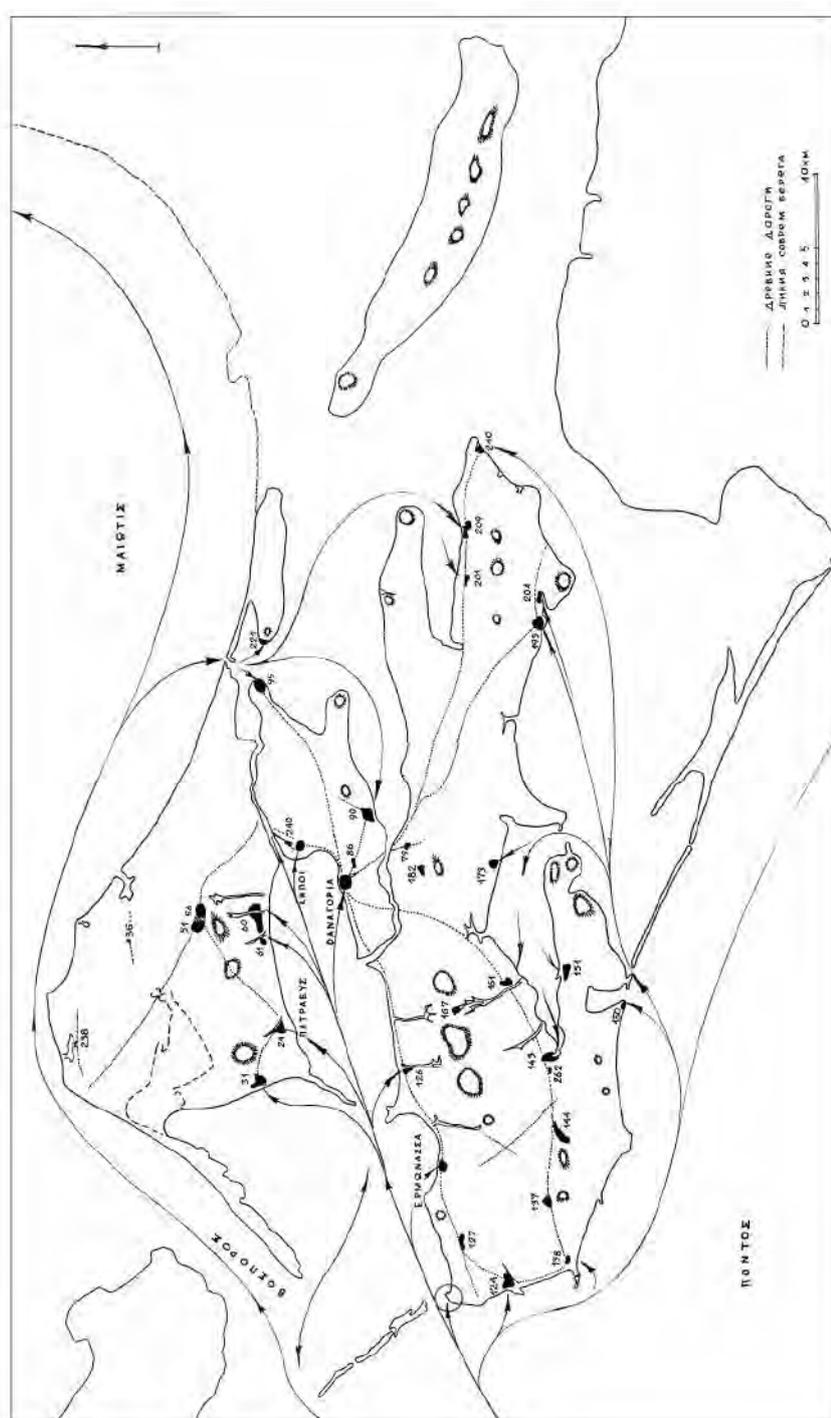

Рис. 3. Таманский полуостров. Третья четверть VI в. до н.э.

Д.Е. ЧИСТОВ
D.E. CHISTOV

**ИМПОРТ ТОВАРОВ В АМФОРНОЙ ТАРЕ НА БЕРЕЗАНСКОЕ
ПОСЕЛЕНИЕ В VI – V вв. до н.э.**

(по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.)

**IMPORTATION OF GOODS IN TRANSPORT AMPHORAE TO THE
BEREZAN ISLAND SITE IN 6th – 5th CENTURIES BC
(based on excavations of the sector “O-Western” in 2004–2016)**

Изучение комплексов архаического и раннеклассического периодов, содержащих керамическую тару, а также массового амфорного материала Березани имеет исключительно важное значение как для понимания изменений в структуре северопричерноморской торговли этого раннего времени, так и для уточнения хронологических рамок ввоза сосудов определенных типов. Березанское поселение благодаря отсутствию поздних наслоений дает уникальную возможность исследовать архаические горизонты широкими площадями, получая при этом репрезентативные серии находок. Особенно велико значение амфорных материалов Березани для уточнения динамики импортов и эволюции отдельных типов амфор VI в. до н.э., поскольку недостаточное количество комплексов с целыми сосудами этого времени оставляет пока множество пробелов в наших знаниях [Monakhov, Kusnetsova, 2017, p. 63–65]. Кроме того, памятник хорошо стратифицирован, а исследованные слои и комплексы в подавляющем большинстве случаев могут быть уверенно отнесены к периодам и фазам, имеющим продолжительность 20 – 50 лет. В двух случаях границы между фазами соотносятся с краткосрочными событиями в масштабе всего поселения (появление уличной сети и начало массового строительства в начале третьей четверти VI в. до н.э., вероятно, как результат прибытия второй волны колонистов; далее – пожары и разрушения несколькими десятилетиями позже). Это открывает широкие возможности работы с большими выборками различных категорий массового материала, находки которого могут учитываться в соответствии с имеющейся периодизацией. Разумеется, при таком подходе необходимо иметь в виду искажения, неизбежно вносимые в статистику находок примесями из более ранних слоев, которые становятся тем более значительными, чем дольше и интенсивнее ведется жилая и хозяйственная активность на поселении, однако для выявления общих тенденций и синхронизации определенных категорий находок он вполне эффективен.

Одним из результатов систематических исследований Березани последних полутора десятилетий стало создание уточненной периодизации его существования, базирующейся, в первую очередь, на стратиграфических наблюдениях. Основой этой схемы послужила периодизация, предложенная С. Л. Соловьевым [Соловьев, 1994, с. 87–93; Соловьев, 1996; Соловьев, 2005, с. 13–14]. Новые раскопки позволили вне-

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной ...

сти в нее корректировки; к настоящему времени представляется, что смена основных строительных периодов и фаз в равной мере прослеживается на всех исследованных участках Березани, будучи проявлением общих процессов в развитии архаической колонии. Важно заметить, что районы городской застройки VI – первой трети V вв. до н.э., в жизненном цикле которых проявлялись бы какие-то яркие аномалии, на сегодняшний день не обнаружены. Так, возобновленные в 1990-х гг. раскопки в северо-восточной части поселения не подтвердили специфические особенности в развитии этого участка, ранее предполагавшиеся на основе публикаций В. В. Лапина [Лапин, 1966, с. 108; Solovyov, 1999, p. 101, 109–112], но, напротив, продемонстрировали общие тенденции в застройке этого и северо-западных участков поселения и позволили уточнить хронологию основных строительных периодов [Чистов и др., 2012, с. 120–123].

Общая для исследованных участков Березани периодизация к настоящему времени выглядит следующим образом. Горизонт наиболее раннего, I строительного периода (конец VII – первая половина VI вв. до н.э.) представлен многочисленными заглубленными в грунт объектами – полуземлянками и хозяйственными ямами, фиксируемыми, как правило, лишь с уровня предматерикового слоя – погребенной почвы. Выраженные культурные напластования этого времени практически не выделяются. Какие-либо комплексы, определенно датированные ранее концом VII в. до н.э., на Березанском поселении до сих пор не обнаружены [Solovyov, 1999, p. 3-4]. В рамках I строительного периода нередко определяются более ранние и более поздние объекты [Чистов и др., 2012, с. 15–18], однако выделение их в отдельные стратиграфические фазы невозможно в силу того, что культурный слой этого времени довольно слабо выражен. Пока можно говорить лишь о взаимной хронологии отдельных комплексов этого времени в тех случаях, когда она определяется по стратиграфии.

II строительный период охватывает хронологический отрезок существования на Березани урбанизированного центра продолжительностью приблизительно с 540-х гг. до н.э. до 480-х – 460-х гг. до н.э. [Чистов и др., 2012, с. 72, 106–108, 120-121]. Именно на протяжении этого периода культурный слой Березанского поселения формировался наиболее интенсивно благодаря возведению каменно-сырцовых жилых домов, их разрушениям и перестройкам. В стратиграфии памятника переход от I ко II периоду маркируется нивелировочными слоями, посредством которых выравнивали пространство, ранее занятое землянками и ямами первой пол. VI в. до н.э. и строительными остатками наиболее ранних многокамерных домов. Цоколи стен последних нередко возводились практически с уровня погребенной почвы. В рамках II периода отчетливо выделяются две фазы (II-A и II-B), для которых рубежом служат напластования пожарищ, разрушений и последующие перестройки домов, подвергшихся разрушению. Вызвавшие их неустановленные события имели место приблизительно в конце третьей или в последней четверти VI в. до н.э. Примечательно, что перестройки фазы II-B, как правило, затрагивали лишь внутреннюю планировку домохозяйств, почти не меняя

Боспорские исследования, вып. XXXVI

очертания городской уличной сети [Solovyov, 1999, p. 8, 79; Ćistov, 2012, p. 239-240]. Вместе с тем, внутриквартальные участки могли в это время менять свою функцию: так, на месте жилых домов на участке «О-Западный» возводятся два здания, вероятно, общественного назначения [Чистов, Ильина, 2012]. Завершение фазы II-B связано с неуставленными событиями, в результате которых поселение было оставлено большинством жителей. Точная хронология этого процесса пока неизвестна; можно лишь предполагать, что он имел место приблизительно между 480-ми гг. до н.э. и серединой V в. до н.э.

Следующий, III период – это время деградации Березанского поселения и разительного изменения его облика в середине – второй половине V в. до н.э. [Копейкина, 1981, с. 206–208; Доманский, Виноградов, Соловьев, 1989, с. 38; Solovyov, 1999, p. 98–113]. Культурный слой этого времени фиксируется лишь на отдельных участках и соотносится с немногочисленными строительными комплексами, среди которых присутствуют как полуземлянки [Solovyov, 1999, p. 101-109; Чистов и др., 2012, с. 106], так и отдельные наземные дома из камня и сырцового кирпича [Чистов, Ильина, 2015]. Насколько был велик временной интервал между возникновением этих комплексов, существовала ли хронологическая лагуна в заселении Березанского поселения во второй четверти – середине V в. до н.э. или же жизнь в некоторых частях поселения не прерывалась – пока неясно, хотя изменения в строительной традиции и частичный возврат к строительству землянок свидетельствуют, скорее, в пользу первого предположения.

В настоящей работе для определения динамики ввоза на Березанское поселение товаров в амфорах использованы данные статистики находок керамической тары из раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг. Исследованная за эти двенадцать полевых сезонов площадь поселения составила около 3000 кв. м. Подсчеты велись по целым амфорным ножкам без учета поправочных коэффициентов средних объемов тары¹. Общая выборка за указанные годы составляет 4423 ножки сосудов различных центров производства². В ней были зафиксированы находки, происходящие как из датированных комплексов (землянки, помещения, хозяйственные ямы), так и находки из напластований, связанных со строительными остатками определенного периода или фазы, т.е. имеющих хронологические рамки формирования (слои на территории дворов, улиц и т.п.). Как видно из сводной таблицы (рис. 1), количественное распределение находок ножек по периодам очень неравномерно, что, несо-

¹ Подсчет по целым амфорным ножкам наиболее точен, если необходимо определить количественное соотношение амфор различных типов в большой выборке. Наиболее существенным недостатком этого метода является неполное отображение ассортимента центров производства: редко встречающиеся сосуды выпадают из рассмотрения [Ломтадзе, 2015, с. 30]. Тем не менее, для понимания динамики амфорного импорта он вполне эффективен. Определение коэффициентов объемов для архаических амфор пока осложняется недостаточной изученностью их стандартизации.

² Аналогичная статистика за 2004–2015 гг. публиковалась ранее [Чистов, 2017]. В настоящей статье она приводится с учетом данных раскопок 2016 г.

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной ...

мненно, отражает изменения в интенсивности торговой и хозяйственной активности на исследованной территории. Так, для первой половины VI в. до н.э. (период I) выборка составляет 762 ножки, а для фазы II-A, очевидно, охватывающей хронологический отрезок менее второй половины того же столетия, она почти втрое больше (1951). Впоследствии объемы амфорного импорта снова сокращаются: для фазы II-B выборка составляет 1052, а для классического III периода – 658 единиц³.

Для структуры амфорного импорта Березани первой половины VI в. до н.э. характерно абсолютное преобладание Милета, Клазомен и Лесбоса – количество сосудов этих центров в комплексах I периода при подсчете по амфорным ножкам превышает 80%, при этом доли самих этих центров довольно близки (25–30%).

На стратиграфическую фазу II-A, т.е. на третью четверть VI в. до н.э., приходятся важные изменения в структуре импорта товаров в амфорной таре (рис. 2-3). Суть этих изменений сводится к тому, что доля таких наиболее важных для первой половины VI в. до н.э. центров, как Милет и Клазомены, резко сокращается. В обоих случаях наблюдается падение импорта более чем в полтора раза (Милет – с 25,7% до 15,5%, Клазомены – с 30,6% до 19,9%). Вдвое падает и количество самосских амфор (с 4,7% до 2,3%). На этом фоне демонстрирует некоторый рост эолийский импорт: суммарная доля лесбосских красноглиняных и сероглиняных амфор увеличивается с 24,9% до 32,3%. Еще значительно растёт доля керамической тары Хиоса – с 5,6% до 13,02%. Кроме того, заметную роль начинает играть пока неустановленный центр, керамическая тара которого известна как «протофасосские» и «самосские» амфоры по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 137–142, табл. I.3, V.15, VI.15], амфоры неизвестного центра на сложнопрофилированной ножке, Иония β, Иония I. Место их производства относят как к северной Эгеиде [Dupont, 1999, p. 153; Монахов, 2003, с. 37], так и к Ионии [Bîrzescu, 2012, S.124; Sezgin, 2012, p. 259–271, 325].

Стратиграфические наблюдения, сделанные в ходе раскопок Березанского поселения, подтверждают представления о том, что эти сосуды начинают поступать в Северное Причерноморье немногим ранее середины VI в. до н.э. [ср. Монахов, 1999, с. 69-70]. В заполнении полуземлянок и хозяйственных ям первой половины того же столетия их находки немногочисленны (5,5%). По большей части они, вероятно, представляют собой случайные примеси из более поздних напластований; крупные фрагменты амфор этого типа начинают встречаться только в «рубежных» комплексах, датируемых концом второй четверти – серединой VI в. до н.э. Вместе с тем, в слоях фазы II-A «протофасосские» тарные сосуды занимают уже 12,5% при подсчете по амфорным ножкам.

³ Необходимо заметить, что реальная продолжительность стратиграфической фазы II-B определена менее точно, чем предшествующей, поэтому такая разница необязательно может свидетельствовать о резком сокращении импорта в начале – первой трети V в. до н.э. Кроме того, в выборку не попали амфорные находки из верхних гумусированных слоев поселения, относящиеся по большей части именно к напластованиям этого времени.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Указанные тенденции находят свое развитие и в последующее время, в конце VI – начале V вв. до н.э. В комплексах и напластованиях позднеархаической фазы II-B наиболее значительная доля по-прежнему принадлежит керамической таре Лесбоса. Суммарно в материалах раскопок 2004–2016 гг. эолийские красноглиняные и сероглиняные сосуды (амфоры Митилены) составляют 32,8 % от всей выборки. Почти неизменной в сравнении с данными предшествующей фазы остается и доля центра, выпускавшего «протофасосские» амфоры (12,7%). Продолжается устойчивый рост доли амфор Хиоса, фиксируемый с третьей четверти VI в. до н.э. Количество амфор Хиоса для фазы B-2 составляет 17,3%,⁴ т.е. демонстрирует увеличение приблизительно в 5% по сравнению с фазой II-A. Вместе с тем, в керамических материалах фазы II-B наблюдается некоторое снижение доли амфор Милета и Клазомен: по всей видимости, это связано с прекращением экспорта товаров в амфорах из этих городов в начале V в. до н.э. в ходе Ионийского восстания. Отличительной особенностью напластований конца VI – первой четверти V вв. до н.э. можно считать появление новых центров – экспортеров товаров в амфорах, соотносимых с Северной Эгеидой, т.е. позднеархаических - раннеклассических амфор Фасоса, Менде и т.н. амфор «круга Фасоса». Общее их количество сравнительно невелико: в находках 2004–2016 гг. северозегейские амфорные импорты составляют около 2,9%. Профильные фрагменты амфор других, не упомянутых выше центров, в том числе аттических амфор типов SOS и “à la brosse”, Коринфа А, неустановленных восточнотрипольских центров, в т. ч. амфор типа Пабул Бурну / Созополь 477 /, Истрия 1388 и др., в выборках периодов I и II присутствуют в незначительных количествах (рис. 1) – доля каждого не превышает 0,5%.

Материалы третьего, классического периода наглядно демонстрируют значительные изменения в составе амфорного импорта, произошедшие к середине – второй половине V в. до н.э. (рис. 2-3). Лидирующие позиции к этому времени прочно завоевывает о. Хиос: керамическая тара этого центра составляет 35,7% от общего объема амфорных находок. Кроме того, весьма заметной становится доля производителей Северной Эгеиды: на амфоры Фасоса, круга Фасоса и Менды суммарно приходится 14,6% найденных амфорных ножек. В их составе довольно заметны т.н. амфоры на высоких ножках с раздутым горлом, в качестве центра производства которых недавно был предложен г. Аинос на фракийском побережье [Монахов, 2016, с. 114; 2017, с. 87], их доля составляет 2,4%. К этому же времени заметно снижается количество амфор Лесбоса (до 25,5%).

Необходимо заметить, что статистические данные по напластованиям III периода в наибольшей степени искажены случайными примесями из более ранних слоев второй половины VI – первой трети V вв. до н.э. О масштабе этих искажений можно судить по суммарной доле милетских, клазоменских, «протофасосских» амфор,

⁴ С учетом примесей ранних хиосских амфор с белой обмазкой, количество которых в этих слоях незначительно – 0,67%.

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной ...

определенно не поступавших на поселение во второй половине V в. до н.э. – в находках ножек она составляет около 20%. Если же ограничить выборку III периода исключительно заполнением хозяйственных ям и подвальных помещений середины – второй половины V в. до н.э., то картина заметно меняется: из 232 ножек или нижних частей амфор, найденных в этих комплексах, на долю Хиоса приходится уже 45,7%, Фасоса и других североэгейских центров – 22,8%, доля же Лесбоса сокращается до 16,6%. Примеси амфор второй пол. VI в. – первой пол. V в. до н.э. (Милета, Самоса, Клазомен, «протофасосских» амфор) в этой выборке также присутствуют, но в намного меньших пропорциях – от 1% до 4%.

Представленные выше данные дают общее представление об относительных масштабах и хронологических рамках ввоза на Березанское поселение амфорной тары лишь тех центров, чей импорт был наиболее массовым. Эта картина выглядит неполной без рассмотрения встречаемости отдельных, более редких типов, находки которых могут быть представлены крупными профильными фрагментами, но либо не попадают в статистику находок амфорных ножек, либо очень слабо в ней отражаются. На некоторых из них мы остановимся ниже.

В составе находок амфорной тары Клазомен присутствуют фрагменты амфор т.н. типа «Лебеди V» (по находке из погребения 8 кургана 11 могильника Лебеди V в степном Прикубанье) [Монахов, 2003, с. 51-52, табл. 32.1]. Эти амфоры имеют короткое горло и своеобразную «луковицеобразную» («bulbous body» в англоязычной литературе) форму тулова – резкий переход от короткого горла к плечикам, широкая средняя часть тулова и вытянутые пропорции в нижней части, переходящей к ножке [Cook, Dupont, 1998, p. 155, notes 78-79]. Принадлежность амфор этого типа к клазоменскому производству дискутируется, равно как и хронологические рамки их производства. С.Ю. Монахов относит амфору из могильника Лебеди V к наиболее ранним вариантам клазоменской тары конца VII – начала VI вв. до н.э., а схожие сосуды, однако лишенные орнаментации полосами краски и имеющие отличную от «классической клазоменской» глину, к продукции «круга Клазомен» (т.е. близких Клазоменам ионийских центров), также датирует концом VII – первой половиной VI вв. до н.э. [Монахов, 2003, с. 54, 263, табл. 33.5-6]. Ю. Бырзеску относит эти амфоры к типу 4 клазоменской амфорной тары, несколько вариантов которого датируются в рамках первых двух четвертей VI в. до н.э. [Bîrzescu, 2012, S. 98–100]. Ю. Сезгин ранее выделял амфоры со сходными морфологическими характеристиками в особую группу «Иония γ», предполагая, что они могут принадлежать какому-то центру, располагавшемуся неподалеку от Клазомен и находившемуся под их влиянием [Sezgin, 2012, p. 289–292, 326]. Недавно в качестве центра им был предложен Теос [Sezgin, 2017].

Хронология амфор круга Клазомен с «луковицеобразным» туловом может быть уточнена благодаря находкам целых сосудов в датированных контекстах. В комплексах Березанского поселения второй пол. VI в. до н.э. крупные фрагменты таких амфор определенно не встречаются. Имеющиеся в нашем распоряжении находки относятся

к различным вариантам этого типа. К ранней серии можно отнести целую амфору (рис. 4.2), найденную в полуземлянке СК 63 первой половины VI в. до н.э. Своими размерами и пропорциями она сходна с сосудом, ранее найденным на Березани в землянке 39 Северо-западного участка «Б» [Dupont, 2005, p. 63, kat. 23], заполнение которой датировалось первой – началом второй четверти VI в. до н. э. От более типичных образцов амфорной тары Клазомен этого же времени (ср. рис. 4.1)⁵ она отличается в основном удлинёнными пропорциями нижней части. Вторая, поздняя серия представлена двумя амфорами (рис. 4.3-4): они меньше по размерам и имеют более ярко выраженные «луковичные» пропорции тулова. Эти сосуды происходят из заполнения хозяйственных ям 162 и 234, датирующихся по совокупности находок второй четвертью и серединой VI в. до н. э. соответственно, т.е. концом I периода.

В отдельных фрагментах этот тип сосудов не всегда выделяется, поскольку форма венчика и ножки, схема орнаментации тулова широкими полосами красной краски и визуальные характеристики глины у таких амфор не имеют существенных отличий от прочих клазоменских амфор конца VII – первой половины VI вв. до н. э. Таким образом, амфорная тара Теоса, если она действительно принадлежит этому центру, учитывается нами как клазоменская. Не имея достоверной статистики, можно лишь отметить, что в количественном отношении она составляет существенную долю клазоменского импорта в слоях Березанского поселения указанного периода. Можно заметить, что отсутствие амфор указанного типа в комплексах Березани второй половины VI в. до н.э. хорошо соответствует исходу теосцев из родного города в Абдеры после его захвата Гарпагом в 546 г. до н.э. (Hdt. I, 168), а резкое снижение общей доли амфор Клазомен и «круга Клазомен» с третьей четверти VI в. до н.э. (фаза II-A), по-видимому, также напрямую соотносится с этими событиями.

Другим достаточно редким типом, хронологию которого возможно уточнить благодаря хорошо датированным комплексам Березани, являются амфоры неустановленного (вероятно, южноионийского) центра типа Созополь 477 / Пабул Бурну / Истрия 1388 [Bîrzescu, 2012, S. 347, Taf. 72, kat. 1388; Greene, Lawall, Polzer, 2008, p. 693-694, fig. 8-9; Dupont, 2005, p. 44, 60, 69 No.83]. Профильные фрагменты этих амфор регулярно встречаются в слоях Березанского поселения VI в. до н.э., однако в незначительных количествах: в нашей статистике 2004–2016 гг. зафиксированы всего 20 ножек этого типа, большинство (11) из которых найдено в слоях фазы II-A.

Фрагменты амфор этого типа легко выделяются благодаря очень специфической профилировке: для них характерен подтреугольный в сечении венец, высокоподнятые уплощенные ручки, раздутое горло с характерными изломами на уровне верх-

⁵ Амфора (БЭ 2012.47/241) найдена в заполнении хозяйственной ямы 186 первой пол. VI в. до н.э. Своими пропорциями она соответствует ранним вариантам 5-го типа керамической тары Клазомен, относимым Ю. Сизгином по сосудам из погребений клазоменского некрополя к первой четверти VI в. до н.э. [Sezgin, 2012, p. 76, Kla 5.01, 5.03].

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной ...

него прилепа ручек и у перехода от горла к плечикам, высокая, как правило, плоско срезанная снизу ножка с глубокой ямкой. За последние годы найдены один целый и один фрагментированный сосуды, позволяющие судить об их морфологии в целом. Они происходят из заполнения хозяйственной ямы 254 второй четверти – середины VI в. до н.э. (рис. 5.1 БЭ 2017 47/378) и заполнения большой прямоугольной полуземлянки 73 середины VI в. до н.э. (рис. 5.2 БЭ 2016.58/334). Крупные профильные фрагменты амфор этого типа на Березани находились и ранее, также в основном в заполнении объектов второй четверти VI в. до н.э. [Dupont, 2005, p. 44, 60, 69 No.83; Ильина, Чистов, 2012, с. 24, 71, табл. 14.1], этим же временем датируется и корабль, груз которого содержал фракционную амфору того же типа, затонувший у побережья Пабуч Бурну к юго-востоку от Бодрума (античного Галикарнасса) [Greene, Lawall, Polzer, 2008, p.693-694, fig. 8-9]. Поскольку при этом наибольшее количество ножек амфор типа Пабуч Бурну обнаружено в слоях фазы II-A, соотносимой с быстрой урбанизацией Березанского поселения с 540-х гг. до н.э., время выпуска этих амфор, вероятно, находится в рамках второй – начала третьей четверти VI в. до н.э.

Находки амфорной тары центров материковой Греции – Аттики и Коринфа в архаических слоях Березанского поселения представлены немногочисленными фрагментами и в приведенной статистике (рис. 1) отражены слабо. Отдельные профильные фрагменты аттических амфор типов SOS (рис. 5.5) и “a la brosse” встречаются во всех архаических слоях [Чистов и др., 2012, с. 170, табл. 13], в основном первых трех четвертей VI в. до н.э. (I, II-A). Горло тарной амфоры (рис. 5.4) “a la brosse” (Агора 1502) относится к типу, появляющемуся во второй трети VI в. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970, p. 341 No.1502]. В основном эти сосуды датируются уже второй половиной столетия [Birzescu, 2012, S.182-183, No. 1366, Taf. 69, 80]. Хозяйственная яма 151, в заполнении которой оно было найдено, содержит смешанный материал первых трех четвертей VI в. до н.э. Профильные фрагменты горл и ножек амфорной тары Коринфа присутствуют в основном в слоях второй половины VI в. до н.э. (фазы II-A, II-B), в комплексах I периода их очень мало [Чистов и др., 2012, с. 169, табл. 12]. Большинство из этих находок относится к типу Коринф А [Келер, 1992, с. 268-269, табл. 1b-c], точнее говоря, к 4-му варианту этого типа, датируемому по находкам в некрополе Камарины в рамках второй половины VI – начала V вв. до н.э. [Sourisseau J.-C., 2006, p. 137–140, fig. 6]. В Ольвии этот тип также известен в комплексе третьей четверти VI в. до н.э. [Буйских, Монахов, 2009, с. 140, рис. 3, № 5]. Находки коринфских амфор типа «B», профилировка которых характерна для V в. до н.э. [Келер, 1992, с. 266–269, табл. 1-a,b; с. 272–274, табл. 3-b], крайне немногочисленны и встречаются только в слоях позднеархаической фазы II-B2 [Чистов и др., 2012, табл. 12.9-10].

Благодаря эпизодическим находкам в последние десятилетия в материалах раскопок Березани был выявлен [Дюпон, Назаров, 2003; Ильина, Чистов, 2012, с. 24, табл. 14.3] импорт средиземноморских (кипрских или левантийских) амфор типа basket-handle [Humbert, 1991, S. 583-584, Fantalkin, 2001, p. 95-96, fig. 34,5; Greene,

Leidwanger, Özdas 2011]. Эти амфоры пока представлены лишь обломками их массивных ручек (рис. 5.6-7), встречающихся как в комплексах первой пол. VI в. до н.э. (период I), так и третьей четверти того же столетия (фаза II-A). Отсутствие среди находок крупных профильных фрагментов доньев и венчиков (последние, возможно, неправильно атрибутировались в ходе полевой обработки материала из-за несходства с венцами греческой амфорной тары) не позволяет уточнить их хронологию и учитывать в общей статистике.

В заключение коротко остановимся на еще одной уникальной находке, сделанной в ходе раскопок 2017 г. На уровне двора жилого дома позднеархаической амфоры фазы II-B (конца VI – начала V вв. до н.э.) была найдена верхняя часть амфоры, вкопанная перевернутой и недолгое время использовавшаяся в качестве очажка. Этот сосуд (рис. 5.3), очевидно, представляет собой этрусскую амфору типа Ру [1974] Type 4, или Gras [1985] EMD, датируемую не ранее последней трети VI в. до н.э. Одним из центров производства амфор этого типа считается город Доганелла [Perkins, Walker, 1990]. По всей видимости, это первый случай находки этрусской амфорной тары в Северном Причерноморье. Конечно, эта находка носит скорее случайный характер и не может рассматриваться как свидетельство наличия прямых торговых связей Северного Причерноморья с Великой Грецией и Этрурией. Тем не менее, она служит примечательной иллюстрацией вовлеченности региона в глобальную средиземноморскую торговлю уже в позднеархаический период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Буйских А.В., Монахов С.Ю. Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н.э. из Ольвии // NORTIA. 2009. Вып. VI. Воронеж, 2009. С. 125–145.
- Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьёв С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / под ред. Г. И. Смирновой. Л.: изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 33–60.
- Дюпон П., Назаров В.В. Левантские амфоры в Причерноморье // Из истории античного общества / Под ред. Е.А. Молева. Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2003. С. 142–145.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. (МИА. № 83). 180 с.
- Келер К. Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры / под ред. В. И. Каца и С. Ю. Монахова. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1992, с. 265–283.
- Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. 1981. № 1. С. 192–208.
- Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критические очерки отечественных теорий колонизации). Киев: Наукова думка, 1966. 237 с.
- Ломтадзе Г.А. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III вв. до н.э. «царской хоры» Европейского Боспора. М., 2015. 206 с. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т.3. Древности Боспора Suppl. III.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. 678 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Каталог-определитель. Саратов, изд-во Саратовского университета, 2003. 351 с.
- Монахов С.Ю. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселения Панское I в Крыму. Записки ИИМК РАН. 2016. № 14. С. 113–125.

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной ...

- Соловьёв С.Л. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 1994. № 8. С. 85–95.
- Соловьёв С.Л. Периодизация жилого строительства античной Березани // Археологические вести. 1996. № 4. С. 153–163.
- Соловьёв С.Л. Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб: изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 7–15.
- Чистов Д.Е. Динамика импорта товаров в амфорах на Березанское поселение в VI-V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2015 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. XVII Боспорские чтения / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь - Керчь. 2017. С. 609–620.
- Чистов Д.Е., Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., Каспаров А.К., Новоселова Н.Ю. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб., 2012, 297 с.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. Новые данные о Березанском поселении классического периода // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1(14). OLBIO in memoriam V. V. Krapivina. К. С. 230–250.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. Комплекс построек общественного назначения периода Поздней Архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. II / под ред. М. Д. Бухарина. М.: Собрание, 2012. С. 19–48.
- Bîrzescu I. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucarest, 2012. (Histria XV). 356 S.
- Čistov D.E. La Borysthène archaïque (site de l'île de Bérézan). Première colonie grecque du nord de la mer Noire, d'après le matériel des fouilles récentes du Musée d'Etat de l'Ermitage menées dans la partie orientale de l'île // Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire. Lausanne, 2012. (Etudes de Lettres 290 (2012/1-2). P. 223–260.
- Cook R.M., Dupont P. East Greek Pottery. London and New York: Routledge, 1998. 226 p.
- Dupont P. La circulation amphorique en mer Noire a l'époque archaïque. Specificités et problèmes // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire / Y. Garlan (ed.). Aix-en-Provence, 1999. P. 143–161.
- Dupont P. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage collection // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Т. 1 / под ред. С. Л. Соловьёва. СПб, 2005. С. 41–69.
- Fantalkin A. Mezzad Hashavyahu: Its Material Culture and Historical Background // Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University. Tel Aviv, 2001. Vol. 28. Pt. 1. P. 3–165.
- Gras M. Trafics Tyrrhéniens Archaïques. Roma: École française de Rome, 1985. 773 p.
- Greene E.S., Lawall M.L., Polzer M.E. Inconspicuous Consumption: The Sixth-Century B.C.E. Shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey // AJA. 2008. Vol. 112. No. 4. P. 685–711.
- Greene E.S., Leidwanger J., Özdas H.A. Two Early Archaic Shipwrecks at Kekova Adası and Kerpe Burnu, Turkey // The International Journal of Nautical Archaeology. 2011. 40.1. P. 60–68.
- Humbert J.B. Essai de classification des amphores dites «à anses de panier» // Revue Biblique. 1991. 98/4, p. 574–590.
- Monachov S.J., Kuznetzova E.V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the archaic to the hellenistic period // The Northern Black Sea in Antiquity/ Kozlovskaya V. (ed.) Cambridge: Cambridge University press, 2017. 361 p.
- Perkins P., Walker L. Survey of an Etruscan City at Doganella, in the Albegna Valley // Papers of the British School at Rome. 1990. Vol. 58. P. 1–143.
- Py F., Py M. Les amphores étrusques de Vaunage et de Villevieille, Gard // Mélanges de l'école française de Rome. 1974. 86-1. P. 141–254.
- Sezgin Y. Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period). Istanbul, 2012. 344 p.
- Sezgin Y. Arkaik Dönemde Teos'ta Ticari Amphora Üretimi: Sorunlar ve Gözlemler // Anatolia. 2017. 43. Ankara, P. 15–39.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Solovyov S.L. Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden-Boston-Köln, 1999. 144 p.
- Sourisseau J.-Chr. Les amphores commerciales de la nécropole de Rifriscolaro à Camarine. Remarques préliminaires sur les productions corinthiennes de type A, dans P. Pelagatti (dir.), Camarina: nuovi studi sulla città e sul territorio. Atti del convegno internazionale, Ragusa, 7 dicembre 2002 / 7 -9 aprile 2003. Rome, 2006. P. 129–147.
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centures B.C. // The Athenian Agora. Princeton, 1970. Vol. XII. 382 p.

REFERENCES

- Buiskikh A.V., Monakhov S.Iu. *Keramicheskii kompleks tret'ei chetverti VI v. do n.e. iz Ol'vii. NORTIA*, 2009, Vol VI, Voronezh, 2009, pp. 125–145.
- Domanskii Ia.V., Vinogradov Iu.G., Solov'ev S.L. Osnovnye rezul'taty rabot Berezanskoi ekspeditsii. *Smirnova G.I. (Ed.). Itogi rabot arkhelogicheskikh ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, State Hermitage publ., 1989, pp. 33–60.
- Dupont P., Nazarov V.V. Levantskie amfory v Prichernomor'e. *Molev E.A. (Ed.). Iz istorii antichnogo obshchestva*. N. Novgorod: NNGU Publ., 2003, pp. 142–145.
- Zeest I.B. *Keramicheskaiia tara Bospora*. Moscow, 1960. (MIA № 83). 180 p.
- Koehler K. Obshchaia tipologiiia i khronologiiia korinfskikh transportnykh amfor. *Katz V. I., Monakhov S. Iu (Eds.). Grecheskie amfory*. Saratov, Saratov University Publ., 1992, pp. 265–283.
- Kopeikina L. V. Osobennosti razvitiia poseleniia na o. Berezan' v arkhaiskii period (po rezul'tatam raskopok na severo-zapadnom uchastke). *Sovetskaia Arkheologiia*. 1981. Vol. 1. pp. 192–208.
- Lapin V.V. *Grecheskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor'ia (Kriticheskie ocherki otechestvennykh teorii kolonizatsii)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966. 237 p.
- Lomtadze G.A. *Keramicheskaiia tara iz raskopok poselenii IV – pervoi tretii III v. do n.e. «tsarskoi khory» Evropeiskogo Bospora*. Moscow, 2015. 206 pp. (Tsarskaia khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e). Vol.3. Drevnosti Bospora Suppl. III).
- Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary*. Saratov, Saratov University Publ., 1999, 678 p.
- Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Katalog-opredelitel'*. Saratov, Saratov University Publ., 2003, 351 s.
- Monakhov S.Iu. O nekotorykh amforakh iz kompleksa U7 poseleniia Panskoe I v Krymu. *Zapiski IIMK RAN*, 2016, Vol. 14, pp. 113–125.
- Solov'ev S.L. Novye aspekty istorii i arkhologii antichnoi Berezani. *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik*, 1994. Vol. 8, pp. 85–95.
- Solov'ev S.L. Periodizatsiia zhilogo stroitel'stva antichnoi Berezani. *Arkheologicheskie vesti*, 1996, Vol. 4, pp. 153–163.
- Solov'ev S.L. Antichnaia Berezan': vchera i segodnia. *Solov'ev S.L. (Ed.). Borisfen–Berezan'. Arkheologicheskaiia kolleksiia Ermitazha*. St-Petersburg, State Hermitage Publ., 2005, pp. 7–15.
- Chistov D.E. Dinamika importa tovarov v amforakh na Berezanskoe poselenie v VI - V vv. do n.e. (po materialam raskopok uchastka «O-Zapadnyi» v 2004-2015 gg. *Zin'ko V. N., Zin'ko E.A. (Eds.). Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti - tovary - otmosheniia. XVII Bosporskie chteniia*. Simferopol' - Kerch, 2017, pp. 609–620.
- Chistov D.E., Zuev V. Iu., Il'ina Iu. I., Kasparov A. K., Novoselova N. Iu. *Materialy Berezanskoi (Nizhnebugskoi) antichnoi arkhelogicheskoi ekspeditsii. Vol 2. Issledovaniia na ostrove Berezan' v 2005-2009 gg.* St-Petersburg, 2012, 297 pp.
- Chistov D.E., Il'ina Iu.I. Novye dannye o Berezanskom poselenii klassicheskogo perioda // *Arkheologiia i davnii istoriia Ukraini. 2015. Vol. 1(14). OLBIO in memoriam V.V. Krapivina*. pp. 230–250.
- Chistov D.E., Il'ina Iu.I. Kompleks postroek obshchestvennogo naznacheniiia perioda Pozdnei Arkhaiki iz raskopok v severo-vostochnoi chasti Berezanskogo poseleniia. *Bukharin M.D. (Ed.). Scripta*

Чистов Д.Е. Импорт товаров в амфорной ...

- Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury*. Vol. II. Noscov, Sobranie Publ., 2012, pp. 19–48.
- Bîrzescu I. *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren*. Bucarest, 2012, (Histria XV), 356 S.
- Čistov D.E. La Borysthène archaïque (site de l'île de Bérézan). Première colonie grecque du nord de la mer Noire, d'après le matériel des fouilles récentes du Musée d'Etat de l'Ermitage menées dans la partie orientale de l'île. *Etudes pontiques. Histoire, historiographie et sites archéologiques du bassin de la mer Noire*. Lausanne, 2012. (*Etudes de Lettres* 290 (2012/1-2)), pp. 223–260.
- Cook R. M., Dupont P. *East Greek Pottery*. London and New York, Routledge, 1998, 226 p.
- Dupont P. La circulation amphorique en mer Noire à l'époque archaïque. Specificités et problèmes. *Y. Garlan (Ed.). Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence, 1999, pp. 143–161.
- Dupont P. Archaic Greek Amphoras from Berezan in the Hermitage collection. *Solovyov S. L. (Ed.). Borisfen-Berezan'. Arkheologicheskaia kolleksiia Ermitazha. Vol. 1*, 2005, pp. 41–69.
- Fantalkin A. Mezad Hashavyahu: Its Material Culture and Historical Background. *Journal of the Institute of Archaeology of Tel Aviv University*, 2001, Vol. 28, Pt. 1, pp. 3–165.
- Gras M. *Trafics Tyrrheniens Archaiques*. Roma, École française de Rome, 1985, 773 pp.
- Greene E.S., Lawall M.L., Polzer M.E. Inconspicuous Consumption: The Sixth-Century B.C.E. Shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey. *AJA*, 2008, Vol. 112, No. 4, pp. 685–711.
- Greene E. S., Leidwanger J., Özdas H. A. Two Early Archaic Shipwrecks at Kekova Adası and Kepce Burnu, Turkey. *The International Journal of Nautical Archaeology*, 2011, vol. 40.1, pp. 60–68.
- Humbert J. B. Essai de classification des amphores dites «à anses de panier». *Revue Biblique*, 1991, vol. 98/4, pp. 574–590.
- Monachov S.J., Kuznetzova E.V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the archaic to the hellenistic period. *Kozlovskaya V. (Ed.). The Northern Black Sea in Antiquity*. Cambridge, Cambridge University press, 2017, 361 p.
- Perkins P., Walker L. Survey of an Etruscan City at Doganella, in the Albegna Valley // *Papers of the British School at Rome*, 1990, vol. 58, pp. 1–143.
- Py F., Py M. Les amphores étrusques de Vaunage et de Villevieille, Gard. *Mélanges de l'école française de Rome*, 1974, vol. 86-1, pp. 141–254.
- Sezgin Y. *Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period)*. Istanbul, 2012, 344 p.
- Sezgin Y. Arkaik Dönemde Teos'ta Ticari Amphora Üretimi: Sorunlar ve Gözlemler. *Anatolia*. Ankara, 2017, vol. 43, pp. 15–39.
- Solovyov S.L. *Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea*. Leiden-Boston-Köln, 1999. 144 p.
- Sourisseau J.-Chr. Les amphores commerciales de la nécropole de Rifriscolaro à Camarine. Remarques préliminaires sur les productions corinthiennes de type A. *Camarina: nuovi studi sulla città e sul territorio. Atti del convegno internazionale, Ragusa, 7 dicembre 2002 / 7-9 aprile 2003*. Rome, 2006, pp. 129–147.
- Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. (The Athenian Agora Vol. XII)*. Princeton, 1970, 382 p.

Резюме

Анализ массового амфорного материала, происходящего из датированных комплексов и слоев Березанского поселения VI – V вв. до н.э., позволяет сделать ряд выводов о динамике ввоза товаров в амфорах на памятнике. Для структуры амфорного импорта Березани первой половины VI в. до н.э. характерно абсолютное преобладание Милета, Клазомен и Лесбоса, однако на третью четверть VI в. до н.э. приходится важные изменения в структуре импорта. Доля таких центров, как Милет и Клазомены, резко сокращается. На этом фоне демонстрирует некоторый рост лесбосский импорт, но еще значительно растет доля керамической тары

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Хиоса, что наблюдается впоследствии и в V в. до н.э. Кроме того, заметную роль начинает играть неустановленный североионийский центр («протофасосские» или «самосские» амфоры по И.Б. Зеест). Вполне вероятно, что эти перемены вызваны военно-политическими событиями в Ионии в 540-х гг. Значительные изменения в структуре амфорного импорта прослеживаются также в середине – второй половине V в. до н.э. Лидирующие позиции к этому времени прочно завоевывает о. Хиос, весьма заметной становится доля амфорной тары различных центров Северной Эгеиды. В работе также рассматривается хронология отдельных типов архаической керамической тары (амфоры Теоса (?), амфоры неустановленного южноионийского центра типа Пабуч Бурну и пр.). Публикуется первая в Северном Причерноморье находка этрусской позднеархаической амфоры.

Ключевые слова: Березань, Борисфен, Северное Причерноморье, Амфорная тара.

Summary

Statistical analysis of the mass transport amphorae material coming from dated contexts and layers of the Berezan settlement of the 6th – 5th centuries BC allows to make some conclusions about the dynamics of import of goods in amphorae to the site. The structure of the amphorae imports to Berezan in the first half of the 6th century BC was characterized by the absolute predominance of Miletus, Klazomenai and Lesbos, but during the third quarter of 6th century BC significant changes in the structure of import have been detected. The share of such centers as Miletus and Klazomenai dramatically reduced. Simultaneously Lesbian import demonstrates some growth; at the same time the proportion of transport amphorae of Chios significantly increases: this trend continues later over the 5th century BC. the V century BC. Also an unspecified North Ionian production center (which produced s.n. «protothasian» or «samian» amphorae by I. B. Zeest) started to play a prominent role. It is likely that these changes were caused by military and political events in Ionia in the 540-ies BC. Significant changes in the structure of the amphorae imports can be traced also in the middle – second half of the 5th century BC. Chian amphorae won the leading position by this time; also it must be mentioned a very noticeable proportion of amphora containers of various Northern Aegean centers. The paper also discusses the chronology of certain types of archaic ceramic containers (amphorae of Teos (?), amphoray of unidentified South Ionian center of Pabuç Burnu type, etc.). In addition the first discovery in the North Pontic region of the Etruscan late archaic storage amphora has been published.

Keywords: Berezan, Borysthenes, North Pontic region, Transport amphorae.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чистов Дмитрий Ефимович,
к.и.н., ст.н.с. Отдела античного мира Государственного Эрмитажа.
190000, С.-Петербург, Дворцовая наб., 34.
+7(911)211-25-60
d.chistov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chistov Dmitry
Ph.d. Department of Greek and Roman Antiquities, State Hermitage museum,
190000, St-Petersburg, Dvortsovaya emb., 34.
+7(911)211-25-60
d.chistov@gmail.com

	Период I	%	Фаза II-A	%	Фаза II-B(1-2)	%	Период III	%
Хиос (амфоры с белой обмазкой первой пол. VI в. до н.э.)	15	1,97	19	0,97	7	0,67	0	0,00
Хиос (прямогорлые и пухлогорлые амфоры второй пол VI - V вв. до н.э.)	28	3,67	235	12,05	173	16,44	233	35,41
Хиос (прямогорлые амфоры посл. четв. V в. до н.э.)	0	0,00	0	0	2	0,19	2	0,30
Лесбос К	128	16,80	554	28,40	300	28,52	151	22,95
Лесбос С	62	8,14	77	3,95	45	4,28	17	2,58
Милет	196	25,72	302	15,48	135	12,83	23	3,50
Самос	36	4,72	44	2,26	9	0,86	2	0,30
Клазомены	233	30,58	390	19,99	183	17,40	40	6,08
"Протофасосские" амфоры	42	5,51	243	12,46	134	12,74	70	10,64
Пабуч Бурну (Истрия 1388)	5	0,66	11	0,56	4	0,38	0	0,00
Аттика	1	0,13	3	0,15	0	0,00	0	0,00
Коринф	0	0,00	2	0,10	3	0,29	2	0,30
Фасос	2	0,26	15	0,77	26	2,47	72	10,94
Круг Фасоса	0	0,00	2	0,10	0	0,00	5	0,76
Айнос	1	0,13	6	0,31	4	0,38	16	2,43
Менде	0	0,00	1	0,05	0	0,00	3	0,46
Муригиоль	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	0,15
Гераклея Понтийская	0	0,00	0	0,00	2	0,19	4	0,61
Синопа	0	0,00	0	0,00	0	0,00	1	0,15
Неизвестные центры	13	1,71	47	2,41	25	2,38	16	2,43
ВСЕГО	762		1951		1052		658	

Рис. 1. Сводная статистическая таблица центров-импортеров товаров в амфорах по материалам раскопок 2004–2016 гг.

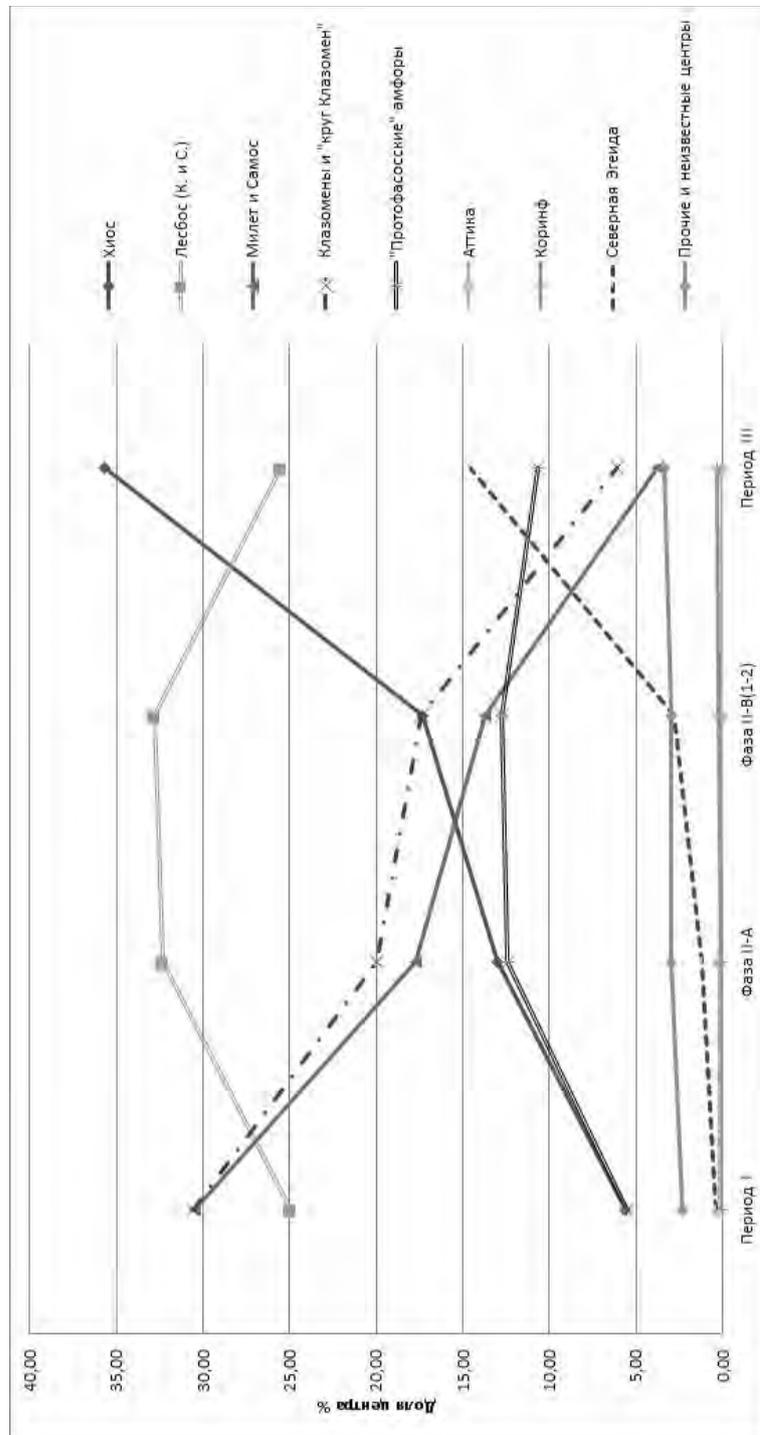

Рис. 2. Динамика изменения в импорте товаров в амфорах на протяжении VI – V вв. до н.э. (периоды I – III).

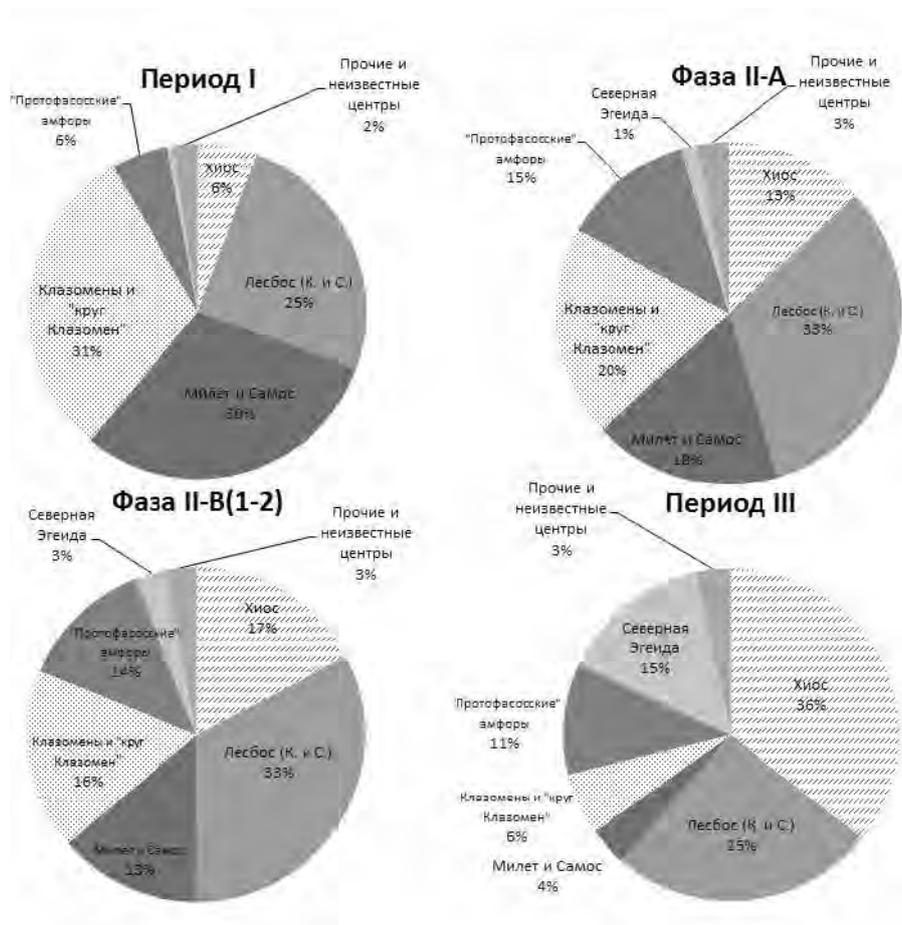

Рис. 3. Диаграммы соотношения основных центров производства амфор по периодам и фазам.

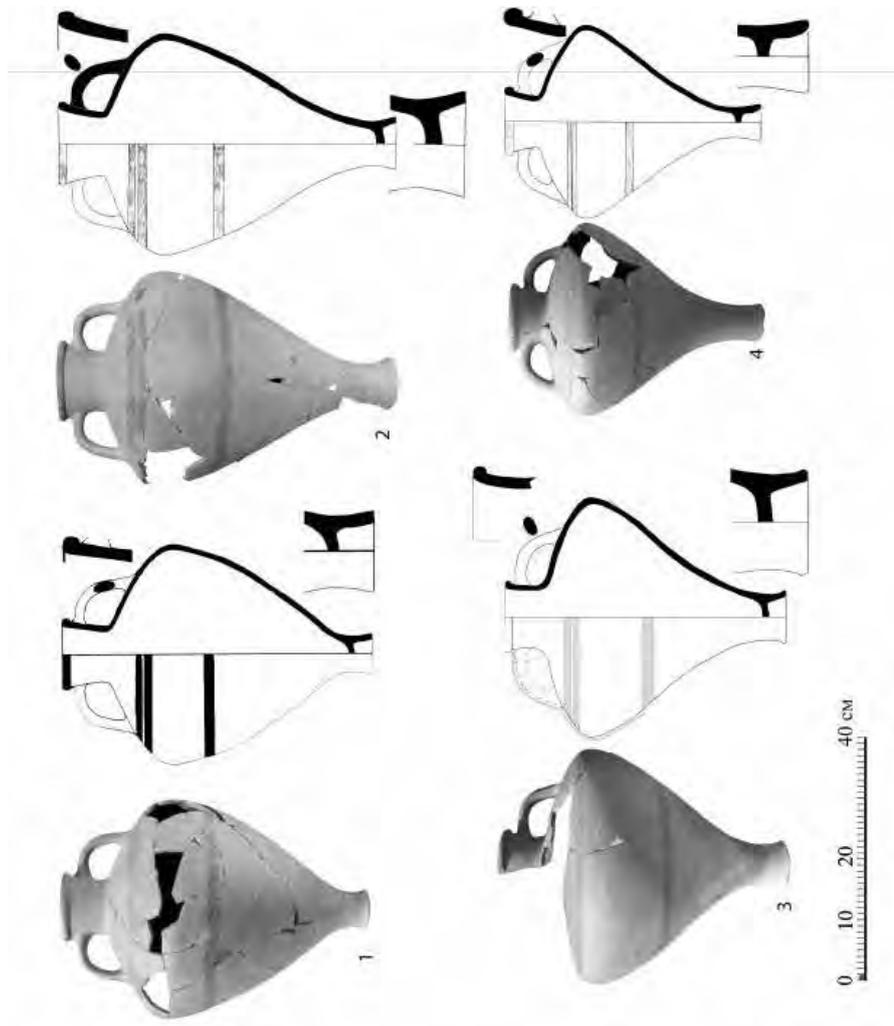

Рис. 4. Амфоры Глазомен и «круга Глазомен» (Теоса).

1 – БЭ 2012.47/241, яма 186 первой пол. VI в. до н.э.; 2 – БЭ 2013 58/433, полуземлянка СК 63 первой половины VI в. до н.э.;

3 – БЭ 2010 50/537, яма 162 второй четверти – середины VI в. до н.э.; 4 – БЭ 2016 12/64, яма 234 второй четверти – середины VI в. до н.э.

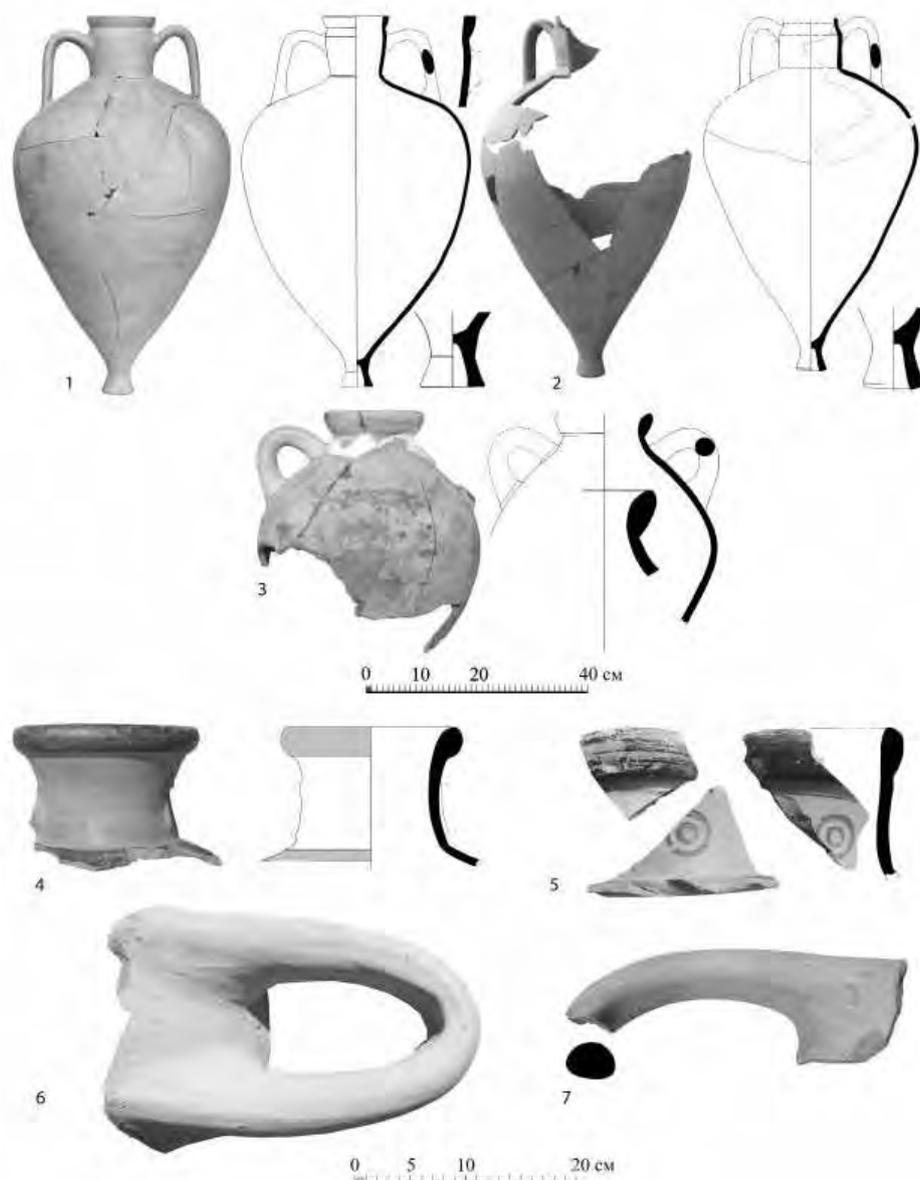

Рис. 5.

1-2 – амфоры типа Созополь 477 / Пабуч Бурну / Истрия 1388: 1 – БЭ 2017 47/378, яма 254 второй четверти – середины VI в. до н.э., 2 – БЭ 2016.58/334, полуземлянка СК 73 середины VI в. до н.э.; 3 – БЭ 2017 13/380, верхняя часть этрусской амфоры типа Ру 4. Двор жилого дома фазы II-B.; 4 – БЭ 2010 37/294, горло амфоры типа *la brosse* (Агора 1502). Яма 151 первой – третьей четвертей VI в. до н.э.; 5 – фрагменты горла аттической SOS амфоры (БЭ 2015 22/232) из подвального помещения 7 фазы II-A (третьей четв. VI в. до н.э.); 6-7 – ручки амфор типа *baskethandle*: 6 – БЭ 2007 29/605, яма 118 первой пол. VI в. до н.э., 7 – БЭ 2011 18/220, нивелировка слоя пожара в подвальном помещении 16 фазы II-A (вторая пол. VI в. до н.э.).

В. П. ЯЙЛЕНКО
V. P. YAILENKO

**ЗАМЕТКИ ПО ТОПОНИМИКЕ, ЭТНОНИМИИ АНТИЧНОГО И
СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ,
СКИФИИ – САРМАТИИ**

**ESSAYS ON TOPONYMY, ETHNONYMY OF ANCIENT AND
MEDIÉVAL NORTH PONTIC REGION, SKYTHIA – SARMATIA**

В последнее время мы опубликовали несколько больших работ по топонимике и этнонимии античного Северного Причерноморья [Скифия, с. 30–176; ФДТ, с. 512–557; ТАБ, с. 386–457; ААЭ, с. 30–94; ТАК, с. 3–88]. Нижеследующие заметки – это новые наработки, они извлечены из подготавливаемой автором монографии по топонимике и этнонимии античного Северного Причерноморья и Скифии – Сарматии. Тут помещены материалы по античной топонимике и этнонимии междуречья Днестра и Днепра, Азиатского Боспора (в том числе средневекового), также по этнонимии Сарматии. Каждая из заметок решает частную задачу, так что в целом они разъясняют ряд не рассматривавшихся нами ранее топонимов и этнонимов обозначенного региона. Мы включили сюда также несколько заметок о названиях, которые ранее рассматривали в упомянутых статьях, но понимание их в процессе дополнительной разработки изменилось или получило расширенную интерпретацию. Для уяснения читателем примерного географического расположения рассматриваемых нами объектов прилагаем 3 карты В. В. Латышева из SC, т. 1-2.

I. О соотношении фракийского языка и дакийского

В статье о фрако-дакийской топонимике Северного Причерноморья по вопросу о соотношении фракийского языка и дакийского мы ограничились несколькими фразами в примечаниях [ФДТ, с. 517, 542]. Между тем вопрос для нас важен: если это разные языки, то мы обязаны разделять соответствующую топонимику и этнонимию, если же это разные диалекты одного языка, такое разграничение не требуется. Рассмотрим здесь этот вопрос, напомним, что одни ученые (Н. Йокль, Д. Дечев, Л.А. Гиндин и др.) считали фракийский и дакийский диалектами одного языка, другие (И. Дуриданов, В. Георгиев и др.) – разными языками. Наиболее подробно различие языков аргументировал В. Георгиев (суммировано в его таблицах [1977, с. 174, 212]): индоевропейские Tenues *p, t, k* > фракийские Mediae Aspiratae *ph, th, kh*, индоевропейские Mediae *b, d, g* отражаются во фракийском как Tenues *p, t, k*; в дакийском же индоевропейские Tenues сохраняются, а индоевропейские Mediae Aspiratae *ph, th, kh* становятся Mediae *b, d, g*. Мы сталкиваемся с разной трактовкой смычных также в топонимии Северного Причерноморья и Фракии: имя

Aspiratae, отразились во фракийском как Mediae и Tenues Aspiratae, а индоевропейские Tenues, они же факультативно Tenues Aspiratae, отразились во фракийском как Tenues и Tenues Aspiratae, т.е. фракийские рефлексы индоевропейских звонких-звонкопридыхательных совместили в себе звонкие отражения и глухие-глухопридыхательные отражения. В этом и может заключаться интересующая нас природа передачи одних и тех же фракийских имен собственными простыми глухими и звонкими, также аспирированными глухими и звонкими. Отсюда следует и вывод, что в дакийском языке В. Гергиева передачи $T > T$; $M > M$; $MA > M$ не являются свойством отдельного дакийского языка, это результат двойного отражения во фракийском двойных же индоевропейских серий глухих и звонких, имеющих при этом факультативный признак аспирации. Следовательно, у фракийцев и даков один язык; разумеется, с диалектными и, учитывая огромную территорию обитания обоих народов, ареальными различиями. По этой причине мы ведем речь о фрако-дакийской топонимии, которая является следствием генетического единства языка фракийцев и даков. Зоны обитания фракийцев в древности: территория современных Болгарии, Северной и Средней Греции, европейской Турции, также северо-запад Малой Азии, лесостепная и приморская Скифия; зоны обитания дакийцев: совр. Румыния, часть бывшей Югославии, Молдова, Прикарпатье. Древние греки равно называли фракийцев и дакийцев гетами, мы также удовлетворимся этой общностью. К примеру, подобным образом не учитывал различия фракийского и дакийского Л. А. Гиндин [1981, с. 31], выявляя балканские и малоазийские топонимические связи.

Наша методика обычна для ареальных топонимических исследований: названиям Северного Причерноморья устанавливаются соответствия в северобалканской топонимике – во Фракии, Дакии, Иллирии. Массовость одинаковых или близких названий верифицирует одну и ту же этническую и лингвистическую среду их происхождения и узуса. Мы различаем два этапа в истории фрако-дакийцев Северного Причерноморья. Первый этап обусловлен фракийскими названиями больших гидрообъектов – $Túrαs$ (ионич. $Túrηs$) и $Βορυσθένης$, ряда рек и городов Боспора, они позволяют вести речь об исконном обитании фрако-дакийцев тут; в археологическом отношении они, стало быть (так давно думают), носители сабастиновской и белозерской культур XII – VIII/VII вв. Завершился первый этап в IV-III вв. до н.э. Второй этап обусловлен упоминанием грамматика I в. до н.э. Дидима о фракийском этносе абиев, обитавших в Нижнем Поднепровье, и свидетельством Стефана Византийского о Дакии как «стране близ Борисфена» (см. ниже, № 17), которые указывают на миграцию фрако-дакийцев сюда из Нижнего Подунавья в III-II вв. до н. э. и I-II вв. н. э. (см. подробнее обо всем этом: ФДТ, с. 524-525). На этот этап приходится основная масса фрако-дакийских названий в междуречье Днестра – Днепра и на Боспоре, сохраненных Плинием и Птолемеем. В этом случае ведем речь о переносе фрако-дакийцами названий из прежнего отечества на новые места обитания.

ями ее частиц в воде – таковы, к примеру, реки Желтые в бассейне Днепра (от залежей железной руды и прочих минералов [Янко, 1973, с. 58]), приток Прута Черлёна «красная».

По М. Фасмеру, Роде иранское название – к гаодаһ «река» [Vasmer, 1923, S.], что проблематично ввиду материалов О. Н. Трубочева по иранской гидронимии [1968, с. 274–276 + рис. 13]: она встречается лишь восточнее Днепра, к западу от него ее нет [ФДТ, с. 523]. Имя реки Ρόδη можно считать не только фракийским, но и кельтским: города с таким названием засвидетельствованы в Иберии Таррагонской и на юге Галлии на реке Родан [Pape, Benseleer, 1884, S. 1310]. Расположение галльской Роды на реке Ροδανός (совр. Рона) может верифицировать кельтское происхождение названия. О кельтах в районе Ольвии в III-II вв. до н. э. см. [Яйленко, 1990, с. 274–275; ОХБ, с. 419–418, 560]: галаты фигурируют в Протогеновском и Драгомирском декретах; от этих галатов и могла получить имя тамошняя река. Однако столь удаленный к востоку кельтский гидроним маловероятен, ибо ближайшая зона кельтской топонимии – левобережье среднего течения Днестра, где расположены города с именами кельтского происхождения Καρόδοουνον, Ματῶνιον, Οὐίβανταυάριον (рис. 2).

3. О(р)десс, город с гаванью. Рис. 2-3. Арриан (§ 31) и Псевдо-Арриан (§ 87) дали форму Ὀδησσός, у Птолея (III, 5, 14) ошибочно Ὀρδησσός. По указанным в Периплахе расстояниям от Борисфена (см. ниже) локализуется при устье Тилигульского лимана [Агбунов, 1992, с. 158–159; Зубарев, 2005, с. 128–130]. На земле кробизов во Фракии расположен соименный город Ὀδησσός (совр. Варна) [источники: Топоров, 1973, с. 51; 1977, с. 74], название происходит от дакийского *udes-уо- «водный» [Дуриданов, 1976, с. 118; Георгиев, 1977, с. 162]. Вариант Ordessos (с *r*), полагаем, обязан путанице в географической литературе римского времени, введенной в заблуждение созвучием имен Ὀδησσός, Ὀρδησσός, Ἀρδησσός. Форма Ordessos – к фрако-дак. *ard- «течь» + суф. -(e)ss- = «текучий», что относилось к гавани, при которой располагался город. Форма Ordessos ошибочно адаптирована к имени притока Истра Ἀρδησσός, известному Геродоту (IV, 48; совр. Арджеш), свидетельством чему имя этого гидронима у Птолея Ὀρδησσός [Pape, Benseleer, 1884, S. 1069].

В «Перипле» Арриана (§ 31) перечислены следующие приморские пункты от Ольвии на запад в сторону Тиры: в 60 стадиях (ок. 12 км) от Ольвии небольшой необитаемый остров (Березань)²; далее через 80 стадий (ок. 16 км) Одесс, через 250 стадий (ок. 50 км) Гавань истриан и через 50 стадий (ок. 10 км) Гавань исиаков³.

4. Гавань истриан. Рис. 3. От Одесса до Ἰστριανῶν λιμῆν, по Ариану, 300 стадий (ок. 60 км), по Псевдо-Арриану 340 стадий, или 45, 3 мили (ок. 78 км). Плинию (IV, 82–83) Гавани истриан и исиаков неизвестны; перечислив с запада на восток реку Роду, Сангарийский залив, гавань Ордесс, реку и город Борисфен, он уникальным

² По М. В. Агбунову [1992, с. 159–161], это исчезнувший островок близ древнего полуострова Березань.

³ Стадий Арриана равен 197 м (по ср. [Агбунов, 1985, с. 52 сл.; 1987, с. 14–15]); цифры нашего пересчета расстояний в километры округлены.

Одессы Ἰστριανῶν λιμῆν связано с фрако-дакийской топонимией, именно с этниконом жителей города на Дунае Ἰστριανοί ввиду свидетельств о передвижении фрако-дакийцев из своего ареала до Нижнего Поднепровья, по меньшей мере со II в. до н. э. (ФДТ, с. 524–525). Истрийцы освоили устье Куяльницкого или Хаджибейского лимана потому, что отсюда начинался прямой путь по открытому морю к Истрии в дельте Дуная [Зубарев, 2005, с. 134]. Параллелизм названий во Фракии и на прибрежной полосе Днестро-Днепровского междуречья дает наглядную колонизационную картину: переселившиеся на новое место обитания фрако-дакийцы принесли туда с собой привычные им по прежнему месту жительства географические наименования⁶.

5. Гавань исиаков. Рис. 3. Дружно локализуется в районе современной Одессы [Агбунов, 1987, с. 127; 1992, с. 155-156; Зубарев, 2005, с. 131-132]. Название Ἰσιακῶν λιμῆν необычно для топонимики Северного Причерноморья. По структуре оно сходно с именем лежащей неподалеку Гавани истриан (Ἰστριανῶν λιμῆν), но если последнее понятно – это выселок истриан, жителей фракийского города Истрия, то кто такие Ἰσιακῶν неясно, ибо аналогий этому имени нет. На первый взгляд, кажется правдоподобным отождествление имени Ἰσιακῶν с Asiaces – названием обитателей берегов соименной реки у Мелы (II, 7), которые, несомненно, тождественны наименованию Ахιάσαе – тех же насельников соименной реки у Плиния (IV, 82), той же, что Ἀξιάκης Птолемея (Geogr. III, 5, 14); тексты см. выше, под № 4. Согласно Птолемею (III, 5, 6), Аксиак течет над Дакией вплоть до Карпатских гор; у Мелы (II, 7) «река Асиак ближайшей (к Гипанису) проходит между каллипидами и асиаками»; в другом месте Птолемей (III, 10, 7) указал сразу после устьев Борисфена (57°30′) «устья реки Аксиак (57°)», т. е. сразу к западу от Борисфена⁷. Этим известиям более всего соответствует стекающий с Прикарпатья нынешний Тилигул, и такая идентификация поддерживается известием Птолемея (III, 5, 14), что выше реки Аксиак расположен населенный пункт Ὀρθησσός, а тот помещается периплами Арриана (§ 31) и Псевдо-Арриана (§ 87) в 140 стадиях, 18,3 мили (ок. 28 км) к западу от Борисфена. От Одесса (при Аксиаке-Тилигуле) до исиаков Арриан дает 300 стадиев (ок. 60 км), Псевдо-Арриан 340 стадиев, 45, 3 мили (ок. 68 км), что приводит, как сказано, к территории современной Одессы⁸. При такой диспозиции исиаки не могут соответствовать асиакам, обитателям берегов реки Аксиака-Тилигула.

⁶ Пример из новогреческой практики: выселившиеся из Крыма в конце XVIII в. в донецкие степи Северного Приазовья греки перенесли туда свои греческие и тюркско-крымские названия – Ялта, Карань, Афины, Чердаклы, Саргана и пр.

⁷ Далее перечислены Фюска (по широте 56°40′), устья реки Тираса (56°20′), Гермонактова деревня (56°15′), последние два определенно лежат на Днестровском лимане, т. е. далеко на запад от устьев Борисфена (57°30′) – Фюска на 1°30′, Гермонактова деревня на 1°15′, что соответствует реальному расстоянию от Днепро-Бугского лимана до Днестровского в 90-100 км [ср. Зубарев, 2005, с. 72].

⁸ Всеу этому противоречит известие Плиния (IV, 82), который помещает асиаков и соименную реку Асиак сразу после Офиуссы, сиречь Тиры. Он так перечисляет прибрежные пункты от Днестра до Днепра с запада на восток: Офиусса, асиаки и соименная река, народ кробиггов, река Рода, залив Сан-

Φυσκία – город в Ликии (источники: [Pape, Benseleer, 1884, S. 1655]). Все это греческие названия, производные от глагола φύειν «вырастать, возникать» с итеративным суффиксом -σκ-, указывающим на процесс роста, возникновения чего-либо, в том числе результат этого: φύσκη «набитая мясом кишка, колбаса», φύσκων «толстобрюхий, пузан», результат роста и гора Φύσκος. Наша Фюска – приморский пункт, как и бухта родян, так что это нечто, постепенно вырастающее для глаз подплывающего по морю, например, береговая круча, мыс или поселок на них, но скорее песчаная отмель, то появляющаяся, то исчезающая; в таком случае это аналог названия подобных кос Эион и Тамирака в Керчинитском заливе (см. о них: ТАК, № 42, 50), Эон на Тамани (см. о нем: ТАБ, № 29). М. В. Агбунов [1992, с. 137], руководствуясь координатами Птолемея, отождествил Фюску с Каролино-Бугазским городищем на левом берегу устья Днестровского лимана. Поскольку цифровые данные Птолемея вариативны – каждый исследователь трактует их по-своему, есть мнение, что локализация Фюски остается неопределенной [Охотников, 2015, с. 87]. Мы тем не менее обратим внимание на разницу в координатах Птолемея (III, 10, 7) по широте в 20 минут, т. е. почти в 40 км, между Фюской – 56°40' и устьем реки Тираса – 56°20' (подробней эти данные см. в прим. 8)¹¹. Разница в 40 км приводит нас от Днестровского лимана к территории современной Одессы. Как сказано, Гавань исиаков отождествляют с поселением Приморский бульвар в центре современной Одессы либо же с поселением на ее курортной окраине Лузановка [Агбунов, 1992, с. 155, 158]. В связи с этим обратим внимание на ионийскую огласовку имени Φύσκη (ср. нормативную форму fem. Φύσκα), которая указывает, что оно возникло не позднее IV-III вв. до н. э., т. е. последнего периода активного употребления ионийского диалекта. Время существования поселения Приморский бульвар на территории совр. Одессы вполне установлено по датирующим материалам – с позднего VI по III в. до н. э. [Буйских, Редина, 2015, с. 126-127], другие ближайшие поселения этой округи в целом дают материалы V–III вв. до н. э., что соответствует ионийскому характеру имени Φύσκη¹².

Остроумна, но ошибочна попытка иранской интерпретации названия Фюска в связи с локализацией ее на Сухом лимане дельты Днестра – к авест. hušk, осет. хуск etc. «сухой» [лит. : Vasmer, 1923, S. 64]. Она необоснованна по фонетической причине (иран. h не передается через греч. φ) и не учитывает приведенные выше топонимические соответствия имени приодесской Фюски в разных частях Средиземноморья.

¹¹ У Птолемея в этой зоне 1 мин. = 1,9 км [Зубарев, 2005, с. 72]. Мы берем только широтные цифры и только разницу между двумя близкими пунктами, что объективно, так как представляет собой только результат инструментального измерения широты внутри одного Птолемея источника.

¹² Так как периплам Арриана и Псевдо-Арриана приморская Фюска неизвестна, Птолемей же отметил ее, и только ее, Ордесс да устье Аксиака, а не известные периплам тамошние Скопелы, Гавани исиаков да истриан, то не исключено, что это раннее название одного из 3 названных пунктов. Такого рода, как мы видели, и название Гавань истриан – оно, вероятно, заместило раннее имя сей же бухты Ахейская гавань (см. № 4). С такой точки зрения (очень предположительной), Фюска может быть ранним наименованием Гавани исиаков или Скопел (о них см. ниже, № 9).

времени основания Тиры. Как письменный памятник эпохи колонизации, надпись показывает, что наряду с ионийцами в освоении Нижнего Поднепровья принимали участие и эолийцы. В таком свете название Ἐρμώνακτος κόμη содержит имя своего эпонима, которое переключается с именем того Гермона, который вместе с вождем эолийских колонистов Семандром основал таманский город Гермонассу. Одинакова и ситуация: на Тамани и при Днестре совместно действуют ионийские и эолийские колонисты. Согласно Евстафию (comm. in Dion. Per. 549), Гермонасса названа по имени ойкиста Гермона, как Фанагория по имени своего основателя Фанагора; отсюда следует, что в основе названия Гермонассы лежит имя ойкиста Гермона, оформленное топонимическим суффиксом -ασσ-α: Ἐρμών + ασσα > Ἐρμώνασσα. Что это так, подтверждается параллельным названием того же города (у Стефана Византийского) Ἐρμώνεια, бесспорно образованным от личного имени Ἐρμών. Суффикс -ασσ-α свидетельствует, что таманский топоним образован по модели, употребительной в Малой Азии, Эгеиде, на Балканах, т. е. он привнесен сюда колонистами. Указанные сходства позволяют думать о связи основания Гермонассы на Тамани и Гермонактова селения при устье Днестра в качестве двух звеньев одного колониационного предприятия во главе с одним и тем же ойкистом Гермонам. Небольшая разница в имени основателя города на Тамани Ἐρμών и эпонима поселка при устье Днестровского лимана Ἐρμώνναξ вполне объяснима семантическим сдвигом во времени: с переносом поселения из Гермонактова поселка на место будущей Тиры первоначальное селение получило имя древнего эпонима, вождя (ἄναξ) колонистов, отчего титул и «приклеился» к имени основателя Гермона, т. е. Ἐρμών + ἄναξ > Ἐρμώνναξ > Ἐρμώνναξ, что по стяжении гаплогической группы -ωνων- в -ων- дало форму Ἐρμώνναξ, gen. Ἐρμώνακτος.

В греческом мире известны только 3 топонима Гермонасса – наряду с таманским городом также местность на Хиосе и городок близ Трапезунта; примечательно, что неподалеку от трапезунтской Гермонассы лежит город Офиусса, что опять-таки находит параллель в предшественнике Тиры Офиуссе. Все отмеченные сходства вряд ли случайны: это свидетельства двух-трех колониационных оснований, принятых одной партией колонистов, состоявшей из ионийцев и эолийцев. Также в колонизации Березани примерно тогда же, в середине VI в., наряду с ионийцами принимали участие эолийцы.

9. Скопелы, наблюдательный пункт. Подобно Фюске, это тоже топонимический уник и тоже греческий среди прочих негреческих на побережье между устьями Днепра и Днестра. Упоминается лишь периплом Псевдо-Арриана (§87): «от Одесса до местечка Скопелы (Σκοπέλου χωρίον) 160 стадий, 21 с третью миль (ок. 32 км), от Скопелов до Гавани истриан 90 стадий, 12 миль (ок. 18 км)». Еще А.С. Уваров локализовал его на поселении Дофиновка при устье соименного лимана близ современной Одессы, что поддержал М. В. Агбунов [1992, с. 157-158]. Он же с основанием отметил, что существовал этот поселок тогда же, когда и остальные окрестные селения (как тогда считали, IV-III вв. до н. э., теперь VI/V-

морской полосы между реками Тирас и Борисфен назвал племя *Axiacae* и соименную реку (см. № 5), за ними племя *Crobiggeri*, реку *Rhode* (№ 2), залив *Saggarius* (№ 1), гавань *Ordessos* (№ 3)¹⁵. Из перечня следует, что кробизы обитали между реками Аксиак и Роде, т. е. между Тилигулом и Хаджибейским лиманом близ современной Одессы. Переселение части кробизов сюда обусловлено давлением кельтов, бастарнов и прочих начиная с III-II вв. до н. э. (ФДТ, с. 529-530).

Имя кробизов крепкий орешек, разгрызть его непросто. Античные филологи связали его со словом *κρόβυλος* «хохол на голове, чуб», «султан» на шлеме (у Свида, Михаила Апостолия, Фотия [Pape, Benseler, 1884, S. 721]), что фонетически невозможно: *z* и *l* генетически не совместимы. При нормативной форме *Κρόβυζοι* известны варианты: у Птолемея (III, 10, 9) наряду с нею многие рукописи дают *Κροβυζοί*, отличны и *Crobiggeri* Плиния. Заметим, что форма Плиния аутентична, ее верифицирует ссылка Плиния в описании Нижнего Побужья на сочинение Агриппы (IV, 83), сведения которого основаны на данных, предоставленных шагистами, промерявшими местность *per manua pedesque*; иными словами, это реальное звучание имени народа в 20-х – 10-х гг. до н. э. Полагаем, этноним двухчастный, вторая основа – фрак. *βυζο-* «козел», представленная в ряде личных имен, названии города и земли на Фракийском Боспоре *Βυζάντιον*, в имени его эпонима *Βύζας* [Pape, Benseler, 1884, S. 232, источники; Дуриданов, 1976, с. 74; Георгиев, 1977, с. 45, 69]). Фрак. *βυζο-* происходит от индоевроп. **bhugʷo-* «козел»; во фракийском и дакийском индоевропейский палатальный смычный *gʷ* давал *z*, причем форма Плиния *Crobiggeri* показывает сохранение данного *gʷ*, как это происходило в греческом, латинском, ирландском¹⁶. Козел в имени кробизов – их тотем, как у других фракийских народов – *Δᾱοι*, *Δᾱκοί* «волки», *Βέβρυκες* «бобры», *Βυσναίοι* «козлы», *Μυσοί* «мыши» [Георгиев, 1977, с. 45-46]. Первой основой предположительно может быть фрак. **ko/ugu-* «красный» (< индоевр. **kṛu-*, др. рус. чървень «червлень, красный» и др.)¹⁷. Наличие цвета в этнониме кробизов-«козлов» может быть обязано употребительной у фракийцев татуировке, которая, согласно Геродоту (V, 6), была у них признаком знатности (другие источники о татуировке у фракийцев: Скифия, с. 191).

¹⁵ Такая точность локализации свидетельствует против мнения (напр., [Скржинская, 1977, с. 44]), что Плиний ошибочно перенес их сюда из-за соседства с Одессом.

¹⁶ В каждом языке есть примеры неполного прохождения фонетических процессов, классический образец – германское передвижение согласных. В частности, во фракийском наряду с регулярным переходом индоевроп. **s* в *spiritus asper* наблюдается и факультативное сохранение этого **s* (ААЭ, с. 34–36). Ввиду колоссальной территории распространения фракийских народов (от Средней Греции до Киевского Поднепровья и Восточного Приазовья, некоторые думают и о циркумпонтийской зоне) во фракийском языке неизбежны ареальные различия в трактовке фонетических явлений.

В. Н. Топоров (в сб. *Этимология*. М. 1978, с. 137 сл.) счел фрак. *buza-* дериватом от индоевроп. **budh*, содержание которого «дно, водная пучина» не может быть связано с этнонимом.

¹⁷ Восстановлена по дакийскому названию растения *κορυοννηκοῦς*, которое Диоскорид (2, 167) описал так: «красное, стебель размером в пядь, пурпурный, пестикообразный» [Георгиев, 1977, с. 196]. Основа **kʷu-* представлена в названии города на Азиатском Боспоре *Κοροῦβία* (ФДТ, с. 547).

имеет значение «славный» (родственно греч. -δοκος, второй основе составных имен). У этой фракийской основы *dok- есть глухой вариант *tak(a)- «славная» во фрако-дакийском названии города в Восточном Крыму Турιτάκη (ТАБ, № 69); см. об основе *dok-, *tak- [Detschew, 1957, S. 529-530; Russu, 1959, p. 126; Георгиев, 1977, с. 96]. Первая основа названий на Ἀμαδοκ-, полагаем, – имя Великой Богини-Матери Ἄμα, которое имеет широчайший ареал распространения, в Северном Причерноморье оно присутствует в имени амазонок, на наш взгляд, фракийского происхождения (см. ААЭ, с. 46-47). Это земледельческий культ, так что естественна первостепенная роль его у скифов-ἀροτῆρες, т. е. пахарей киевской группы скифских памятников. Сказанное означает, что первичен в группе названий на Ἀμαδοκ- этноним Ἀμάδοκοι, значение его «славные Богиней-Матерью»; ср. смысл имени Ἀμαζόνες «рожденные Богиней-Матерью».

в) Ономастика Нижнего Поднепровья – Нижнего Побужья

17. Дакия, область близ Борисфена. Стефан Византийский (s. n. Δακία = SC 1, p. 258) определяет Дакию как «страну близ Борисфена» (χώρα πλησίον Βορυσθένους), указывая, что в восточной части Дакии (т. е. у Днепра) живут геты, а в западной, со стороны Истра, даки-даи. Это известие повторил Евстафий (ad Dion. Per. 305 = SC 1, p. 258) и указал его источник – некое сочинение «О народах». Поскольку Стефан сразу за приведенными словами упоминает Дидима, это его сочинение. Дидим жил во второй половине I в. до н. э. в Александрии, был плодовитейшим писателем – ему приписывались три с половиной тысячи трудов.

18. Абики, другое название Гилей. Область Ἀβική, населенную народом абиев, упомянул писатель I в. до н.э. Александр Полигистор в книге «О Понте Евксинском»: «Гилея: Понтийская страна, называемая также Абикией (Ἀβική), то есть «Полесьем»» (apud St. Byz., s. n. Ὑλαία = SC 1, p. 268). Также Геродиан определил Абику как «Понтийскую область» (De prosod. 316, 13 = SC 1, p. 580). Это Геродотова Гилея в приморском Нижнем Поднепровье – на восток от Збурьевского гирла плюс Кинбурнский полуостров. А по словам Дидима (см. о нем выше, № 17), племя абиев фракийское (apud St. Byz., s. n. Ἄβιοι = SC 1, p. 252). Значение топонима Абики поясняется глоссой Гесихия: ἄβιν ἑλάτην, οἱ δὲ πεύκην «ель, согласно другим авторам, сосна». Из указания Дидима на фракийский этнос абиев явствует, что глосса Гесихия ἄβιν фракийская. Видимо, она заимствована греками у фракийцев (родственна латинскому abies «ель») [Fick, 1907, S. 348; Vasmer, 1923, S. 67]. По связи с этой глоссой значение названия Ἀβική – «Ельня, Олешье». В ольвийском гимне VI в. до н.э. в честь Гилей упоминается повреждение там неприятелем 200 сосен – πύτων [ОХБ, 2017, с. 257-258]²¹.

²¹ Менее вероятен другой вариант его объяснения. В словаре Гарпократиона (s. n. Ἐρυίσκη) упоминается фракийская нимфа Ἄβα, имя которой прозрачно – к фракийской основе *ар-, *аб- «источник, река, вода» (см. о ней: ФДТ, с. 545; круг индоевропейских соответствий [Гиндин, 1981, с. 24, 131]). Названия

97; Treimer, 1960, S. 740, *ср.* Георгиев, 1977, с. 236]. Источником предполагается иллир. *alba «белая». По мнению Н. Я. Марра [1925, с. 665], имена античных Ольвий и других сходно звучащих названий восходят к слову средиземноморского происхождения *orbe-*, *urbi-* «поселок». Этому справедливо возразила М. В. Скржинская [1981, с. 142]: нельзя думать, что имена всех античных Ольвий восходят к одному слову, так как они разбросаны по всему Средиземноморью и Черноморью. Она присоединилась к мнению, что имена Ольвий происходят от греч. ὄλβος «счастливый». На наш взгляд, однако, присутствие в Нижнем Побужье в раннее время иллирийцев заставляет обратиться к примеру с иллирийской Ольвией, происхождение имени которой иллирийское. В случае с Ольвией Нижнего Побужья, по нашему мнению, имела место адаптация – приспособление греческой формы к сходно звучащему местному топониму, как и думал Н. Я. Марр, но не средиземноморскому, а иллирийскому. Пример такой адаптации дает горная цепь в Лигурии τὰ Ὀλβία: это по-гречески адаптированное кельтское или лигурийское название τὰ Ἄλπα²². Наличие иллирийского населения в Нижнем Побужье позволяет нам думать об иллирийском *alb- «поселение, поселок» (при албанском *olbe* «селение») как источнике греческой адаптации. Таким образом, названия иллирийской и нижнебужской Ольвий одного происхождения, т. е. название нижнебужского города Ὀλβία вторично – оно возникло по созвучию с туземным словом *alb- «селение», которым иллирийское население Нижнего Побужья называло свой поселок. Мы располагаем еще двумя свидетельствами продуктивности этой иллирийской основы: тут же в топонимике Нижнего Побужья имя поселка Ἀρβίναи (см. № 22-23) и в Нижнем Поднестровье имя города Ἄρτις, народа Ἄρτιοι (№ 24, 25).

22. Арбинаты, этникон. 23. Арбина (-ы), поселок. В березанском письме Ахиллодора, написанном ок. 500 г. до н. э., содержится название в дательном падеже – ἐν Ἀρβινάτησιν [ОХБ, с. 213-216]. По Дж. Чэдвигу, это имя острова Березань, он привел близкий по звучанию гидроним Ἀρβινάτης в Элиде [Paus. VI, 21, 8; Chadwick, 1973, p. 36]. Б. Браво нашел более точное соответствие у Стефана Византийского: Ἀρβινάται Ποντικὸν ἔθνος «Абринаты: понтийский народ» и заключил отсюда, что арбинаты – этноним (метатеза *ρβ-βρ* обычна в греческом); не исключил он и топонимический характер названия [Bravo, 1974, p. 160-161]. На наш взгляд, у Стефана этот этноним появился в результате перетолкования этникона, т. е. названия жителей малоизвестного городка на северопонтийском побережье, поскольку название Арбин- еще раз засвидетельствовано в ольвийском граффито V в. до н. э. – [A]ρβινησ[σιν] [Русяева, 2010, с. 160] и, вероятно, в березанском граффито второй половины VII – первой половины VI вв. до н. э. -у Ρβιν-- [Яйленко, 1982, с. 275–277]. Как этникон, т. е. обозначение жителей города или поселка, Ἀρβινάται образовано от имени поселка *Ἀρβίνα (sg.) плюс греческий суффикс sg. -της, pl. -ται = *Ἀρβινάτης,

²² Посидоний (Fr. 48 Jac. = *Athenaeus*, VI, 233d) ошибочно утверждал, что вторая форма позднейшая относительно первой.

Апулии *Arpi*, у греческих авторов Ἄρπιοι [Pape, Benseker, 1884, S. 143; Russu, 1969, p. 169]. Следовательно, имя приднестровского города Ἄρπις того же иллирийского происхождения, а тем самым и этноним арпиев. Вероятно, это оглушенный вариант фрако-дако-иллирийской основы *arb-*, которая, по В. Н. Топорову [1973, с. 35-36], присутствует в названиях поселка Ἀρβίλοϊ в Вифинии и крепости Ἀρβατίας в Дакии. В. Н. Топоров не указал ее значение; по нашему мнению, эти топонимы, как и названия городов *Arpi(s)* у реки Тирас и в Апулии, соответствуют этнонимическому содержанию иллирийской основы **arb(en)-* «иллириец, иллирийский», о которой см. выше, № 22-23. Таким образом, наряду с фрако-дакийскими кробизами и аксиаками в междуречье Нижнего Днестра – Нижнего Днепра перешло из Заднестровья (Молдова, Бессарабия и пр.) иллирийское или смешанное дако-иллирийское племя арпиев. Иллирийская основа **arp-* представлена и в названии города в Писатиде близ горы Олимп и в Лациуме Ἀρτίνα [Pape, Benseker, 1884, S. 143], параллельном нижнебужскому поселку *Ἀρβίνα / Ἀρβίνα. Эти соответствия подтверждают связь основ **arp-* и **arb-*²⁵.

Народ арпии и город Арпис в Северо-Западном Причерноморье упомянуты в источнике II в. н. э. (Птолемей), и вряд ли есть основания думать о преемственности иллирийской топонимии междуречья Нижнего Днестра и Нижнего Днепра, в том числе Нижнего Побужья, от VI-V вв. до н. э. по II в. н. э. Названия Ольвия, Арбинаты – наследие сабатиновско-белозерского времени или, подобно личному имени Арих, привнесены в Нижнее Побужье иллирийскими трудовыми мигрантами с Поднестровья VI-V вв. до н. э., тогда как арпии, город Арпис в Приднестровье – кондовые тамошние иллиризмы.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В списке фракийских и иллирийских гидронимов у О. Н. Трубочева, которые восходят к VI-V вв. до н. э. (ФДТ, с. 520–524), и вскрытой нами фрако-дакийской и иллирийской топонимикой и этнонимией междуречья Днестра и Днепра, преимущественно эллинистического и римского времени, нет одинаковых названий, т. е., казалось бы, отсутствует этнолингвистическая преемственность во времени. Однако отсутствие преемственности, полагаем, объясняется тем, что античность плохо представляла себе гидронимию лесостепной полосы этого междуречья: там она знала лишь два гидронима – озеро Амадока и реку Ардеск, в приморской полосе ей известны лишь река Аксиак и бухты исиаков да истриан, названные по этниконам жителей.

²⁵ Местности вокруг г. Олимп не греческий ареал – издревле тут обитали фракийцы, по Страбону (VII, fr. 7), соседнюю Македонию в древности населяли фракийцы и иллирийцы. Что до соответствий из Апулии и Лациума, то напомним читателю о миграции италиков с конца II тыс. до н. э. на Апеннинский полуостров именно из иллирийского ареала – с северо-запада Балкан, по этой причине в их ономастике и лексике немало иллиризмов, что в полной мере демонстрируют своды иллирийской ономастики и лексики Г. Краэ, А. Майера, И. Руссу; италийский материал особенно представителен у Руссу. Конкретно в Апулии обитали иллирийцы-мессапы (см., к примеру, мессапско-албанские, т. е. общеиллирийские, соответствия [Нерознак, 1978, с. 192–195]).

реки Нусак» (или Нусея, так как можно читать и *nusaeus*). Из рек на Певтингеровой таблице показаны слева направо Дунай, Прут, Нусак (Нусея), Танаис, из чего заключают, что *Nusacus* – это Днепр, а поскольку речь идет об истоке, то это название его верхнего течения. И у Птолемея речь идет о Днепре (на карте В. В. Латышева Ниосс лежит на Днепре, см. рис. 2), поэтому наше сопоставление имен **Nusson* и *Nusacus* (*Nusaeus*) оправданно. У них одинаковая основа **nuso-*, **nusa-*; двойное *ss* в **Nusson* – дополнительное удвоение, как, например, *varia lectio Νίσσα* к *Νῖσα*, город в Беотии, или ряд топонимов *Νίσαια* с *varia lect. Νίσσαια*, также топоним *Νύσσα*, он же *Νύσσα* у того же Птолемея [Pape, Benseler, 1884, S. 1013-1014, 1022]. Если наши сближения верны, основа **nuso-*, **nusa-* может быть фрако-дакийской или иллирийской и ее значение можно пояснить догреческим словом *νύσα* «дерево»²⁸. Стало быть, название *Νίοςσων* имеет то же значение, что имя соседнего города Сарбак (ФДТ, с. 538) – «деревянный» город, поселок. То и другое названия невозможны в степном Нижнем Поднепровье, но аутентичны для лесостепного Среднего Поднепровья, где мы разместили эти города.

Возможна еще более глубокая семантика названия *Νίοςσων* – **Nusson*. В. Георгиев [1977, с. 87, 101] реконструировал фракийскую основу **nusa-* «нимфа» в имени фракийки *Nusa-tita*, с отсылкой: «ср. греч. *νύσα* «нимфа» (на с. 101 ударение *νύσα*). Последняя форма показывает, что он имел в виду имя кормилицы Диониса *Νύσα*, ставшее названием нескольких городов Малой Азии, Индии, Эфиопии, Греции, Фракии [Pape, Benseler, 1884, S. 1022-1023]. Мы видим его и в имени самого Диониса: *Δίον-νύσο-ς*, где **nuso-* – уже знакомая нам догреческая основа **nusa-* со значением «дерево», т. е. *Δίον-νύσο-ς* «дерево / лоза Зевса». Согласно общему мнению, Дионис фракийское по происхождению божество растительного мира, чему соответствует наше мнение о древнебалканском характере основы **nuso-*, **nusa-*. Напомним, что население киевской группы скифских археологических памятников VI–III вв. до н.э. фрако-дакийское и отчасти иллирийское по своей лингвоэтнической принадлежности (ФДТ, с. 522 сл.), что вновь апробирует это же происхождение основы **nuso-*, **nusa-*. Остается вспомнить известную коринфскому поэту второй половины VIII в. Евмелу «музу Борисфениду», которая подразумевается также в сообщении Геродота (IV, 5) о происхождении эпонима скифов Таргитая от бога Папая и дочери реки Борисфен, чтобы замкнуть круг: она же **Nusaca* / **Nusaea*, эпоним фрако-дакийского названия Днепра в его среднем течении *Nusacus* / *Nusaeus*.

²⁸ Оно засвидетельствовано лишь единожды натурфилософом середины VI в. до н. э. Ферекидом с Сироса (fr. 178 Jас.). Сирос – мелкий островок Кикладского архипелага, тем не менее известный Гомеру. На Кикладах, в том числе на Сиросе, процветала местная высокоразвитая культура III тыс. На наш взгляд, греки позаимствовали именно у кикладского населения слова *ψυχή* «душа», *ψυχρός* «холодный», его древнейшие представления о посмертной участи души покойного отразил Платон в знаменитом «видении Эра» (см. нашу статью «Объяснение феномена кикладских идолов через теории искусства раннего XX в. и учение Платона о душе» в материалах конференции РГГУ 2017 г. «Археология художественного видения», в печати).

ция туземного названия, см. ТАБ, № 31). В. П. Петров [1968, с. 101, 105] вывел местную основу *пара* «река» в Северном Причерноморье из названий реки Прут *Πόρατα*, *Πυρετόν*, реки в Северной Меотиде *Πόριτος* и фракийских названий со второй основой *-рага*. Однако есть лишь один гидронимический пример с *-рага* [Георгиев, 1977, с. 187-189], в 35 других таких названиях *-рага* означает «селение» [Дуриданов, 1976, с. 112]. Иранская этимология Геродотова названия *Πόρατα*, по смыслу подходящая – к **rəgətu-* «брод» [Vasmer, 1923, S. 61], но В. И. Абаев [1979, с. 299] указал на ее ненадежность. Мы должны констатировать тот непреложный факт, что река Прут течет по территории даков и иллирийцев, поэтому Геродотово «скифское» название Прута *Πόρατα* подлежит объяснению из их языков. Ввиду очевидной близости к *Πόρατα* приазовской формы *Πόριτος* также ее имя следует объяснять из той же языковой среды. Ранее мы (ФДТ, с. 542) объясняли все три формы через фрако-дак. **burd-*, **burt-*, **purd-* «мокрый, влажный»³¹ с таким обоснованием: ввиду параллельного отражения во фрако-дакийском индоевропейского губного через *b* и *p* (например, индоевроп. **ar-* во фрако-дакийском отразилось как **ar-* и **ab-* [напр., Гиндин, 1981, с. 30-31]), у основы **burd-*, **burt-* был и вариант **purd-*. Сонант *r* исходного индоевроп. **bʰr̥dʰa-* отражался во фракийском как *ur* и *or* [Георгиев, 1977, с. 70, 167], этим объясняются *o*-огласовка *Πόριτος* (-της), *Πόρατα*, и *u*-огласовка *Πυρετόν*. В приазовском гидрониме *Πόριτος* или *Πορίτης* вставное *i*: окончание в первоначальном **Πόριτος*, *Πόριτης* греки могли воспринимать как свой суффикс *-итос* или *-итης*; как раз это предположение – слабое место нашей прежней этимологии. Поэтому сейчас предположительно усматриваем другую основу – **rog(u)-*, известную фрако-дакийской топонимии: в имени местности близ Селимбрии *Πόρ-ος*, островка меж Лесбосом и мисийским побережьем *Πορο-σελήνη* [Diod. XIV, 12; Strabo, XIII, 2, 6; подробности: Pape, Benseleer, 1884, S. 1236-1237], сюда и фрак. *Βόσ-πορος*, о котором см. подробнее (ТАБ, № 4). В приазовском гидрониме *Πόριτος* (или *Πορίτης*) основа **rog(u)-* оформлена грецизированным (?) суффиксом *-ит-ос* (-ит-ης), как в гидрониме *Κερκινίτις*, *Κορονίτις*, *Καρκινίτις* (ТАБ, № 35, 38), имени косы в Восточном Приазовье *Ἀξοβίτις* (ТАБ, № 27).

31-32. Мермод, Мермадалис, река. Тождественность этих рек и идентификация тесно связаны с вопросом о месте обитания северокавказских амазонок, который мы рассмотрели в очерке о них (ААЭ, с. 50-52). Кратко суммируем то, что относится к идентификации Мермода-Мермадалиса. Только Страбон (XI, 5, 2) со ссылкой на историков Митридатовских войн Гипсикрата и Метродора Скепсийца называет реку *Μερμόδας*. Она свергается с гор, течет через страну амазонок и Сиракены, далее идет через пустыню и впадает в Меотиду. Сообразуясь с указаниями источников, что сираки живут ниже аорсов, давно считают, что Мермод – это Маныч, приток которого Егорлык имеет истоки на Ставропольской возвышенности в районе Невинномыска.

³¹ Например, в названии селения во Фракии *Purdae*, в речном имени *Burd-ара* и пр., им соответствуют старопрусский топоним *Purden*, название озера *Purde*, к балт. **purd-* «мокрый, влажный» [Duridanov, 1969, S. 56-57; Дуриданов, 1976, с. 46; Георгиев, 1977, с. 70, 164].

Ахардей текут по стране сираков и впадают в Меотиду, но согласно Плинию (VI, 22), *Ocharium*, тот же Ахардей Страбона (выше, № 33), течет по землям кантиков и сапеев. Никто более эти тамошние народы *Santicí* и *Sarpei* не упоминает, но это несколько не дезавуирует сведения Плиния, так как они получены от жившего в Риме в 46–68 гг. боспорского царя Митридата Аспургова, а также от оперировавших на Азиатском Боспоре и Северном Кавказе шагистов великого Агриппы: это точные показания очевидцев. Перед этим в § VI, 21 Плиний упомянул в перечне народов, обитающих к востоку от Меотиды, кантиокаптов (*Santiocaptae*). Сведения Страбона об Ахардее позволяют наметить общий ареал, часть которого занимали кантики: он стекает с гор Кавказа, течет по стране сираков и впадает в Меотиду. Это Маныч (плюс текущий с Кавказа приток Егорлык), либо средняя, или верхняя Кубань (см. выше, № 33); сапеи – фракийское племя Восточного Приазовья (ниже, № 36). Нет особых оснований исправлять имя *Santiocaptae*, надо исходить из того, что есть, тем более, что предложенные поправки невразумительны³². Имя *Santiocaptae* любопытно тем, что содержит два индоевропейских слова со значением «копать» с одинаковой структурой: **kan(t)-* и **kap(t)-*. Первое иранское: это среднеиранская форма **kan(t)-*, образованная от древней глагольной основы **kan-* «рыть, копать» (авест., др. перс. *kan-*, имеет соответствием др. инд. *khan-*). Среднеиранские формы, их производные, а также новоиранские, разнообразны: классич. перс. *kan* «копать», перс. *хан*, *хані* «источник, бассейн, колодец», тадж. *канда* «копанный канал» и др.; обозначает также «дом, жилище» – иран., тадж. *хана*, и пр. [Абаев, 1956, с. 442-450]. С *t*-наращением значение расширилось: авест. *kata* «погреб, комната», хорезм. *kat* «город; развалины города», согд. *kad*, *kand* (*kt*, *knt*) «город» и др.³³ Развитие семантики прошло следующие звенья: копать > насыпать > ров, канал > погреб > жилище > город. К примеру, таково образование греческого слова *πόλις* «город» – из индоевроп. **peh-* «насыпать, наполнять» [Pokorny, 1959, S. 798-799], т. е. через копку рвов и насыпание оборонительных валов на поселении.

Тот же смысл «копать», но от исходного значения «бить, ударять», имеет и вторая основа имени *Santiocaptae* – *captae*, отсюда иная семантика окружения производных от индоевроп. **(s)kāp-*, **(s)kēp-*: литов. *karóti* «колоть, рубить», *kaplys* «мотыга», гр. *κόπτω* «бью, ударяю», *κόπης* «тесак», *σκάπτω* «копаю», *(σ)κάπετος* «ров», алб. *ker* «отесываю камни», новоперс. *kāfād* «раскалывается» и пр. [Pokorny, 1959, S. 930-932]. Исходя из значения «рыть, копать», в основе *captae* имени *Santiocaptae* (*t* – причастный суффикс), первую основу *sant-* логично считать объектом – «канал», в целом *Santiocaptae* означает «роющие каналы». В болотистом Восточном Приазовье

³² Л. А. Ельницкий усмотрел тут контаминацию кантиков и сапеев [ВДИ. 1949, № 2, с. 295, прим. 5]. Можно заподозрить и этникон *Παντικαλιῆται*, но все это игра ума.

³³ См. и богатую подборку Э. М. Мурзаева [1974, с. 117-118; 1984, с. 251-252], но он привнес и не относящуюся сюда весьма распространенную в Южной и Центральной Азии, Сибири основу *kan* «вода, река», «камень».

Гелепирии, так что на Боспоре I–III вв. н. э. правила аспургианско-сапейская, т. е. этнически иранско-фракийская династия [ТБР, с. 258–262, 268–270]. В связи с этим присутствие не только во Фракии, но и на Азиатском Боспоре племени сапеев не может быть случайным. Аспург мог жениться на какой угодно принцессе из клиентских (по отношению к Риму) варварских царств, так что выбор именно сапеянки был обусловлен какими-то реальными причинами его жизни и деятельности. Полагаем, их следует усматривать в обстоятельствах прихода Аспурга к власти, которые были наполнены противодействием каких-то сил на Азиатском Боспоре [ТБР, с. 256–257, лит.]. На пути к власти Аспург опирался на силу иранского племени аспургиан, обитавших близ Тамани и Восточного Приазовья [ТАБ, № 128]; возможно, он заключил союз и с тамошними сапеями, чем и могло быть обусловлено заключение им брака с принцессой из родственного боспорским сапеям царского дома сапеев Фракии.

Происхождение имени *Σαπαῖοι*, *Σάπαι* неясно. В. Георгиев [1977, с. 93] предположительно связал его с др. инд. *kṣatrá-m* «власть, мощь», авест. *xša fəm* «господство, держава, власть», но это сближение фонетически затруднительно. Полагаем, возможна связь с именем фракийского племени *Σαβῶκοι* (обитало примерно в районе Карпат: *Ptol. Geogr. III, 5, 20*), основа которого **σαβω-* (< **σαβο-*) имеет приблизительное значение «процветание, мощь», так что этноним *Σαβῶκοι* по смыслу «многочисленные; процветающие; мощные» [Гиндин, 1981, с. 104–106]. Видимо, небесполезна и глосса Свида *Σάπων ὄνομα κύριον* «Сапон – имя владыки», которую И. Дуриданов усмотрел в дакийском личном имени *Sappo* [Duridanov, 1969, S. 81].

37. Костобоки, народ. Рис. 2. Упоминают разные источники, позиционируют их в Дакии; разные написания этнонима и лит. см. [Гиндин, 1981, с. 98–99]. Птолемей (*Geogr. III, 5, 9; 8, 3*) локализовал их по обе стороны Карпат. В них видели германцев, славян, дакийцев и пр., Л. А. Гиндин единственный дал подробный лингвистический анализ их имени *Κοστοβῶκοι* и заключил, что оно анатолийского происхождения, усвоенное фрако-дакийцами, значение его «сильные / могучие люди» [Иб., с. 99–103]. Важное уточнение места пребывания костобоков дал Плиний (VI, 19): по реке Танаису «первыми живут савроматы... , затем *Naevazae, Coitae, Cizici, Messeniani, Cotobacchi, Cetae, Zigae, Tindari, Thussegetae, Турцае*» и др. Костобоки достаточно полнотелое имя, чтобы уверенно внести в варианты его форм (вплоть до порчи *Κιστοβῶκοι* в одной из рукописей Птолемея) также *Cotobacchi*. Отсюда следует, что в I в. н. э. они обитали к востоку от Танаиса-Дона и это вписывается в картину передвижения фрако-дакийских и иллирийских народов с III–II вв. до н. э. на восток до Днепра (см. выше, под № 17, обозначение Дакии Дидимом как «страны близ Борисфена»; об этих миграциях см. ФДТ, с. 514–518). Поскольку Восточное Приазовье – заповедник фрако-дакийской топонимики и этнонимии (ФДТ, с. 545–551), костобоков Плиния следует локализовать вблизи него, где обретались или соседствовали фрако-дакийские народы тореты, арихи, тарпеты, сарды, фракийцы-меоты. Упоминание в перечне народов Плиния после у костобоков и кетов народа *Zigae*, т. е. адыгов (зихи Константина Багрянородного, см. № 42) верифицирует такую локализацию.

*hw^ong-ná [Менгес, 1979, с. 72, 168; Пуллиблэнк, 1986, с. 67]. Термин *xǐwoŋ-nu(o), *hw^ong-ná не китайский. Гунны – конгломерат тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, палеоазиатских и прочих народов, отсюда неясность происхождения их имени. Давно думают, что слово *hun (в Хоῦνοι, Οὔννοι, Hunni и др.) имеет значение «человек». Так, Ю. Немет восстановил праформу *qun > xun > hun, при др. тюрк. kün, монг. kümün, hün, манси хун, ненецк. kum, все «мужчина, человек» [Németh, 1991, ol. 57; ср. Redei, 1986, S. 168], посему таковым может быть в реконструированном имени гуннов и значение основы *xǐwoŋ-, *hw^ong-. Аффикс -ná, -nu(o) в нем – алтайский показатель множ. числа имен одушевленного класса -an, -än; есть он и в самодийском, кетском; природа его ностратическая [Иллич-Свитыч, 1976, с. 94–96]. Заимствовав чужое имя гуннов, китайцы употребили для транскрипции иероглифы *hun* «злой» и *ни, нио* «раб» [Karlgren, 1940, № 94, l-n], т.е. смысл имени гуннов у китайцев «злые люди / рабы». Это свойственный народам Азии способ номинации соседних этносов. К примеру, ненецкие наименования соседних народов включают слово *хаби* «раб»: хантов ненцы зовут *саялҕаби* (т.е. обские хаби – по проживанию на реке Обь), селькупы *тасуҕаби* (т.е. тазовские хаби – по реке Таз) и т.д. [Хомич, 1976, с. 69].

Необходимо разъяснить, во-первых, разницу в греческих передачах имени гуннов с начальным *x(h)* и без него – Хоῦνοι, Οὔννοι, во-вторых, соотношение формы имени гуннов с *ǰ* – *xǐwoŋ-nu(o) и без него – *hw^ong-ná. Для решения первого вопроса следует привлечь показательный в данном отношении этноним венгров X–XII вв., тоже употреблявшийся с *x(h)* и без него – Hungāri, Węgrī, Угри, Οὔγγροι (другие формы [Moravcsik, 1958, S. 227]). Оставляя в стороне критику двух предлагавшихся в литературе этимологий имени венгров, присоединяемся к точке зрения Б.А. Серебренникова [1973, с. 39–41], который с основанием указал на связь его с марийским *jeŋ* < *jōŋg- «человек», с именованьем обских угров зырянами (коми) *ѣгра* (= *югра* древнерусских источников, *jūgra*, *jūra* арабских и персидских писателей и пр.), на основании которых реконструировал их праформу *jōŋg-ra (-ra – это постулированный им аффикс множественности, аналогичный по смыслу алтайскому аффиксу -ná). Мы добавим сюда хантыйское *јау* «род, люди, народ» [Терешкин, 1981, с. 61], также перешедший на сымских кетов этноним субстратного населения Ангары и Сыма *јог, југ* (*јогэн, југын*; о них [Алексеенко, 1975, с. 211 сл.]). Их праформу *jōŋg- возводим к основе древнекитайского обозначения гуннов *xǐwoŋ-, *hw^ong- (*j* и *ǰ* – звонкий щелевой). При таком происхождении финно-угорского *jōŋg- от гуннского *xǐwoŋ-, *hw^ong-, форма Hungāri etc. стала результатом следующего развития. Урал. *ŋ* дает венг. *g* (в том числе через стадию *ŋk*), урал. *w* дает в венгерском анлауте *v* или ноль [Хайду, 1985, с. 278–279]; вообще венг. *h* происходит из урал. *k*, но в данном случае речь идет о заимствовании, поэтому начальное *h* источника сохраняется, так что *hw^ong-ná > Hung-ar-i etc. (с заменой аффикса множественности -ná своим финно-угорским его аналогом -ra). Этот этноним венгров при заимствовании в греческий, славянский или западноевропейские языки средневековья утрачивал *h* по

заимствованное финно-угорское *jōng-ra пермские формы – коми *ёгра* (*югра* древнерусских источников, *jūgra*, *jūra* арабских и персидских писателей), *уор* «Письма хазарского царя Иосифа» [Коковцов, 1932, с. 74-75], также хант. *јау*, имя субстратных *югов*, вариант названия гуннов Χιωνῖται (эфталиты) у византийских и персидских писателей (перечень форм [Moravcsik, 1958, S. 236; Менгес, 1979, с. 168]) и др.

Формы Χοῦνοι Птолемея, Οὔνοι Дионисия и византийских авторов, лат. Hunni, армян. հոն'к, прозвание угров Hungāri восходят к имени гуннов без йотации, т. е. *hw^ong-ná, которое ввиду сказанного об эпентетическом ĭ неалтайское. Что до имени венгров, то оно могло иметь в венгерском языке I тыс. производные к тому же с утраченными х и w анлаута, что лабиализовало корневой гласный, чем объясняются особенности фиксации имени венгров с X в. Hungāri, Weḡri, Угри, Оўуҕрои и пр.

Мы упомянули о возможном присутствии в гуннской орде не только алтайцев, но также палеоазиатов. Шесть волн гуннов накатывалось на Северное Причерноморье с середины II по V в. (ТБР, 454-476). С двумя первыми волнами (153/165 – 210-е гг. и 220–244 гг.) следует связать присутствие в антропонимиконе надписей Танаиса конца II – первой половины III вв. н. э. [Шелов, 1974, с. 86–89] примерно 80 непонятных нам личных имен. Они связаны с неизвестными нам народами и языками, которые пришли в Нижнее Подонье с востока (с запада пришли германцы, которые в середине III в. очистили город Танаис от них). В этом заключена особая ценность списка народов I в. н. э. между Доном и Уралом у Плиния, ибо кому-то из них могут принадлежать эти не интерпретированные еще личные имена из Танаиса.

IV. Финно-угорские этнонимы Скифского логоса Геродота и Европейской Сарматии Птолемея

40. Перьервиды, народ. Древнейшие известия о финно-уграх скудны. Автор II в. н. э. Птолемей (Geogr. III, 5, 8) знает близ реки Вислы народ Φίννοι; у его современника Корнелия Тацита (Germania, 46) ориентир для их местоположения горы – Северные Карпаты, откуда течет Висла. Есть сомнение, что эти финны соответствуют позднейшим прибалтийским финнам, которые в новое время не обитают так далеко на западе, тем более что Fenni не их самоназвание (это имя неясного происхождения дали им шведы). Первое прочное известие об угро-финнах – у историка VI в. Иордана (Getica, 116), которому известны в числе народов Скифии Merens, Mordens; в них давно видят мерю, мордву. На наш взгляд, у Птолемея все же есть определенное указание на финно-угров – этноним Περίερβίδοι (Geogr. V, 8, 16): «вдоль северного поворота реки Танаис *живет* многочисленный народ перьервидов». В основе имени Περίερβίδοι усматриваем финно-угорский топоним типа прибалтийско-финского *perä jarvi*, т. е. жители «Заднего озера, Заозерья», обычная для финно-угорской топонимии модель с *perä* «задняя сторона» (иногда *resp.* «север»). Классический пример – вепсское обозначение коми-Заволочья *perä таа* «задняя = северная земля» (отсюда русское *перьма*). Итак, имя Περίερβίδοι двухосновное, обе общефинно-угорские. Первая основа **perä* «конец», «сзади»: финское *perä* «задний»,

[Сёмушкин, 2000, с. 58–60]³⁸. Еще в XV в. на Верхнем и Среднем Дону, по рекам Хопер, Медведице обитало угорское население, остатки его проживали к востоку от Цны и в XIX в. [Сёмушкин, 2000, с. 58; Галкина, 2010, с. 77, 87].

Присутствие финно-угров во II в. н. э. на Среднем Дону, в VI в. мордвы, мери на территории между Средним Доном и, видимо, Средней Волгой свидетельствует, что они принадлежат к древним насельникам лесостепной Восточной Европы – с начала новой эры. Вместе с тем, финно-угорский характер имени Геродотовых иирков, обитавших там же, на Среднем Дону (см. ниже, № 41), удревняет финно-угорское присутствие по V в. до н. э.

41. Иирки, народ. Определенно об иирках пишет лишь Геродот (IV, 22): «выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому *Ἰύρκα*, они также живут охотой» (далее следует описание их способа охоты). Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся (*ἀποστάτες*) от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну» (пер. [Народы нашей страны, 1982, с. 109]). Далее, в § 26, 27, говорится об исседонах и аримаспах. Давно замечено, что в подобном тексте Плиния (VI, 19) также следует усматривать иирков. Согласно Плинию, по реке Танаису «первыми живут савроматы... , затем *Naevazae, Coitae, Cizici, Messeniani, Cotobacchi, Cetae, Zigae, Tindari, Thussegetae, Turgae*, до пустынь, недоступных вследствие лесистых ущелий; за пустынями *живут* аримфеи, владения которых простираются до Рипейских гор» (SC 2, p. 180). Соседство с тиссагетами, упоминание пустыни и аримфеев-аримаспов показывает, что этот фрагмент приведенного пассажа Плиния является краткой парафразой цитированного рассказа Геродота, т. е. *Turgae* – это испорченное имя геродотовых иирков. Литература о них огромна, она суммирована в замечательном труде питерских коллег [Народы нашей страны, 1982, с. 246–247]. Особенно много локализаций: иирков помещали в Приуралье, Зауралье, Средней Азии. Мы отождествили страну будинов с территорией распространения посульско-поворсклинской и северско-донецкой группой скифских археологических памятников V–III вв. до н.э., тиссагетов с культурой воронежских курганов, иирков со среднедонской скифоидной культурой того же времени (Скифия, с. 172–176, лит.). Напомним, во II в. н. э. тут обретают финно-угры периервиды Птолемея (выше, № 40); это обстоятельство оправдывает

³⁸ Безграмотную попытку выявления финно-угорских гидронимов на Среднем и Нижнем Дону предпринял воронежский краевед П. Н. Черменский [1965, с. 138]: к таковым он отнес древние (Геродот, Плиний) имена Дона Танаис, Синус, Акесин, Иргис. Между тем, Танаис бесспорно иранское имя (ТБР, с. 337), Синус и Акесин, видимо, индо-иранские (в Индии времени Александра Македонского известна река Акесин [Скифия, с. 121–126]). По Черменскому, также имя Северского Донца у Геродота Иргис «созвучно мордовскому *ерке* «озеро», отсюда и русское слово *ерик* «протока». Тут все ошибочно: связи имени Иргис с мордовским словом препятствует его вариант Сиргис у того же Геродота; *ерик* не финно-угорская, а тюркская топооснова [Мурзаев, 1984, с. 202].

ее в перечне рек, часть которых, по его словам, впадает в Каспийское море. Наконец, Naevazaе – иранское сарматское племя Задонья: среднеиран. *næva-asa-* «новые асы / аланы»⁴⁰. Это аланская форма, судя по дифтонгу *æ* в *Naeva-*, ср. осет. *nævæg* «новый».

Касательно остальных названий мы выше (см. № 41) отметили, что тут у Плиния дана краткая парафраза пространного рассказа Геродота (IV, 22) о народах региона между Танаисом-Доном и Рипейскими-Уральскими горами. Под № 41 мы привели и текст Геродота, поэтому тут назовем лишь его объекты: будины, к северу пустыня, за нею к востоку тиссагеты, рядом с ними иирки; с отклонением к востоку скифы-апостаты; далее, в § 26, 27, Геродот говорит об исседонах и аримаспах. Тиссагетам Геродота соответствуют *Thussegetae* Плиния, ииркам – (I)угсае, аримаспам – аримфеи. В этом же обширном регионе между Доном, Кубанью и Уралом обретаются также еще не объясненные нами народы списка Плиния – *Coitae*, *Messeniani*, *Cetae*. Перед мессенианами пасуем, а в кетах и койтах предположительно усматриваем предков енисейских кетов. Основания для этого следующие.

Имя кетов представляет собой распространенный в этнонимике тип номинации словом «человек» (и «настоящий человек» [Крюков, 1984, с. 6–12]): пумпокольское, аринское *kit*, ассанское *git*, имбацкое *ket*, *het*, коттское *kot* (записи XVII–XVIII вв.) < общеенисейского **keət* «человек», откуда *Cetae*, *Coitae* Плиния⁴¹. Компонент **keət* усматриваем и в имени *Θυσσα-γέται* Геродота, *Thusse-getae* Плиния; первую основу вслед за П. Шафариком, Ф. Г. Мищенко и др. [лит. Народы нашей страны, 1982, с. 244–245] сопоставляем с именем крупного (до 600 км) притока Камы Чусовая в Западном Приуралье; происхождение ее названия неизвестно (см. справку у В.А. Никонова [1966, с. 473]). Образовано имя тиссагетов по типу, широко принятому у народов Западной Сибири – селькупов, хантов и др., в том числе кетов – имя реки + слово со значением «люди, народ», т. е. «люди с реки имярек»: гидроним вроде **čussa* + **keət* = *Θυσσαγέται*, *Thussegetae* «люди с реки Чус». При такой формуле тиссагеты не обязательно кеты, это имя может быть и аллоэтнонимом, т. е. прозвищем, данное соседним народом, в этом случае кетами. Если такое понимание имени тиссагетов точное, тиссагеты, кеты, коты локализируются в Западном Приуралье.

Енисей – конечная территория миграции кетов. В их культуре усматривают следы пребывания в более южном ареале; например, способ запахивания халата тот же,

⁴⁰ Новые, может быть, относительно «старых» асов – *Asiani* Помпея Трога (= Ашина китайских источников, булгары и их правящий род) и *Ἀσιῶν* Страбона (народ из восточной орды, отнявшей в 140–130 годах у греков Бактриану). Есть несколько этимологий имени *Ašina-Asiani*, на наш взгляд, это древнетюркская форма иранского имени алан: древнеиран. *aiyana-* «иранский» > среднеиран. **alyan*, *alan-* «алан»; в древнетюркском глухой *l* переходил в *š*, отсюда **alyan* > *Ašina-* (*Asiani* Трога). См. обо всем этом [Яйленко, 1995, с. 62–66]. В *Ἀσιῶν* Страбона содержится основа *aiyua-* (без суффикса *-an*) > **alya*, что в древнетюркском стало **asia*, чагатайское *asa* (др. рус. ясь «осетин») = *Ἀσι-οι*. В *Naev-azaе* это *asa* дано в сарматской форме **aza-* (о мене *s-z* в сарматском см. [Zgusta, 1955, S. 234–235]). Обычно имя алан *asa* etc. возводят к иран. *āsu-* «быстрый».

⁴¹ Самоназвание кот(т)ов *чанг*, *чанг* «люди, народ», *коттуэн*, т. е. кет; *кхотовичи*, *кутовы*.

Таматарху». Формы Укрех и Угру идентичны (так думали уже Б. Дорн, А. Я. Гаркави), это одна река. См. лит. [Коковцов, 1932, с. 111]. Зихия (Ζιχία) – адыгейская земля, Таматарха – хазарский город на Тамани (древнерусская Тмутаракань), поэтому рекой Укрех Константина может быть только Нижняя Кубань, которая своим южным рукавом впадала в Кизилташский / Цукурский лиман⁴⁴. Суффиксацию -ουχ имеет у того же Порфириогенета (De adm. imp. 53) также имя селения в Зихии Χαμοῦχ; территориальная близость обоих названий позволяет формально видеть и в Укрех адыгский гидроним. Однако у Нижней Кубани было адыгское название и оно другое – Псыж «большая река». Поскольку тут проживали угры, вероятно сближение их этнонима с именем Нижней Кубани Οὐκροῦχ; при этом, если б оно было собственно угорским, ожидалась бы форма Οὐγκροῦχ (ср. латинское имя венгров Ungri), отсутствие γ (фонетически η) указывает, что Οὐκροῦχ – славянское или скорее хазарское название реки – Угорская. Обоснуем сказанное. В «Хронике» писателя IX в. Георгия Амартола под 626 г. говорится, что византийский император Ираклий в войне с персами призвал на помощь угров (Οὐγγροι, слав. Оугри), те прошли Евксинским Понтом (Черным морем) и включились в военные действия против персидского царя Хосрова [Истрин, 1920, с. 434]. Таким образом, угры двигались в Закавказье по берегу восточного побережья Черного моря, стало быть, из западной части Северного Кавказа или из Восточного Приазовья⁴⁵. Основа названия Укрех *ukr(u)- (или *ugr(u)-), конечное х в Οὐκροῦχ может быть тюркским (хазары тюрки) аффиксом прилагательных -qa (о нем [СИГТЯ, 1988, с. 331]). Значение гидронима Угру – «угорская река», ср., к примеру, точно такое название реки в бассейне Печоры *Йӱгра ёль* «угорская лесная река» [Ануфриева, 1990, с. 13]⁴⁶.

49. Сингул, 50. Хингул – река Ингул. Император 945–959 гг. Константин Багрянородный (De adm. imp. 38, 42) привел две формы названия реки Ингул – Χιγγιλοῦς и Συγγούλ.⁴⁷ Обе формы различаются анлаутным s – h (x), раньше эту альтернативу объясняли как иранскую, что неудачно – это переход древнеиран-

⁴⁴ П. К. Коковцов [*locum cit.*] возражал против идентификации Угру и Укрех, ссылаясь на слова Иосифа, что до реки Угру от его столицы на Итиле 30 фарсахов, тогда как в реальности расстояние в два раза больше. Однако Иосиф, описывающий в данном пассаже просторы своей державы, оперирует тридцатью фарсахами в разных направлениях, у него это тут не столько единица расстояний, сколько синоним дальности границ и объектов.

⁴⁵ Столетием раньше император Юстин I прислал на Боспор Киммерийский патрикия Проба с большими деньгами для подкупа гуннов с тем, чтобы они прошли в Иберию для помощи в борьбе с другими варварами [Пигулевская, 1976, с. 230]. Таким образом, это был издавна налаженный путь продвижения союзных византийцам варваров из Восточного Приазовья в Закавказье по Черноморскому побережью.

⁴⁶ Топонимы, включающие коми название обских угров *йӱгра*, имеются в бассейнах Печоры и Вычегды [Туркин, 1990, с. 197].

⁴⁷ Тогда Ингул был притоком Южного Буга, ныне впадает в Бугский лиман. Хингулом-Сингулом Константина не может быть Ингулец, ибо диминутивный суффикс -εϋ указывает на вторичность имени, т. е. на производство его от названия Ингул (например, построенный Святославом на Дунае Киевец получил имя по стольному Киеву и означает «Малый Киев»), так что Ингулец – это «Малый Ингул».

ерик, имя реки Ангелки около Нерли во Владимирской области; основа обоих имен, за вычетом русской суффиксации, *ангел-*. Всего в Восточной и Средней Европе три таких названия; третий – затон озера Выгры на востоке Польши неподалеку от Литвы: польск. *Angielska*, есть у него и другое имя *Żabowa* «жабья, лягушачья» [Wb. Gewässernamen, 1961, S. 32]. Редкость этого рода гидронаименований свидетельствует об их уникальной природе, с которой попробуем разобраться.

Полагаем, имена Ангелинский ерик и Ангелка связаны с продуктивной в Сибири, Монголии, Средней Азии топоосновой *анга* «устье», которая дала названия разного рода водоемам – рекам, протокам, заводям, озерам (см. о ней [Мурзаев, 1984, с. 50]). В. М. Иллич-Свитыч [1971, с. 244-245] выделил ностратическую основу **hanga*- «разевать рот», с привлечением уральского **аңа* «рот, отверстие», алтайского **аңа* «разевать, открытый» и др.; уральские и алтайские факты составляют $\frac{4}{5}$ ее производных (есть также небольшой дравидийский и семито-хамитский материал). Первоначальное слово, обозначавшее «рот, отверстие», в топонимике логично получило значение «устье» реки, протоки и пр., далее «река», «протока», «старица», «озеро», «заводь» и др. Так, тюрк. *агыз*, *ауыз*, *аууз*, *оос* «рот, пасть; отверстие, дуло, жерло; горлышко сосуда; вход», по констатации Н. А. Баскакова [1969, с. 67], «для <географического> номенклатурного названия устья реки встречаются в большинстве тюркских языков»⁵⁰.

Связь имени Ангелинского ерика с топоосновой *анга* «устье, протока» (и пр.) подтверждается физиографической близостью ее и тюркской топоосновы *ерик*. Для сравнения, распространенные в Западной Сибири селькупские гидронимы с *анга* относятся к тем частям рек, где в воде мало кислорода, часто это старые русла со стоячей затхлой водой [Беккер, 1970, с. 9]. *Ерик* обычно дельтовый проток, старица, мертвое русло, заливаемое в половодье, и т. д. [Мурзаев, 1984, с. 202], именно таков Ангелинский ерик.

В Западной Сибири *анга* как название рек – селькупского происхождения [Розен, Малолетко, 1986, с. 24], при Лене, Байкале – бурят-монгольского [Мурзаев, 1984, с. 50; Бертагаев, 1980, с. 127], на Алтае – тюркского [Баскаков, 1969, с. 66]. В самодийских языках производные основы **аңа* представлены и в лексике, и в топонимике, по этой причине в давней заметке об Ангелинском ерике мы сочли этот гидроним самодийским, опираясь на гипотезу о присутствии палеоазиатов в гуннской орде [Яйленко, 1987, с. 113-114]. Все же, поскольку предположение о самодийцах на Кубани ничем иным не подтверждено, необходимы поиски иной этноязыковой среды, в которой употребительна топооснова **анга-*. При этом важным признаком является ее *l*-суффиксация в именах Анг-ел-линский, Анг-ел-ка. В средневековье на Кубани прочно обретали тюрки, монголы, у которых, как сказано, эта топооснова употребительна; однако в бурятском и монгольском ареалах она обычно имеет *-r-* суффиксацию (Ангара и пр.), а тюркские

⁵⁰ Так и в русском языке *уста* – *устье*, *губа* – часть рта и залив с устьем реки, в армянском – *beran* «рот», «устье» реки [Мурзаев, 1984, с. 80-81, 163, 583-584]. Полагаем, упомянутые тюрк. *агыз*, *ауыз*, *аууз*, *оос* восходят к **ангыз* < **анга-* (по общетюркскому соответствию *а-ы*).

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Алфавитный указатель названий

Абиан 19. Абика 18. Амадока 15, 16. Амадоки 12. Амадокия 13. Амадокские горы 14. Ангелинский ерик 51. Арбина 23. Арбинаты 22. Арпии 24. Арпис 25. Ахардей 33.

Гермонактов поселок 8. Гунны 39.

Дакия близ Борисфена 17.

Иирки 41. Исиаков гавань 5. Истриан гавань 4.

Кантики 34. Кантиокапты 35. Кеты 45. Костобоки 37. Коты 46. Кробизы 10.

Леан 29. Леин 28.

Мермод 31. Мермадалис 32. Мюргеты 38.

Навазы 42. Неоптолемова башня 7. Ниосс 27.

Ольвия 21. Ордесс 3.

Периервиды 40. Порита 30.

Рода 2.

Сангарий 1. Сапеи 36. Сарбак 26. Сарды 11. Сингул 49. Скопелы 9.

Тиндары 44. Туссегеты, Тиссагеты 47.

Угру 48.

Фюска 6.

Хингул 50.

Цезы 43.

Энойкадии 20.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Этимологические заметки. Иранское *kap* «копать», «насыпать» // Труды Института языкознания. М. : Изд-во Академии наук, 1956. Т. VI. С. 442–450.
- Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / под ред. В. С. Расторгуевой. М. : Наука, 1979. С. 272–364.
- Азбунов М. В.* К вопросу о локализации Башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ. 1978. № 1. С. 112–123.
- Азбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М. : Мысль, 1985. 160 с.
- Азбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. М. : Наука, 1987. 156 с.
- Азбунов М. В.* Античная география Северного Причерноморья. М. : Наука, 1992. 240 с.
- Акопян А. А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987. 302 с.
- Алексеенко Е. А.* К вопросу о так называемых кетах-югах // Этногенез и этническая история народов Севера / под ред. И. С. Гурвич. М. : Наука, 1975. С. 211–222.
- Ануфриева З. П.* Субстратная топонимия угорского происхождения в бассейне Печоры // МКФУ. 1990. Т. 2. С. 11–13.
- Атаманов М. Г.* Самодийские элементы в топонимии Удмуртии // МКФУ. 1990. Т. 2. С. 20–22.
- Баранцев А. П.* К проблеме прибалтийско-финской диахронии // МКФУ. 1990. Т. 2. С. 26–28.
- Баскаков Н. А.* Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая // Топонимика Востока / отв. ред. Э. М. Мурзаев. М. : Главная редакция восточной литературы, 1969.
- Беккер Э. Г.* О некоторых селькупских географических терминах // Языки и топонимика Сибири / отв. ред. А. П. Дульзон. Томск: Изд-во университета, 1970. Вып. 3. С. 8–11.
- Бертагаев Т. А.* О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока / отв. ред. Э. М. Мурзаев и др. М. : Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 124–129.

Яйленко В.П. Заметки по топонимике ...

- Буйских А. В., Редина Е. Ф. Античное поселение «Приморский бульвар». Итоги исследований и проблема хронологии // МАСП. 2015. Вып. 13. С. 100–130.
- Галкина Е. С. Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // *Rossica antiqua*, 2010. № 1. С. 54–98.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. 1328 с.
- Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 314 с.
- Георгиев В. Траките и техният език. София: Българска Академия на науките, 1977. 348 с.
- Гиндин Л. А. Проблемы балканистики (лингвистический аспект) // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 64–78.
- Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София: Болгарская Академия наук, 1981. 239 с.
- Гуя Я. Древнейшие сведения о финно-угорских народах и первые шаги в их изучении // Советское финно-угроведение, 1987. № 2. С. 127–130.
- Данов Х. М. Древна Тракия. София: Наука и изкуство, 1968. 470 с.
- Долгопольский А. Б. Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза // *Этимология 1964* / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1965. С. 250–270.
- Дуриданов И. Езикт на траките. София: Наука и изкуство, 1976. 166 с.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. : Главная редакция восточной литературы, 1967. Т. 2. 212 с.
- Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М. : Языки славянской культуры, 2005. 503 с.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М. : Наука, 1971. Т. 1. 370 с. 1976. Т. 3. 156 с.
- Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг. : Академия наук, 1920. Т. 1. 615 с.
- Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М. : Наука, 1986. 208 с.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. : Академия наук СССР, 1932. 134 с.
- Крюков М. В. «Люди», «Настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // *Этническая ономастика* / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. М. : Наука, 1984. С. 6–12.
- Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез. М. : Ун-т Дм. Пожарского, 2016. 215 с.
- Кузнецов В. Д. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Фанагория / под ред. В. Д. Кузнецова. М. : ООО «Новые решения», 2016. Т. 4. Вып. 2. С. 250–278.
- Малюкевич А. Е. К вопросу о локализации Гермонактовой деревни // Мир Ольвии / под ред. С. Д. Крыжицкого. К. : Наукова думка, 1996. С. 143–147.
- Март Н. Я. Ольвия и Альба-Лонга // Известия Академии наук. 1925. Т. 19. С. 663–672.
- <п>Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л. : Наука, 1979. 266 с.
- Мошкова М. Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / под ред. А. И. Мелюковой. М. : Наука, 1989. С. 153–158.
- Муллонен И. И. Вепские ойконимические форманты // Вопросы финно-угорской ономастики / отв. ред. М. Г. Атаманов. Ижевск: Удмуртский филиал УрО АН СССР, 1989. С. 102–117.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974. 382 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984. 653 с.
- Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М. : Наука, 1982. 455 с.
- Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М. : Наука, 1978. 231 с.
- Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М. : Мысль, 1966. 509 с.
- Отрешко В. М. О локализации Гавани исиаков и Гавани истриан // Ольвийские древности / редактор-составитель С. Б. Буйских. К. : Корвин пресс, 2009. С. 64.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Охотников С. Б.* Никоний в античных письменных источниках // МАСП. 2015. Вып. 13. С. 80–90.
- Петров В. П.* Скіфи. Мова і етнос. К. : Наукова думка, 1968. 149 с.
- Пигулевская Н. В.* Ближний Восток, Византия, славяне. Л. : Наука, 1976. 240 с.
- Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М. : Индрик, 2002. 487 с.
- Поночевный М. О.* Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Сб. 2. С. 1–60.
- Пуллиблэнк Э. Дж.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология / под ред. А. Н. Кононова. М. : Главная редакция восточной литературы, 1986. Вып. 1. С. 29–70.
- Расторгуева В. С., Молчанова Е. К.* Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки / под ред. В. С. Расторгуевой. М. : Наука, 1981. С. 6–146.
- Редина Е. Ф.* Античные поселения междуречья Южного Буга и Днестра в древнегреческой литературной традиции и попытки их локализации // Древнее Причерноморье. Одесса: Ун-т, 2006. С. 182–187.
- Розен М. Ф., Малолетко А. М.* Географические термины Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 205 с.
- Русяева А. С.* Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: Благовт. Фонд «Деметра», 2010. 287 с.
- Сёмушкин В. А.* Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты. Воронеж, 2000 (рукопись дисс. канд. филол. наук, Российская гос. библиотека, Москва).
- Серебренников Б. А.* К уточнению некоторых этимологий // Советское финно-угроведение. 1973. № 1. С. 35–41.
- Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. К. : Наукова думка, 1977. 126 с.
- Скржинская М. В.* О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 1981. № 3. С. 142–146.
- Старостин С. А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М. : Главная редакция восточной литературы, 1989. 725 с.
- Терешкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л. : Наука, 1981. 541 с.
- Топоров В. Н.* К фрако-балтийским языковым параллелям. [I] // Балканское языкознание / под ред. С. Б. Бернштейна. М. : Наука, 1973. С. 30–63.
- Топоров В. Н.* К фрако-балтийским языковым параллелям II // Балканский лингвистический сборник / под ред. А. А. Зализняка. М. : Наука, 1977. С. 59–116.
- Трубачев О. Н.* Названия рек правобережной Украины. М. : Наука, 1968. 289 с.
- Трубачев О. Н.* Indoagica в Северном Причерноморье. М. : Наука, 1999. 320 с.
- Туркин А. И.* Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики // МКФУ, 1990. Т. 2. С. 196–198.
- Фол А.* Тракия и Балканы през ранноелинистическата епоха. София: Наука и изкуство, 1975. 270 с.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М. : Прогресс, 1985. 430 с.
- Хелимский Е. А.* Keto-Uralica // Кетский сборник / под ред. Е. А. Алексеенко. Л. : Наука, 1982. С. 238–251.
- Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. : Наука, 1976. 189 с.
- Черменский П. Н.* К истории гидронимов Дона и его притоков // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л. : Географич. общество, 1965. С. 138.
- Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80–93.
- Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М. : Наука, 1982. 312 с.
- Яйленко В. П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. : Ин-т всеобщей истории, 1987. С. 4–200.
- Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура / под ред. Е. С. Голубцовой. М. : Наука, 1990. С. 249–309.
- Яйленко В. П.* Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана / под ред. Б. А. Литвинского, Т. А. Жданко. М. : Институт этнографии, 1990а. Ч. 2. С. 37–49.
- Яйленко В. П.* Происхождение названия Борисфен // Terra antiqua Balcanica. Serdica: Centrum historiae, 1991. Т. VI. С. 292–300.

Яйленко В.П. Заметки по топонимике ...

- Яйленко В. П.* Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение // Элита и этнос средневековья / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Ин-т всеобщей истории, 1995. С. 59–71.
- Янко М. Т.* Топонімічний словник-довідник Української РСР. К. : Радянська школа, 1973.
- Bravo B.* Un lettre sur plomb de Berezan' // Dialogues d'histoire ancienne. 1974. T. 1. P. 110–187.
- Chadwick J.* The Berezan Lead Letter // Proceedings of the Cambridge Philological Association. Cambridge, 1973. T. 199. P. 35–37.
- Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien: R. M. Röhrer, 1957 (Oesterreichische Ak. der Wiss. Phil. - hist. Kl. Schriften der Balkankommission, Linguist. Abt. 14). 582 S.
- Duridanov I.* Thrakisch-dakische Studien. I. Sofia: Bulgarische Akademie der Wiss., 1969. (Linguistique Balkanique. T. XIII, 2). 104 S.
- Fick A.* Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905. 173 S.
- Fick A.* Die Indogermanen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1907. Bd. 41.
- Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1955. Bd. 1.
- Karlgren B.* Grammata Serica. Stockholm: Elanders boktrickeri, 1940. 470 p.
- Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. Wien: R. M. Röhrer, 1959. Bd. 2. 263 S.
- Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. Bd. 2. 326 S.
- Müller C.* Claudii Ptolemaei Geographia. Parisii: Firmin Didot, 1901. Vol. I, 2.
- Németh Gy.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 398 oldat.
- Pape W., Bensele G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
- Pärvan V.* Getica. București: Cultura Națională, 1926. 851 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959. Bd. 1. 1183 S.
- Pritsak O.* From the Sábirs to the Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in Honour of J. Németh. Ed. Gy. Káldy-Nagy. Budapest: Loránd Eötvös univ. 1976. P. 17–30.
- Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986, 1988. Lfg. 1, 6.
- Russu I. I.* Limba traco-dacilor. București: Editura Academiei RSR, 1959. 158 p.
- Russu I. I.* Illirii. București: Editura Academiei RSR, 1969. 302 p.
- Stückerberger A., Graeshoff G.* Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Hrsg. von A. Stückerberger, G. Graeshoff. Basel: Schwabe Verlag, 2006. 1. Teil. 470 S.
- Treimer K.* Die illyrische Namengebung // Kongressberichte (6 Intern. Congress of Onomastic Sciences). München: C. H. Beck, 1960. Bd. 1. S. 730–743.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodinas. Vilnius, Moskvas, 1981, 408 p.
- Vasmer M.* Die Iranier im Südrussland. Lpz. : Markert und Petters, 1923. 79 S.
- Vlahov K.* Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache auf die Thrakische // Linguistique Balkanique. 1972. T. XVI, 1. Sofia. S. 15–37.
- Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Hrsg. von M. Vasmer. Berlin, Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961. Bd. 1.
- Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd. 467 s.

REFERENCES

- Abaev V. I. Etimologicheskie zametki. Iranskoe kan "kopat", "nasypat". *Trudy Instituta yazykoznannia*. M. : Izdatel'stvo Akademii nauk, 1956, Vol. VI, pp. 442–450.
- Abaev V. I. Skifo-sarmatskie narechia. *Rastorgueva V. S. (Ed.). Osnovy iranskogo yazykoznannia. Drevneiranskije yazyki*. M. : Nauka, 1979, p. 272–364.
- Agbunov M. V. K voprosu o lokalizatsii Bashni Neoptolema i Germonaktovoi derevni // VDI, 1978, № 1, pp. 112–123.
- Agbunov M. V. *Zagadki Ponta Evksinskogo*. M. : Mysl' Publ., 1985, 159 p.
- Agbunov M. V. *Antichnaia lozia Chernogo moria*. M. : Nauka, 1987, 155 p.
- Agbunov M. V. *Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria*. M. : Mysl' Publ., 1992, 236 p.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Akopian A. A. *Albania-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmijskikh istochnikakh*. Erevan, Akademia nauk Arm. SSR Publ., 1987, 302 p.
- Alekseenko E. A. K voprosu o tak nazyvaemykh ketakh-iugakh. *Gurvich I. S. Etnogenez i etnicheskaia istoria narodov Severa*. M. : Nauka, 1975, pp. 211–222.
- Anufrieva Z. P. Substratnaia toponimia ugorskogo proiskhozhdenia v basseine Pechory. *MKFU*, 1990, Vol. 2, pp. 11–13.
- Atamanov M. G. Samodiiskie elementy v toponimii Udmurtii. *MKFU*, 1990, Vol. 2, pp. 20–22.
- Barantsev A. P. K probleme pribaltiisko-finskoj diakhronii. *MKFU*, 1990, Vol. 2, pp. 26–28.
- Baskakov N. A. Geograficheskaia nomenklatura v toponimii Gornogo Altaia // *Murzaev E. M. Toponimika Vostoka*. M. : Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1969.
- Bekker E. G. O nekotorykh sel'kupskikh geograficheskikh terminakh. *Dul'zon A. P. Yazyki i toponimika Sibiri*. Tomsk: Izdatel'stvo universiteta, 1970. Vyp. 3, pp. 8–11.
- Bertagaev T. A. O mongol'skikh i buriatskikh toponimakh. *Murzaev E. M. (Ed.). Onomastika Vostoka*. M. : Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1980, pp. 124–129.
- Buisikh A. V., Redina E. F. Antichnoe poselenie "Primorskii bul'var". Itogi issledovaniia i problema khronologii // *MASP*, 2015, Vyp. 13, p. 100–130.
- Chermenskii P. N. K istorii gidronimov Dona i ego pritokov. *Vsesoiuznaia konferentsia po toponimike SSSR. Tezisy dokladov i soobschenii*. L. : Geografich. obschestvo, 1965, p. 138.
- Danov Chr. M. *Drevna Trakia*. Sofia: Nauka i izkustvo Publ., 1968, 470 p.
- Dolgopolskii A. B. Metody rekonstruktsii obscheindoevropskogo yazyka i sibiroevropeiskaia gipoteza. *Trubachev O. N. (Ed.). Etimologia 1964*. M. : Nauka, 1965, pp. 250–270.
- Duridanov I. *Ezikt na trakite*. Sofia: Nauka i izkustvo Publ., 1976, 166 p.
- Fol A. *Trakia i Balkanite prez ranno-ellinisticheskata epokha*. Sofia: Nauka i izkustvo Publ., 1975, 270 p.
- Galkina E. S. Etnosy Vostochnoi Europy v tsikle "O tiurkakh" arabskoj geograficheskoi literatury. *Rossica antiqua*, 2010, № 1, pp. 54–98.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Viach. Vs. *Indoevropskii yazyk i indoevropsy*. Tbilisi: Univ. Publ., 1984, T. 1, 429 p.; T. 2, 469–1329 p.
- Georgiev V. *Issledovania po sravnitel'no-istoricheskomu yazykoznaniiu*. M. : Vostochnaia literatura Publ., 1958, 314 p.
- Georgiev V. *Trakite i tekhniat ezik*. Sofia: Bulgarskata Akademia na naukite Publ., 1977, 345 p.
- Gindin L. A. *Problemy balkanistiki (lingvisticheskii aspekt) // Voprosy iazykoznanii*, 1973, № 1, pp. 64–78.
- Gindin L. A. *Drevneishaia onomastika Vostochnykh Balkan*. Sofia: Bolgarskaia Akademia nauk Publ., 1981, 238 p.
- Guya Ya. Drevneishie svedenia o finno-ugorskikh narodakh i pervye shagi ikh izucheniia. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1987, № 2, pp. 127–130.
- Hajdú P. *Ural'skie yazyki i narody*. M. : Progress, 1985, 430 p.
- Illich-Svitych V. M. *Opyt sravnenia nostraticheskikh yazykov*. M. : Nauka, 1976, T. 3, 166 p.
- Istrin V. M. *Khronika Georgia Amartola v slaviano-russkom perevode*. Vol. 1. Petrograd: Akademia nauk, 1920, 615 p.
- Khelimskii E. A. 1982. Keto-Uralica. *Alekseenko E. A. (Ed.). Ketskii sbornik*. Leningrad: Nauka, pp. 238–251.
- Khomich L. V. *Problemy etnogenezia i etnicheskoi istorii nentsev*. L. : Nauka, 1876, 189 p.
- Klimov G. A. *Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanie*. M., Nauka, 1986, 208 p.
- Kokovtsov P. K. *Evreisko-khazarskaia perepiska v X v. L. : Akademia nauk*, 1932.
- Kriukov M. V. "Liudi", "Nastoiashchie liudi" (k probleme istoricheskoi tipologii etnicheskikh samonazvanii). *Djarylgasinova R. Sh., Nikonov V. A. (Edd.). Etnicheskaia onomastika*. Moscow: Nauka, 1984, pp. 6–12.
- Kullanda S. V. *Skify: iazyk i etnogenez*. M. : Universitet Dm. Pozharskogo, 2016, 215 p.
- Kuznetsov V. D. Fanagoria i Sindika: nekotorye zametki. *Kuznetsov V. D. (Ed.). Fanagoria*. M. : OOO "Novye reshenia", 2016, Vol. 4, Vyp. 2, pp. 250–278.
- Maliukevich A. E. K voprosu o lokalizatsii Germonaktovoi derevni. *Kryzhitskii S. D. (Ed.). Mir Ol'vii*. Kiev: Naukova dumka, 1996, pp. 143–147.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Yailenko V. P. Enisseitsy-kety v etnicheskoj istorii drevnei Srednei Asii // *B. A. Litvinskii, T. A. Zhdanko (Edd.). Problemy etnogeneza i etnicheskoj istorii narodov Srednei Asii i Kazakhstana*. M. : Institut etnografii, 1990a. Pt. 2, pp. 37–49.
- Yailenko V. P. Proiskhozhdenie nazvaniya Borysthen // *Terra antiqua Balcanica*. Serdica: Centrum historiae, 1991, T. VI, pp. 292–300.
- Yailenko V. P. Praviashchii tiurkskii rod ashina: istoki i prodolzhenie // *A. A. Svanidze (Ed.). Elita i etnos srednevekovia*. M. : Institut vseobschei istorii, 1995, pp. 59–71.
- Yanko M. T. *Toponimichnyi slovnyk-dovidnyk Ukrain's'koi RSR*. Kyiv: Radians'ka shkola, 1973, 179 p.
- Zakhoder B. N. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope*. Moscow: Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1967, Vol. 2, 212 p.
- Zubarev V. G. *Istoricheskaia geografia Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoi pis'mennoi trditsii*. M. : Yazyki slavianskoj kultury, 2005, 503 p.

Резюме

В статье рассмотрена топонимика и этнонимия античного Северного Причерноморья, Скифии, Сарматии. Большинство названий фракийского происхождения, есть также иллирийские, греческие, иранские, нахско-вайнахские, гуннские, кетские финно-угорские (последние также раннесредневековые). Рассмотрена фонетическая система фракийско-дакийского языка. Выделены следующие топонимические и этнонимические ареалы: междуречье Днестра и Днепра; Нижнее Поднепровье и Нижнее Побужье; Азиатский Боспор, Северный Кавказ, Скифия, Сарматия. Исследовано 51 название.

Ключевые слова: античное Северное Причерноморье, Скифия, Сарматия, топонимика, этнонимия.

Summary

In this article there are investigated toponymy and ethnonymy of the ancient North Pontic area, Scythia, Sarmatia. The most part of the names is Thracian, there are also some Illyrian, Greek, Iranian, North Caucasian Nakh-Vainakhian, Hunnic, Enyssean-Ketian, Finno-Ugrian items. The geographic regions of the names are the followings: a space between the rivers Dniester and Dnieper; low areas of Dnieper and Bug; Asiatic Bosphorus; North Caucasus; Scythia; Sarmatia. The names investigated are in toto 51.

Key words: ancient North Pontic area, Scythia, Sarmatia, toponymy, ethnonymy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яйленко Валерий Петрович,
доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь, Москва.
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yailenko Valery, DSc, Prof.,
independent researcher, Moscow.
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

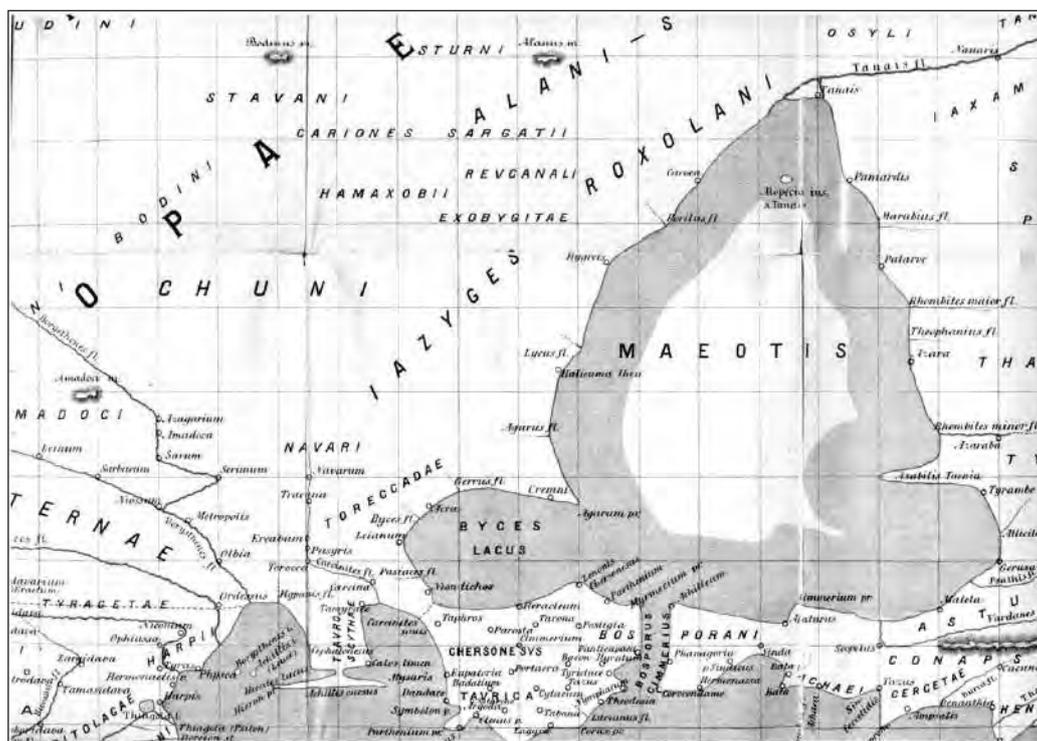

Рис. 1. Карта Европейской Сарматии, по Птолемию [SC I, 3, вклейка].

Рис. 2. Карта Европейской Сарматии, деталь: междуречье Днестра и Меотиды.

Н.В. МОЛЕВА
N.V. MOLEVA

ГЕТЕРЫ НА БОСПОРЕ HETAERAE ON THE BOSPORUS

В ходе археологических исследований во многих городах Боспора находят вещи эротической направленности: глиняные фаллы и фаллические подвески, расписную и рельефную керамику со «сценами на ложе», терракотовые статуэтки. Часть таких артефактов, в особенности тех, что были обнаружены при раскопках святилищ, связана с отправлением культов плодородия и несет в себе идею оплодотворения. Что же касается рельефной керамики с эротическими сюжетами и символами, появившейся в эллинистический период и получившей широкое распространение в первые века н.э., то такие чаши, кубки и светильники предназначались для пирушек и симпосиев. Они ярко отражают сексуальную культуру античного общества.

К сожалению, далеко не все находки такого рода опубликованы, т.к. исследователи испытывают определенные трудности с детальным описанием эротических сцен. Однако совершенно определенно можно судить о том, что во всех крупных городах Боспора и Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес) вещи с эротической символикой и «сценами на ложе», так же как в Греции и Риме, пользовались значительной популярностью. Все они импортного происхождения.

В различных изданиях воспроизведены фрагменты такой рельефной керамики из раскопок В.Д. Блаватского, Н.И. Сокольского, В.П. Толстикова, Е.А. Молева: Пантикапей [Журавлев, 2006б, № 152–154], Тамань, Кепы и дом Хрисалиска [На краю ойкумены, 2002, Кат. № 63; Петракова, 2006, с. 127; 133-134; Журавлев, Кузнецов, 2010, с. 551. Рис. 27], Китей [Молев, Молева, 2017, с. 363, 365; № 14,17]. В этих сценах главными действующими лицами эротических сюжетов являлись гетеры и наложницы (Табл. I, 1-5). По словам Демосфена (речь против Неэры), отражающим мировоззрение того времени, «гетер мы заводим ради наслаждения, наложниц – ради ежедневных телесных надобностей» (Dem., LIX, 123).

Для греков любовь была более всеобъемлющим понятием, чем для наших современников. Она представлялась таинственной и могучей силой, управляющей жизнью человека, основой бытия и залогом извечного существования мира [Трофимова, 2006, с. 17]. Отношение к внебрачной любви со стороны мужчин было абсолютно свободным от оков нравственности. Античная культура и изобразительное искусство пронизаны идеями любви во всех ее проявлениях, причем в сценах, в большей степени присущих людям, а не богам [Петракова, 2006, с. 117].

Молева Н.В. Гетеры на Боспоре

Еще в 1996 г. Ю.Г. Виноградов отмечал, что изучение различных сторон любовных отношений, в частности сексологии, является естественной и социально здоровой тенденцией, доколе оно будет развиваться на сугубо научной основе и самоограничиваться строго эстетическими рамками [Виноградов Ю.Г., 1996, с. 113].

Следует заметить, что любовные наслаждения в Греции отнюдь не связывались с семейной жизнью. Как правило, такие утехи имели место на стороне и получались за плату, дорогую или дешевую в зависимости от качества этих услуг. Как писал Антипатр Сидонский во II в. до н.э. «знатных искателей рой... жадно стремится купить миг наслаждения продажной любовью» [Греческая эпиграмма, 1993. Пер. Л. Блуменау]. Можно предположить, что сексуальность замужней женщины осуждалась, а холодность имела положительную оценку [Кривошта, 1995, с. 67]. Жены и дочери свободных греков были заняты ткачеством и домашним хозяйством. Они не могли присутствовать на симпозиях, вечеринках или спортивных состязаниях [Журавлев, 2006в, с. 99]. Их воспитание было направлено на выполнение роли хозяйки дома и рождение законных детей, граждан государства. Как отмечал тот же Демосфен: «жен мы берем ради того, чтобы иметь от них законных детей, а также для того, чтобы иметь в доме верного стража своего имущества» (Dem., LIX, 123).

В греческой античности на продажную любовь смотрели без предрассудков. О женщинах, оказывающих такие услуги, писали и говорили совершенно свободно, без тени смущения, и существенная роль, которую они играли в частной жизни, нашла свое отражение в литературе [Лихт, 1995, с. 224].

Исследователи выделяют несколько категорий таких женщин. На самой высокой ступени находились гетеры, которые пользовались уважением и отличались изяществом и образованностью [Лихт, 1995, с. 230-231]. Они могли свободно появляться на городских улицах, участвовать в праздниках и делать пожертвования в храмы. Насида (конец IV–III вв. до н.э.) упоминает о даре, принесенном Богине гетерою Помархидой [Греческая эпиграмма, 1993, с. 58. Пер. Л. Блуменау]. Это были свободные женщины, внешние данные которых позволяли им заниматься таким ремеслом. Их обучали в специальных школах, особенно славилась коринфская [Дюпуи Е.С., с. 81-82], музыке, танцам, поэзии, философии и ораторскому искусству. Обыденность их сексуальных занятий облагораживалась красотой [Лихт, 1995, с. 266]. Услуги их стоили дорого: от 1 драхмы и выше до статера [Дюпуи, с. 61], а кроме того, они получали и ценные подарки (украшения, покрывала и пр.); для сравнения: 3 оболы в день (полдрахмы) было жалованье моряка в Афинах и 1 драхма в день – жалованье гоплита).

Вторая категория – это проститутки в современном понимании этого слова, обитающие в публичных домах или работающие на улице в одиночку: «женщины, содержащиеся в притонах или открыто торгующие собой на рынках (Dem., LIX, 67). В отличие от гетер, они не могли появляться в храмах или на праздниках. Между этими двумя категориями – целая пропасть; проститутки занимали самую низшую ступень социального слоя. Их услуги ценились сравнительно дешево: 1 обол за вход и столько

Боспорские исследования, вып. XXXVI

же за «работу». Иногда они получали небольшие подарки от клиентов. Содержание публичных домов находилось под надзором астиномов, а владелец такого заведения выплачивал ежегодный налог государству. Уличные проститутки также облагались податью [Лихт, 1995, с. 226–230; Журавлев, 2006 б, с. 140-141]. Т.к. проституция считалась торговлей или промыслом, то и занятия ею подлежали уплате налогов. В обществе такое «ремесло» все-таки считалось постыдным (Dem., LIX, 109).

Кроме того, в греческих городах существовала и храмовая проституция, связанная в основном с культами Афродиты Порнеи и Афродиты Пандемос. Служительницы этих культов назывались иеродулами, а гетеры, кроме первых денег, посвящали в эти храмы значительную часть своих заработков [Лихт, 1995, с. 262; Fleming, 1999, p. 61]. Е. Вардиман считает, что сакральная проституция была заимствована греками из Малой Азии [Вардиман, 1990, с. 257].

Пути попадания женщин в гетеры или проститутки были разными. Чаще всего это был свободный выбор, обусловленный какими-то жизненными обстоятельствами. Имели место и случаи продажи дочерей отцами бедных семейств, и тогда отец становился сводником [Лихт, 1995, с. 263]. Кроме того, это мог быть плен и последующая продажа захваченных женщин в публичные дома [Fleming, 1999, p. 40-41]. Некоторые исследователи, в частности Э.К. Фентон, рассматривают труд гетер и проституток в Древнем Риме как труд эксплуатируемых пролетариев, ссылаясь при этом на работы К. Маркса [Fenton, 2006, v. 1. Article 3, p. 1-2].

В Северном Причерноморье в классическое и эллинистическое время также получил распространение институт гетер, поскольку эротика являлась неотъемлемой частью жизни населения греческих городов [Журавлев, 2004, с. 130-131]. Известны различного рода сведения (эпиграфические памятники, произведения искусства, óлисбосы), подтверждающие существование там гетер, проституток и публичных домов – дектерионов. Наиболее значительным памятником является высеченная на мраморной плите переписка херсонеситов и легата Нижней Мезии по поводу подати с публичных домов в Херсонесе (IPE, I², 404. Пер. В.В. Латышева). Римскому гарнизону, сборщику этой подати, предписывалось не изменять в свою пользу ее размер, а отдавать все положенное в городское казначейство [Ростовцев, 1916, с. 65-66; Соломоник, 1964, с. 45]. Вероятно, подобные традиции взимания ежегодного проституционного налога существовали во всех крупных городах Северного Причерноморья. Налог с публичных домов и отдельных проституток составлял заметную статью дохода городского бюджета [Скржинская, 2010, с. 64], а сами эти учреждения находились под покровительством закона как учреждения общественно полезные [Дюпуи, с. 61].

Для Боспора тоже имеется ряд источников, подтверждающих наличие института гетер в его портовых городах, прежде всего в Пантикапее. Самыми важными являются 14 надгробных стел V–III вв. до н.э. и I–II вв. н.э. (КБН, 155, 204, 246, 447, 475, 603, 678, 707, 798, 875, 909, 925, 1067, 1103). Среди них 9 из Пантикапея и по одной из Нимфея, Мирмекия, Тиритаки, Корокондамы и Гермонассы. Даты с V в. до н.э.

Молева Н.В. Гетеры на Боспоре

по II в. н.э. Основными критериями для определения рода занятий погребенных под ними женщин является отсутствие патронимиков или имен их мужей, а также присутствие прозвищ, не являющихся общепризнанными именами, упоминания о родине для инополиток и отсутствие патронимиков у детей таких женщин. Внешний вид самих памятников может свидетельствовать о степени их материального достатка (Табл. II, 1-7).

Все эти 14 надгробий можно разделить на три группы. К первой относятся 5 стел, на которых высечено только одно женское имя. Это Индия (Корокондама, V в. до н.э., КБН 1103), Селенида (Гермонасса, IV в. до н.э., КБН 1067), Мелема (Пантикапей, без даты, КБН 798), Метробия (Пантикапей, IV в. до н.э., КБН 204) и Эвтихия (Пантикапей, I-II вв. н.э., КБН 603). Из этих пяти имен три представляются прозвищами, характерными для гетер: Силенида (Σιληνίς) – вероятно, в честь силенов-флейтистов (у Леонида Тарентского упоминается свирель, на которой играла Сатира в III в. до н.э. [Греческая эпиграмма, 1993, с. 135]; Мелема (Μέλμα), сокровище, нежная забота; Эвтихия (Εὐτυχία) – добрая судьба. К этому ряду можно отнести Гемеру (Ημέρας) – день, полдень (КБН 475); Хрисион (Χρυσίον) – золото, сокровище (КБН 909); Пасафиликата – любезная всем (КБН 875). Подобное прозвище имеется на ножке кратера, подаренного гетере Геликопиде (Ἑλεκώλιδα) – прекраснойглазой, быстроглазой – из Нимфея IV в. до н.э. [Толстой, 1953, № 107, с. 72-73]. Все эти имена выглядят псевдонимами, типичными для греческих гетер, и этот ряд можно продолжить подобными же прозвищами, имеющими место в древнегреческой эпиграмме: у Мелеагра (II-I вв. до н.э.) – Фанион (светильник); Трифера (дивная, роскошная); у Филодема (I в. до н.э.) – Тригония (горлица) [Греческая эпиграмма, 1993, с. 240, 268]. Демосфен упоминает прозвище «Стребела (от слова στρεβλά - «ловкая, вертлявая»)» (Dem., LIX, 121). Прозвищами обычно наделялись знаменитые гетеры [Лихт, 1995, с. 274].

За исключением самого позднего надгробия Эвтихии (Табл. II, 6), для которого был использован более ранний низкий постамент стелы или статуи с не до конца стесанной первичной надписью, остальные памятники типичны для основной массы надгробий боспорян среднего достатка. Это гладкие плиты, завершающиеся анфемием или карнизом с четко выполненными надписями со следами красной краски в буквах (Табл. II, 1-3). Неизвестно, кем были поставлены эти надгробия, может быть, товарками по ремеслу или поклонниками. Отсутствие патронимиков на них свидетельствует о том, что эти женщины не имели гражданского статуса, и об их низком социальном положении. Видеть в них рабынь или вольноотпущенниц, как это предполагали В.В. Латышев, В.В. Шкорпил, В.Д. Блаватский (см. комментарии к соответствующим надписям в КБН), не представляется возможным, так как рабам памятников не ставили, а, отпуская женщину из рабской зависимости «на свободу», ее отдавали (посвящали) в храм или синагогу (КБН 74, 1123) под охрану богов. В иных случаях на надгробиях таких женщин вместо патронимика фигурировало имя ее бывшего хозяина (КБН 407, 474, 1193).

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Вторая группа надгробных стел представлена четырьмя памятниками из Пантикапея, Нимфея и Мирмекия. В надписях, высеченных на них, рядом с женскими именами, конечно, нет имен их отцов или мужей, зато названа их историческая родина или отмечены их музыкальные дарования. Это Атенаида, хиянка (Пантикапей, IV в. до н.э., КБН 155. Табл. II, 2), (такая-то?) гераклеотянка (Нимфей, IV в. до н.э. КБН 925), Мирсина, гераклеотянка (Пантикапей, пер. пол. III в. до н.э., КБН 246. Табл. II, 3) и, наконец, Пасафиликата, флейтистка (Мирмекий, втор. пол. IV в. до н.э., КБН 875. Табл. II, 1). Следует отметить, что предположение о принадлежности Атенаиды и Мирсины к гетерам уже высказывала М.В. Скржинская [Скржинская, 2010, с. 63]. А.Твардецкий считает их гражданками других городов, прибывшими на Боспор и там умершими [Twardecki, 2016, с. 33-34]. Однако на родине у них тоже не было гражданского статуса. Доказательством тому могут служить две надгробные надписи из Пантикапея и Горгиппии на памятниках умерших инополиток. Одна повествует о Клеопатре, дочери Мениска, гражданки Амиса (КБН 124); вторая посвящена Микке, жене Кокка, дочери Токона, гераклеянке (КБН 1193). Очевидно, что женщины из других греческих городов, жившие в семье отца или вышедшие замуж на Боспоре, кроме указания родины, обязательно имели патронимик или имя мужа на своих надгробиях.

Большой интерес представляет надгробие Пасафиликаты, флейтистки из Мирмекия, относящееся к IV в. до н.э. Это стандартная для населения среднего достатка стела с профилированным карнизом и каллиграфической двухстрочной надписью (Табл. II, 1). Профессия флейтистки прямо указывает на то, что памятник поставлен гетере. Авлетриды, чаще всего чужестранки, были музыкантами, артистками, танцовщицами. Их таланты приносили им немалый доход [Дюпуи, с. 76-77]. Особенно популярной была игра гетер на флейте. Именно они обслуживали симпозиы и вечеринки, работая по найму лично или по распоряжению хозяина [Журавлев, 2006а, с. 95]. Такие случаи упоминаются у Лукиана в «Разговорах гетер» (Luc. Dial. Meret. XV, 1-2). Умение играть на флейте, свирели, кифаре и петь повышало статус гетеры, ее востребованность и, соответственно, заработки.

*Сладко звучала свирель всю ночь до зари у Сатиры,
юношам пела она, в двери ломившимся к ней.*

(Леонид Тарентский. Греческая эпитафия, 1993. С. 135. Пер. Л. Блуменау).

Что же касается имени Пасафиликата, то оно единственное в греческой ономастике, что зафиксировано в IV томе *Lexikon of Greek personal Names* (Oxford, 2005)¹. Авторами приводятся несколько версий прочтения этого имени (все под вопросом), из них главные две: Паса – имя, Φιλκатоς – патронимик, т.е. Паса, (дочь) Филикатоса.

¹ Приношу благодарность А.В. Махлаюку, консультировавшему меня при работе с этой надписью.

Молева Н.В. Гетеры на Боспоре

В таком случае в надписи сделана ошибка в патронимике – должно быть Φιλικατος. А кроме того, патронимик стоит в этом случае в номинативусе, а не в генетивусе, как должно было бы быть. Такое прочтение вряд ли приемлемо, т.к. на Боспоре во всех женских надгробных надписях почти всегда указывается степень родства: жена, дочь, сестра, теща. Кроме того, на надгробиях гетер указание патронимика – редчайший случай, да на Боспоре такого и нет. При обсуждении моего доклада на Боспорских чтениях Н.Ф. Федосеев предложил разделить это имя на три части и перевести как «Паса, подруга Ката (Катоса?)». В таком случае подтверждается профессия умершей гетеры, однако тогда надо предполагать 3 ошибки в одной строке, что при каллиграфически выполненной надписи и грамотности резчика представляется маловероятным.

Самой приемлемой остается версия, что Пасафиликата – это уникальное имя или прозвище, принадлежащее флейтистке. Имя это имеет вполне определенное значение и состоит из двух частей (Паса + Φιλικατος). Так его разделить пытался В.В. Латышев, не давая комментариев (прим. КБН, 875). Значение этого имени – «любезная всем» или «любимая всеми» – заставляет видеть в нем псевдоним гетеры.

Иностранки, подвизавшиеся как гетеры в крупных боспорских городах, вероятно, были хорошо обучены, пользовались спросом и не бедствовали, судя по хорошему качеству их надгробных памятников. Их стелы представляют собой шлифованные известняковые плиты, увенчанные треугольным фронтоном с акротериями или профилированными карнизами с каллиграфически выполненными надписями.

В Древней Греции и на Боспоре такие «гастроли» гетер-инополиток были обычным явлением. Так, Платон упоминает «коринфского рода гетеру» [Греческая эпиграмма, 1993, с. 41. Пер. С. Соболевского], Асклепиад – гетеру «колофонянку» [там же, с. 74. Пер. Л. Блуменау], Мелеагр – гетеру из Коса [там же, с. 240. Пер. М. Гаспарова], Филодем – гетер их Пафосса, Самоса, Наксоса и Арголиды [там же, с. 262–268. Пер. Л. Блуменау и Г. Иваниц].

Третья группа включает в себя пять надгробий из Пантикапея и Тиритаки, поставленных детям, вероятно, уже взрослым, от имени матерей. И матери, и дети не имеют в надписях на памятниках ни имен отцов, ни имен супругов (КБН 447, 475, 678, 707, 909). Очевидно, что эти дети были рождены вне брака и считались незаконнорожденными. Специфика гендерных и семейных отношений, а также социальная психология, характерные для греческой античности и Боспора, в частности, абсолютно исключали возможность появления внебрачных детей у полноправных гражданок. Единственной категорией женщин, хотя и избегавших подобных ситуаций, но иногда все же рожавших, были гетеры и проститутки. Демосфен в речи против Неэры с возмущением упоминает «гетер, которые безнаказанно рожают детей когда им вздумается и, называя отцами любого, кто придет им в голову, выступают в роли жен. Они вознамерились принимать участие в священных таинствах, жертвоприношениях и почитаемых учреждениях государства» (Dem., LIX, 113-114).

Конечно, наличие потомства серьезно осложняло им жизнь, тем более что закон

Боспорские исследования, вып. XXXVI

запрещал им иметь детей (Dem., LIX, 17). Но бывали обстоятельства, когда роды оказывались неизбежными. У Лукиана в уста гетеры вложены такие слова: «Скоро мне придется кормить ребенка, а это ведь труднее всего для гетеры» (Lucian. Dial. Meret. II, 1). Участь таких детей в обществе была незавидной. Легче было девочкам, которые, как правило, наследовали ремесло матери. В «Разговорах гетер» имеется несколько диалогов, в которых мать-гетера учит дочь жизни: «Сколько мы имеем выгоды от этого юноши?.. он все только обещает... вот останешься без любовников и проживешь добродетельной как какая-нибудь жрица Деметры-Фесмофоры, а не гетера» ((Lucian. Dial. Meret. VII, 1,4)). Есть и уговоры дочери принять старого, но богатого клиента: «Разве ты не знаешь, что мы бедны?..» «Послушай, что нужно делать и как себя вести с мужчинами. Ведь иного пути для нас нет, дочка» ((Lucian. Dial. Meret. VI, 1).

Рожденные гетерами мальчики обычно становились подкидышами, и тогда у них появлялся шанс пристроиться в семью в качестве вскормленника и служить хозяину. О такой практике (подкидывать незаконнорожденных мальчиков) также упоминается у Лукиана ((Lucian. Dial. Meret. II, 1). Но если мальчик оставался при матери, ему в жизни приходилось крайне трудно. Его происхождение не забывалось никогда и считалось позорным. Диоскуриад (III в. до н.э.) пишет о таком юноше, пытавшемся принять участие в городской праздничной процессии: «Сын потаскухи...позор материнский» и называет его плодом «общедоступного разврата» [Греческая эпиграмма, 1993, с. 172. Пер. Л. Блуменау]. Подобный пример имеется и в Северном Причерноморье. Матерью известного философа Биона Борисфенита была гетера, взятая в жены бедным вольноотпущенником «прямо из блудилища» (Diog., Laert., IV, 7, 47). Несмотря на то, что, будучи проданным в рабство, Бцион попал к ритору, воспитавшему и обучившему его, был отпущен на волю и получил наследство, шлейф позорного происхождения тянулся за ним всю жизнь.

На боспорских надгробиях, поставленных гетерами своим взрослым умершим детям, сыновья упоминаются всего два раза. Это Гермес, сын Феоды (КБН 447), и Клеон, сын Хрисион (КБН 909. Табл. II,7). Интересен и тот факт, что в надгробных надписях при перечислении имен детей гетер на первом месте всегда ставились имена дочерей, что совершенно противоречит общепринятым тогда нормам. Это Кулия и Феода, дочери Феоды (КБН 447), Муса, дочь Гемеры (КБН 475. Табл. II,6), умершие в I в. н.э. Им были поставлены довольно дорогие памятники с надписями и рельефами хорошего качества (КБН-Альбом, 447, 475). Ко II в. н.э. относятся стелы Фебеиды, дочери Исигоны (КБН 678), Стратоники, дочери Береники (КБН 707), и Пофиены, дочери Хрисион (КБН 909. Табл. II,5). Для надгробий II в. н.э. характерно повторное использование чужих, более ранних памятников, со стертыми (часто не до конца) надписями (КБН-Альбом, 678,808), что стоило гораздо дешевле.

В заключение следует отметить, что доходы даже состоятельных гетер далеко не всегда могли покрывать их расходы, которые включали налог за ремесло, плату за жильё, одежду, обувь, продукты, косметику. Не случайно эти женщины стремились

Молева Н.В. Гетеры на Боспоре

получать вознаграждение за свои труды в виде украшений, благовоний, предметов одежды ((Lucian. Dial. Meret. VII, 1-2), а иногда – продуктов. Дорион, служивший наемным гребцом на судне, приплывший с Боспора, был отвергнут гетерой за малое подношение в виде 5 сельдей и 4 окуней. «Это все, что я мог дарить» (Lucian. Dial. Meret. XIV, 2-3).

Тем не менее, эти женщины обладали личной свободой и свободой выбора. Как писал Лукиан: «Она свободная женщина и пойдет с тобой, если захочет» (Lucian. Dial. Meret. IX, 4). Они не стеснялись своей профессии, а сильно пониженный социальный статус их не очень тяготил. Свободная женщина противостояла давлению общества и обеспечивала себя средствами существования, лишь торгуя собственным телом [Вардиман, 1990, с. 264]. Ф. Энгельс писал: «Именно на почве проституции выработались единственные яркие типы греческих женщин, которые возвышались над общим уровнем женщин античности своим умом и художественным вкусом... то обстоятельство, что нужно было сначала сделаться гетерой, чтобы стать подлинной женщиной, служит самым суровым осуждением греческой (афинской) семьи» [Энгельс, 1961, с. 67]. То же и в той же степени можно отнести и к гендерным традициям на Боспоре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., Наука, 1990. Пер. с нем. М.С. Харитонова. 335 с.
- Виноградов Ю.Г. Об интимной жизни ольвиополиток // Мир Ольвии. Киев, 1996. С. 113-114.
- Греческая эпиграмма. СПб., Наука, 1993. Под редакцией М.Л. Гаспарова.
- Демосфен. Речи. Т. II. Речь против Неэры. Перевод В.Г. Боруховича. М., 1994.
- Диоген Лаэртский. О жизни, деяниях и изречениях знаменитых философов М., Наука, 1979. Пер. М.Л. Гаспарова. Под ред. А.Ф. Лосева.
- Дюнуи Е. Проституция в древности. Кишинев, 1991.
- Журавлев Д.В. Ὀλβίος из Пантикапея или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // Древности Боспора. Т. 7. М., 2004. С. 129–141.
- Журавлев Д.В. Греческий симпозиум // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006а. С. 95.
- Журавлев Д.В. Проституция в античности // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006б. С. 141-142.
- Журавлев Д.В. Женщина в античном мире // Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки. М., 2006в. С. 99.
- Журавлев Д.В., Кузнецов В.Д. Кепы // Античное наследие Кубани. Т. I. / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М., 2010. С. 540–555.
- Корпус боспорских надписей. М-Л., Наука, 1965. 951 с.
- КБН-Альбом. СПб., 2004. 431 с.
- Кривошита Н.А. Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии VII–V вв. до н.э. // Женщина в античном мире. М., Наука, 1995. С. 63–74.
- Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., Академия, 1995. 397 с.
- Лукиан. Разговоры гетер // Лукиан из Самосаты. Избранное. М., 1962. Пер. Б. Казанского. С. 342–369.
- Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь-Керчь, 2016.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Петракова А.Е.* «Милая, снимем одежды и оба нагие, телами тесно друг к другу прильнем в страстном объёме любви» // *Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки.* М., 2006. С. 117–121.
- Ростовцев М.И.* Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе. // ИАК. № 60. 1916. С. 63–69.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, Изд. АН Украины, 2010. 323 с.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, Наукова Думка, 1964. 281 с.
- Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.-Л., Изд. АН СССР, 1953. 154 с.
- Трофимова А.А.* Мифы о любви в древнегреческом искусстве // *Любовь и Эрос в античности и культуре. Каталог выставки.* М., 2006. С. 10–18.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Собр. Соч. Изд. 2. Т. 21. М., 1961. С. 28–178.
- Латышев В.В.* Incriptions antique orae septentrionalis Ponti Euxini. Пгр., 1916.
- Erin K. Fenton.* Prostitution as Labor in Imperial Rome // *Studies in Mediterranean Antiquity and Classics.* V. 1. Issue 1. Article 3. P. 1–15.
- Rebecca Flemming.* QUAE CORPORE QUAESTUM FACIT: The Sexual Economy of Female Prostitution in the Roman Empire // *Journal of Roman Studies*, Vol. 89 (1999), pp. 38–61.
- Twardecki A.* Evidence of citizens in the Bosporan inscriptions. A second approach // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура.* СПб., 2016. С. 30–40.
- Lexicon of Greek Personal Names. Volume IV: Macedonia, Thrace, northern regions of the Black Sea / Edited by Peter Fraser, Elaine Matthews, and R.W.V. Catling.* Oxford: Clarendon Press, 2005.

REFERENCES

- Wardiman E. *Zhenschina v Drevnem mire.* М., Nauka, 1990. Per. C nem. M.S. Khatonova. 335 с.
- Vionogradov Yu.G. *Ob intomnoj zhizni olviopolitok* // *Mir Olvii.* Kiev. 1996. S. 113-114.
- Grecheskaja epigramma. SPb., Nauka, 1993. Pod redakciej M.L. Gasparova.
- Demochthen. *Rechi.* T. II. Rech protiv Neery. Perevod V.G. Borukhovicha. М., 1984.
- Diogen Laertsij. *O zhizni, dejanijah I izrechenijah znamenityh filosofov.* М., Nauka, 1979. Per. M.L. Gasparova. Pod red. A.F. Loseva.
- Dupui E. *Prostitutsija v drevnosti.* Kishinev, 1991.
- Zhuravlev D.V. *Ὀλιβοῦς iz Pantikapeja ili esche raz ob intimnoi zhizni v antichnom Severnom Prichernomorje* // *Drevnosti Bospora.* T. VII. М., 2004. S 129–141.
- Zhuravlev D.V. *Grecheskij simposij* // *Lubov i Eros v antichnosti I culture.* Katalog vystavki. М., 2006a. С. 95.
- Zhuravlev D.V. *Prostitutsija v antichnosti* // *Lubov i Eros v antichnosti I culture.* Katalog vystavki. М., 2006, С. 141-142.
- Zhuravlev D.V. *Zhenschina v antichnom mire* // *Lubov i Eros v antichnosti I culture.* Katalog vystavki. М., 2006d. С. 99.
- Zhuravlev D.V., Kuznetsov V.D. *Kepy* // *Antichnoe nasledie Kubani.* T. I. / Otv. Red. G.M. Bongard-Levin. М., 2010. S. 540–555.
- Korpus Bosporskih nadpisei. M-L., 1965. 951 s.
- KBN-Albom. SPb., 2004. 431 s.
- Krivoshita N.A. *Demograficheskie I psihologicheskie aspekty nekotoryh zhenskih obrazov v grecheskoi lirike I dramaturgii VII–V vv. do n.e.* // *Zhenschina v antichnom mire.* М., Nauka, 1995. S. 63–74.
- Liht G. *Seksualnaja zhizn v Drenei Gretsii.* М., Akademia, 1995. 397 s.
- Lucian. *Razgovory geter* // *Lucian iz Samosaty.* Izbrannoe. М., 1962. Per. B. Kazanskogo. S 342–369.
- Molev E.A., Moleva N.V. *Bosporskii Gorod Kitei.* Ch. 2. Simferopol-Kerch, 2016.
- Na kraju oikumeny. Greki I varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo.* Katalog vystavki. М., 2002.
- Petrakova A.E. «Milaja, snimem odezhdy I, oba nagie, telami tesno drug k drugu prilnem v strastnom objati lubvi» // *Lubov i Eros v antichnosti I culture.* Katalog vystavki. М., 2006. С. 117–121.

Молева Н.В. Гетеры на Боспоре

- Rostovtsev M.I. Delo o vzimanii prostitutsinnoi podati v Hersonese // IAK. № 60. 1916. S. 63–69.
- Skrzhinskaja M.V. Kulturnyje traditsii Ellady v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomorja. Kiev, izd. AN Ukrainy, 2010. 323 s.
- Solomonik E.I. Novye epigraficheskie pamjatniki Hersonesa. Kiev, Naukova Dumka, 1964. 281 s.
- Tolstoj I.I. Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomorja. M-L., Izd. AN SSSR, 1953. 154 s.
- Trofimova A.A. Mify o ljubvi v drevnegrecheskom iskusstve // Lubov i Eros v antichnosti I culture. Katalog vystavki. M., 2006. С. 10–18.
- Engels F. Proishozhdenie semji, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. Sobr. Soch. Izd. II. T. 21. M., 1961. S. 28–178.
- Latyshev V.V. Incriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini. Pgr., 1916.

Резюме

Статья посвящена рассмотрению традиции института гетер и проституции на Боспоре. Основными источниками послужили 14 надгробных стел таких женщин, выделенных впервые из общего числа памятников. Главным доказательством принадлежности их гетерам послужило отсутствие имен отцов или мужей на надгробиях, а также имена гетер, часто являющихся характерными прозвищами.

Ключевые слова: Боспор, гетеры, надгробия, памятники эпитафии, имена, прозвища.

Summary

The article is devoted to the consideration of the tradition of the Hetaerae and Prostitution Institute on the Bosporus. The main sources were 14 tombstones of such women, allotted for the first time from the total number of monuments. The main proof of belonging to their to hetaerae was the absence of the names of fathers or husbands on tombstones, as well as the names of the Getter, who are often the characteristic nicknames.

Keywords: Bosporus, hetaerae, gravestones, epigraphic monuments, names, nicknames.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Молева Наталья Владимировна, к.и.н., доцент,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия.
+7 (910)-897-29-58.
molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moleva Natalija Vladimirovna, CSc., Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia.
+7 (910)-897-29-58.
molev.eugeny@yandex.ru

Таблица I. Греческая керамика с изображениями эротических сцен

Пантикапей

1. Фрагмент чернофигурного скифоса. 500 г. до н.э.
2. Фрагмент буролакового кубка. I в. до н.э.
3. Фрагмент закрытого сосуда. I в. н.э.
4. Буролаковый сосуд из «Дома Хрисалиска». I в. до н.э.
5. Китей. Святилище. III-II вв. до н.э.

Таблица II. Надгробия боспорских гетер

1. Пасафиликата, флейтистка. Мирмекий, IV в. до н.э. КБН-Альбом 875. 2. Афинаида, хиянка. Пантикапей, IV в. до н.э. КБН-Альбом 155. 3. Мирсина, гераклеотянка. Пантикапей, пер. пол. III в. до н.э. КБН-Альбом 246.

4

5

6

7

4. Стратоника, дочь Береники. Пантикапей, II в. до н.э. КБН-Альбом 707. 5. Муза, дочь Гемеры. Пантикапей, I в. н.э. КБН-Альбом 475. 6. Эвтихия, прощай. Пантикапей, втор. пол. I в. – пер. пол. II в. н.э. КБН-Альбом 603. 7. Пофиена, дочь Хрисион и сын Клеон, прощайте. Тиритака. II в. н.э. КБН-Альбом. 909.

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ, С.В. ЯРЦЕВ
V.G. ZUBAREV, S.L. SMEKALOV, S.V. YARTSEV

**ОСНОВНЫЕ ДОРОГИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
В РИМСКИЙ ПЕРИОД¹**
**THE MAIN ROADS OF THE EUROPEAN OF THE BOSPORUS
DURING THE ROMAN PERIOD**

Тема античных дорог занимает немалое место в работах, посвященных истории древнего мира. Знаменитые римские стратегические дороги изучены, наверно, столь досконально, что это может быть образцом законченного исторического исследования. Однако, когда вопрос заходит о более раннем времени, он становится гораздо более сложным. Известные атласы древнего мира [Atlas, 1977; Atlas, 2000] содержат ценнейшую информацию о расположении античных городов и показывают трассы основных известных дорог древнего мира, однако дороги доримского времени показаны в значительной степени предположительно. В средиземноморском регионе достоверно известно лишь небольшое число таких дорог, как, например, 50-километровая мощеная дорога минойского времени на Крите или почти 2500-километровая дорога, соединявшая Средиземное море с Персидским заливом, функционировавшая предположительно с середины 4-го тысячелетия до н.э.

Вопросу изучения дорог Древней Греции был посвящен состоявшийся в 1998 году симпозиум [Symposion, 1998]. Материалы этого симпозиума также подтверждают скудность имеющейся информации о древних дорогах доримского времени. Исследователи отмечают сложность выделения следов древних дорог и преимущественно косвенный характер определения их трасс.

Наиболее подробно вопрос об античных дорогах в причерноморском регионе, исследован, по-видимому, Я.М. Паромовым для азиатской части Боспорского государства. Им подготовлена карта дорог Таманского полуострова в античное время, а также разработаны методы выделения следов древних дорог на местности и по фотоснимкам [Паромов, 1998, с. 216–225].

Для Керченского полуострова схема реконструкции древних дорог приведена в работе В.Г. Зубарева [Зубарев, 2005, с. 451]. Схема опирается, главным образом, на материалы письменной традиции, трассы дорог отмечены условно, по прямым, соединяющим города и поселения. В работе А.А. Масленникова [Масленников,

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

Боспорские исследования, вып. XXXVI

1998, с. 178] представлена реконструкция системы дорог восточнее Узунларского вала в первые века н.э., основывающаяся на археологических данных о системе оборонительных сооружений этого периода. Однако и в этом случае масштаб карты заставляет рассматривать ее скорее как схему, основывающуюся на логике построения системы обороны Боспорского царства и учитывающую основные особенности рельефа местности. Вопросы прохождения дорог вблизи берегов Керченского пролива рассматриваются Н.Ф. Федосеевым в статье, посвященной древним переправам [Федосеев, 1999, с. 61–102]. Данные об отдельных фрагментах местных дорог хоры Нимфея, локализуемых по археологическим признакам, собраны в работе В.Н. Зинько [Зинько, 2003, с. 240–241]. Однако комплексных исследований, специально посвященных изучению древних дорог Европейского Боспора, подобно тому, как это было сделано Я.М. Паромовым для Таманского полуострова, еще не было.

Античная письменная традиция в отношении современного Керченского полуострова на первый взгляд малоинформативна в вопросе транспортных коммуникаций его внутренней части. Однако если для ранней истории Боспора это заключение вполне справедливо, то применительно к более позднему времени с ним можно поспорить. По крайней мере, два автора, обратившие среди прочего своё внимание на Боспор, оставили нам свидетельства. Эти свидетельства не только дают информацию для реконструкции организации транспортных (дорожных) коммуникаций через Узунларский вал и к востоку от него, но и позволяют хотя бы отчасти проследить эволюцию этой организации на протяжении относительно небольшого промежутка времени (от I в. до н. э. до II в. н. э.). Речь идёт о данных Страбона в отношении стены Асандра и данных Птолемея в отношении городов во внутренней части Херсонеса Таврического.

В «Географии» Страбона сообщается, что Асандр, для того «чтобы легко отразить или помешать вторжению» кочевников, построил стену «шириной в 360 стадиев и воздвиг на каждую стадию по 10 башен» (Strabo, VII, 4, 6). Отождествление «стены Асандра» с Узунларским валом (или, по крайней мере, определение этого вала как составной части оборонительной линии Асандра) как будто бы сомнений не вызывает и находит археологическое подтверждение [Супренков, 2017, с. 190]. Другое дело вопрос о том, каким образом был организован проход-проезд через «стену Асандра» на защищаемую этой стеной территорию Европейского Боспора.

Т.Н. Смекалова на основе анализа дорожной сети, представленной на старинных картах Керченского полуострова, выделяет 16 так называемых «проездов» в Узунларском валу, отмечая, что «почти возле каждого предполагаемого проезда имеется возвышенность, которая может таить в себе сторожевой пост в виде башни стандартных размеров и планировки» [Смекалова, 2017, с. 459]. Все эти проезды или часть из них могли иметь место и во времена Асандра. Однако были ли они равнозначны?

Страбон в описании территории между Феодосией и Пантикапеем не указывает, в

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

отличие от Арриана и Плиния, топонимов по южному побережью Керченского полуострова, ограничившись лишь прямым расстоянием («от Феодосии до Пантикапея около пятисот тридцати стадиев») (Strabo, VII, 4, 4). Это обстоятельство позволило нам в своё время предположить, что в данном случае речь идёт именно о сухопутной дороге, а не морском пути (расстояние примерно в 98 км при величине стадия 185 м вполне этому соответствует) [Зубарев, 2005, с. 240]. Это и была главная дорога, ведущая в Пантикапей. В каком именно месте она пересекала «стену Асандра», однозначно определить нельзя. Возможно, там, где в 2016 году были открыты так называемые Боспорские ворота [Супренков, 2017, с. 190], в том случае, если время их функционирования совпадает со временем Асандра. Пока такой уверенности нет и вопрос остаётся открытым.

Итак, по нашему мнению, сведения Страбона позволяют говорить, что во второй половине I в. до н.э. существовала одна главная дорога от Феодосии к Пантикапею, прочие же проходы-проезды выполняли иные функции, если вообще существовали в то время. И действительно довольно трудно объяснить смысл существования такого большого количества транспортных коммуникаций, ведущих в одном направлении и разделённых столь незначительным промежутком около 2 км [Смекалова, 2017, с. 459]. Скорее всего, фланкированные башнями проходы в валу призваны были контролировать передвижение больших масс кочевников, препятствуя их построению для широкого боевого охвата и вынуждая пересекать вал меньшими группами, попадавшими при этом под контроль гарнизона башен. Ещё раз в этой связи обратимся к Страбону. По его свидетельству Асандр построил стену для того, «чтобы легко отразить или помешать (выд. авт.) вторжению» кочевников (Strabo, VII, 4, 6). В таком контексте высказанное нами предположение вполне приемлемо.

Выстроенная Асандром система просуществовала относительно недолго. В середине последней четверти I в. до н.э. башни подверглись тотальному разрушению, а к началу II в. н.э. здесь уже складывается иная система обороны и соответствующая ей сеть коммуникаций [Масленников, 2003, с. 212]. Эта новая система нашла отражение в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея.

Города, помещённые Птолемеем внутри Херсонеса Таврического, являлись узловыми пунктами на пересечении основных дорог в Европейском Боспоре к началу II в. н.э. Впервые это предположение было высказано в статье В.Г. Зубарева и А.А. Масленникова «Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею» [Зубарев, Масленников, 1987, с. 40–52]. Затем оно получило развитие в двух монографиях В.Г. Зубарева [Зубарев, 1998; 2005]. Однако во всех этих работах в качестве основной цели являлась локализация населённых пунктов. Направления же дорог определялись путём простого соединения этих пунктов на схеме. Между тем, именно дороги лежат в основе перечня городков в этой части «Географического руководства». Анализ последовательности их включения в список Птолемея даёт возможность определить их направление и примерный маршрут.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Приведём полный перечень городков из «Географического руководства» (Ptol., III, 6, 5):

Тафр	60° 40' – 48° 15'
Тарона	62° 20' – 48° 15'
Постигия	63° – 48° 15'
Пароста	61° 30' – 48° 10'
Киммерий	62° – 48°
Портакра	61° 50' – 47° 40'
Бион	62° 50' – 47° 45'
Илураг	63° 20' – 47° 45'
Сатарха	63° 15' – 47° 20'
Бадатий	61° 30' – 47° 30'
Китей	62° 15' – 47° 30'
Тазос	62° 40' – 47° 30'
Аргода	61° 45' – 47° 15'
Табана	62° 20' – 47° 15'

Как видно из перечня, список начинается с северной части полуострова, что в известной мере свидетельствует о том, что именно здесь находился главный проезд-проход через Узунларский вал. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что дорога здесь функционировала на протяжении весьма длительного периода. Как минимум от периода поздней бронзы до средневековья (цепочка курганов и крупное поселение бронзового века в южной части плато городища Белинское, вытянутые в линию с запада на восток селища периода эллинизма, крупное поселение салтовского времени в восточной части городища и захоронения XI-XII вв. на некрополе городища Белинское).

Северный участок Керченского полуострова в «Географическом руководстве» является и наименее искажённым с точки зрения пространственного расположения населённых пунктов. Обращает на себя внимание, что ни одно прибрежное поселение здесь не оказалось смещённым в глубь полуострова (чего нельзя сказать о южнобережных городах). Более того, направление дорог, идущих от северного проезда в Узунларском валу, передано очень точно. Если взять за исходную точку Тафр (городище Белинское²), то в «Географическом руководстве» от этого населённого пункта ясно обозначено разветвление дорог. Одна в глубь полуострова в сторону Пантикапея через Тарону (городище Багерово северное) и Постигию (поселение Кёзы или поселение севернее кургана Кара-Оба). Вторая через Паросту (поселение у д. Ново-Отрадное или городище Артезиан) вдоль береговой линии Азовского моря через Новую крепость (городище Золотой берег), Гераклий (городище Генеральское восточное) и Зенонов Херсонес (городище на м. Зюк) к северной переправе в районе

² Локализация населённых пунктов по Керченскому полуострову (Европейский Боспор) подробно рассмотрена в монографии [Зубарев, 2005, с. 239–285, приложение 2, рис. 5].

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

Парфения (городище у с. Опасное). Интересно и то обстоятельство, что Парфений у Птолемея помещён на Меотиде (Ptol., III, 6, 4), что косвенно подтверждает его связь с сухопутной дорогой вдоль побережья Азовского моря. И, наконец, третья с севера на юг в сторону Киммерия (городище на г. Опук) вдоль Узунларского вала. Именно это обстоятельство привело в конечном итоге к тому, что этот пункт оказался внутри полуострова и помещён в «Руководстве» сразу за Паростой.

От Киммерия дорога шла вдоль побережья к Порт-Акре (городище у села Заветное), но к этому же пункту вела и дорога со стороны северной переправы в районе Парфения через Мирмекий, Пантикапей, Тиритаку и Нимфей. Таким образом, периметр замыкался и, если описание этой своеобразной «окружной» дороги³ в полном объёме имелось в распоряжении Птолемея или его источников, то невероятная растяжка Керченского полуострова на карте становится вполне понятной.

Можно предположить, что так же как на севере полуострова ключевым пунктом была переправа в районе Парфения, на юге таковым пунктом являлась Порт-Акра. Н.Ф. Федосеев указывает как минимум три места переправ через Керченский пролив, самая южная из которых определяется по линии Нимфей – Корокондама, допуская при этом и существование других переправ «в мелководном проливе» [Федосеев, 1997, с. 110, рис. 7]. Исходя из нашей интерпретации сведений Птолемея, южная переправа через пролив находилась ближе к Порт-Акре (Акре), а не к Нимфею. Да и по сообщению Страбона именно Акра располагалась против Корокондамы, что на азиатской стороне Боспора, и была отделена «семидесятью стадиями водного пути» (Strabo, XI, 2, 8).

Далее в «Географическом руководстве» следует описание дорог через южный проход-проезд в Узунларском валу. Исходной точкой здесь служит местоположение Бадатия (поселение близ села Тамарино). Перечисление населённых пунктов здесь построено в обратном направлении: не с запада на восток, как на севере, а с востока на запад. Первая дорога проходила от Порт-Акры через внутреннюю часть полуострова к Узунларскому валу и к Пантикапею через Бион (поселение у с. Огоньки), Илурат (Ивановское городище), где дорога разветвлялась соответственно на Пантикапей и в западном направлении и, возможно, Сатарху (в этом случае она располагалась где-то между Илуратом и Бадатием). Впрочем, по аналогии с северной Паростой Сатарха могла располагаться по дороге к побережью, и тогда её следует отождествить с городищем Атаманская гора.

Последняя дорога в южной части полуострова шла от Порт-Акры вдоль побережья через Китей, Тазос (в районе современного мыса Кыз-Аул) и далее в обход Узунларского озера через Табану (район с. Марьевка) и Аргоду (район села Пташкино) к южному проезду в Узунларском валу.

На карте Птолемея отсутствует Савроматий (городище у с. Новониколаевка).

³ Идея дороги по периметру побережья Керченского полуострова, замыкающейся по Узунларскому валу, впервые была высказана в частной беседе Я.М. Паромовым.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Это обстоятельство позволяет достаточно точно определить время, к которому относятся сведения автора «Географического руководства». Систематические раскопки городища Белинское позволили уточнить дату его основания – начало II в. н.э. Савроматий же был основан во времена Савроматия II, т.е. к концу II в. н.э. (в это же время, вероятно, возводится и поселение Андреевка-Северное). Таким образом, сведения Птолемея отражают систему основных дорог Европейского Боспора на начало II в. н.э. Окончательное же завершение обустройства транспортных коммуникаций относится к его концу, что совпадает по времени с успешной экспансией Боспора в западном направлении, завершившейся падением Позднескифского царства в Крыму. Дороги, показанной в системе обороны восточной части хоры Европейского Боспора у А.А. Масленникова [Масленников, 1998, с. 178], проходящей от городища Белинское через поселение Андреевка-Северное, во времена Птолемея не было, как не было и дороги, идущей от Савроматия.

Что касается времени начала интенсивного освоения внутренней части Европейского Боспора, то наиболее вероятным представляется первая половина I в. н. э., ближе к его середине, когда возводились основные укрепления Илурата [Шургая, 1976, с. 105-106]. И не исключено, что делалось это под руководством и наблюдением римских инженеров. Между тем, римская практика освоения территорий предполагала в первую очередь строительство дорог и вряд ли в нашем случае римские советники боспорских правителей отступили от этого правила. Любопытна в этой связи археологическая картина, открывшаяся в результате раскопок А.А. Масленникова в северной части Узунларского вала в 2001 году.

Вблизи того места, где был заложен раскоп, имеется широкий (до 30 м) проход в линии вала и рва. Целый ряд факторов свидетельствует, что проход этот появился давно [Масленников, 2003, с. 63], т.е. с достаточной долей уверенности можно говорить, что именно здесь находился северный проход-проезд на территорию Европейского Боспора и именно отсюда начиналась дорога, ведущая к Тафру и разделявшаяся затем на три направления: к побережью Меотиды, к Пантикапею и вдоль Узунларского вала. В результате раскопок были выявлены каменные конструкции, относящиеся к разным временным периодам и свидетельствующие о неоднократной перестройке на этом участке вала и рва [Масленников, 2003, с. 213]. Наиболее поздний материал датируется концом I – II вв. н.э. [там же, с. 71]. Можно предположить, что выявленный объект на этом этапе выполнял роль контрольно-сторожевого пункта и функционировал вплоть до окончания строительства Тафра (городища Белинское), после чего надобность в нём отпала.

Аналогичная ситуация наблюдается и на центральном участке Узунларского вала. Наиболее поздний материал из раскопок т.н. «Боспорских ворот» относится ко II в. н.э. [Супренков, 2017, с. 190]. Со строительством Савроматия надобность в них отпала.

На южном участке Узунларского вала археологические раскопки не проводились. Однако здесь, при въезде в с. Тамарино, имеется проход в валу. По свидетельству

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

Р.В. Шмидта, «вал представляет в этом месте естественный горный кряж, приспособленный в древности для оборонительных целей. С внешней стороны гребня гора на всём протяжении окаймлена рвом... местами, на гребне горы можно видеть крупные возвышения по обеим сторонам входа. Можно предположить, что на этих крупных площадках, усыпанных черепками, возвышались в старину сторожевые башни» [Шмидт, 1941, с. 273-274]. Весьма интересна в этой связи этимология названия располагавшегося здесь поселения – Бадатий – «сидящий», вероятно, на проходе в оборонительном валу и рве.

Итак, к концу II в. н. э. на территории Европейского Боспора к востоку от Узунларского вала сложилась довольно разветвленная сеть транспортных коммуникаций (дорог), частично нашедшая отражение в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея. Условно её можно разделить на три сектора, в соответствии с тремя главными проходами-проездами через оборонительный вал и ров.

Дороги северного сектора начинались от северного прохода в валу в районе Тафра (городище Белинское) и вели соответственно к Пантикапею, к городкам Меотийского побережья и к северной переправе через Керченский пролив в районе Парфения.

Дороги южного сектора начинались от южного прохода в валу в районе Бадатия (р-н с. Тамарино) и вели соответственно к Пантикапею, к прибрежным городам Понта Евксинского и к южной переправе в районе Порт-Акры (Акры).

Третий, центральный сектор, обустроенный, по-видимому, позже северного и южного, обеспечивал прямое направление к Пантикапею и городам на побережье центрального участка Керченского пролива.

Дороги, идущие вдоль побережья Керченского полуострова, замыкались в «кольцо» дорогой вдоль Узунларского вала, соединяющей Тафр, Савроматий, Бадатий и Киммерий (Киммерик). Возможно, города побережья Азовского моря были соединены радиальными дорогами с городами Черноморского побережья. В местах их пересечения с дорогами, идущими с запада на восток, располагались укрепленные поселения, отмеченные на карте Птолемея.

Сложившаяся система просуществовала, по крайней мере, до середины III в. н.э. и была нарушена в ходе варварских набегов и кризиса второй половины III в. н. э. Определённым подтверждением этому могут служить результаты раскопок городища Белинское. На раскопе Южный с внешней стороны оборонительного периметра был вскрыт небольшой участок вымощенной мелким бутом дороги, ведущей в сторону Узунларского вала. Со стороны городища дорога была полностью перекрыта остатками оборонительной стены конца III – начала IV вв. н. э. и, следовательно, в это время уже не использовалась. Добавим к этому, что многие поселения из тех, что упомянуты Птолемеем, к этому времени прекращают своё существование, и общая картина становится вполне очевидной.

Обратимся теперь к возможностям современной науки в вопросе локализации античных дорог и в первую очередь кратко остановимся на некоторых методах, используемых с этой целью.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Первым и, наверное, наиболее очевидным является использование старых карт и данных аэро- и космической съемки. Основная задача здесь – определить, восходят ли отображенные на картах, либо видимые на снимках дороги, или протяженные линейные структуры к античному времени, либо возникли в более позднее время.

Вторым методом является локализация древних дорог по цепочкам курганов.

Третий метод – моделирование дорожной сети с использованием пространственного анализа энергетических затрат на преодоление расстояния с учетом движения по рельефу местности, см., например, [Коробов, 2011, с. 111–124; Журбин и др., 2015, с. 28–41].

Четвертым методом, безусловно, является выделение дорог на основе прямых археологических признаков на местности – дороги постоянно использовались для перемещения людских и грузовых масс и на узкой полосе земли, шириной несколько метров, происходили соответствующие изменения в поверхностном слое грунта (уплотнение, образование небольших впадин), а также откладывалось значительное количество керамики. Выявление дорог по археологическим признакам затрудняется во многих случаях тем, что современные дороги проходят там же и полностью маскируют (или уничтожили) следы дорог древних.

Два из вышеперечисленных методов были использованы авторами для территории Восточного Крыма.

В работе Д.В. Бейлина [Бейлин, 2016, с. 6–12] приведено около двух десятков примеров расположения поселений первых веков нашей эры близ дорог, обозначенных на топографических картах XIX века. Авторы данной публикации решили проверить его суждение для более широкого круга объектов на основе имеющейся у них базы данных по археологическим памятникам Крыма [Смекалов, 2011]. Из полной базы данных нами были отобраны памятники, расположенные восточнее Узунларского вала, координаты которых установлены по ГЛОНАСС-GPS на местности или точным картам (точность 10–30 м). Из набора имеющихся точек были отобраны координаты объектов, отстоящих друг от друга не менее чем на 1 км. Мы считали, что точки, расположенные ближе, могут относиться к одному и тому же памятнику, всего отобрано 167 точек (рис. 1).

Далее было проведено вычисление расстояний от данных точек до ближайших дорог, обозначенных на карте -«верстовке» (масштаб 1:42000) конца XIX века. Общая протяженность отображенной сети дорог в пределах Керченского полуострова восточнее Узунларского вала составляет для этой карты около 2500 км. Для сравнения было проведено определение расстояний до ближайших дорог для такого же количества точек, случайным образом распределенных по той же территории. Как показали подсчеты, среднее расстояние до ближайшей дороги в первом случае составляло 197 м, во втором – 258, медианные значения расстояний, 140 и 185 м, соответственно. Таким образом, можно утверждать, что античные памятники «тяготеют» к дорогам, обозначенным на «верстовке», и эти дороги, отражают, вероятно, и древ-

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

ную дорожную сеть. Естественно, необходима дальнейшая работа по проведению более детального совпадения отдельных дорог с набором поселений.

Кроме карты-«верстовки», было проведено сопоставление тех же памятников с дорожной сетью, отображенной на карте генерала А. Мухина 1817 г. (масштаб 1:168000) и карте-«трехверстовке» (масштаб 1:126000) 70-х годов XIX века.

Для карты А. Мухина средние и медианные расстояния от памятников оказались больше, чем расстояния до случайно распределенных точек: 2800, 2347 и 2146, 1660 м. С одной стороны, на карте А. Мухина представлена гораздо менее полная сеть дорог (общая протяженность отображенной сети дорог в пределах Керченского полуострова восточнее Узунларского вала составляет около 270 км), с другой – точность карты существенно ниже, а положение даже основных дорог не совпадает с дорогами на «верстовке». Таким образом, использование карты А. Мухина для локализации дорог представляется нецелесообразным.

Для карты-«трехверстовки» третья карта, которая принималась во внимание, – карта-«верстовка» (масштаб 1:126000) 70-х годов XIX века. Здесь общая протяженность отображенной восточнее Узунларского вала дорожной сети составляет около 2000 км. Хотя дорожная сеть отображена почти так же детально, как на карте-«верстовке», однако карта отображает Керченский полуостров с существенными искажениями. При трансформации карты по различным наборам опорных точек смещение дорог может достигать величины 0,5 км, таким образом, использовать ее для точной локализации дорог затруднительно. Средние и медианные расстояния от 167 памятников оказались, так же как и для карты А. Мухина, больше, чем расстояния до случайно распределенных точек: 343, 223 и 299, 221 м, соответственно. Вместе с тем, хотя значительная часть дорог примерно совпадает с дорогами на «верстовке», в некоторых районах дороги, отображенные на «трехверстовке», отсутствуют на «верстовке», что свидетельствует об изменении дорожной сети за прошедшее время между составлением карт, и в этом случае положение дорог на «трехверстовке», хотя точность карты ниже, в большей степени может характеризовать древние дороги.

Второй использованный метод – локализация дороги по цепочкам курганов. Сам по себе факт прохождения курганных цепочек вдоль дорог установлен уже достаточно давно. Очень эмоциональное объяснение связи между положением дорог и курганов дано более 130 лет назад в работе А. О. Котляревского: «Помещение могильных холмов на видном месте путей вполне соответствует их назначению: с одной стороны, они свидетели памяти покойника, с другой – пограничные стражи родной земли, оберегаемой прахом почивших предков, ибо жилищам богов приличнее всего стоять на меже путей» [Котляревский, 1868, с. 123]. Собственно, дорогами в современном понимании этого слова данные дороги, возможно, и не являлись. Для периодического перемещения больших кочевых групп населения правильнее говорить о «полосах» перемещения, миграционных путях, положение которых могло варьироваться в пределах сотен метров, и вследствие этого изменения в поверхностном слое могут

быть весьма незначительны, а подъемный материал рассредоточен, и непосредственная археологическая локализация дорог затруднена. Прохождение цепочек курганов и соответственно дорог по возвышенностям имеет и еще одно объяснение. Древние пути, не имевшие твердого покрытия, проходили, как правило, по водоразделам, просыхавшим в степи в первую очередь [Шилик, 1979, с.11].

Важные данные для прояснения вопроса о дорогах Восточного Крыма были получены при изучении детальных карт, т. н. «верстовок» (масштаб 1:42000), съемки 1890 -х гг., и карты масштаба 1:25000, съемки 1955-65 гг. При помощи ГИС MapInfo на них были выделены все отмеченные курганы и нанесены на общую компьютерную карту. Ошибка определения координат составляет, по нашим оценкам, 20–60 метров на местности. Сделаем небольшое отступление, касающееся особенностей отображения курганов на «верстовках» и картах масштаба 1:25000.

Было замечено [Смекалова, Смекалов, 2006, с. 204–225], что для одних и тех же районов на «верстовках» присутствует гораздо большее число курганов за счет того, что на эту карту наносились все, даже подчас очень маленькие возвышенности (хотя, безусловно, часть курганов, особенно мелких, могла просто быть разрушенной за полвека, прошедших между созданием этих карт). Высота курганов на «верстовках» в большинстве случаев не обозначена. На карте масштаба 1:25000 нанесены только более или менее заметные курганы, высота которых превышает 1 м и только в отдельных случаях 0,5 м (высота курганов на этой карте обозначена). Ряд курганов, отмеченных на карте 1:25000, связан с развалинами деревень, присутствующих на «верстовке», и такие курганы исключались из рассмотрения. Некоторая часть объектов, отмеченных как курганы, на карте 1:25000, по-видимому, имеет естественное происхождение – на «верстовке» эти объекты соответствуют вершинам возвышенностей, однако относительное число их не велико, и исключать их из рассмотрения без разведок на местности мы посчитали ненужным. Хотя представление на одной карте курганов является не совсем корректным, возможно дублирование курганов при незначительном смещении координат одного и того же кургана на картах 1:25000 и «верстовках» (тем самым, увеличение числа курганов на карте по сравнению с истинным), однако, как мы покажем далее, это несущественно для используемого ниже метода локализации древних дорог.

Общее число курганов, выделенных на обеих картах, – более 4800. Они более или менее равномерно расположены в западной, степной части Крыма, примыкающей к Сивашу, но эта равномерность полностью нарушается, как только мы приближаемся к границе Керченского полуострова, и это первое, что бросается в глаза при изучении сводной карты курганов. На ней наибольшее впечатление производит протяженная цепочка очень часто следующих курганов, которая тянется от северо-восточной окраины г. Старый Крым вдоль реки Чурук-Су, затем, у с. Новопокровка резко поворачивает на восток и идет вдоль Парпачского гребня вплоть до Узунларского вала. Далее эта линия раздваивается и одна ее часть идет к Нимфею, другая – к мысу Ак-Бурун. Наиболее четко прослеживается часть цепочки, идущая к мысу Ак-Бурун.

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

Вероятно, именно здесь проходила наиболее интенсивная переправа через пролив. Цепь курганов продолжается и на азиатском берегу напротив Ак-Буруна.

Хотя многие курганные цепочки явно выделяются и их визуальное трассирование не составляет труда, все же на значительной части территории предполагаемые трассы дорог могут быть проведены неоднозначно. Для уменьшения субъективности при визуальном трассировании нами была проведена процедура буферизации (объединения) курганов. Данная процедура входит в стандартный набор операций ГИС MapInfo. В результате этой операции формируется набор полигонов-буферов, каждый из которых выделяет территорию с курганами, удаленными от ближайшего на расстояние не более заданного. Далее построенные буферы фильтровались по размеру площадей, и из рассмотрения последовательно исключались буферы малой площади – построенные вокруг одиночных курганов и группы курганов, не образующих протяженных цепочек. При использовании буферов становится несущественным дублирование курганов на картах 1:25000 и «верстовке», так как близко расположенные курганы практически не меняют площадь буфера, если радиус буферизации превышает ошибку определения координат курганов.

На рис. 2 приведена карта отфильтрованных буферных зон и построенная на их основе схема «курганных» античных дорог Восточного Крыма. В квадратных рамках на рис. 2 заключены два участка территории с особенно большой концентрацией курганов. Учитывая данное Геродотом (Herod. IV, 101) расстояние дневного перехода в 200 стадий, или 35 км (пересчет норм пути, приводимых Б. А. Рыбаковым [Рыбаков, 1979, с. 21], можно предположить, что на этих участках, расположенных в 40 километрах от Пантикапея и от восточной оконечности Керченского полуострова – мыса Фонарь, могли находиться ночные стоянки, отделенные днем перехода от переправ через Керченский пролив, либо здесь заканчивался первый день следования по торговому пути IV в. до н.э. из Пантикапея в Каменецкое городище, проходящему через Арабатскую стрелку [Болтрик, 1990, с. 40].

Нами было проведено также определение расстояний между 167 объектами и 167 случайными точками, использовавшихся для анализа дорожной сети, обозначенной на топографических картах, до «курганных» дорог. Средние расстояния получились равными 1031 м и 985 м, а медианные – 656 м и 671 м. Т.е. расстояние от известных памятников до «курганных» дорог практически такое же, как для случайного набора точек. Это можно рассматривать как свидетельство того, что «курганные» дороги – миграционные либо дальние торговые пути и использовались преимущественно при сезонных миграциях, в то время как дороги, соответствующие обозначенным на топографических картах, являлись дорогами для внутренних коммуникаций постоянного населения.

На основании карты-«верстовки», как наиболее точной, нами была проведена реконструкция возможной древней сети дорог, описываемой Клавдием Птолемеем. Полученные результаты представлены на рис. 3 (сплошные линии). Для районов, где произошло существенное изменение дорожной сети на «верстовке» по сравне-

Боспорские исследования, вып. XXXVI

нию с «трехверстовкой», а положение дорог по «трехверстовке» представляется более логичным, показаны также трассы по «трехверстовке» (пунктирные линии). В целом можно отметить, что описание Птолемея можно встроить в сеть дорог по картам XIX века и, возможно, эти дороги отражают и древнюю коммуникационную сеть.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейлин Д.В.* К вопросу об основных направлениях транспортных коммуникаций в первые века н.э. // Таврические студии. – № 10. – 2016. – С. 6–12.
- Болтрик Ю.В.* Сухопутные коммуникации Скифии // СА. – №4. – 1990. – С. 30–44.
- Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. – Вып. IV. – 2003. – С. 320 с.
- Журбин И.В., Груздев Д.В., Петров Р.П., Чиркова О.Т.* Метод реконструкции дорожной сети исторического региона на основе оптимизации трудозатрат // Историческая информатика. – Вып. 1–2. – 2015. – с. 28–41.
- Зубарев В.Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. – Тула, 1998. – 105 с.
- Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 504 с.
- Зубарев В.Г., Масленников А.А.* Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. – № 3. – 1987. – С. 40–52.
- Коробов Д.С.* Основы геоинформатики в археологии. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – 224 с.
- Котляревский А.О.* О погребальных обычаях славян. – М.: Типография К.А. Попова, 1868. – 308 с.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. – М.: Индрик, 1998. – 304 с.
- Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – Тула: Гриф и К, 2003. – 280 с.
- Паромов Я.М.* Главные дороги Таманского полуострова // ДБ. – № 1. – 1998. – С. 216–225.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. – М.: Наука, 1979. – 248 с.
- Смекалов С.Л., 2011.* Археологическая карта Крыма. Режим доступа: URL: <http://www.archmap.ru> (дата обращения 17.12.2017).
- Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л.* Системы дорог и клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // АВ. – № 13. – 2006. – С. 204–226.
- Смекалова Т.Н.* О расположении древних проездов через Узунларский вал по данным дистанционных и картографических методов // XVIII Боспорские чтения. – Симферополь-Керчь. – 2017. – С. 461–472.
- Супренков А.А.* Боспорские ворота: центральный проезд через Узунларский ров и вал в Восточном Крыму // Поселения, городища, некрополи. Работы новоэпических экспедиций в 2016 году. – М. – 2017. – С. 190.
- Федосеев Н.Ф.* Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. – №4. – 1997. – С. 100.
- Федосеев Н.Ф.* Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. – Т. 3. – 1999. – С. 61–102.
- Шилик К.К.* Транспортные пути античного Северного Причерноморья // Материалы II Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VII–V вв. до н. э.). – Тбилиси, –1979.
- Шмидт Р.В.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. – VII. – 1941. – С. 273–274.
- Шургая И.Г.* Центральный район Илурата // КСИА. – № 143. – 1976. – С. 105–106.
- Atlas, 1977.* Tubinger Atlas des Vorderen Orients. 1977. Reichert .
- Atlas, 2000.* Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton University Press 2000, directed by Richard J. A. Talbert.
- Symposion, 1998.* Proceedings of a Symposion Organized by the Cultural Association Aigeas (Athens) and

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

the German Archaeological Institute (Athens) with the Support of the German School at Athens, November 23, 1998].

REFERENCES

- Bejlin D.V. K voprosu ob osnovnyh napravleniyah transportnyh kommunikacij v pervye veka n.eh. // Tavricheskie studii. – № 10. – 2016. – P. 6–12.
- Boltrik YU.V. Suhoputnye kommunikacii Skifii // SA. – №4. – 1990. – P. 30–44.
- Zin'ko V.N. Hora bosporskogo goroda Nimfeya // BI. – Vyp. IV. – 2003. – 320 p.
- Zhurbin I.V., Gruzdev D.V., Petrov R.PP., CHirkova O.T. Metod rekonstrukcii pdorozhnoj seti istoricheskogo regiona na osnove optimizacii trudozatat // Istoricheskaya informatika. – Vyp. 1–2. – 2015. – P. 28–41.
- Zubarev V.G. Severnoe Prichernomor'e v istoriko–geograficheskoj koncepcii Klavdiya Ptolemeja. – Tula, 1998. – 105 p.
- Zubarev V.G. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po dannym antichnoj pis'mennoj tradicii. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. – 504 p.
- Zubarev V.G., Maslennikov A.A. Istoricheskaya geografiya Evropejskogo Bospora po Klavdiyu Ptolemeju // SA. – № 3. – 1987. – P. 40–52.
- Korobov D.PP. Osnovy geoinformatiki v arheologii. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2011. – 224 p.
- Kotlyarevskij A.O. O pogrebal'nyh obyčajah slavyan. – M.: Tipografiya K.A. Popova, 1868. – 308 p.
- Maslennikov A.A. Ehllinskaya hora na krayu Ojkumeny. – M.: Indrik, 1998. – 304 p.
- Maslennikov A.A. Drevnie zemlyanye pogranično–oboronitel'nye sooruzheniya Vostochnogo Kryma. – Tula: Grif i K, 2003. – 280 p.
- Paromov YA.M. Glavnye dorogi Tamanskogo poluostrova // DB. – № 1. – 1998. – P. 216–225.
- Rybakov B.A. Gerodotova Skifiya. – M.: Nauka, 1979. – 248 p.
- Smekalov S.L., 2011. Arheologicheskaya karta Kryma. Rezhim dostupa: URL: <http://www.archmapp.ru> (data obrashcheniya 17.12.2017).
- Smekalova T.N., Smekalov P.P.L. Sistemy dorog i klerov gorodov Evropejskogo Bospora po dannym aehrofotos»emki, kartografii i nazemnyh razvedok // AV. – № 13. – 2006. – P. 204–226.
- Smekalova T.N. O raspolozhenii drevnih proezdov cherez Uzunlarskij val po dannym distancionnyh i kartograficheskikh metodov // XVIII Bosporskie chteniya. – Simferopol'-Kerch'. – 2017. – P. 461–472.
- Suprenkov A.A. Bosporskie vorota : central'nyj proezd cherez Uzunlarskij rov i val v Vostochnom Krymu // Poseleniya, gorodishcha, nekropoli. Raboty novostroechnyh ehkspedicij v 2016 godu. – M. – 2017. – P. 190
- Fedoseev N.F. Pereprava cherez Bospor Kimmerijskij// VDI. – №4. – 1997. – P. 100.
- Fedoseev N.F. Eshche raz o pereprave cherez Bospor Kimmerijskij // Arheologiya i istoriya Bospora. – T. 3. – 1999. – P. 61–102.
- Shilik K.K. Transportnye puti antichnogo Severnogo Prichernomor'ya // Materialy II Vsesoyuzn. simpoz. po drevnej istorii Prichernomor'ya v ehposhu Velikoj grecheskoj kolonizacii (VII–V v. do n. eh.). – Tbilisi, –1979.
- Shmidt R.V. K issledovaniyu bosporskih oboronitel'nyh valov // SA. – VII. – 1941. – P. 273–274.
- Shurgaya I.G. Central'nyj rajon Ilurata // KSIA. – № 143. – 1976. – P. 105–106.
- Atlas, 1977. Tubinger Atlas des Vorderen OrientPP. 1977. Reichert.
- Atlas, 2000. Barrington Atlas of the Greek and Roman World. Princeton University Press 2000, directed by Richard J. A. Talbert.
- Symposion, 1998. Proceedings of a Symposium Organized by the Cultural Association Aigeas (Athens) and the German Archaeological Institute (Athens) with the Support of the German School at Athens, November 23, 1998].

Резюме

В статье рассматривается вопрос о локализации дорог Европейского Боспора восточнее Узунларского вала в период I-II вв. нашей эры. На основе анализа данных, приводимых Страбонам и Клавдием Птолемеем, проводится оценка количества и возможные пути прохождения основных дорог, связывающих упоминаемые Птолемеем населенные пункты, вероятные места дорожных проходов в Узунларском валу. Проводится характеристика основных современных методов, используемых для локализации древних дорог, анализируется пригодность для этой цели существующих карт XIX века. На основе дорожной сети второй половины и конца XIX в. масштабов 1:126000 (т.н. «верстовка») и 1:42000 (т.н. «трехверстовка») построена точная карта возможного расположения основных дорог.

Ключевые слова: Крым, Керченский полуостров, Боспорское царство, городище Белинское, археология, античность, старые карты, древние дороги.

Summary

The article deals with the localization of roads of the European Bosphorus to the east of the Uzunlar Earthworks during the I-II c.c. AD. Based on the analysis of the data given by Strabo and Claudius Ptolemy, an evaluation is made of the number and possible routes of the main roads linking the settlements mentioned by Ptolemy, the probable places for road passages in the Uzunlar Earthworks. A characteristic of the main modern methods used for the localization of ancient roads is being carried out, the suitability for this purpose of existing maps of the XIX century is analyzed. Based on the road network presented on the maps of the second half and the end of the XIX scales of 1: 126000 (1 verst in one inch) and 1: 42000 (3 versts in one inch), an precise map of the possible location of the main roads is constructed.

Keywords: Crimea, Kerch peninsula, Bosphorus Kingdom, Belinskoe hillfort, archeology, antiquity, old maps, ancient roads.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
профессор.
parosta@mail.ru
шифр специальности 07.00.06

Смекалов Сергей Львович, к.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
старший научный сотрудник.
slsmek@mail.ru
шифр специальности 07.00.06

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
заведующий кафедрой.
s-yartsev@yandex.ru
шифр специальности 07.00.06

Зубарев В.Г. и др. Основные дороги ...

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubarev Viktor G., DSc,
Tula State Pedagogical University,
Professor.
parosta@mail.ru

Smekalov Sergei L., PhD,
Tula State Pedagogical University,
Senior Researcher.
slsmek@mail.ru

Yartsev Sergei V., DSc,
Tula State Pedagogical University,
Head of Cafedra.
s-yartsev@yandex.ru

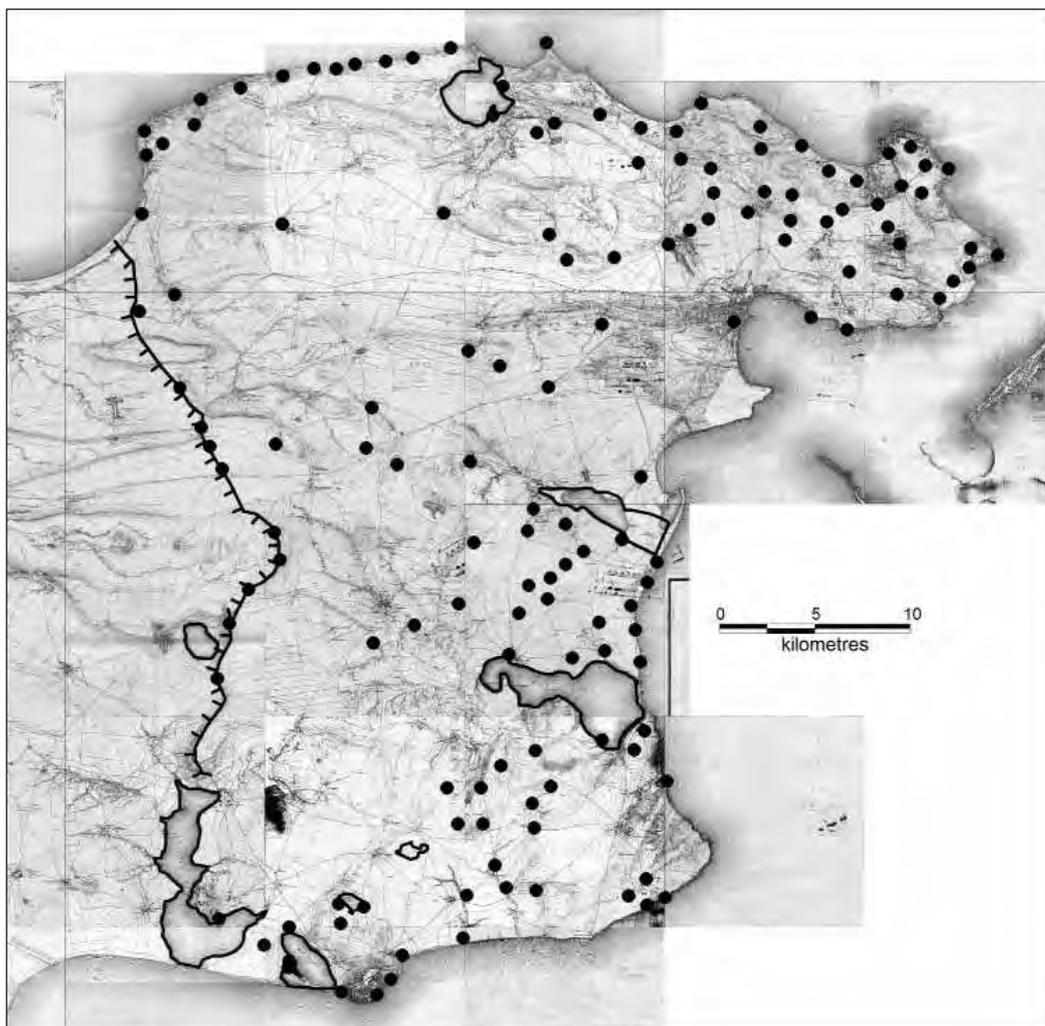

Рис. 1. 167 памятников, выбранных для определения расстояния до дорог по карте-«верстовке».

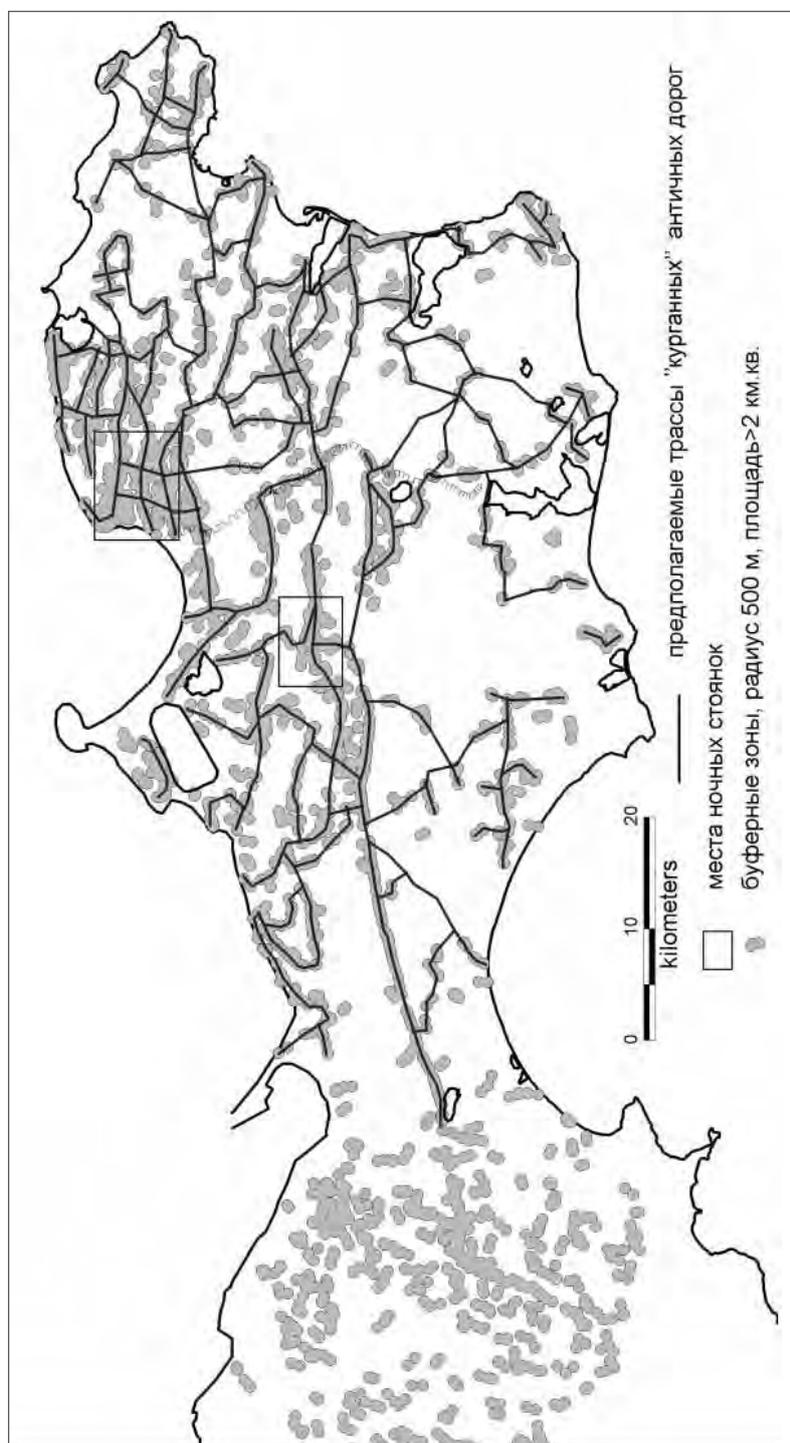

Рис. 2. Реконструкция системы «курганых» античных дорог Восточного Крыма.

Рис. 3. Реконструкция системы дорог и населенных пунктов Восточного Крыма, упоминаемых Клавдием Птолемеем по «верстовке» и «трехверстовке».

М.М. КАЗАНСКИЙ, А.В. МАСТЫКОВА
M.M. KAZANSKY, A.V. MASTYKOVA

**КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ ИЗ СЁСДАЛЫ И ЕГО ПОНТО-ДУНАЙСКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ
EQUESTRIAN EQUIPMENT OF THE GREAT MIGRATION OF
NATIONS PERIOD FROM SÖSDALA AND ITS PONTO-DANUBE
PARALLELS**

Известный «клад» первой половины V в. из Сёсдалы (Sösåala) в Южной Швеции (провинция Сконе в регионе Гёталанд) недавно был подробно опубликован известными скандинавскими археологами Шарлоттой Фабек и Ульфом Несманом [Fabech, Näsman, 2017; предыдущие основные публикации: Forssanger, 1936–1937; Geisslinger, 1967, S. 139, 140, Taf. 10–18]. В этом новом издании мы уже имели возможность изложить наши взгляды на происхождение и понто-дунайские параллели конского убора, представленного в данном кладе [Kazanski, Mastykova, 2017, P. 297–311]. В этой статье мы попытаемся развить и уточнить ранее высказанную нами точку зрения.

Конский убор из Сёсдалы имеет параллели как в Скандинавии, так и в континентальной Европе. В Скандинавии, наиболее показательными являются, помимо Сёсдалы, находки в Фултофте (Fulltofta) в регионе Гёталанд, Финнесторпе (Finnestorp) и в Веннебо (Vennebo) в регионе Вестергётланд (рис. 1) [Geisslinger, 1967, Katalog 2, 5; Germanen, 1987, XI, 7; Binter-Wróblewska, 2001, p. 91, 92, fig. 18; Fabech, Näsman, 2017, p. 429–447; Nordqvist, 2017]. Скандинавские находки представляют собой «жертвенные» клады [Fabech, Näsman, 2013; Fabech, 2017]. Подобные вещи пока не найдены в захоронениях, хотя, возможно, и связаны с какими-то ритуальными действиями погребального характера; два клада из Сёсдалы обнаружены в 200–300 м от окраины огромного некрополя Веттерюд (Vätteryd), содержавшего разновременные погребения, в том числе и эпохи Великого переселения народов [Fabech, 2017, 48, 49, fig. 2, 3, 5].

В Восточной и Центральной Европе хорошо известна группа «княжеских» находок (погребений и кладов), содержащая близкие сёсдальским серебряные гарнитуры конского снаряжения, украшенные гравированным и штампованным декором. Это такие находки, как Якушовице (Jakuszowice) в Силезии (рис. 2), Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) в Нижней Австрии (рис. 3 и 4), Качин на Волини (рис. 5, 1–8), Бар в Подолии (рис. 5, 9–14), Кошовени де Жос (Coşoveni de Jos) в Валахии (рис. 6) [Tejral 1973, S. 13, 14; Кухаренко, 1982; Germanen 1987, III, 49, VII, 36; Godlowski, 1995; Harhoiu, 1998, S. 52, 172, 173, Taf. 37, 38; Or des princes barbares, 2000, n° 6, 9; Tejral, 2011, S. 167–174; Levada, 2011]. Эти гарнитуры имеют ряд общих элементов, например крестообразные накладки (рис. 1, 1–3; 2, 1, 3), пельтовидные подвески (рис. 1, 4–7, 12; 2, 2), подвески трапециевидной/секировидной формы и в виде «рыбьего

хвоста» (рис. 3,1,4; 5,1–3,5,6; 6,5–8), а также декоративные мотивы в виде конских голов (рис. 1,8–10; 5, 1) и в виде птичьих голов (рис. 1,4,5,12; 2,2; 3,1,4; 5,4–6), биметаллические удила (рис. 1,13; 4,9,10; 5,7,8,10), иногда со стержневыми псалями с загнутыми концами (рис. 4,1,6), пряжки с вытянутым треугольным щитком и диском на оконечности (рис. 1,11)¹. В то же время каждый из этих наборов имеет свои индивидуальные черты и, скорее всего, был сделан на заказ.

Предметы конского снаряжения с гравированным и штампованным декором принадлежат большой группе предметов, обычно объединяемых в так называемый стиль Сёсдала, хотя точное значение этого термина всё еще остается дискуссионным [из последних работ см.: Binter-Wróblewska, 2001, p. 89, 90; Binter-Wróblewska, 2017; Näsman, 2017]. Если на континенте элементы конского снаряжения с таким декором охватывают зону от Днепровского Правобережья до Южной Скандинавии и Среднего Дуная, то в целом вещи стиля Сёсдала – пряжки, фибулы, подвески и пр. – распространяются более широко, от Северной Галлии до Танаиса и Боспора Киммерийского [из последних работ см.: Tejral 2011, S. 174–182; Levada, 2011]. Датировка конских гарнитур стиля Сёсдала соответствует периоду D2 хронологии европейского Барбарикума², т.е. 380/400–440/450 гг. [Tejral, 2011, S. 319–321]. Она также соответствует фазе 2 стиля Сёсдала, определяемой в рамках 375/400–430 гг. [Fabech, 1991; Binter-Wróblewska, 2001, p. 119, 120, pl. 59; Tejral, 2011, S. 174].

«Княжеские» находки с конскими гарнитурами стиля Сёсдала несомненно маркируют высокий социальный статус их владельцев, однако они происходят из разной культурной среды. Так, не исключено, что погребение в Якушовице с ярко выраженными «степными» элементами принадлежит гуннскому военачальнику, в то время как находки в Унтерзибенбрунне, Качине, Баре содержат бесспорные элементы восточногерманского женского костюма. Кроме того, захоронение в Унтерзибенбрунне содержит предметы убора, связанные по происхождению со «смешанной» цивилизацией Северного Понта, включавшей как греко-римские, так и сармато-аланские черты [Shchukin *et alii*, 2006, p. 200–204; подробно о находке: Nothnagel, 2013]. Интернациональный характер аристократической материальной культуры Барбарикума гуннского времени не позволяет более точно идентифицировать интересующие нас находки. Поэтому мы разделяем мнение Ш. Фабек и У. Несмана, согласно которому находка конской гарнитуры в Сёсдала и ее аналогии отражают «интеррегиональную» вождескую культуру [Fabech,

¹ Скандинавские находки конских уборов содержат остатки жестких седел с металлической арматурой, которые мы в этой работе не рассматриваем ввиду отсутствия им параллелей в Восточной и Центральной Европе.

² Нами используется хронология Ярослава Тейрала. У русских археологов распространено заблуждение, что эта хронология актуальна лишь для Центральной Европы. Однако внимательное знакомство с работами этого исследователя показывает, что она создавалась с привлечением материалов Крыма, Северного Кавказа, Абхазии и с территории черняховской культуры на Украине и в Молдавии и имеет к этим регионам прямое отношение.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение ...

Näsman, 2013]. Другие предметы того же стиля, в частности фибулы и пряжки, также распространяются в очень широкой зоне, перекрывающей границы между разными культурными зонами, и поэтому тоже не имеют этнокультурной привязки. Итак, мы имеем дело с феноменом престижной моды, распространенной у самых различных варваров (германцы, гунны, аланы, балты), а также в Империи, особенно в варваризованном пограничье, и, наконец, в греко-варварской среде Северного Причерноморья.

Ярослав Тейрал объединил континентальные находки с декором типа Сёсдала в группу «Качин-Кошовени де Жос», принадлежавшие разноплеменной варварской знати [Tejral, 1973, S. 13, 14, 61]. Эта группа, в свою очередь, входит в состав находок «княжеского» горизонта Унтерзибенбрунн. Что касается более точной атрибуции, то можно предположить, что погребения и клады, обнаруженные в римском пограничье, такие как Унтерзибенбрунн (рис. 3; 4) или Кошовени де Жос (рис. 6), связаны с варварами на римской службе. Другие, более отдаленные, такие как Качин или Бар (рис. 5), отражают «княжескую» культуру восточногерманских сателлитов гуннского объединения [Shchukin *et alii*, 2006, p. 145–152; Tejral, 2011, S. 319–321]. Наконец, погребение в Якушовице (рис. 2) может принадлежать, как уже говорилось, гуннскому вождю.

Особая роль конского убора в составе этих находок очевидна. В эпоху Великого переселения народов конское снаряжение и туши коней часто присутствуют в погребениях варварских элит самых разных народов, в первую очередь степных гуннов и аланов [см. многочисленные примеры: Засецкая, 1994; Atabiev, 2000; Tejral, 2011; Габуев, 2014], но не только их. Помимо уже упоминавшейся находки в Унтерзибенбрунне, для гуннского времени можно назвать погребения оседлых варваров с элементами конского снаряжения в Лендьелтоти (Lengyel-tóti) в Венгрии [Bakay, 1978], в Мундольсхайме (Mundolsheim) в Эльзасе [Kazanski, Ahmedov, 2007]³, погребение с конем в Лугах (Lugi / Königsbruch) в Силезии [La Baume, 1934, S. 136, 137, Abb. 66], погребения с конями в Абхазии [Казанский, Мастыкова, 2009].

Можно предположить, что появление конского снаряжения в «княжеском» ритуальном контексте, а равно и помещение коня в могилу, связаны с восточноевропейским влиянием. Действительно, богатые конские гарнитуры хорошо представлены

³ Здесь было найдено жесткое седло с металлическими накладками. Погребения с жесткими седлами известны уже в позднеримское время, например в Кишпеке на Северном Кавказе [Бетров, 1987, с. 15] или в Сарри (Sarry) в Северной Франции [Chew, 1993]. Начиная с гуннского времени находки седел в погребальном контексте становятся более многочисленными, в частности у степных кочевников [Засецкая, 1994, с. 45–50]. Вне степной зоны находки седел известны: в погребении 10 могильника Лермонтовская Скала-2 на Северном Кавказе [Рунич, 1976], в уже упоминавшейся могиле в Мундольсхайме, в «княжеской могиле» в Концешти в румынской Молдове [Казанский, 2014, с. 306], в Керчи, в погр. 165.1904 г., ингумация 5 и, кажется, в погр. 6.1905 г. [Шкорпил, 1907, с. 49; Шкорпил, 1909, с. 3, 4; Засецкая 1993. Приложение, № 17], а также в погребении 3, датированном 450–460 гг., «царского» некрополя Баллана (Ballana) в Нубии [Török, 1988, p. 134–144, pl. 94. 286].

Боспорские исследования, вып. XXXVI

в погребениях позднеимперского времени как в степной аланской среде [см., напр.: Казанский, 1994, рис. 2, б], так и на Боспоре Киммерийском [Тайна золотой маски 2009; Шаров, 2012], но зато сравнительно редко встречаются в центральноевропейском Барбарикуме [см., напр.: Antoniewicz *et alii*, 1958]. Вполне вероятно, что в эпоху Великого переселения народов вместе с волной гуннских, аланских и восточногерманских передвижений «восточные» погребальные обычаи широко распространяются в Центральной и Западной Европе. Кстати, не исключено, что вместе с этой волной в Европу попадает и практика захоронения вождей в больших курганах. По крайней мере, в знаменитом кургане Журань (*Žuráň*) в Южной Моравии наиболее ранние захоронения, если судить по находкам бус и стеклянных сосудов, относятся именно к гуннскому времени [подробнее см.: Мاستыкова, 2013; Mastykova, 2017]. С середины V в. обычай сооружения «королевских» курганов появляется и в Скандинавии, о чем свидетельствуют большие курганы в Хегоме (*Högom*) в Северной Швеции, в Норрланде [Ramqvist, 1992]. Точно так же в погребениях варварской знати гуннского времени в Европе, от Кавказа до Пиренейского полуострова, широко распространяется сармато-аланский обычай захоронения с мечом, как с единственным предметом вооружения, иногда сопровождаемым вспомогательным клинковым оружием [Казанский, 2010]. В позднеимперское время этот обычай в Европе представлен спорадически [см. примеры: Tejral, 2016].

Разумеется, сложно сказать, каковы были конкретные механизмы распространения этих обычаев в Скандинавии. Как мы знаем на примере герулов, между континентальными германцами и скандинавами существовали династические связи [Прокопий из Кесарии, Война с готами, II.15], что, несомненно, облегчало распространение модных и престижных обычаев. Часто предполагается и присутствие знатных скандинавов в римской армии в V в., однако никаких прямых свидетельств тому нет – скандинавы в составе римского войска в это время не упоминаются ни одним из древних авторов.

Рассмотрим вопрос происхождения стиля конских гарнитур группы «Качин-Кошовени де Жос». Согласно Максиму Левад, вещи стиля Сёсдала распространяются на континенте под скандинавским влиянием [Levada, 2011]. Эта точка зрения нам кажется ошибочной. Разумеется, параллели, указанные М. Левадой вполне очевидны, однако, в каком направлении распространялись эти влияния – с севера на юг или, наоборот, с юга на север, уверенно никто сказать не может. При этом следует обратить внимание на несомненную концентрацию серебряных предметов с гравированным и штампованным декором на территории позднеимперской Паннонии (рис. 7), в том числе в позднеимперских центрах (*Intercisa, Brigetio, Emona, Singidunum*) [Bóna, 2002, p. 84, 85, fig. 34; cf. Kontny, Maćzyńska, 2015, S. 250–252, Abb. 10]. Учитывая этот факт, нам кажется более резонным связывать вещи с гравированным и штампованным декором прежде всего с деятельностью пограничных позднеимперских (паннонских?) ателье. Не исключены и западноевропейские истоки скандинавских уборов со штампованным и гравированным декором. По крайней мере такую воз-

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение ...

возможность предполагают некоторые исследователи, называя в качестве возможных центров изготовления таких вещей рейнские мастерские [см. подробнее историографический обзор: Näsman, 2017]. Напомним, что тесные культурно-экономические, а, возможно, и военно-политические связи Южной Скандинавии с римским Западом прослеживаются уже в римское время [Grane, 2007a; 2007b].

Что касается конских гарнитур, то скандинавские и континентальные находки не образуют единой стилистической группы, но имеют общие римские прототипы и представляют собой две параллельные линии развития престижной моды, общей для всех варварских элит Европы [Кухаренко, 1982, с. 240; Tejral, 2011, S. 329]. При этом считается, что конский убор с гравированным и штампованным декором производился в римских мастерских, работавших на заказы от варварской аристократии [Tejral, 1973, S. 13,14,16–18; Кухаренко, 1982, с. 240; Tejral, 2011, S. 170–174]. Действительно, похожий декор хорошо известен в Западной Римской империи на «воинских» поясах [например: Böhme 1974, Taf. 63.3,4, 74.1,2,7, 90.7–10, 94.13 и т.д.; Sommer, 1984, Taf. 2.2–5, 3.1,4,5, 5.2, 6.1–6 и т.д.]. Что же касается прямых прототипов конских гарнитур типа Сёсдала и Качин-Кошовени, то можно назвать находки в Южной Германии в Бюргле (Bürgle), около Гундреммингена (Gundremmingen) (рис. 8,1–5). Здесь элементы конской сбруи были найдены в римской крепости в слоях разрушений, по монетным находкам 378–383 гг. датированных около 400 г. [Bersu, 1964, S. 57, 98, Taf. 8.1–5; Tejral, 1988, Abb. 6.7–10,12]. Хорст-Вольфганг Бёме связывает гундреммингенскую упряжь с восточными германцами [Böhme, 1988, S. 28]. Однако эта находка из римской крепости по времени раньше, чем сравнимые восточногерманские находки группы Качин-Кошовени. С другой стороны, элементы декора, представленные на вещах из Бюргле-Гундреммингена, такие как штамп в форме С, отмечены в Империи уже в IV в., в частности на римских поясах [Sommer, 1984, Taf. 3.4,5, 4.3, 5.2 etc.]. Реже они встречаются на вещах из Северного Причерноморья, например, в известной могиле Месакусуди 1918 г. [Казанский, 2016, рис. 2, 4] и на некоторых вещах черняховской культуры [Шукин, 1979, с. 19].

Некоторые предметы конского убора с гравированным и штампованным декором из интересующих нас находок имеют прямые римские параллели и прототипы. Это, в частности, крестообразные накладки (рис. 8,5) или мотив из пары конских голов, хорошо известный как на металлических элементах римских поясов (рис. 9,2–4), так и на позднеимперских костяных гребнях (рис. 9,1) [Tejral, 1973, S. 17, 18; Tejral, 2011, S. 182–185].

Трапециевидные/секировидные или в виде «рыбьего хвоста» подвески, известные в Качине, Кошовени и Унтерзибенбрунне (рис. 3,1,4; 5,1–3,5,6; 6,5–8), а также как случайные находки, например в Подолии на Правобережной Украине (Fabech, Näsman, 2017, p. 330, fig. 1), напоминают находки в Бюргле, а также в Дамкер (Dahmker) на Нижней Эльбе (рис. 8,4,7) [Geislinger, 1959–1961, Abb. 1.1,8]. Секировидные подвески, но с совершенно иным декором, были найдены в дунайской крепости Эскус (Oescus) (рис. 10,1) (Welkow, 1936, Abb. 1) и

Боспорские исследования, вып. XXXVI

в Керчи, в частности, в аристократических погребениях 24 июня 1904 г. [Засецкая, 1993, табл. 18,56а, 36,165]. Их прямые прототипы известны в алано-сарматском и боспорском конском снаряжении (рис. 10,2, 3)⁴ [Малашев, 2000, рис. 10,5, 11,5,6, 12,Б.7,Г.4,Д.1, Е.5 и т.д.; Шаров, 2012, рис. 17,9,11, 3, 19,6]. Уточним, что подвески из Бюргле, Дамкера и Эскуса, если судить по их декору, являются продукцией скорее римских мастерских.

Пельговидные штампованные и гравированные подвески, равно как и более простые подвески без декора, хорошо известны в Южной Скандинавии (рис. 11) [Binter-Wróblewska, 2001, p. 92–95, fig. 19] и представлены на континенте, например в Якушовице (рис. 2,2). На южном побережье Балтийского моря похожие подвески в эпоху переселения народов присутствуют и в женском костюме [Gebbers, Hinz, 1977, Abb. 5,1,2, 11,4]. Что касается подвесок конского убора, то они, несомненно, имеют римские прототипы [Hagberg, 1957]. Среди них можно назвать подвеску, происходящую из Вилла де Иоаннис (Villa de Joannis) в Италии, найденную в слое с монетами последней четверти IV в. (рис. 8,6) [Rusconi, 1979, tav. 8,9].

Стержневые псалии с загнутыми концами, известные в Унтерзибенбрунне, широко распространены в Европе, в частности в понтийском регионе [Ахмедов, 2001; Ахмедов, 2005], но встречаются и в Сардах (Sardis) в Малой Азии [Waldbaum, 1983, pl. 7,89], а также в аристократическом некрополе Кустул (Qustul) в Нубии [Emery, Kirwan, 1938, pl. 60a]. Их прототипы известны в Римской империи, например в Майнце и Кельне [Казанский, 2010, с. 310].

Удлиненно-прямоугольные держатели узды, типичные для конского снаряжения, с гравированным и штампованным декором (рис. 2,10; 4,9,10; 5,7–10) имеют прототипы в понтокавказском регионе, но стоит отметить, что похожие формы известны и в позднеримском конском снаряжении [Kazanski, 2011, p. 91].

Пряжки с треугольным щитком и диском, известные в Качине и Сёсдала, а также в других комплексах гуннского времени, например в Арпаш (Árpás) в Паннонии [Tejral, 2011, Abb. 165.3], имеют позднеримские прототипы IV в., представленные в Галлии, Италии, Паннонии, Мезии (рис. 8,8–10) [Vinski, 1974, s. 41, tab. 37,3–5,7; Sommer, 1984, S. 21, 123, Taf. 1,9, 27,2; Tejral, 2011, Abb. 188,7]. Эти позднеримские пряжки и их имитации распространяются далеко на восток, вплоть до Урала [Генинг, 1979, с. 98, 99; Кухаренко, 1982, с. 241, 243].

Наконец, биметаллические удила (рис. 1,13; 4,9,10; 5,7,8,10) хорошо известны в гуннское время у оседлых и кочевых варваров [Засецкая, 1994, с. 40, 41; Kazanski, 1991, с. 138, 139; Tejral, 2011, S. 169]. Иногда их находят и на территории Империи, в частности, в Северной Италии [Kazanski, 1991, fig. 9,12]. Такие удила существуют в Восточной Европе уже в позднеримское время, как об этом свидетельствует находка 1841 г. в Аджимушкае [Шаров, 2012, рис. 7].

⁴ Благодарим Олега Васильевича Шарова за любезно предоставленные фотографии керченских находок.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение ...

Итак, мы можем констатировать, что конские гарнитуры с гравированным и штампованным декором, представляющие параллельные линии развития в Скандинавии и в континентальной Европе, имеют римские прототипы. Их важное место в «княжеском» ритуале очевидно и, скорее всего, объясняется восточными влияниями, связанными со степной и восточногерманской средой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р.* Коллекция предметов конского убора из Керчи // Поздние скифы Крыма / под ред. И.И. Гуциной, Д.В. Журавлева. Москва: Государственный Исторический музей, 2001. С. 239–253.
- Ахмедов И.Р.* Конский убор из некрополей Цебельдинской долины // II Городцовские чтения / под ред. И.В. Белоцерковской. Москва: Государственный Исторический музей, 2005. С. 240–253.
- Бетров Р.Ж.* Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3 / под ред. В.А. Кузнецова. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 11–39.
- Габуев Т.А.* Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания; Государственный музей искусства народов Востока, 2014, 184 с.
- Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 158. С. 96–105.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV –V вв. Санкт-Петербург: Эллипс, 1994. 224 с.
- Казанский М.М.* Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238–256.
- Казанский М.М.* «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. Москва: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.
- Казанский М.М.* Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum plus*. 2014. № 4, 2014. С. 229–336.
- Казанский М.М.* находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // XVII Боспорские чтения под ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра», 2016. С. 206–215.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2009. С. 150–155.
- Кухаренко Ю.В.* О Качинской находке V в. // А.К. Амброз, Ф. Эрдели (отв. ред.). Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков / под ред. А.К. Амброза, И. Эрдели. Москва: Наука, 1982. С. 234–244.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона 1) / под ред. Ю.К. Гугуева. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Мастыкова А.В.* Бусы эпохи Великого переселения народов из «королевского» кургана Журань в Южной Моравии // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 228. С. 46–57.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами (пер. С.П. Кондратьева), Москва: Издательство АН СССР, 1950, 516 с.
- Рунич А.П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // Советская археология. 1976. № 3. С. 256–266.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Тайна золотой маски. Под ред. А. М. Буягина. Санкт-Петербург; Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. 204 с.
- Шаров О.В.* Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи // *Stratum plus*. 2012. № 4. С. 201–237.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // *Известия Императорской археологической комиссии*. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // *Известия Императорской археологической комиссии*. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
- Щукин М.Б.* К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // *Краткие сообщения Института археологии*. 1979. Вып. 158. С. 17–22.
- Antoniewicz J., Kaczyński W., Okulicz J.* Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowymw miejsc. Szwajcaria, pow. Suwalki // *Wiadomości Archeologiczne*. 1958. T. 25. S. 22–57.
- Atabiev B.* Tombe 118. Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie // *L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. ap. J.-C.* Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. P. 162–165.
- Bakay K.* Bestattung eines vornehemen Kriegers vom 5. Jahrhunderts in Lengyeltóti // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1978. T. 30. S. 149–172.
- Bersu G.* Die spätromische Befestung Bürgle bei Gundremmingen. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 1964. 103 S. Taf.
- Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. Est-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 258 p.
- Binter-Wróblewska A.* Sösdala style – Sösdala horizon // *Fabech C., Näsman U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe.* Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 257–272.
- Böhme H.W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, T. 1, 2. 1974. 384 S. Taf.
- Böhme H.W.* Zur Bedeutung des spätromischen Militärdienstes für die Stammesbildung der Bajuwaren // *Dannheimer H., Dopsch H. (Hrsg.), Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488–788.* München: Prahistorische Staatsamlunf München; Amt der Salzburgenr Landesregierung, 1988. S. 23–37.
- Bóna I.* Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
- Chew H.* Une sépulture militaire de l'époque romaine tardive à Sarry (Marne) // *Vallet F., Kazanski M. (dir.), L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle.* Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 313–321.
- Die Alamannen. Stuttgart: Teiss, 1997. 538 S.
- Emery W.B., Kirwan L.P.* The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo: Government Press, 1938. 407 p. 118 pl.
- Fabech C.* Booty Sacrifices in Southern Scandinavia: A Reassessment // *Garwood P. et alii (ed.), Sacred and Profane.* Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1991. P. 88–99.
- Fabech C.* Sösdala and Fulltofta: gthe ritual depositions // *Fabech, C., Näsman, U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe.* Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 43–63.
- Fabech C., Näsman U.* A Lonely Rider? The Finding Place of the Sösdala Find and the Context of its Finds // *Khrapunov I., Stylegard F.-A. (eds), Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea.* Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2013. P. 84–106.
- Fabech, C., Näsman, U. (eds).* The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. 451 p.
- Forsranger I.* Provinzialrömisches und germanisches. Meddelanden från Lunds universitets historiska museum // *Kungl Humanistiska Vetenskapssamfundets i Lund Årsberättelse 1936–1937.* S. 183–272.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение ...

- Gebers W., Hinz H.* Ein Körpergrab der Völkerwanderungszeit aus Bosau, Ostholstein // *Offa*. 1977. T. 34. S. 5–39.
- Geislinger H.* Frühvölkerwanderungszeitliches Zaumzeugzubehör von Dahmker, Kreis Herzogtum Lauenburg // *Offa*. 1959–1961. T. 17–18. S. 175–180.
- Geislinger H.* Horte als Geschichtsquelle dargestellt an der völkerwanderungs- und merowingerzeitlichen Funden des südwestlichen Ostseeraumes. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1967. 310 S.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum, 1987. 636 S.
- Godlowski K.* Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // *Vallet F., Kazanski M.* (dir.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. S. 155–180.
- Grane T.* Southern Scandinavian *Foederati* and *Auxilarii* ? // *Grane T.* (ed.), *Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum*. Roma: Edizioni Quasar, 2007a. P. 83–104.
- Grane T.* The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. University of Copenhagen, Ph.-D. dissertation. 2007b. 318 p.
- Hagberg U.E.* Fölkvandringstida hängprydnadler // *Tor*. 1957. T. 3. S. 108–120.
- Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucarest: Editura Enciclopedică, 1998. 270 S. 137 Taf.
- Kazanski M.* A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe – V e s.) // *Journal of Roman Archaeology*. 1991. Vol. 4. P. 123–139.
- Kazanski M.* Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // *I. Khrapunov, F.-A. Stylegar* (ed.), *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period*. Simferopol: Dolya, 2011. P. 91–101.
- Kazanski M., Akhmedov I.* La tombe de Mundosheim (Bas-Rhin) : un chef militaire nomade au service de Rome // *Tejral* (Hrsg.), *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno, 2007. P. 173–197.
- Kazanski M., Mastykova A.* The Sösdala findings in the perspective of Central and South-Eastern Europe // *Fabech, C. & Näsman, U.* (eds). *The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe*. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 297–311.
- Kontny B., Mączynska M.* Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // *Ruhmann C., Brieske V.* (Hrsg.), *Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation*. Hannover-Stuttgart: Konrad Theiss, 2015. S. 241–262.
- La Baume W.* Urgeschichte der Ostgermanen. Leipzig: Danziger Verlagsgesellschaft, 1934. 167 S.
- Levada M.* To Europe via the Crimea: on possible migration routs of the northern people in the Great Migration period // *Khrapunov I., Stylegar F.-A.* (ed.), *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2011. P. 115–137.
- Levada M.* Sösdala: the Problem of Singling out an Artistic Style // *Khrapunov I., Stylegard F.-A.* (eds), *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2013. P. 213–235.
- Mastykova A.* The Dating of Beads from the 'Royal' Barrow of Žuráň // *Na hranicích Impéria extra fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám*. Brno: Masarykova Univerzita Archeologický Ústav Akademie věd ČR, Brno v. v. i; Archeologický Ústav AV ČR, Brno, v. v. i, 2017. P. 327–334.
- Näsman U.* Sösdala: find and style 1929–1933 // *Fabech, C., Näsman, U.* (eds). *The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe*. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 107–129.
- Nordqvist B.* Horse tack from the Finnestorp offering site // *Fabech, C., Näsman, U.* (eds). *The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe*. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 237–255.
- Nothnagel M.* Webliche Eliten der Völkerwanderungszeit. Zwei Prunkstatuen aus Untersiebenbrunn. St. Pölten: NÖ Institut für Landeskunde, 2013. 156 S.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle aprèz J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Ramqvist P.H. Högom. The excavations 1949–1984. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1992. 390 p.
- Rusconi M.J. Scavo di una villa rustica a Joannis // Aquileia Nostra. 1979. T. 50. P. 2–119.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas –Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.
- Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn: Rheinische Friedrich-Milhels-Universität Bonn, 1984. 336 S.
- Tejral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Praha: Academia, 1973. 94 S.
- Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. Bd. 72. S. 223–304.
- Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschschischen Republik Brno, 2011. 466 S.
- Tejral J. Die frühvölkerwanderungszeitlichen Eliten Gräber und das Problem der Stilgruppe Untersiebenbrunn // Geisler H. (Hrsg.), Wandel durch Migration? 26. Internationales Symposium «Grundprobleme der frühgeschichtlichen im mittleren Donaauraum». Buchenbach: Verlag Dr. Faustus, 2016. S. 39–84 (Arbeiten zur Archäologie Süddeutschlands, Bd. 29).
- Török L. Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. (Antaeus 16). Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1988. 472 p.
- Vinski Z. Kasnoantički starosjediosci u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavšini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, 1974. T. 69. s. 5–86.
- Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis: the finds through 1974. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1983. 290 p.
- Welkow I. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Pferdegeschirr von Oescus, Bulgarien // Germania 20, 1936. S. 204.

REFERENCES

- Ahmedov I.R. Kolekcija predmetov konskogo ubora iz Kerchi // Pozdnie skify Kryma / pod red. I.I. Gushhinoj, D.V. Zhuravleva. Moskva: Gosudarstvennyj Istoricheskij muzej, 2001. S. 239–253.
- Ahmedov I.R. Konskij ubor iz nekropolej Cebel'dinskoj doliny // II Gorodcovskie chtenija / pod red. I.V. Belocerkovskoj. Moskva: Gosudarstvennyj Istoricheskij muzej, 2005. S. 240–253.
- Betrozov R.Zh. Kurgany gunnskogo vremeni u selenija Kishpek // Arheologicheskie issledvanija na novostrojках Kabardino-Balkarii. T. 3 / pod. red. V.A. Kuznecova. Nal'chik: Jel'brus, 1987. S. 11–39.
- Gabuev T.A. Alanske knjazheskie kurgany V v. n.je. u sela Brut v Severnoj Osetii. Vladikavkaz: Institut istorii i arheologii Respubliki Severnaja Osetija-Alanija; Gosudarstvennyj muzej iskusstva narodov Vostoka, 2014, 184 s.
- Gening V.F. Hronologija pojasnoj garnitury I tysjacheletija n.je. (po materialam mogil'nikov Prikam'ja) // Kratkie Soobshhenija Instituta Arheologii. 1979. Vyp. 158. S. 96–105.
- Zaseckaja I.P. Materialy Bosporskogo nekropolja vtoroj poloviny IV– pervoj poloviny V vv. // Materialy po Arheologii, Istorii i Jetnografii Tavrii. 1993. Vyp. III. S. 23–105.
- Zaseckaja I.P. Kul'tura kochevnikov juzhnorusskikh stepkj v gunnskuju jepohu (konec IV–V vv. Sankt-Peterburg: Jellips, 1994. 224 s.
- Kazanskij M.M. Mogily sarmato-alanskih vozhdjev IV v. v Pontijskih stepjah // Materialy po Arheologii, Istorii i Jetnografii Tavrii. 1994. Vyp. IV. S. 238–256.
- Kazanskij M.M. Vozhdieskie» pogrebenija gunnskogo vremeni s mechami // E.N. Nosov, S.V. Beleckij (otv. red.), Kraeugol'nyj kamen'. Arheologija, istorija, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nyh stran. Tom I /pod red. E.N. Nosova, S.V. Beleckogo. Moskva: Lomonosov», 2010. S. 307–320.
- Kazanskij M.M. Pogrebenie jepohi pereselenija narodov v Konceshtah: inventar', datirovka, pogrebal'nyj obrjad, social'nyj status i jetnokul'turnaja atribucija // Stratum plus. 2014. № 4, 2014. S. 229–336.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение ...

- Kazanskij M.M.* Nahodka 1918 g. v Kerchi (kollekcija Mesaksudi) // XVII Bosporskie chtenija pod red. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Kerch': NIC IAK KFU im. V.I. Vernadskogo; CAI BF «Demetra», 2016. S. 206–215.
- Kazanskij M.M., Mastykova A.V.* Pogrebenija konej v Abhazii v pozdnerimskoe vremja i v jepohu Velikogo pereselenija narodov // Pjataja Kubanskaja arheologičeskaja konferencija. Materialy konferencii / Otv. red. I.I. Marchenko. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. 2009. S. 150–155.
- Kuharenko Ju.V.* O Kachinskoj nahodke V v. // A.K. Ambroz, F. Jerdeli (otv. red.), Drevnosti jepohi velikogo pereselenija narodov V – VIII vekov / pod red. A.K. Ambroza, I. Jerdeli. Moskva: Nauka, 1982. S. 234–244.
- Malashev V.Ju.* Periodizacija remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni // Sarmaty i ih sosedi na Donu (Materialy i issledovanija po arheologii Dona 1) / pod red. Ju.K. Gugueva. Rostov na Donu: Terra, 2000. S. 194–232.
- Mastykova A.V.* Busy jepohi Velikogo pereselenija narodov iz «korolevskogo» kurgana Zhuran' v Juzhnoj Moravii // Kratkie Soobshhenija Instituta Arheologii. 2013. Vyp. 228. S. 46–57.
- Prokopij iz Kesarii. Vojna s gotami (per. S.P. Kondrat'eva), Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950, 516 s.
- Runic A.P.* Zahoronenie vozhdja jepohi rannego srednevekov'ja iz Kislovodskoj kotloviny // Sovetskaja Arheologija. 1976. № 3. S. 256–266.
- Tajna zolotoj maski. Pod red. A. M. Butjagina. Sankt-Peterburg; Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha, 2009. 204 s.
- Sharov O.V.* Piramidal'nyj sklep № 1 po doroge a Carskomu kurganu, ili sklep № 1, otkrytyj v 1841 godu v kurgane u dorogi na Adzhimushkajskie kamenolomni v Kerchi. // Stratum plus. 2012. № 4. S. 201–237.
- Shkorpil V.V.* Otchet o raskopkah v Kerchi v 1904 g. // Izvestija Imperatorskoj Arheologičeskoj Kommissii. 1907. Vyp. 25. S. 1–66.
- Shkorpil V.V.* Otchet o raskopkah v Kerchi v 1905 g. // Izvestija Imperatorskoj Arheologičeskoj Kommissii. 1909. Vyp. 30. S. 1–50.
- Shhukin M.B.* K voprosu o verhnjej hronologičeskoj granice chernjahovskoj kul'tury // Kratkie Soobshhenija Instituta Arheologii. 197. Vyp. 158. S. 17–22.
- Antoniewicz J., Kaczyński W., Okulicz J.* Wyniki badań przeprowadzonych w 1956 roku na cmentarzysku kurhanowym wiejsc. Szwajcaria, pow. Suwalki // Wiadomości Archeologiczne. 1958. T. 25. S. 22–57.
- Atabiev B.* Tombe 118. Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie // L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. ap. J.-C. Paris : Réunion des musées nationaux, 2000. P. 162–165.
- Bakay K.* Bestattung eines vornehmen Kriegers vom 5. Jahrhunderts in Lengyeltóti // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. T. 30. S. 149–172.
- Bersu G.* Die spätrömische Befestigung Bürgle bei Gundremmingen. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 1964. 103 S., Taf.
- Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland. Est-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 258 p.
- Bitner-Wróblewska A.* Sösdala style – Sösdala horizon // Fabeck, C., Näsman, U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 257–272.
- Böhme H.W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, T. 1, 2, 1974. 384 S., Taf.
- Böhme H.W.* Zur Bedeutung des spätrömischen Militärdienstes für die Stammesbildung der Bajuwaren // Dannheimer H., Dopsch H. (Hrsg.), Die Bajuwaren. Vo Severin bis Tassilo 488–788. München: Prähistorische Statsaamlunf München; Amt der Salzburger Landesregierung, 1988. S. 23–37.
- Bóna I.* Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe–Ve siècles. Paris: Errance, 2002. 240 p.
- Chew H.* Une sépulture militaire de l'époque romaine tardive à Sarry (Marne) // Vallet F., Kazanski M. (dir.), 128

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 313–321.
- Die Alamannen. Stuttgart: Teiss, 1997. 538 S.
- Emery W. B., Kirwan L.P. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo: Government Press, 1938. 407 p., 118 pl.
- Fabech C. Booty Sacrifices in Southern Scandinavia: A Reassessment // Garwood P. et alii (ed.), Sacred and Profane. Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1991. P. 88–99.
- Fabech C. Sösdala and Fulltofta: gthe ritual depositions // Fabech, C., Näsman, U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 43–63.
- Fabech C., Näsman U. A Lonely Rider? The Finding Place of the Sösdala Find and the Context of its Finds // Khrapunov I., Stylegard F.-A. (eds), Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2013. P. 84–106.
- Fabech, C., Näsman, U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. 451 p.
- Forssanger I. Provinzialrömisches und germanisches. Meddelanden från Lunds universitets historiska museum // Kungl Humanistiska Vetenskapssamfundets i Lund Årsberättelse 1936–1937. S. 183–272.
- Gebers W., Hinz H. Ein Körpergrab der Völkerwanderungszeit aus Bosau, Ostholstein // Offa. 1977. T. 34. S. 5–39.
- Geislinger H. Frühvölkerwanderungszeitliches Zaumseugzubehör von Dahmker, Kreis Herzogtum Lauenburg // Offa. 1959–1961. T. 17–18. S. 175–180.
- Geislinger H. Horte als Geschichtsquelle dargestellt an der völkerwanderungs- und merowingerzeitlichen Funden des südwestlichen Ostseeraumes. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1967. 310 S.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg: Germanisches Nationalmuseum, 1987. 636 S.
- Godlowski K. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // Vallet F., Kazanski M. (dir.), La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. S. 155–180.
- Grane T. Southern Scandinavian Foederati and Auxiliarii ? // Grane T. (ed.), Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum. Roma: Edizioni Quasar, 2007a. P. 83–104.
- Grane T. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. University of Copenhagen, Ph.-D. dissertation. 2007b. 318 p.
- Hagberg U.E. Fölkvandringstida hängprynadler // Tor. 1957. T. 3. S. 108–120.
- Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucarest : Editura Enciclopedică, 1998. 270 S., 137 Taf.
- Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe – V e s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. Vol. 4. P. 123–139.
- Kazanski M. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: for the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // I. Khrapunov, F.-A. Stylegar (ed.), Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period. Simferopol: Dolya, 2011. P. 91–101.
- Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundoslheim (Bas-Rhin) : un chef militaire nomade au service de Rome // Tejral (Hrsg.), Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno, 2007. P. 173–197.
- Kazanski M., Mastykova A. The Sösdala findings in the perspective of Central and South-Eastern Europe // Fabech, C. & Näsman, U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 297–311.
- Kontny B., Mączczyńska M. Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // Ruhmann C., Brieske V. (Hrsg.), Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation. Hannover-Stuttgart: Konrad Theiss, 2015. S. 241–262.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Конское снаряжение ...

- La Baume W.* Urgeschichte der Ostgermanen. Leipzig: Danziger Verlagsgesellschaft, 1934. 167 S.
- Levada M.* To Europe via the Crimea: on possible migration routs of the northern people in the Great Migration period // Khrapunov I., Stylegar F.-A. (ed.), Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand-Simferopol: Dolya 2011. P. 115–137.
- Levada M.* Sösdala: the Problm of Singling out an Artistic Style // Khrapunov I., Stylegard F.-A. (eds), Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2013. P. 213–235.
- Mastykova A.* The Dating of Beads from the ‘Royal’ Barrow of Žuráň // Na hranicích Impéria extra fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80 Narozeninám. Brno: Masarykova Univerzita Archeologický Ústav Akademie věd ČR, Brno v. v. i; Archeologický Ústav AV ČR, Brno, v. v. i, 2017. P. 327–334.
- Nordqvist B.* Horse tack from the Finnestorp offering site // Fabeck, C., Näsman, U. (eds). The Sösdala horsemen – and the equestrian elite of 5th century Europe. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 237–255.
- Nothnagel M.* Webliche Eliten der Völkerwanderungszeit. Zwei Prunkstatungen aus Untersiebenbrunn. St. Pölten: NÖ Institut für Landeskunde. 2013. 156 S.
- L’Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle aprèz J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Ramqvist P.H.* Högom. The excavations 1949–1984. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1992. 390 p.
- Rusconi M.J.* Scavo di una villa rustica a Joannis // Aquileia Nostra; 1979. T. 50. P. 2–119.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.* Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas –Empire et a l’époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.
- Sommer M.* Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn: Rheinische Friedrich-Milhels- Universität Bonn, 1984. 336 S.
- Tejral J.* Mähren im 5. Jahrhundert. Praha: Academia, 1973. 94 S.
- Tejral J.* Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. Bd. 72. S. 223–304.
- Tejral J.* Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tcherchischen Republik Brno. 2011. 466 S.
- Tejral J.* Die frühvölkerwanderungszeitlichen Eliten Gräber und das Problm der Stilgruppe Untersiebenbrunn // Geisler H. (Hrsg.), Wandel durch Migration? 26. Internationales Symposium «Grundprobleme der frühgeschichlichen im mittleren Donaauraum». Buchenbach: Verlag Dr. Faustus, 2016. 39–84 (Arbeiten zur Archäologie Süddeutschlands, Bd. 29).
- Török L.* Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. (Antaeus 16). Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1988. 472 p.
- Vinski Z.* Kasnoantički starosjediosci u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavšini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. 1974. T. 69. S. 1974, 5–86.
- Waldbaum J.C.* Metalwork from Sardis: the finds through 1974. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1983. 290 p.
- Welkow I.* Ein frühvölkerwanderungszeitliches Pferdeggeschirr von Oescus, Bulgarien // Germania 20, 1936, S. 204.

Резюме

В «княжеских» погребениях и кладках гуннского времени в Центральной и Восточной Европе (Качин, Бар, Якушовице, Унтерзибенбрунн, Кошовени де Жос) представлены элементы конского снаряжения, украшенные гравированным и штампованным декором (т.н. стиль Сёсдала) и имеющие параллели в находке из Сёсдалы (Южная Швеция). Эти детали конской упряжи встречены в закрытых комплексах, связанных как с оседлыми, так и кочевыми варварами и распространенных на широком пространстве от Нижнего и среднего Дуная до Днепровского

130

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Правобережья. Каждый набор имеет свою специфику и, вероятно, изготовлялся индивидуально, на заказ. Данные находки являются частью «княжеского» горизонта Унтерзибенбрунн (конец IV – первая половина V вв.), характеризующего варварские элиты различного происхождения. Скандинавские и «континентальные» предметы конской экипировки представляют собой две параллельные линии общей престижной моды варварских военных элит и, скорее всего, являются продукцией разных ателье, но восходят к общим римским прототипам.

Summary

A group of harness ornaments, with an engraved or stamped decoration, close to the discovery of Sösdala, is attested in the “princely” context of the Hun era in Central and Eastern Europe. These are the tombs, treasures and isolated discoveries from Jakuszowice, Kačín, Untersiebenbrunn, Bar and Coşoveni de Jos, both in nomadic and sedentary environments. These ornaments have common features, but each of them has specificities, and was probably crafted on demand. This harness, with engraved and stamped decoration, is part of a large batch of items, usually grouped under the name of Sösdala style, although the use of this term remains subject to discussion. The type of harness mentioned above is attested in a large area from the Middle-Danube to the region of Dnieper-right bank.

The Scandinavian harness ornaments and those of Central and Eastern Europe do not form the same stylistic group, but have the same Roman prototypes and are two parallel lines of the shared prestigious fashion among barbaric military elites. Thus, we can see that both the Scandinavian and continental harness parts with stamped decorations represent two parallel lines of development of the equestrian equipment with Roman prototypes. Their important place in the «princely» ritual is obvious and, most likely, due to Eastern cultural influences, from the steppe and Eastern Germanic environment.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казанский Михаил Михайлович,
доктор - кандидат,
Национальный центр научных исследований,
Лаборатория UMR 8167 - «Восток и
Средиземноморье»,
Центр исследований по истории и
цивилизации Византии, Париж, Франция,
ведущий научный сотрудник.
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 2 31 34 38 60.

Мастыкова Анна Владимировна
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела сохранения археологического наследия
Института археологии РАН.
e-mail: amastykova@mail.ru
+7 903 781 80 86

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazanski Michel, dr.hab.,
Centre national de la recherche scientifique,
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»,
Centre d'histoire et civilisation de Byzance
(Paris, France),
Directeur de Recherche.
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 2 31 34 38 60.

Mastykova Anna Vladimirovna, DSc,
Leading Researcher
Department of Archaeological Heritage Preservation
Institute of Archeology of RAS.
e-mail: amastykova@mail.ru
+7 903 781 80 86

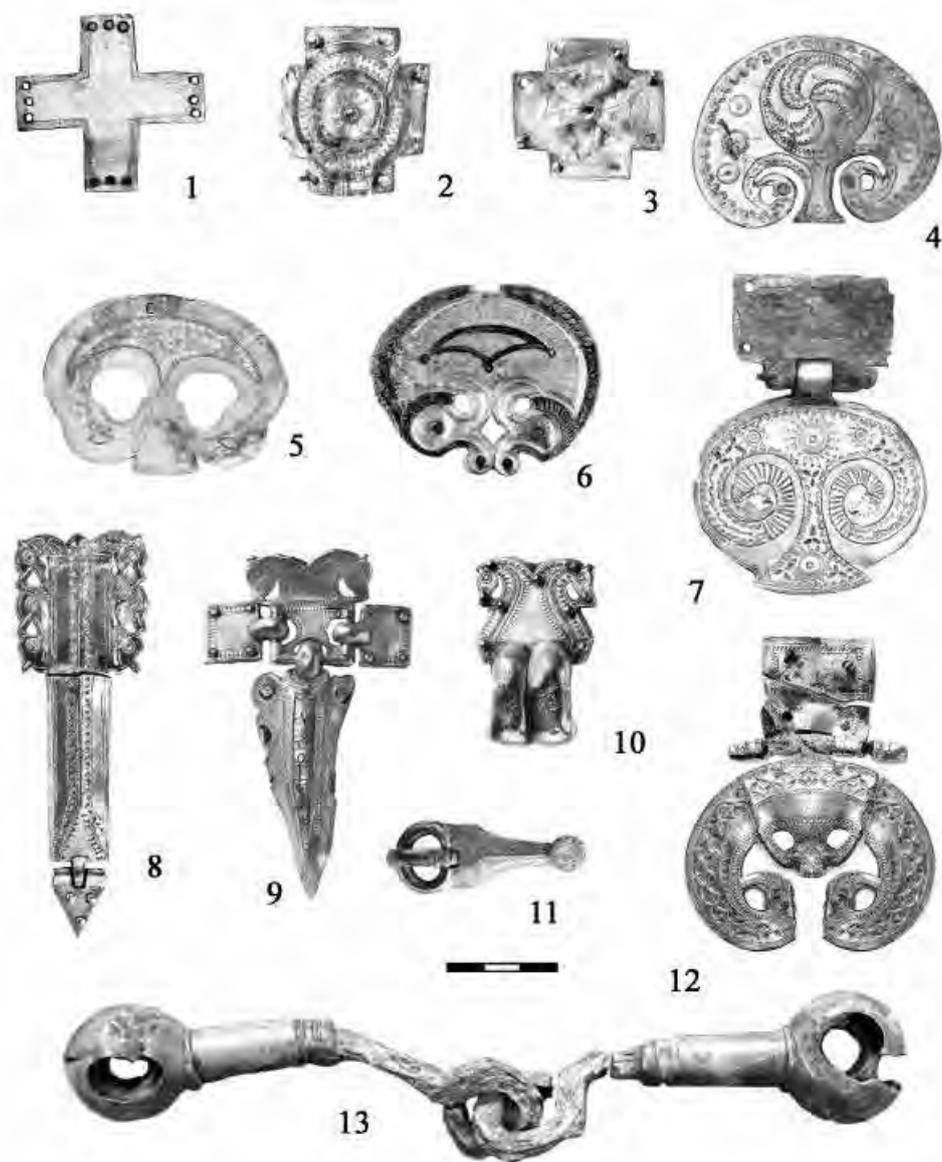

Рис. 1. Элементы конского снаряжения типа Качин-Кошовени де Жос-Сёсдала из Южной Швеции:

1, 7: Веннебо (Vennebo);

2, 3, 8–13: Сёсдала (Sösdala), находка I;

4: Фуллтофта (Fulltofta);

5, 6: Финнесторп (Finnestorp).

1, 7: по Germanen 1987, Taf. 73, XI,7a, XI,7.c;

2, 3, 8–13: по Fabech, Näsman, 2017, Sösdala, Cat. № 1, 2, 14, 15, 21, 27, 100, 101;

4: по Fabech, Näsman, 2017, Cat. Fulltofta № 1;

5, 6: по Nordqvist, 2017, fig. 30, 31.

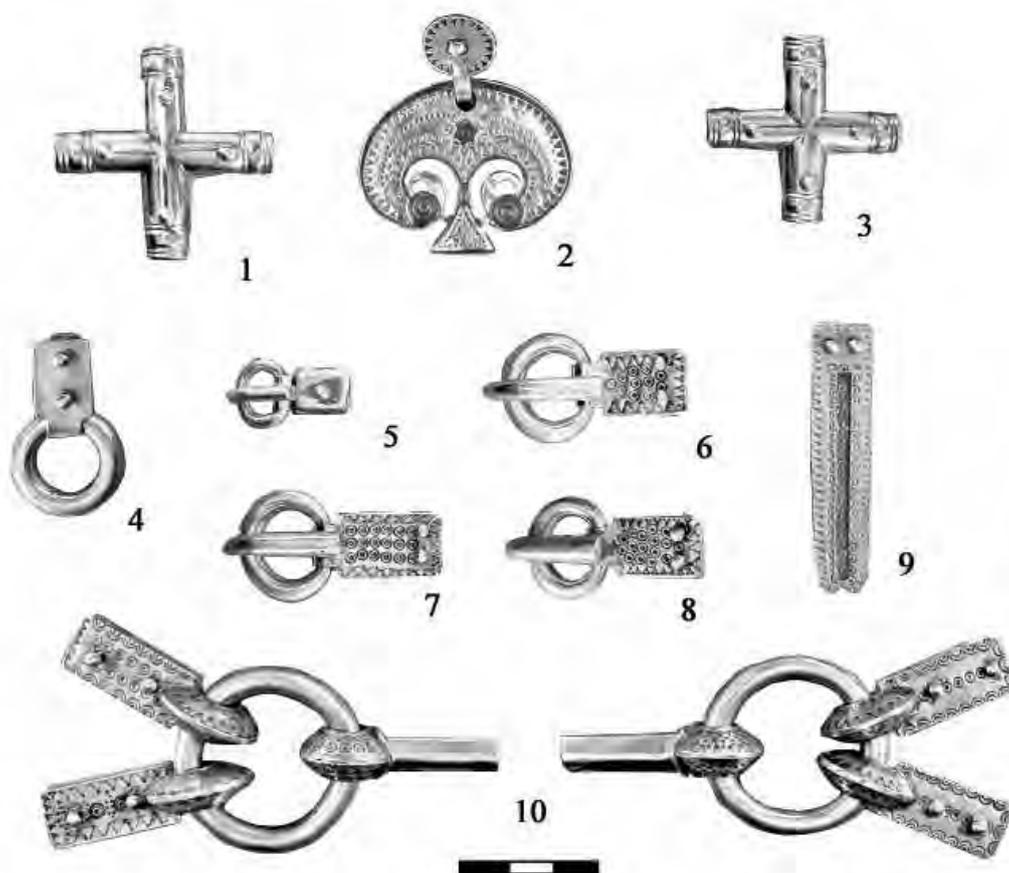

Рис. 2. Конское снаряжение из Якушовице.
По Kazanski, Mastykova, 2017, fig. 1.

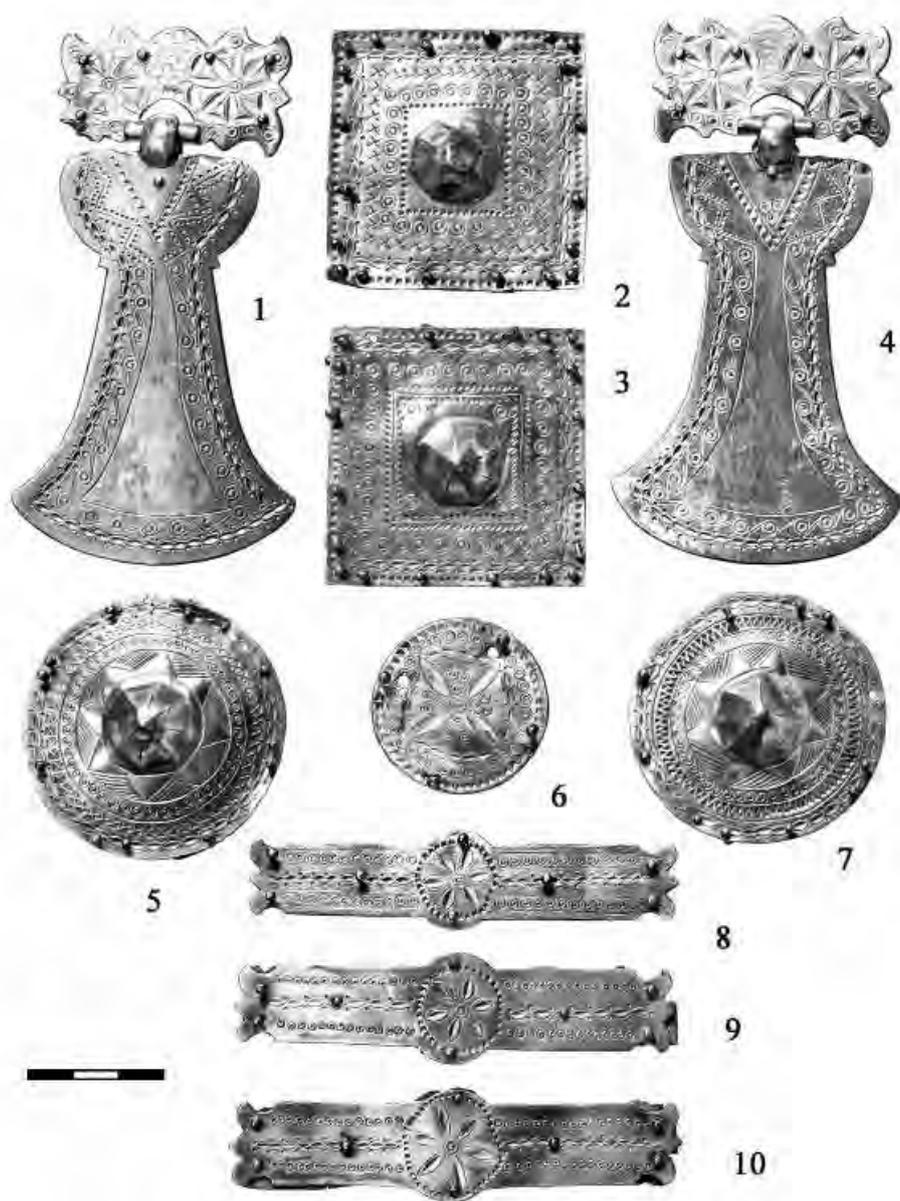

Рис. 3. Накладки и подвески конского снаряжения из Унтерзибенбрунна.
По Kazanski, Mastykova, 2017, fig. 3.

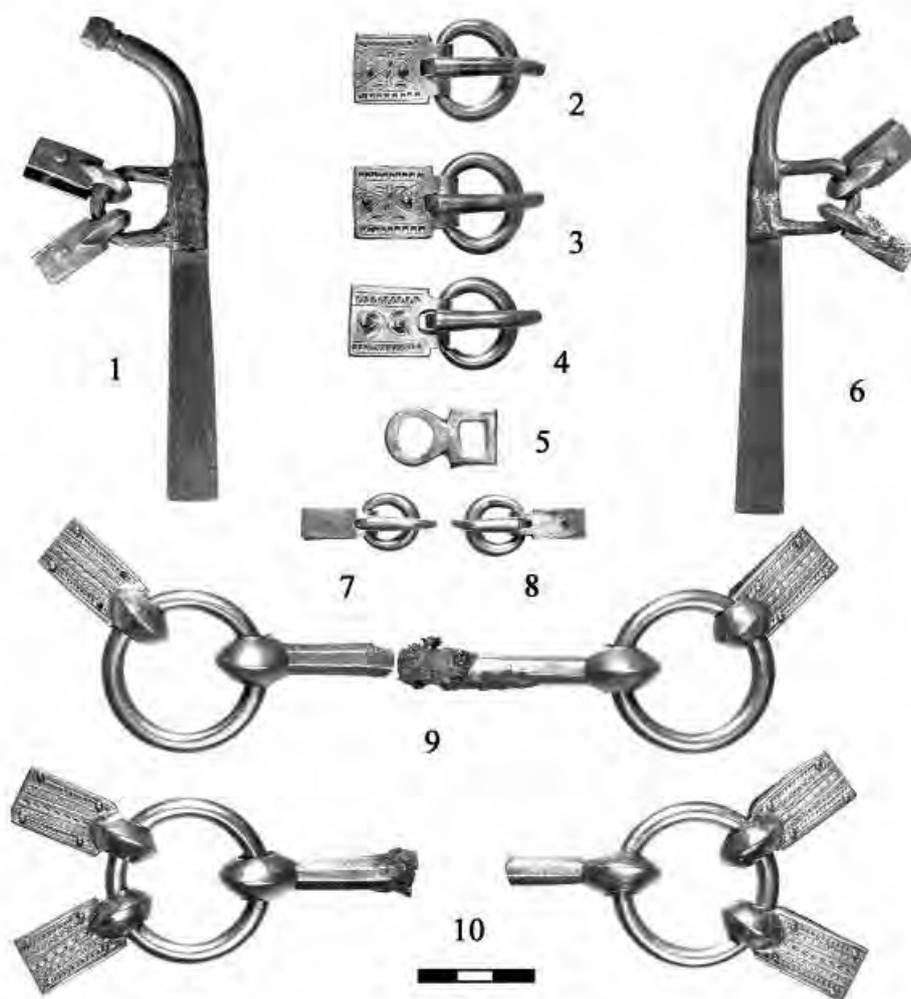

Рис. 4. Конское снаряжение из Унтерзибенбрунна.
По По Kazanski, Mastykova, 2017, fig. 4.

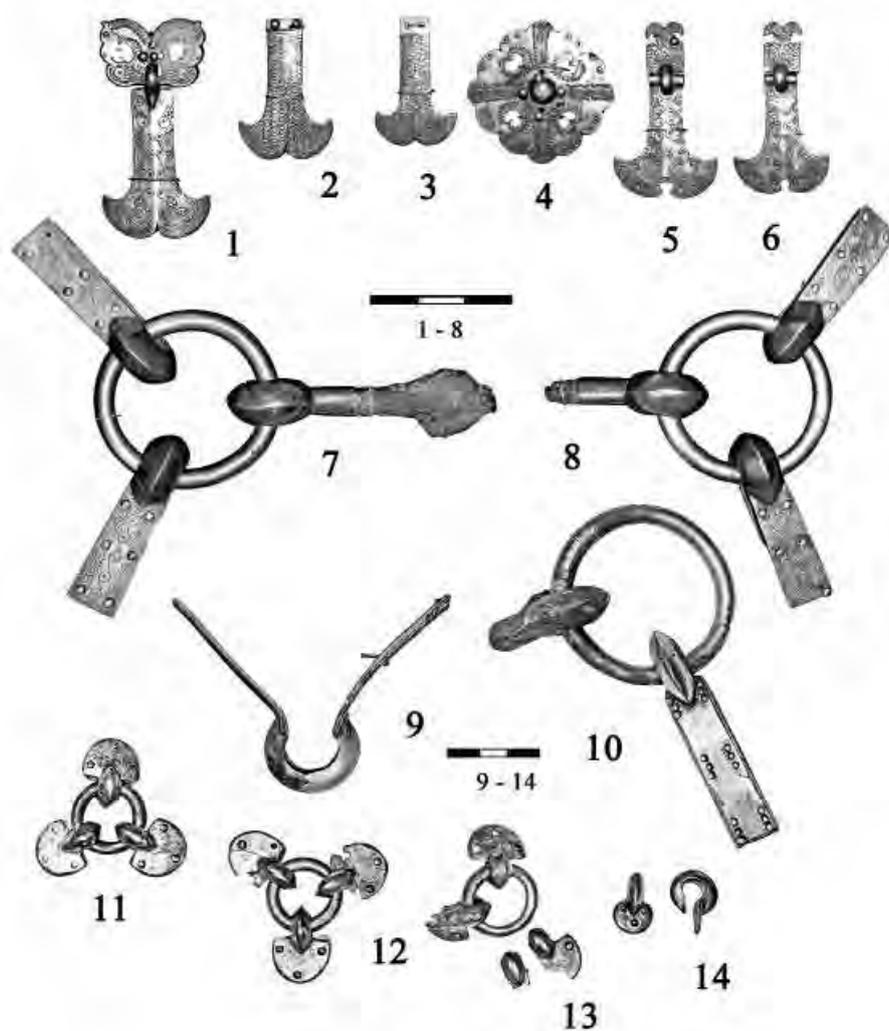

Рис. 5. Конское снаряжение из Качина и Бара.

1-8: Качин; 9-14: Бар,
По Levada, 2011, fig. 3, 6.

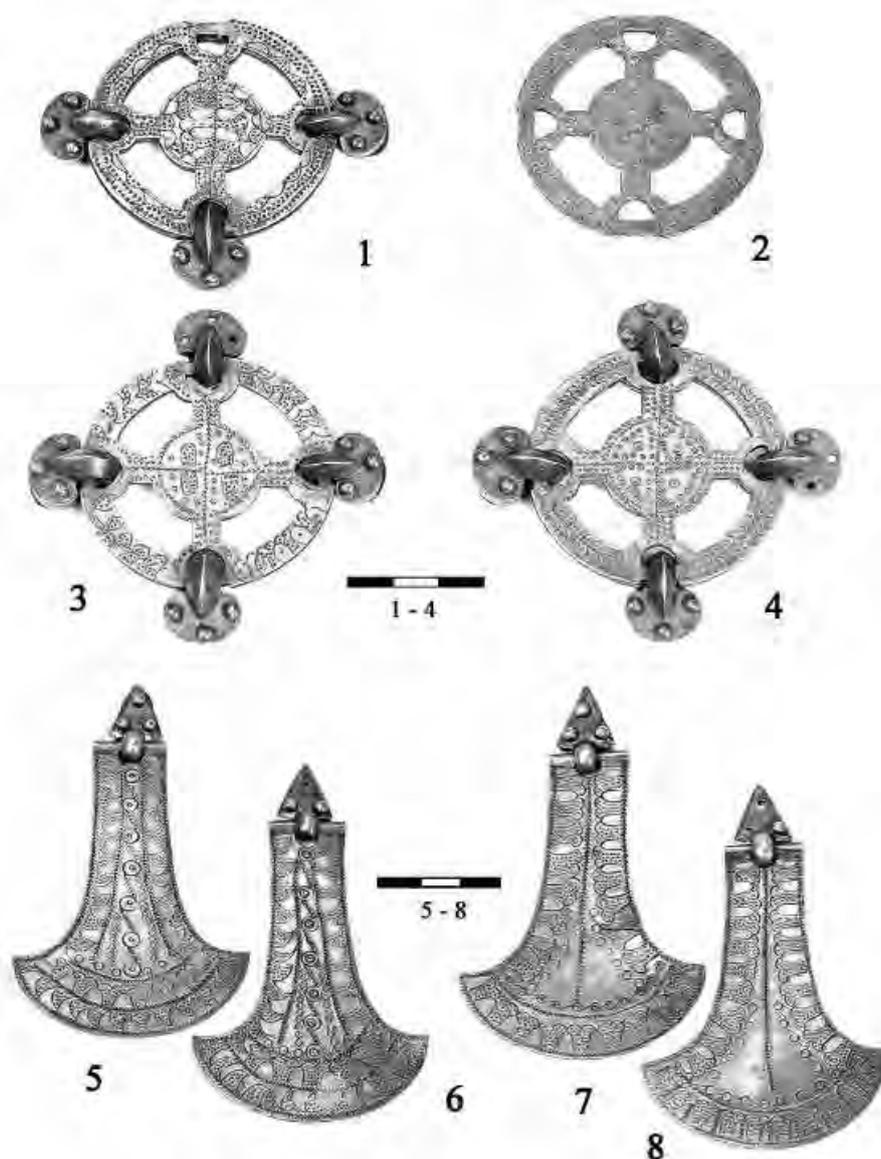

Fig. 6. Конское снаряжение из Кошовени де Жос.
По L'Or des princes barbares, 2000, № 6.

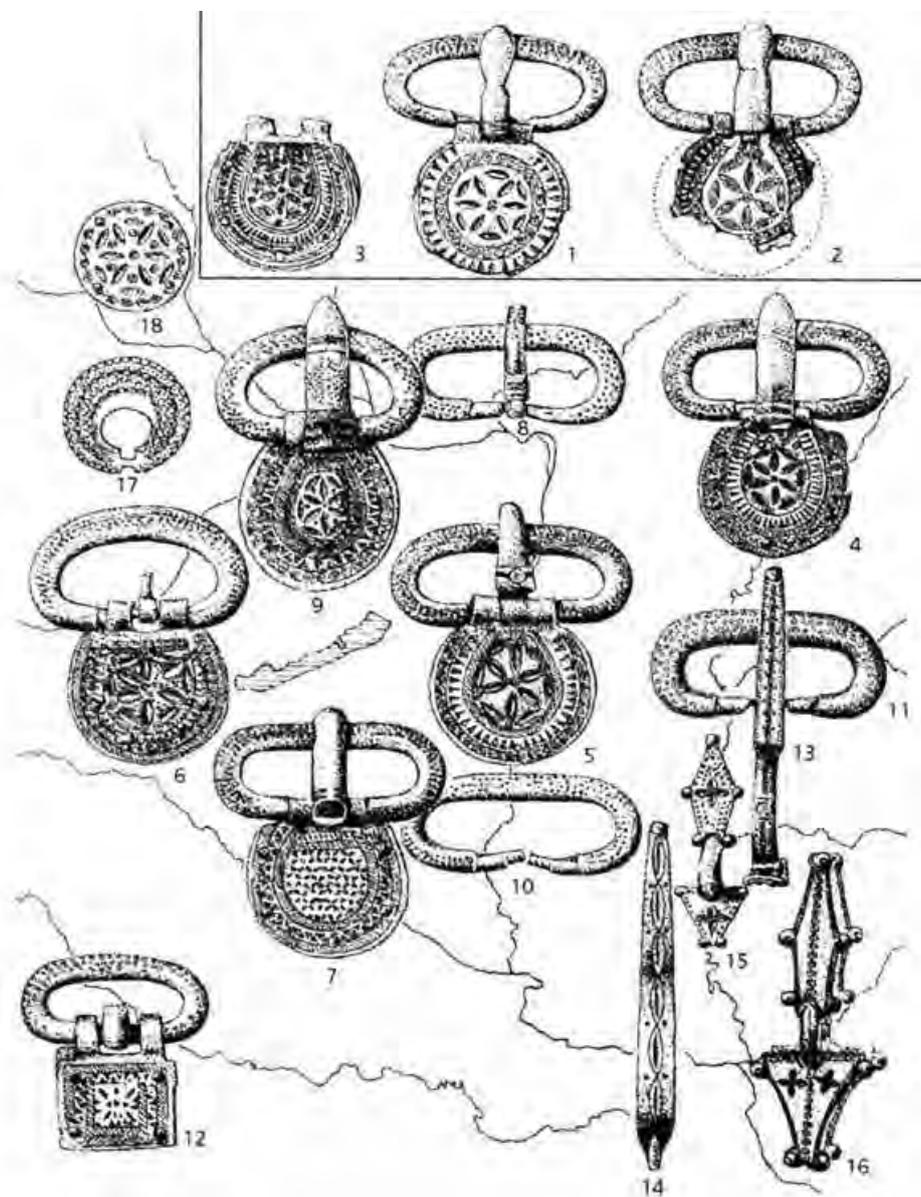

Рис. 7. Паннонский центр изготовления вещей со штампованным и гравированным декором.

1, 2: Керчь/Боспорос;

3: Танаис;

4: Тисаладань (Tiszaladány)

5: Интерциза (*Intercisa*);

6: комитат Вас (Vas);

7, 9: «Венгрия»;

8: Бригетцио (*Brigetio*);

10: комитат Толна (Tolna);

11: Дюлаваршанд (Gyulavarsánd – ныне в Румынии – Vârşand/Варшанд)

12: Эмона (*Emona*);

13: Тисачеге (Tiszacsege);

14: Белград-Остружница

(*Singidunum*);

15: Тапе (Tápé);

16: Ваюга;

17: Кронберг (Kronberg);

18: Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn).

По Bóna, 2002, fig. 34.

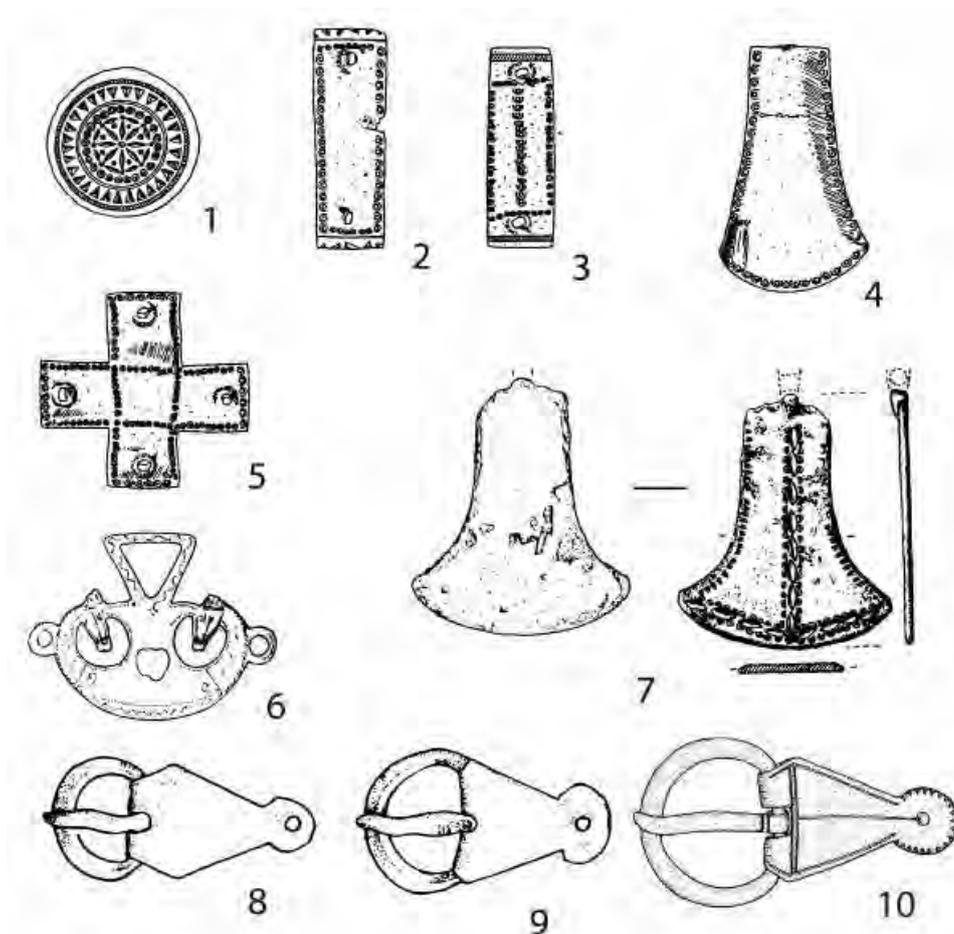

Fig. 8. Возможные римские прототипы элементов конского снаряжения типа Качин-Кошовени де Жос-Сёдала.

1–5: Бюргле (Bürgle); 6: Вилла де Иоаннис (VilladeJoannis); 7: Дамкер (Dahmker); 8, 9: Интерциза; 10: Верман (Vermand).

По Kazanski, Mastykova, 2017, fig. 10.

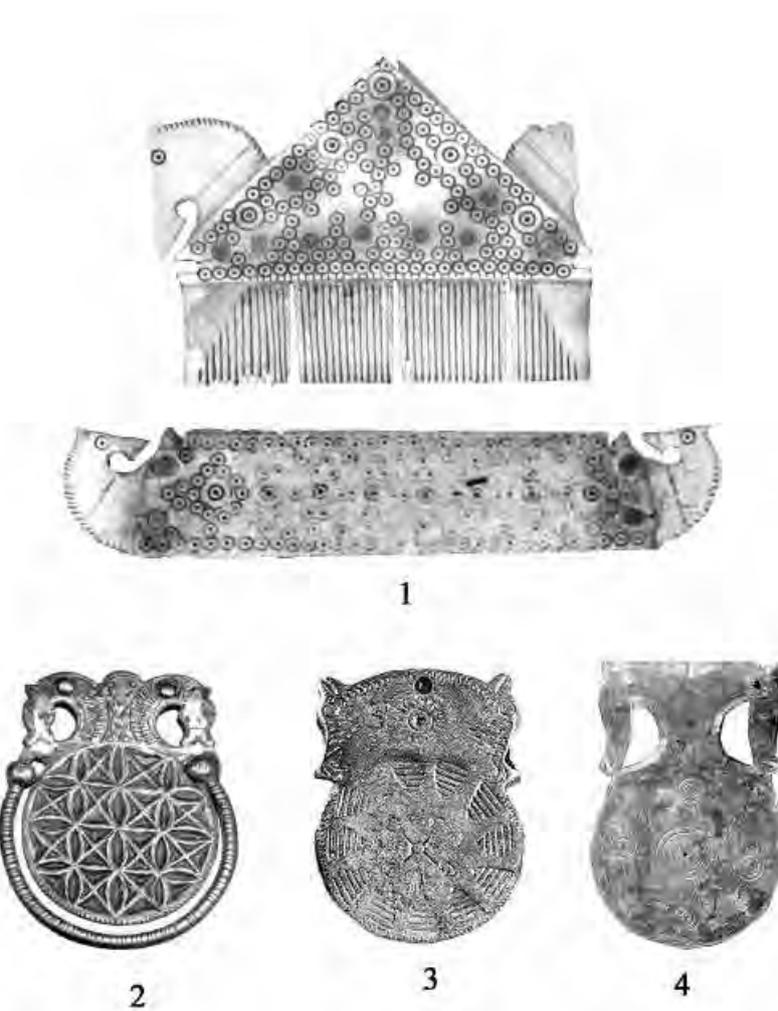

Рис. 9. Декор из парных конских голов на позднеримских предметах.

1: Лебень (Lebeny); 2: Бабенхаузен (Babenhausen); 3: Гейскопф (Geisskopf); 4: Лауткирх (Lautkirch).

1: По Tejral, 2011, Abb. 139;

2: По Levada, 2013, Fig; 14,1;

3: Die Alamannen, 1997, Abb. 138;

4: Die Alamannen, 1997, Abb. 79.

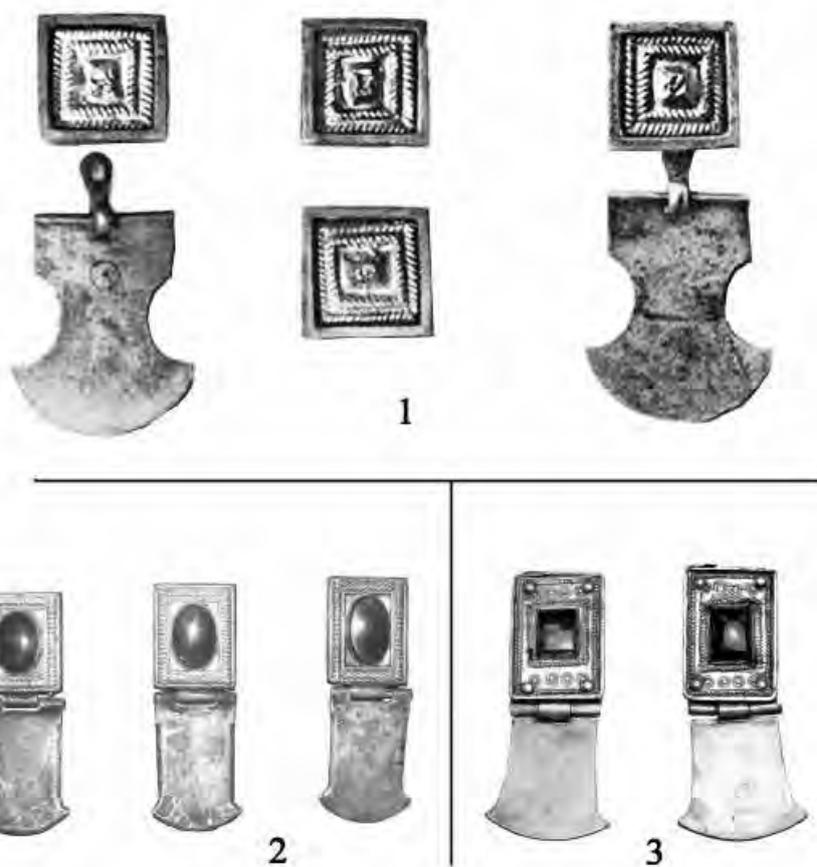

Рис. 10. Подвески конских уборов позднеримского времени.

1: Эскус (Oescus); 2: Керчь, Аджимушкой, погр. 1841 г.; 3: Керчь, покупка 1893 г. (коллекция Запорожского).
1: По Welkow, 1936, Abb. 1;
2, 3: фото О.В. Шарова.

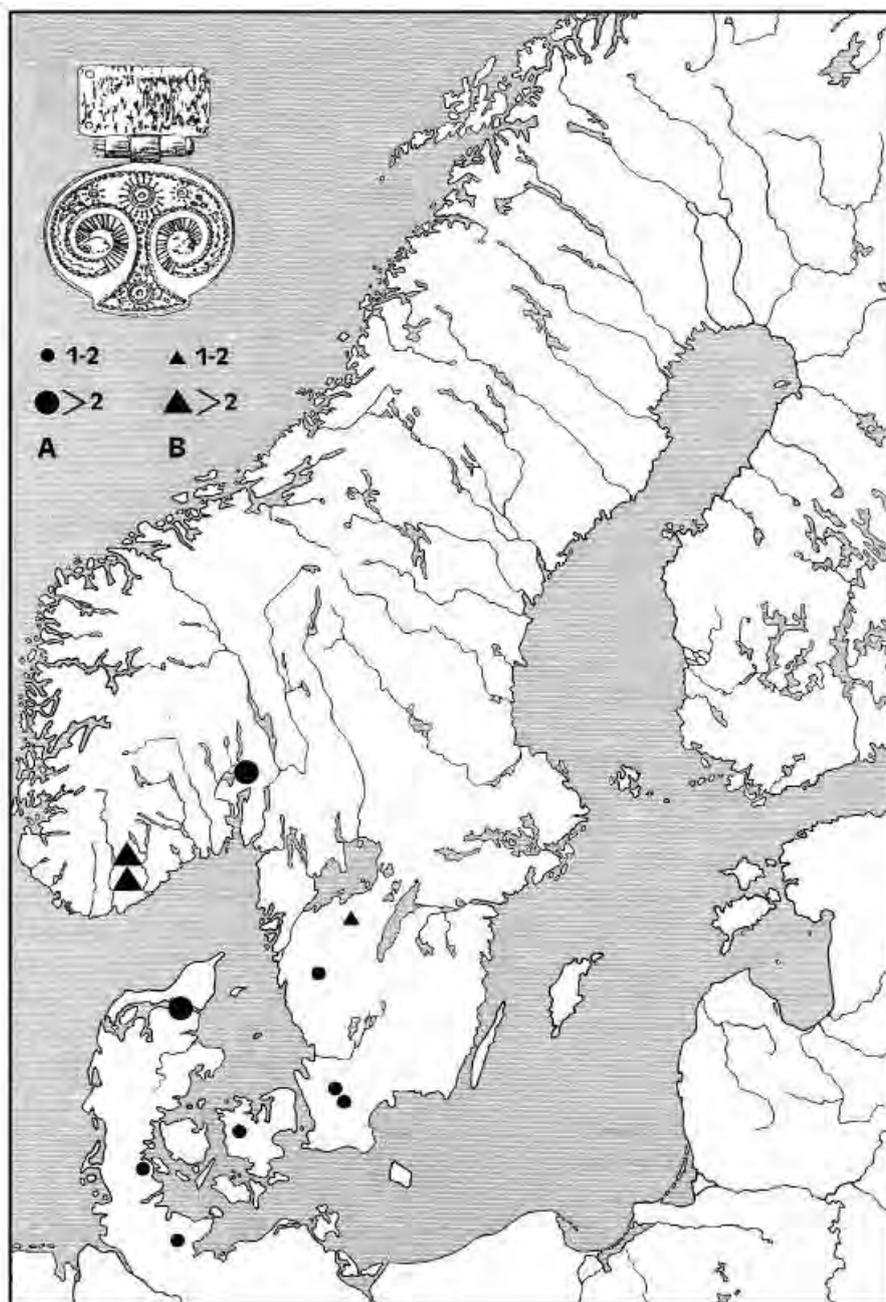

Рис. 11. Распространение пельговидных подвесок в Скандинавии.

А – подвески с богатым декором; В – простые подвески.

По Binter-Wróblewska, 2001, fig. 19.

А.В. МАСТЫКОВА
A.V. MASTYKOVA

**ЛИСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ПОНТО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ**

**LEAF-SHAPED PENDANTS OF THE ERA OF THE GREAT
MIGRATION OF NATIONS IN THE PONTO-CAUCASUS REGION**

Металлические подвески листовидной формы как самостоятельное украшение в ожерелье встречаются не так часто, но тем не менее в эпоху Великого переселения народов они известны в понто-кавказском регионе на нескольких памятниках, расположенных на достаточном расстоянии друг от друга. В данной работе будут рассмотрены эти украшения, территория и время их распространения, а также возможные параллели и прототипы.

На сегодняшний день мне известно 15 таких подвесок из 10 памятников (см. каталог) (рис. 1; 2). Эти пластинчатые изделия имеют удлиненную листовидную форму, как правило, с вертикальной гранью по центру, что делает их слегка выгнутыми. Нижний конец подвесок скруглен, ушко для подвешивания чаще всего образовано выступом из той же пластины, из которой изготовлена сама подвеска, загнутым в кольцо, ушко зачастую имеет рифление. Размер подвесок в среднем от 3 до 5,4 см (рис. 1).

Изготовлены эти подвески в основном из бронзы и серебра, если полагаться на определения металла авторами раскопок. В двух случаях (Пашковский могильник № 1, погр. 5.1948 г.; Новая Чигла, см.: кат¹. II. 2; V. 1) был проведен анализ химического состава металла подвесок, подтвердивший, что они изготовлены из серебра [Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 45–69; Березуцкий, Мастыкова, 2016] (рис. 1, 3, 8). Две находки с территории Среднего Дуная были сделаны из золота: Хейёкерестур-Хомокбанья (Hejökereesztúr-Homokbánya), Оберляйзерберг (Oberleiserberg) [Csallany, 1958, ol. 83, 84, taf. 1, 1; Stuppner, 2002, S. 378–381, Abb. 1, 3; 2, 2; Lauer mann, 2017, S. 247, Abb. 7] (см.: кат. VI. 1, 2; рис. 1, 9, 10).

Во всех погребениях листовидные подвески находились на груди, в ряде случаев непосредственно в составе ожерелий (см.: кат. II. 1, 3; III. 1; IV. 2; V. 1). Но есть одно исключение: в погребении 19 могильника Кисловодское озеро-1 листовидная подвеска лежала на правой бедренной кости вместе с кольцом с утолщениями (см. кат. I. 1). По мнению А.П. Рунича, кольцо являлось «декоративной пряжкой» [Рунич, 1959, с. 1, таб. X, 5]. Учитывая местоположение этого предмета, а также тот факт, что на ней сохранились фрагменты кожи, вероятно от ремня, это кольцо с утолщениями,

¹ Здесь и далее «кат.» – «Каталог листовидных подвесок».

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

возможно, могло служить пряжкой, а к ней, вероятно, была привешена листовидная подвеска. Но не исключено, что подвеска просто была смещена в результате интенсивных тафономических процессов, связанных в том числе и с активностью мелких млекопитающих – землероев.

Как правило, листовидные украшения представлены в ожерелье с бусами в одном экземпляре (рис. 3; 5; 6), но известны два случая, когда в набор ожерелья входили две листовидные подвески (могильник Елизаветинского городища № 2, погр. 142², см. кат. II. 4) и даже три (Приморский северо-западное³, см. кат. III. 2). Иногда в таких колье были подвески других типов – округлые медальоны и лунницы (Сахарная Головка, погр. 8/41; Новая Чигла, см. кат. III. 1; V. 1) [Борисова, 1959; Березуцкий, Мастыкова, 2016] (рис. 4, 5–9; 6, 1–3).

Интересно отметить, что в трех случаях у погребенных, имевших в составе своего убора листовидные подвески, были черепа со следами искусственной деформации (Сахарная Головка, погр. 8/41; Танаис, погр. 25.1992 г., Новая Чигла, см. кат. III. 1; IV. 1; V. 1) [Борисова, 1959, с. 179; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 53; Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 220]. Считается, что искусственная деформация черепа, широко распространившаяся в Европе в V в., связана с влиянием культуры степных народов [Werner, 1956, S. 5–18; Anke, 1998, S. 124–136; Батиева, 2006; Буше, 2006; Казанский, 2006].

Листовидные подвески являются элементом прежде всего женского убора (Мастыкова, 2009, с. 78), и этому есть антропологические подтверждения, например, погребение 95 на могильнике Елизаветинского городища № 2 принадлежало женщине 30–40 лет⁴ (кат. II. 3), а погребение 25.1992 г. западного могильника Танаиса – женщине 35–40 лет⁵ (кат. IV. 1). Но последние исследования [Лейбова (Суворова), 2016, с. 342] показали, что они могут присутствовать и в детских погребениях (Пашковский могильник № 1, погр. 5.1948 г., см. кат. II. 1), и даже в мужских (Новая Чигла, кат. V. 1). Впускное погребение в кургане могильника Новая Чигла особо интересно [Березуцкий, Мастыкова, 2016] (рис. 6). Ожерелье, в составе которого была листовидная подвеска, обнаружено *in situ* на шейных позвонках погребенного и первоначально это захоронение по набору предметов интерпретировалось как женское. При проведении антропологической экспертизы⁶ в строении скелета

² Благодарю Алексея Васильевича Пьянкова за любезно предоставленную информацию о неопубликованных материалах, а также за постоянную помощь и консультации. Материал этого погребения находится в печати.

³ Выражаю свою признательность Владе Евгеньевне Родинковой, начальнику отряда № 7 Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН, за любезно предоставленную информацию об этих новых неопубликованных находках. Материалы погребения готовятся к публикации.

⁴ Антропологическое исследование проведено А.А. Казарницким (МАЭ РАН, г. Санкт-Петербург). Благодарю Алексея Васильевича Пьянкова за любезно предоставленную информацию.

⁵ Антропологическое исследование проведено Е.Ф. Батиевой (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону), подробнее см. Батиева, 2001, с. 223–260.

⁶ Антропологическое исследование проведено М.В. Добровольской (ИА РАН, г. Москва).

были отмечены признаки, типичные как для мужчин, так и для женщин. По сумме признаков была сделана предварительная оценка, что скелет все-таки принадлежит мужчине⁷. Как уже говорилось выше, череп погребенного имел выраженные следы преднамеренной деформации. Следует особо подчеркнуть, что предметы, положенные покойному, в целом более характерны для женского убора (ожерелье из бус и подвесок), серьги же не входили в состав убора и были, по-видимому, заупокойным «даром», поскольку лежали возле бедра погребенного.

Территория распространения и культурная среда

Как было сказано выше, листовидные подвески встречаются не часто, но зона их распространения достаточно широка, от Предкавказья до Среднего Дуная (рис. 2).

В Центральном Предкавказье, в Кисловодской котловине, на сегодняшний день мне известна только одна находка листовидной подвески – в парном захоронении 19 катакомбного могильника Кисловодское озеро-1 [Рунич, 1959, с. 1, таб. X, 5] (кат. I. 1; рис. 2, 1).

В Западном Предкавказье такие подвески представлены на двух памятниках. На Пашковском могильнике № 1 (г. Краснодар) по одному экземпляру они имеются в погребениях 2.1936 г. и 5.1948 г. [Анфимов, 2016, с. 56, рис. 180, 2; Смирнов, 2016, с. 19, рис. 17, 19] (кат. II. 1, 2; рис. 2, 2). На могильнике Елизаветинского городища № 2 (окрестности Краснодара) листовидные подвески встречены в погребении 95 (1 экз.) [Лунёв, Пьянков, 2016, с. 156, 157, рис. 1, 5] и в погребении 142 (2 экз.) (кат. II. 3, 4; рис. 2, 3).

В Крыму рассматриваемые украшения зафиксированы также на двух памятниках. В Инкерманской долине в подбойной могиле 8/41 (1 экз.) некрополя Сахарная Головка [Борисова, 1959, с. 178–181, табл. V, 8] и в погребении на поселении Приморский северо-западное (3 экз.), территория городского округа Феодосии (кат. III. 1, 2; рис. 2, 4, 5).

Известны листовидные подвески и в Донском регионе. На памятниках Нижнего Дона они встречены дважды. В западном грунтовом некрополе Танаиса подвеска в одном экземпляре представлена в погребении 25.1992 г. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 152, табл. 64, 828] (кат. IV. 1; рис. 2, 6). В дельте Дона в урочище Терны подвеска такого типа (1 экз.) была обнаружена в полуразрушенном захоронении, случайно открытом в песчаном массиве дюны [Гудименко, 1990. С. 88–92. Рис. 1Б, 1] (кат. IV. 2; рис. 2, 7).

На левобережье Среднего Дона во впускном захоронении кургана у с. Новая Чигла в составе погребального инвентаря была и листовидная подвеска (1 экз.) [Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 223, рис. 3, 2; 6, 9] (кат. V. 1; рис. 2, 8).

Еще две находки листовидных украшений известны на Среднем Дунае: в северо-

⁷ Биоархеологические исследования данного индивида продолжаются, результаты будут изложены в отдельной публикации.

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

восточной Венгрии в случайно обнаруженном одиночном захоронении (возможно, трупосожжение) Хейёкерестур-Хомокбанья⁸ (1 экз.) [Csallany, 1958, ol. 83, 84, taf. 1,1] (кат. VI. 1; рис. 2, 9), а также – в нижней Австрии на городище Оберляйзерберг (1 экз.), последнее являлось «княжеской» резиденцией [Stuppner, 2002, S. 379, 381, Abb. 1, 3; 2, 2]. (кат. VI. 2; рис. 2, 10).

Как видим, листовидные подвески были распространены в самой разной культурной среде. На сегодняшний день выделяется две зоны концентрации таких подвесок – в Западном Предкавказье (5 экз.) и в Северопричерноморском регионе (6 экз.) (рис. 2). Интересно отметить, что практически все находки происходят из памятников оседлого варварского или варваризированного населения. На этом фоне выделяется захоронение в Новой Чигле на Среднем Дону, которое по погребальному обряду (подкурганная ингумация, ориентация головой на северо-восток и т.д.), казалось бы, должно принадлежать степным кочевникам, но погребальный инвентарь все же больше свойствен варварскому оседлому населению (кат. V. 1; рис. 6). К кругу «кочевнических» захоронений может относиться и погребение в урочище Терны на Нижнем Дону, но и здесь сопровождающий инвентарь более типичен для оседлых варваров (кат. IV. 2; рис. 5). Не исключено, что данные комплексы отражают феномен некоего симбиоза между оседлым и кочевым населением бассейна Дона.

Хронология погребального инвентаря комплексов с листовидными подвесками

Остановимся более подробно на датировке комплексов, в составе которых были найдены листовидные подвески.

В Центральном Предкавказье в парном женском захоронении 19 могильника Кисловодское Озеро-1 [Рунич, 1959, с. 1, 2, таб. X, 5] листовидная бронзовая подвеска с кольцом с утолщениями зафиксирована на правой бедренной кости костяка 1 (кат. I. 1; рис. 1, 1). У височных костей черепа с правой стороны лежала серьга с полиэдрическим окончанием, с левой – калачевидная. Справа у черепа находился колокольчик, на шейных позвонках – три бусины. Ниже ключицы – арбалетная фибула, на костях левой руки – бронзовый браслет. При втором женском костяке – арбалетная фибула [Рунич, 1959, с. 1, 2, таб. X, 1–5]. По сочетанию предметов это погребение было датировано гуннским – постгуннским («шиповским») временем, т.е. от 360/370 по 530/570 гг. [Мастыкова, 2009, с. 78, 222, рис. 96, 7–15].

В Западном Предкавказье на Пашковском могильнике № 1 в детском погребении 2.1936 г. листовидная подвеска была обнаружена в области груди вместе с бусами, колокольчиком, также здесь находилась бронзовая гривна [Анфимов, 2016, с. 56, рис. 180, 2] (кат. II. 1; рис. 1, 2). В могиле были обнаружены круглая брошь стиля перегородчатой инкрустации со стеклянными вставками; пряжка со следами позоло-

⁸ Пользуясь случаем, благодарю Валерию Кульчар за любезные консультации и оказанную помощь в работе.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

ты овальной формы с овальным щитком, в котором имеется «гнездо» для вставки, и с массивным загнутым вниз язычком; щиток от большой пряжки четырехугольной формы с «гнездами», в которых частично сохранились стеклянные вставки белого и синего цвета; маленькая пряжка; три проволочных браслета с заходящими друг на друга концами; фрагмент зеркала типа Карповка [Анфимов, 2016, с. 56, рис. 173; 174, [17]; 180, 2, 5; 181; о зеркалах типа Карповка см. Мастыкова, 2016]. Захоронение по совокупности погребального инвентаря отнесено к постгуннскому периоду (т.н. горизонт Шипово), т.е. 430/470 – 530/570 гг. [Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 81].

В детском погребении 5.1948 г. Пашковского могильника № 1 серебряная пластинчатая листовидная подвеска с петелькой была обнаружена около двух браслетов с гравированными линиями на концах, надетых на одну руку [Смирнов, 2016, с. 19, рис. 16, 1; 17, 19] (кат. II, 2; рис. 1, 3; 3). Также в погребении были обнаружены фрагменты железной дуговидной пружинной фибулы, бусы [Смирнов, 2016, с. 19, рис. 17; 104; 105]. Погребение относится к переходной группе хронологии Пашковского могильника № 1, т.е. ко времени около 530/550 – 570/600 гг. [Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 81].

Также в Западном Предкавказье на могильнике Елизаветинское городище № 2 листовидные подвески встречены в двух погребениях 95 и 142⁹ (кат. II, 3, 4; рис. 1, 4). В погребении 95 помимо листовидной подвески были найдены янтарные и стеклянные бусы, две серьги с полиэдрическими окончаниями, браслет, две пряжки, железный нож¹⁰. Погребение отнесено авторами публикации к V–VII вв. [Лунёв, Пьянков, 2016, с. 157, рис. 1, 1, 5]. В целом инвентарь погребения действительно соответствует гуннскому и постгуннскому периодам, т.е. времени приблизительно от 360/370 по 530/570 гг.

В Крыму листовидные подвески известны на двух памятниках. В районе Феодосии в погребении на поселении Приморский северо-западное в составе ожерелья обнаружено три листовидных подвески – материалы этого погребения готовятся к публикации (кат. III, 2). Второй памятник – это могильник Сахарная Головка, где в женском захоронении 8/41 листовидная подвеска была найдена в ожерелье, в состав которого входили мелкие бусы, две плоских округлых подвески и две лунницы (кат. III, 1; рис. 1, 5; 4). Ожерелье зафиксировано на шейных позвонках погребенной. В районе пояса погребенной находилась инкрустированная массивная пряжка, возле черепа – серьги с крупными полиэдрическими бусинами в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 4, 1, 2, 10). На запястьях каждой руки – по одному браслету с расширенными концами и горизонтальными гравированными линиями на них [Борисова, 1959, с. 178–181, табл. IV, 2; V, 1, 2, 8; VI, 1, 2; прорисовка предметов и реконструкция пряжки: Хайрединова, 2002, рис. 2, 2; 4, 10; 5, 11; 8, 19–21] (рис. 4, 3, 4).

⁹ Материалы погребения 142 находятся в печати.

¹⁰ Благодарю Алексея Васильевича Пьянкова за дополнительные сведения об этом погребении.

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

Представляется, что данное погребение можно отнести к постгуннскому периоду. Наиболее ранние серьги подобного типа известны в погребении Вельт (Velt) в Трансильвании [L'Or des princes barbares, 2000, kat. 21, 1], относящемся к «княжескому» горизонту Унтерзибенбрунн (период D2: 380/400 – 440/450 гг.). Браслеты, такие как в Сахарной Головке, распространяются широко и географически, и хронологически, начиная от так называемого княжеского горизонта Смолин периода D2/D3: 430/440–460/470 гг. [L'Or des princes barbares, 2000, kat. 22, 1]. Пряжка, представленная в погребении Сахарная Головка (рис. 4, 10), датируется, скорее всего, второй половиной V – первой половиной VI вв. [Kazanski, 1994, p. 154–156, fig. 15, 1–7]. Таким образом, данное захоронение можно отнести ко второй половине V – первой половине VI вв.

На Нижнем Дону листовидные подвески известны также на двух памятниках. Это женское погребение 25.1992 г. западного некрополя Танаиса (кат. IV. 1; рис. 1, б), в котором подвеска была найдена в заполнении среди бус и коралловых пронизей [кат. № 383: Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 152, табл. 64, 828 – 833]. Авторы публикации датируют погребение V–VI вв., а по внешним аналогиям (захоронение Терны и Хейёкерестур-Хомокбанья, о них см. ниже) саму подвеску относят к V в. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 53, 220].

Второй нижнедонской памятник – это полуразрушенное погребение в урочище Терны в дельте Дона (кат. IV. 2; рис. 1, 7; 5). В центре бусинного ожерелья, зафиксированного в районе шеи погребенного, находилась листовидная подвеска (рис. 5, 5). В состав убора входили две серьги с полиэдрическими окончаниями, пинцет, браслет с расплюснутыми концами с зооморфным декором в виде змеиных головок и зеркало типа Карповка [Гудименко, 1990. С. 88–92. Рис. 1] (рис. 5, 1–4, 8, 9). По сочетанию вещей в погребальном инвентаре данное захоронение можно отнести к гуннскому – постгуннскому периоду, т.е. с 360/370 по 530/570 г.

На Среднем Дону во впускном мужском погребении в кургане могильника Новая Чигла листовидная подвеска была обнаружена вместе с лунницей и тремя бусинами, составлявшими, по всей видимости, единое ожерелье (кат. V. 1; рис. 1, 8; 6, 2–6). Все предметы были обнаружены в районе шейных позвонков. В заполнении ямы найдена еще одна плоская подвеска округлой формы (рис. 6, 1). У левой тазовой кости погребенного обнаружены две серьги с полиэдрическими окончаниями, надетые одна на другую (рис. 6, 7, 8). В районе пояса лежала железная пряжка (рис. 6, 9) [Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 221–223, рис. 3; 6]. Дата этого захоронения охватывает промежуток времени от второй трети V в. по первую половину VI в., т.е. финальную фазу гуннского и раннюю фазу постгуннского времени [Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 233, 234].

На Среднем Дунае известны две находки золотых листовидных подвесок. Одна подвеска из золота обнаружена в одиночном захоронении Хейёкерестур-Хомокбанья в северо-восточной Венгрии (кат. VI. 1; рис. 1, 9; 7, 1). Среди других предметов погребального инвентаря – калачевидные серьги, колокольчик и пряжка [Csallany,

Боспорские исследования, вып. XXXVI

1958, ol. 83, 84, taf. 1, 1–4]. Пряжка с хоботковидным язычком (рис. 7, 4) относится к гуннскому времени (см. многочисленные параллели: Tejral, 2011) и датируется первой половиной – серединой V в. (начало периода D2/D3 «варварской» хронологии, что соответствует времени от 430 по 450 г.).

Вторая золотая подвеска найдена в слоях с надежным материалом первой половины – середины V в. на городище Оберляйзерберг в Нижней Австрии [Stuppner, 2002, S. 379, 381, Abb. 1, 3; 2, 2; Tejral, 2011, S. 45, 175, 200, 388, Abb. 301, 302; Lauer mann, 2017, S. 247, Abb. 7] (кат. VI. 2; рис. 1, 10).

Подведем итоги. Наиболее ранние находки листовидных подвесок зафиксированы на Среднем Дунае в гуннское время, т.е. в первой половине – середине V в. В Центральном и Западном Предкавказье, на Нижнем Дону подвески появляются в гуннское – постгуннское время; на рубеже гуннского/постгуннского времени – на Среднем Дону, в постгуннский период листовидные подвески продолжают существовать в Западном Предкавказье и в Крыму. И самая поздняя находка таких украшений зафиксирована в Западном Предкавказье в конце постгуннского (шиповского) периода, начале т.н. горизонта геральдических гарнитур, т.е. во второй половине – конце VI в. Итак, листовидные подвески появляются в гуннское время и бытуют весь постгуннский период, вплоть до рубежа VI/VII вв.

Параллели, прототипы, распространение листовидных подвесок

Данная группа листовидных подвесок морфологически очень гомогенна. Удивляет одинаковость этих украшений – размер, вертикальная грань по центру подвески, что придает ей некоторую выгнутость, способ изготовления ушка для подвешивания и его рифление. Трудно представить, учитывая огромную зону распространения, чтобы эти изделия изготавливались в одной мастерской, но тем не менее подвески очень схожи, что может объясняться простотой идеи и дизайна украшения (рис. 1).

Обращает на себя внимание, что листовидные украшения представлены в погребениях в сочетании с достаточно устойчивым набором металлических предметов: серьги, браслеты, пряжки, зеркала, колокольчики, пинцеты, ну и, конечно, разнообразные бусы, поскольку подвески фиксируются всегда в составе ожерелья, за исключением погребения Кисловодское озеро-1 (кат. I. 1). Из девяти рассматриваемых погребений (пять находок не опубликованы, одна найдена на городище) серьги были встречены в шести: четыре случая – с полиэдрическим окончанием (кат. II. 3; III. 1; IV. 2; V. 1; рис. 4, 1, 2; 5, 3, 4; 6, 7, 8), один случай – полиэдрическая и калачевидная (кат. I. 1), один раз – только калачевидные (кат. VI. 1; рис. 7, 2, 3; табл. 1). Причем даже в мужском захоронении Новая Чигла зафиксированы полиэдрические серьги, но они были положены у бедра погребенного, вероятно, в качестве «заупокойного дара» (кат. V. 1). Браслеты разных типов обнаружены в шести погребениях (кат. I. 1; II. 1–3; III. 1; IV. 2; рис. 3, 22–24; 4, 3, 4; 5, 8), пряжки фиксируются также в шести захоронениях (кат. I. 1 (?); II. 1, 3; III. 1; V. 1; VI. 1; рис. 4, 10; 6, 9; 7, 4; табл. 1). В трех

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

случаях встречены колокольчики (кат. I. 1; II. 1; VI. 1), в двух случаях – зеркала типа Карповка (кат. II. 1; IV. 2; рис. 5, 9) и в одном – пинцет (кат. IV. 2; рис. 5, 1; табл. 1).

Такой набор вещей формируется в Кавказско-Причерноморском регионе уже в гуннское время (360/370 – 470/480 гг.) [Kazanski, 2009. P. 146 – 148, 174 – 178, 200 – 209] и продолжает существовать весь постгуннский период (430/470 – 530/570 гг.) [см. напр.: для Центрального и Западного Предкавказья: Мастыкова, 2009; для Юго-Западного Крыма: Айбабин, Хайрединова, 2017].

Из всей группы погребений богатством и престижностью вещей выделяются три захоронения. Это погребение 2. 1936 г. Пашковского могильника № 1, в котором помимо прочих предметов обнаружены брошь стиля перегородчатой инкрустации со стеклянными вставками, пряжка со следами позолоты и с «гнездом» для вставки, щиток от пряжки со стеклянными вставками (кат. II. 1). В погребении 8/41 могильника Сахарная Головка представлены серьги с крупными полиэдрическими бусинами в стиле перегородчатой инкрустации и инкрустированная массивная пряжка византийского типа (кат. III. 1; рис. 4, 1, 2, 10). И наконец, в погребении Хейёкерестур-Хомокбанья были найдены золотая листовидная подвеска, золотая и серебряная калачевидные серьги и серебряная пряжка (кат. VI. 1; рис. 7). Хотя надо отметить, что серебряные изделия присутствуют и в других захоронениях, и в целом комплексы, которые остались не разграбленными, можно отнести к одному «среднему» социальному уровню варварского общества, который характеризует наличие металлических украшений из недорогих металлов [Амброз, 1968. С. 22; Пинар Жил, 2016].

Все рассматриваемые листовидные подвески, видимо, являются «демократической» репликой более богатого и престижного убора. Примером такого убора и, вероятно, прототипом листовидных подвесок может быть золотое ожерелье с десятью подвесками листовидной формы, имеющими по центру круглые вставки из альмандинов (рис. 8, 1), обнаруженное в привилегированном погребении № 2 первой половины – середины V в. в позднеримском могильнике Мерида (Mérida) в Юго-Западной Испании, в провинции Эстремадура [Heras Mora, Belén Olmedo Gracera, 2015, fig. 15, 7; In Tempore Sueborum, 2017, p. 84, kat. 60].

В качестве прототипов наших листовидных подвесок можно назвать и дореволюционную находку из Керчи (рис. 8, 2) в коллекции А.Л. Бертье-Делагарда в Британском музее, вероятно, относящуюся к V в. Это золотая каплевидная подвеска (размером 3,7 см) со вставками из нескольких альмандинов и одной из зеленого стекла, с рифленой петелькой, кончик подвески украшен четырьмя золотыми бусинками [Germanen, 1987, S. 110, 111, Abb. I, 16c; The Berthier-Delagarde Collection, 2008, p. 37, 38, pl. 6, 11, colour pl. 3, 11].

Наконец, золотая подвеска (размером 3 см) с зернью и четырьмя вставками из альмандинов, с рифленным ушком, кончик подвески украшен одной бусинкой зерни, представлена в престижном уборе погребенной женщины в Гаве (Gáva) в Восточной Венгрии третьей четверти V в. [Das Gold von Nyíregyháza, 1997, S. 63, Abb. 49, Taf. IV] (рис. 8, 3).

Модифицированные и упрощенные версии богатого убора типа Мерида-Керчь-Гава, по всей вероятности, были распространены достаточно широко в средиземноморском ареале от Пиренейского полуострова до Закавказья. Например, бронзовое кольцо, составленное из подвесок миндалевидной формы, из погребения № 15, датированного V в., в некрополе Гвелети в Восточной Грузии [Mindorashvili, 2001, 86, pl. II, 96, 97; Мастыкова, 2017а, с. 266, 267, 283].

Помимо рассмотренной серии подвесок, имеются украшения близкой формы – также листовидной (иногда ближе к ромбовидной), отличающиеся или размером, или другим оформлением ушка или конца подвески. Трудно сказать, каково их соотношение с изделиями изучаемой здесь серии (параллели? дериваты?), однако их стоит упомянуть.

В погребениях 56 и 62 уже упоминавшегося могильника Елизаветинского городища № 2 в Западном Предкавказье известны две подвески небольшого размера в виде листика выгнутой формы с раздвоенным нижним концом, петелька образована узкой полоской из той же пластины и завернута в петлю [Пьянков, Анфимов, 2014, с. 92, 94, рис. 5, 5; 6, 8]. В целом погребения отнесены к концу V–VII вв. [Пьянков, Анфимов, 2014, с. 99].

В погребении 30 могильника Шапка-Абгыздраху в Цебельдинской долине в Абхазии в районе шеи погребенного вместе с ожерельем из разнообразных бус находилась небольшого размера бронзовая пластинчатая подвеска листовидной формы, с закрученной петелькой [Трапш, 1971, с. 49, 50, табл. XIII, 4]. Погребение по крестовидным фибулам можно датировать поздним V–VI вв. [Мастыкова, 2009, с. 78].

Самая восточная находка – две бронзовые плоские подвески в форме небольшого листика с петелькой, образованной из той же пластины, в кургане 7 Салиховского могильника конца IV–V вв. в Башкирии¹¹ [Васюткин, 1986, с. 189, рис. 7, 8, 10].

В Центральном Предкавказье подвески листовидной формы небольшого размера известны в комплексах более позднего времени. В парном погребении 1 могильника Мокрая Балка в ногах погребенного лежала бронзовая плоская листовидная подвеска, судя по пропорциям, небольшого размера (обломана), рифленое ушко для подвешивания, вероятно, припаяно. В составе женского убора находились калачевидные серьги, браслеты, а также найдена в районе поясницы монета Кавада I (499 г.). Комплекс датирован второй половиной VI – первой четвертью VII вв. [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 54, рис. 13, 4]. Вторая подвеска в форме небольшого листика плоской формы, рифленое ушко которой образовано из той же пластины, найдена в ограбленном коллективном захоронении 93 того же могильника вместе с браслетами, бусами, серьгами среди разбросанных костей [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 156, рис. 105, 16]. Вещи типичны для второго этапа могильни-

¹¹ Благодарю Игоря Олеговича Гавритухина за любезно указанную публикацию.

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

ка Мокрая Балка, который Г.Е. Афанасьев датирует второй половиной VI – первой четвертью VII вв. [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 38 – 40]. Можно предположить, что в Центральном Предкавказье в VI–VII вв. подвески листовидной формы несколько в измененном виде стали уже автохтонным элементом женского костюма (ср. погр. 19 могильника Кисловодское озеро-1 и погр. 1 и 93 могильника Мокрая Балка).

Заключение

Итак, пластинчатые удлиненной листовидной формы подвески появляются в первой половине – середине V в., т.е. в гуннское время, существуют весь постгуннский период (вторая половина V – первая половина VI вв.) вплоть до начальной фазы т.н. горизонта геральдических гарнитур, до рубежа VI/VII вв.

Практически одновременное появление листовидных подвесок на разных территориях от Кавказа до Дуная свидетельствует, на мой взгляд, о том, что такие подвески были элементом общей «понтийской» или «пonto-дунайской» моды. Выделяется ряд элементов, характерных для культуры оседлого понтийского населения Танаиса, Крыма, Западного Предкавказья, которое связано с Боспором, – полиэдрические серьги, хоботковидные пряжки, металлические зеркала с центральной петлей, малые двупластинчатые фибулы черняховской традиции, антропоморфные подвески и листовидные подвески [Kazanski, 2009. P. 146–148, 174–178, 200–209]. Эта культура намечена пока в тезисном плане [Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 234; Мастыкова, 2017б, с. 323], работа по ее выделению еще предстоит.

КАТАЛОГ ЛИСТОВИДНЫХ ПОДВЕСОК

I. Центральное Предкавказье

1. Кисловодское озеро-1, могильник, погребение 19. Административная территория – г. Кисловодск, Ставропольский край (рис. 1, 1).

Парное женское захоронение – в скорченном положении на левом боку, головами на восток. В северной части катакомбы находился костяк 1 молодой женщины 20–25 лет¹², на правой бедренной кости лежала круглая подвеска с утолщениями («декоративная пряжка», по мнению А.П. Рунича), на ней – *удлиненная листовидная подвеска* из бронзы размером 3,8 см, под которой сохранились остатки кожи. Возле черепа с правой стороны лежали серьга с полиэдрическим окончанием и колокольчик, с левой – калачевидная серьга. На шейных позвонках находились три стеклянных бусины, на ключице – арбалетная фибула, на костях левой руки – браслет с расширяющимися концами [Рунич, 1959, с. 1, 2, таб. X, 1–5].

¹² Половозрастное определение А.П. Рунича [1959, с. 1].

II. Западное Предкавказье

1. Пашковский могильник № 1, погребение 2.1936 г., Краснодарский край, г. Краснодар (рис. 1, 2).

Плохо сохранившийся костяк головой на ЮЗ. *Удлиненная листовидная подвеска* из низкопробного серебра¹³ с гранью посередине, размером примерно 3,8 см, со слабо рифленой петелькой для подвешивания, лежала между бусами и тремя бронзовыми колокольчиками и еще одной распавшейся поделкой в верхней части груди погребенного ребенка¹⁴. Здесь же лежала гривна. В области правого предплечья лежала бронзовая круглая брошь стиля перегородчатой инкрустации со стеклянными вставками. На тазе – бронзовая маленькая пряжка, на костях левой руки – три бронзовых проволочных браслета, два с заходящими друг на друга концами, третий – с расплюснутыми концами с антропоморфными изображениями. В ногах под сосудом найден фрагмент бронзового зеркала типа Карповка, а также бронзовая со следами позолоты пряжка овальной формы с овальным щитком, в котором имеется «гнездо» для вставки, с массивным загнутым вниз язычком, и щиток от большой пряжки четырехугольной формы с «гнездами», в которых частично сохранились стеклянные вставки белого и синего цвета [Анфимов, 2016, с. 56, рис. 174, [17]; 180, 2, 5; 181].

2. Пашковский могильник № 1, погребение 5.1948 г., Краснодарский край, г. Краснодар (рис. 1, 3; 3).

Ингумация (плохой сохранности, лишь остатки черепа и зубы) ребенка головой на СЗ, предполагаемый возраст 3–4 года, [Лейбова (Суворова), 2016, с. 342]. Серебряная¹⁵ *удлиненная листовидная подвеска* длиной 4 см, шириной 1,4 см, с продольной гранью по центру со слабо рифленой петелькой, лежала около двух браслетов с гравированными горизонтальными линиями на концах и среди рассыпанных разнообразных каменных и стеклянных бус. Около браслетов лежали фрагменты железной дуговидной фибулы [Смирнов, 2016, с. 19, рис. 16, 1; 17; 80, 2, 3, 8, 9; 104; 105].

3. Елизаветинское городище № 2, могильник, погребение 95. Административная территория г. Краснодар, Краснодарский край (рис. 1, 4).

Погребена женщина в возрасте 30–40 лет¹⁶, головой на СВ. Серебряная *удлиненная листовидная подвеска* размером 5,4 см лежала справа возле нижней челюсти вместе с многочисленными мелкими стеклянными и пятью янтарными бусами. В захоронении были также две серьги с полиэдрическими окончаниями, две железные пряжки и браслет редкого типа, лицевая поверхность которого имеет декор в виде

¹³ Определение Н.В. Анфисова [2016, с. 56].

¹⁴ Возрастное определение Н.В. Анфимова [2016, с. 56].

¹⁵ Химический состав изделий из цветного металла исследован И.А. Сапрыкиной (ИА РАН), см. подробнее: Мастыкова, Казанский, Сапрыкина, 2016, с. 45–69.

¹⁶ Антропологическое исследование проведено к.и.н. А.А. Казарницким (МАЭ РАН).

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

рельефной плетенки из двух линий с расположенными в них медальонами с рельефными изображениями животных [Лунёв, Пьянков, 2016, с. 156, 157, рис. 1, 1, 5, 7].

4. Елизаветинское городище № 2, могильник, погребение 142. Административная территория г. Краснодар, Краснодарский край.

В составе погребального инвентаря имеются *две удлинённых листовидных подвески*. Неопубликованные материалы, находятся в печати. Сообщение А.В. Пьянкова.

III. Крым

1. Сахарная Головка, могильник, подбойная могила 8/41. Административная территория г. Севастополь (рис. 1, 5; 4).

Женский¹⁷ костяк, лежавший на спине, головой на ЮЗ, с деформированным черепом. У шейных позвонков найдено ожерелье, состоящее из мелких разноцветных стеклянных бусин и пяти серебряных подвесок: *одной удлинённой листовидной, двух округлых и двух пельтовидных форм*. Листовидная удлинённой формы подвеска длиной 3,7 см с круглым загнутым ушком для подвешивания. В районе пояса погребенной находилась инкрустированная массивная железная пряжка, возле черепа – две парные серьги с крупными полиэдрическими бусинами в стиле перегородчатой инкрустации. На запястьях каждой руки – по одному браслету с расширенными концами и горизонтальными гравированными линиями на них [Борисова, 1959, с. 178–181, табл. IV, 2; V, 1, 2, 8; VI, 1, 2; прорисовка предметов и реконструкция пряжки: Хайрединова, 2002, рис. 2, 2; 4, 10; 5, 11; 8, 19–21].

2. Приморский северо-западное, поселение, городской округ, г. Феодосия.

В погребении найдено *три листовидных удлинённой формы подвески*. Раскопки 2017 г., неопубликованные материалы, готовятся к печати. Сообщение В.Е. Родинковой.

IV. Нижний Дон

1. Танаис, западный могильник, раскоп XVIII, погребение 25.1992 г., Недвиговский район, Ростовская область (рис. 1, 6).

Погребенная женщина 35–40 лет¹⁸ лежала головой на север, череп сильно деформирован. В заполнении помимо бисера и пронизи из коралла найдена бронзовая *подвеска удлинённой листовидной формы с продольным ребром*, нижний конец ее скруглен, поверхность петельки рифленая – два параллельных желобка. Длина подвески – 4,6 см, толщина – 0,02 см, диаметр петельки – 0,2 см (кат. № 383: Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 152, табл. 64, 828–833).

2. Терны, урочище в дельте Дона, полуразрушенное захоронение в песчаном массиве дюны. Азовский район, Ростовская область (рис. 1, 7; 5).

Погребенный лежал на спине, головой на север. В районе шеи погребенного

¹⁷ Половое определение В.В. Борисовой [1959. С. 178].

¹⁸ Антропологическое исследование проведено к.и.н. Е.Ф. Батиевой (ЮФУ, Ростов-на-Дону).

Боспорские исследования, вып. XXXVI

находилось ожерелье из мелкого стеклянного бисера, небольших дисковидных и трех биконических янтарных бус. В центральной части кольцо – биллоновая¹⁹ подвеска удлинённой листовидной формы с продольной гранью по центру. Ушко подвески плоское, вырезано вместе с самой подвеской из пластины и загнуто вниз, конец подвески обломан. Длина подвески – 4,7 см, ширина в средней части – 2,4 см, толщина – 0,05 см. Справа и слева у височных костей черепа – серьги с полиэдрическими окончаниями, с правой стороны на груди – проволочная подвеска (застежка?). В нижней части грудной клетки находилось зеркало типа Карповка, на зеркале лежал пинцет. На месте правой руки обнаружен браслет с расплюснутыми концами, с зооморфными изображениями в виде змеиных головок [Гудименко, 1990. С. 88–92. Рис. 1].

V. Средний Дон

1. Новая Чигла, могильник, впускное захоронение в кургане № 20, Таловский район, Воронежская область (рис. 1, 8; 6).

Погребенный, вероятно, мужчина 35–44 лет²⁰ лежал на спине, головой на ССВ. На черепе выраженные следы преднамеренной деформации. В районе шейных позвонков находились украшения, видимо, входившие в состав ожерелья: лунница и удлинённая листовидная подвеска из высокопробной серебряной²¹ пластины, а также три бусины: одна стеклянная и две янтарных. В заполнении ямы найдена еще одна подвеска – медальон округлой формы также из высокопробной серебряной пластины. Листовидная удлинённой формы подвеска толщиной не более 0,5 мм, длиной 46,5 мм, наибольшая ширина 17 мм, окончание обломано. Вертикальная грань подвески прослеживается плохо, т.к. по центру имеется сквозная трещина. Ушко для подвешивания образовано выступом пластины, загнутым в кольцо диаметром 2 мм, имеет слабое рифление – два продольных углубления. У левой тазовой кости погребенного обнаружены две серьги с полиэдрическими окончаниями, в районе пояса – железная пряжка [Березуцкий, Мастыкова, 2016, с. 221–223, рис. 3; 6].

VI. Средний Дунай

Северо-Восточная Венгрия

1. Хейёкерестур-Хомокбанья (Hejökerezstúr-Homokbánya), комитат Боршод-Абауй-Земплен (рис. 1, 9; 7).

Одиночное захоронение, вероятно, трупосожжение, обнаружено случайно. В погребении найдена золотая подвеска удлинённой листовидной формы с продольной гранью по центру и круглым ушком для подвешивания. Длина подвески 3,5 см. Среди других предметов погребального инвентаря – серебряная и золотая калаче-

¹⁹ Определение И.В. Гудименко (1990, с. 90).

²⁰ Антропологическое исследование проведено М.В. Добровольской (ИА РАН).

²¹ Химический состав изделий из цветного металла исследован И.А. Сапрыкиной (ИА РАН).

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

видные серьги, бронзовый колокольчик и серебряная пряжка с хоботковидным язычком [Csallany, 1958, ol. 83, 84, tab. 1, 1–4].

Нижняя Австрия

2. Оберляйзерберг (Oberleiserberg), городище, округ Мистельбах, земля, Нижняя Австрия (рис. 1, 10).

Слегка изогнутая *удлиненной листовидной формы подвеска* из гладкой золотой пластины со слабой вертикальной гранью по центру, с загнутым уплощенным рифленым ушком для подвешивания. Длина подвески 3 см, вес 1,54 гр. [Stuppner, 2002, S. 379, 381, Abb. 1, 3; 2, 2; Laueremann, 2017, S. 247, Abb. 7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.). Симферополь: ООО «Антиква», 2017. 368 с.
- Амброз А.К.* Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10–23.
- Анфимов Н.В.* Отчет о раскопках могильника № 1 ст. Пашковской в 1936 г. // Смирнов К.Ф. Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. Том. 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 49–60.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. 274 с. табл.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный Мир, 2001. 252 с. ил.
- Батиева Е.Ф.* Новые данные по антропологии некрополя Танаиса // Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса: раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф, 2001. С. 223–260.
- Батиева Е.Ф.* Искусственно деформированные черепа в погребениях Нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // Orus: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 53–72.
- Березуцкий В.Д., Мастыкова А.В.* Погребение эпохи Великого переселения народов на левобережье Среднего Дона // КСИА. 2016. № 245. Часть 1. С. 219–243.
- Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // Херсонесский сборник. 1959. Вып. V. С. 169–190.
- Буше Л.* Деформация черепа в Галии и пограничных районах в раннем средневековье: ее происхождение и историческое значение // Orus: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 140–149.
- Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
- Гудименко И.В.* Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. С. 88–93.
- Казанский М.М.* Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов // Orus: междисциплинарные исследования в археологии. 2006. Вып. 5. С. 127–139.
- Лейбова (Суворова) Н.А.* Заключение об антропологических находках из погребений Пашковского могильника № 1 // Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Исследование материалов Пашковского могильника № 1. Том. 2 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 339–345.
- Лунёв М.Ю., Пьянков А.В.* Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 2013 г.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- XXIX Крупновские Чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. / Отв. ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. университет, 2016. С. 156–159.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI вв. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Мастыкова А.В.* Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Верхнего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / Отв. ред. А.З. Винников. Вып. 6. Воронеж: Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье»; «Научная книга», 2016. С. 241–254.
- Мастыкова А.В.* О механизме распространения птицевидных фибул и подвесок у населения Центрального Кавказа в раннем средневековье // *Stratum plus*. 2017а. № 5. С. 259–288.
- Мастыкова А.В.* Миграции населения и торговые пути в бассейне Дона в эпоху Великого переселения народов // XVIII Боспорские Чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Материалы Международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра», 2017б. С. 318–330.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А.* Исследование материалов Пашковского могильника № 1. Том. 2 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.: ил. Пинар Жил Ж. Украшения, топография и архитектура: индикаторы социальной стратификации на могильниках раннего вест-готского периода в Испании и Южной Франции // КСИА. 2016. 244. С. 13–47.
- Пьянков А.В., Анфимов И.Н.* Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Вестник российского Университета Дружбы Народов. 2014. № 4. С. 84–101.
- Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1959 г. // Архив ИА. Р–1. 1959. № 2036.
- Смирнов К.Ф.* Раскопки Пашковского могильника № 1 в 1947–1949 гг. . Том. 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 280 с. ил.
- Трапи М.М.* Культура цебельдинских некрополей // Труды: В 4 томах. Т. 3 / Отв. ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 255 с.
- Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53–118.
- Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier&Beran. Archäologischen Fachliteratur, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 S.
- The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material / Eds. D. Kidd, B. Ager. London: The Trustees of the British Museum, 2008. 174 p.
- Csallány D.* Hamvasztásos és csontvázás hun temetkezések a Felső-Tisza vidéken // A Herman Ottó Múzeum Evkönyve. 1958. T. 2. P. 83–99.
- Germanen, Hunnen und Awaren: Schätze der Völkerwanderungszeit, 1987. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums. 635 S.
- Das God von Nyíregyháza. Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jóna-András-Museums Nyíregyháza. Nyíregyháza: Jóna-András-Museum, 1997. 183 S., VIII Taf.
- Heras Mora F. J., Belén Olmedo Gracera A.* Identidad y contexto en la necrópolis tardorromana de Mérida // Identidad y etnicidad en Hispania. Propuestas teóricas y cultura material en los siglos V–VIII / Dir. J. A. Quirós Castillo, S. Castellanos García. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2015. P. 275–290.
- In Tempore Sueborum. El Tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2017. 545 p.
- Kazanski M.* Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // Archéologie Médiévale. 1994. XXIV. P. 137–198.
- Kazanski M.* Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V).

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

- Lauerermann E. Zum Forschungsstand der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit im norddanubischen Niederösterreich // Na hranicích Impéria extra fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno: Masarykova Univerzita Archeologický Ústav Akademie věd ČR, Brno v. v. i; Archeologický Ústav AV ČR, Brno, v. v. i, 2017. S. 235–254.
- L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C., 2000. [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001.] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Mindorashvili D. Archaeological material from Dariali pass (necropolis of Gveleti) // Dziebani. 2001. 7. P. 81–90.
- Stuppner A. Amulette und Anhänger vom Oberleiserberg bei Ernstbrunn, NÖ // Zwischen Rom und Barbaricum. Festschrift für Titus Kolník zum 70. Geburtstag / Hrsg. K. Kuzmová, K. Pieta, J. Rajtár. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2002. S. 377–384.
- Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S.
- Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.

REFERENCES

- Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori* (seredina III–VII v.). Simferopol': OOO «Antikva», 2017, 368 p.
- Ambroz A.K. Dunaiskie element v rannesrednevekovoi kul'ture Kryma (VI–VII vv.) *KSIA*. Vyp. 113. 1968, pp. 10–23.
- Anfimov N.V. Otchet o raskopkakh mogil'nika № 1 st. Pashkovskoiv 1936 g. *Smirnov K.F. Raskopki Pashkovskogo mogil'nika № 1 in 1947–1949 gg.* Vol. 1. Mastikov A.V. (Ed.). M.: IA RAS; SPT.: Nestor- Istorii, 2016, pp. 49–60.
- Anke B. *Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts.* Weissbach: Beier&Beran. Archäologischen Fachliteratur, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 S.
- Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. *Necropolis Tanaisa: Raskopki 1981–1995 gg.* M.: Paleograf, 2001, 274 p. tab.
- Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokraia balka. Vyp. 1. Dnevnik raskopok.* M.: Nauchnyi Mir, 2001, 252 p.: fig.
- Batieva E.F. Novye dannye po antropologii nekropolia Tanaisa. *Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V. Necropolis Tanaisa: Raskopki 1981–1995 gg.* M.: Paleograf, 2001, pp. 223–260.
- Batieva E.F. Iskusstvenno deformirovannye cherepa v pogrebeniiakh Nizhnedonskikh mogil'nikov (pervye veka nashei ery). *Opus: mezhdistsiplinarne issledovaniia v arkeologii.* Vyp. 5. 2006, pp. 53–72.
- Berezutskii V.D., Mastikova A.V. Pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniia narodov na Levoberezh'e Srednego Dona. *KSIA* № 245. Part 1. 2016, pp. 219–243.
- The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material* (Eds.) D. Kidd, B. Ager. London: The Trustees of the British Museum, 2008, 174 p.
- Borisova V.V. Mogil'nik u vysoty "Sakharnaia golovka" (Po raskopkam i razvedkam 1951 i 1953 godov). *Khersonesskii sbornik.* Vyp.V. 1959, pp. 169–190.
- Bushe L. Deformatsiia cherepa v Gallii i pograniichnykh raionakh v rannem srednevekov'e: ee proiskhozhdenie i istoricheskoe znachenie. *Opus: mezhdistsiplinarne issledovaniia v arkeologii.* Vyp 5, 2006, pp. 140–149.
- Csallány D. Hamvasztásos és csontvázás hun temetkezések a Felső-Tiszavidéken. *A Herman Ottó Múzeum Evkönyve.* 1958. T. 2. pp. 83–99.
- Germanen, Hunnen und Awaren: *Schätze der Völkerwanderungszeit*, 1987. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums. 635 S.
- Das God von Nyíregyháza. *Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jóna-András-Museums Nyíregyháza.* Nyíregyháza: Jóna-András-Museum, 1997. 183 S., VIII Taf.
- Gudimenko I.V. Pogrebenie epokhi rannego srednevekov'ia izdel'ty Dona. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia vg. Azoveina Nizhnem Donu v 1989 g.* Vyp. 9 (Ed.) Maksimenko V.E. Azov: Azovskii kraevedcheskii muzei, 1990, pp. 88–93.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Heras Mora F. J., Belén OlmedoGracera A. Identidad y contexto en la necrópolistardorromana de Mérida. *Identidad y etnicidad en Hispania. Propuestas teóricas y cultura material en los siglos V–VIII Dir.* J. A. Quirós Castillo, S. Castellanos García. Bilbao: Universidad del País Vasco, 2015, pp. 275–290.
- In Tempore Sueborum.* El Tiempo de los Suevos en la Gallaecia (411–585). Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2017, 545 p.
- Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. *Archéologie Médiévale.* 1994. XXIV. pp. 137–198.
- Kazanskii M.M. Ob iskusstvennoi deformatsii cherepa u burgundov v epokhu Velikogo pereseleniia narodov. *Opus: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii.* Vyp. 5. 2006, pp. 127–139.
- Kazanski M. *Archéologie des peuples barbares.* Bucarest-Brăila: Editura Academiei Române, 2009. 489 p. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi V).
- Khairidinova E.A. Zhenskii kostium varvarov Iugo-Zapadnogo Kryma v V – pervoi polovine VI vv. *MAIET.* Vyp. IX. 2002, pp. 53–118.
- Laueremann E. Zum Forschungsstand der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit im norddanubischen Niederösterreich. *Na hranicích Impéria extra fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80 Narozeninám.* Brno: Masarykova Univerzita Archeologický Ústav Akademie věd ČR, Brno v. v. i; Archeologický Ústav AV ČR, Brno, v. v. i, 2017. S. 235–254.
- Leibova (Suvorova) N.A. Zakliuchenie ob antropologicheskikh nakhodkakh iz pogrebenii Pashkovskogo mogil'nika № 1. *Mastykova A.V., Kazanskii M.M., Saprykina I.A. Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika № 1.* Vol. 2 (Ed.) A.V. Mastykova. M.: IA RAS; St.Pb: Nestor-Istoriia, 2016, pp. 339–345.
- L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C.,* 2000. [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001.] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Lunev M.Iu., P'iankov A.V. Pozdniaia grupa pogrebenii mogil'nika Elizavetinskogo gorodishcha № 2 (raskopki 2013 g.). *Izuchenie i sokhranenie arkhologicheskogo nasledii narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie Chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Groznyi, 18–21 aprilia 2016 z.* (Ed.) M.Kh. Bagaev, Kh.M. Mamaev. Groznyi : Chechenskii gos.universitet, 2016, pp. 156–159.
- Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v.n.e.* M.: IA RAS, 2009. 502 p.
- Mastykova A.V. Zerkala tipa Karpovka : k voprosu o formirovanii saltovo-maiatskoï kul'tury Verkhnego Dona. *Divnogorskii sbornik : trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e»* (Ed.) A.Z.Vinnikov. Vyp.6. Voronezh : Prirodnyi, arkhitekturno-arkheologicheskii muzei-zapovednik «Divnogor'e»; «Nauchnaia kniga», 2016, pp. 241–254.
- Mastykova A.V. O mekhanizme rasprostraneniia pitsevidnykh fibul i podvesok u naseleniia Tsentral'nogo Kavkaza v rannem srednevekov'e. *Stratum plus.* 2017a. № 5. pp. 259–288.
- Mastykova A.V. Migratsii naseleniia I torgovye puti v basseine Dona v epokhu Velikogo pereseleniia narodov. *XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia : puti- tovary – otnosheniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* (Eds.) V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko. Simferopol' ; Kerch' : NIC IAK KFU V.I. Vernadskogo; CAI BF « Demetra», 2017, pp. 318–330.
- Mastykova A.V. Kazanskii M.M., Saprykina I.A. *Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika № 1.* Vol. 2 (Ed.) A.V. Mastykova. M.: IA RAS; SPb.: Nestor-Istoriia, 2016. 372 p.
- Mindorashvili D. *Archaeological material from Dariali pass (necropolis of Gveleti)* Dziebani. 2001. 7. pp. 81–90.
- Pinar Zhil Zh. Ukrasheniia, topografiia i arkhitektura : indikatory sotsial'noi stratifikatsii na mogil'nikakh rannego vestgot'skogo perioda v Ispanii i Iuzhnoi Frantsii. *KSIA.* 2016. 244. pp. 13–47.
- P'iankov A.V., Anfimov I.N. Pozdniaia grupa pogrebenii mogil'nika Elizavetinskogo gorodishcha № 2 (excavations 1978 g.) *Vestnik Rossiskogo universiteta druzhby narodov.* 2014. № 4. pp. 84–101.
- Runic A.P. Otchet o polevykh issledovaniakh v raione Kavminvod za 1959 *Arkhiv IA.* P–1. 1959. № 2036.
- Smirnov K.F. *Raskopki Pashkovskogo mogil'nika № 1 v 1947–1949 gg.* Vol. 1 (Ed.) A.V. Mastykova. M.: IA RAS; Spb: Nestor-Istoriia, 2016. 280 p.

Мастыкова А.В. Листовидные подвески ...

- Stuppner A. Amulette und Anhänger vom Oberleiserberg bei Ernstbrunn, NÖ *Zwischen Rom und Barbaricum. Festschrift für Titus Kolník zum 70. Geburtstag* Hrsg. K. Kuzmová, K. Pieta, J. Rajtár. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2002. S. 377–384.
- Tejral J. *Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011. 466 S.
- Trapsh M.M. Kul'turatsebel'dinskikh nekropolei. *Trudy: V 4 tomakh*. T. 3 (Ed.) O.D. Lordkipanidze. Tbilisi: Metsniereba, 1971. 255 p.
- Vasiutkin S.M. Salikhovskii kurgannyi mogil'nik kontsa IV–V v. V Bashkirii. *SA*. 1986. № 2. pp. 180–197.
- Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 S.

Резюме

Листовидные удлиненной формы пластинчатые подвески встречаются не часто, но в эпоху Великого переселения народов зона их распространения достаточно широка, от Предкавказья до Среднего Дуная. Они представлены в погребениях в сочетании с достаточно устойчивым набором металлических предметов. Листовидные подвески появляются в первой половине – середине V в., т.е. в гуннское время, существуют весь постгуннский период (вторая половина V в. – первая половина VI в.) вплоть до начальной фазы т.н. горизонта геральдических гарнитур, до рубежа VI/VII вв. Практически одновременное появление листовидных подвесок на разных территориях от Кавказа до Дуная свидетельствует о том, что они были элементом общей «понтийской» или «понто-дунайской» моды.

Ключевые слова: листовидные удлиненные подвески, гуннское время, постгуннское время, понто-дунайский регион, Кавказ, Крым.

Summary

Leaf-shaped pendants of elongated form are not common, but in the era of the Great Migration of Nations, the zone of their distribution is wide enough, from Ciscaucasia to the Middle Danube. They are represented in burials in combination with a stable set of metal objects. Leafy pendants appeared in the first half - the middle of the V century, i.e. in the Hunnish time. They existed the completely post-Hun period (the second half of the V - the first half of the VI century) up to the initial phase of the so-called horizon of heraldic sets, until the turn of the VI -VII centuries. Practically simultaneous appearance of leaf-shaped pendants in different territories from the Caucasus to the Danube testifies that they were elements of the general «Pontic» or «Ponto-Danube» fashion.

Key words: leaf-shaped elongated pendants, the Hunnish time, post-Hunnish time, Ponto-Danube region, Caucasus, Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мастыкова Анна Владимировна,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела сохранения археологического наследия
Института археологии РАН.
e-mail: amastykova@mail.ru
+7 903 781 80 86

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mastykova Anna Vladimirovna, DSc,
Leading Researcher
Department of Archaeological Heritage Preservation
Institute of Archeology of RAS.
e-mail: amastykova@mail.ru
+7 903 781 80 86

Таблица 1. Сочетаемость устойчивых элементов убора с листовидными подвесками

Комплексы с листовидными подвесками. № каталога	бусы	серьги	колокольчик	браслет	пряжка	Зеркало типа Карповка	пинцет
Кисловодское озеро-1, погр. 19. Кат. I. 1	+	1 полиэдрическая+1 калачевидная	+	+	+(?)	-	-
Пашковский мог. погр. 2.1936 г. Кат. II. 1	+	-	+	+	+	+	-
Пашковский мог., погр. 5.1948 г. Кат. II. 2	+	-	-	+	-	-	-
Елизаветинское городище, погр. 95. Кат. II. 3	+	2 полиэдрические	-	+	+	-	-
Сахарная Головка, погр. 8/41. Кат. III. 1	+	2 полиэдрические	-	+	+	-	-
Танаис, погр. 25.1992 г. Кат. IV. 1	+	-	-	-	-	-	-
Терны. Кат. IV. 2	+	2 полиэдрические	-	+	-	+	+
Новая Чигла. Кат. V. 1	+	2 полиэдрические	-	-	+	-	-
Хейёкерестур-Хомокбанья. Кат. VI. 1	-	2 калачевидные	+	-	+	-	-

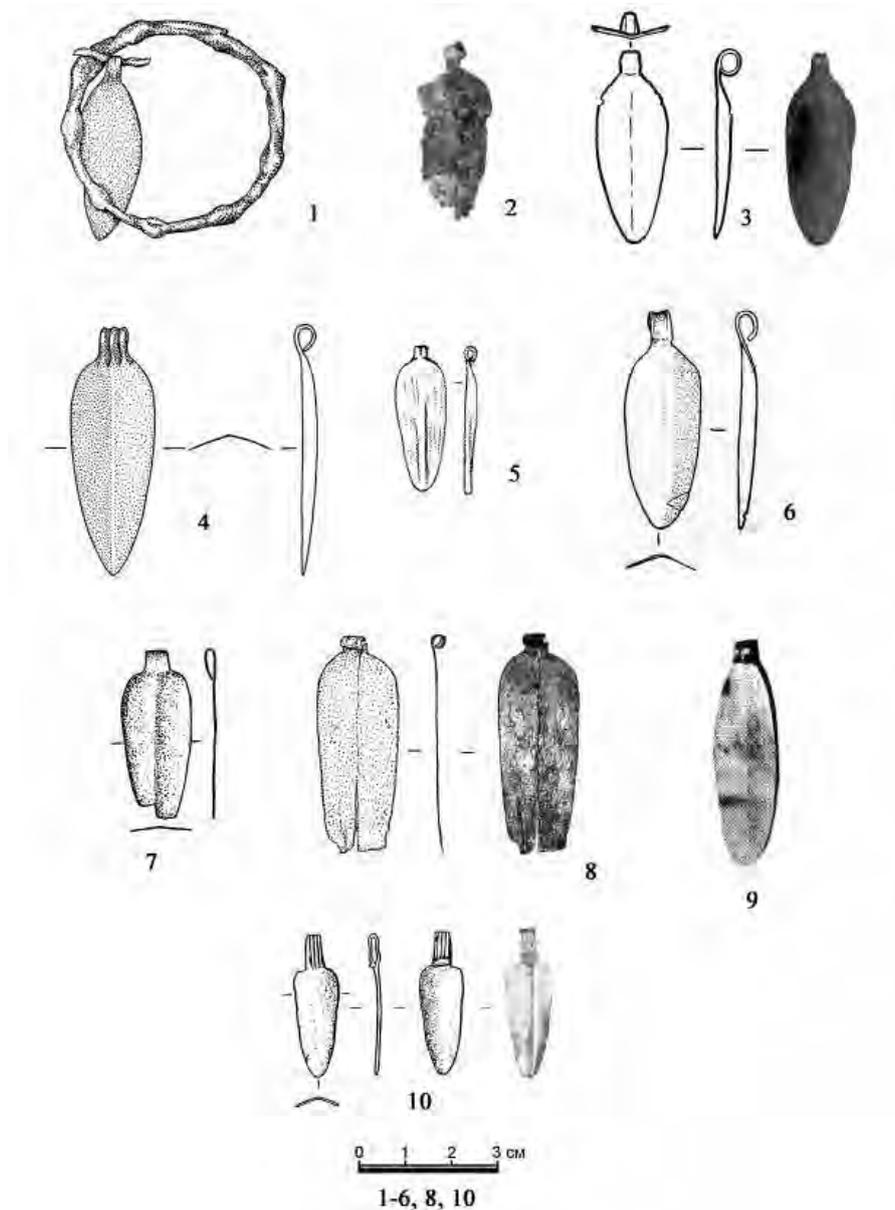

Рис. 1. Листовидные удлиненной формы подвески

1 – Кисловодское озеро-1, погр. 19; 2 – Пашковский могильник № 1, погр. 2. 1936 г.; 3 – Пашковский могильник № 1, погр. 5.1948 г.; 4 – Елизаветинское городище № 2, могильник, погр. 95; 5 – Сахарная Головка, погр. 8/41; 6 – Танаис, погр. 25.1992 г.; 7 – Терны; 8 – Новая Чигла; 9 –Хейёкерестур-Хомокбанья; 10 – Оберляйзерберг.

1 – по: Рунич, 1959, таб. X, 5;

2 – по: Анфимов, 2016, рис. 180, 2;

3 – по: Смирнов, 2016, рис. 16, 1; 104;

4 – по: Лунёв, Пьянков, 2016, рис. 1, 5;

5 – по: Хайрединова, 2002, рис. 17,19;

6 – по: Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 64, 828;

7 – по: Гудименко, 1990,рис. 1Б, 1;

8 – по: Березуцкий, Мастыкова, 2016, рис. 3, 2; 6, 9;

9 – по: Csallany, 1958, Tab. 1, 2;

10 – по: Stuppner, 2002, Abb. 1, 3; 2, 2; Lauer mann, 2017, Abb. 7.

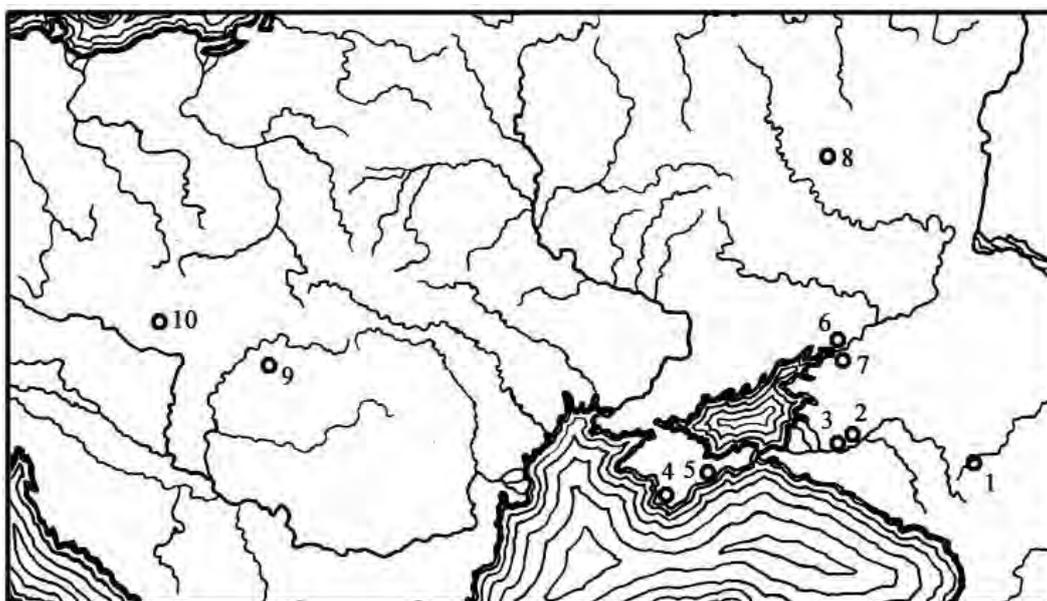

Рис. 2. Карта распространения листовидных подвесок

1 – Кисловодское озеро-1; 2 – Пашковский могильник № 1; 3 – Елизаветинское городище № 2; 4 – Сахарная Головка; 5 – Приморский северо-западное; 6 – Танаис; 7 – Терны; 8 – Новая Чигла; 9 – Хейёкерестур-Хомокбанья; 10 – Оберляйзерберг.

Учитывая масштаб карты, локализация памятников приближительна.

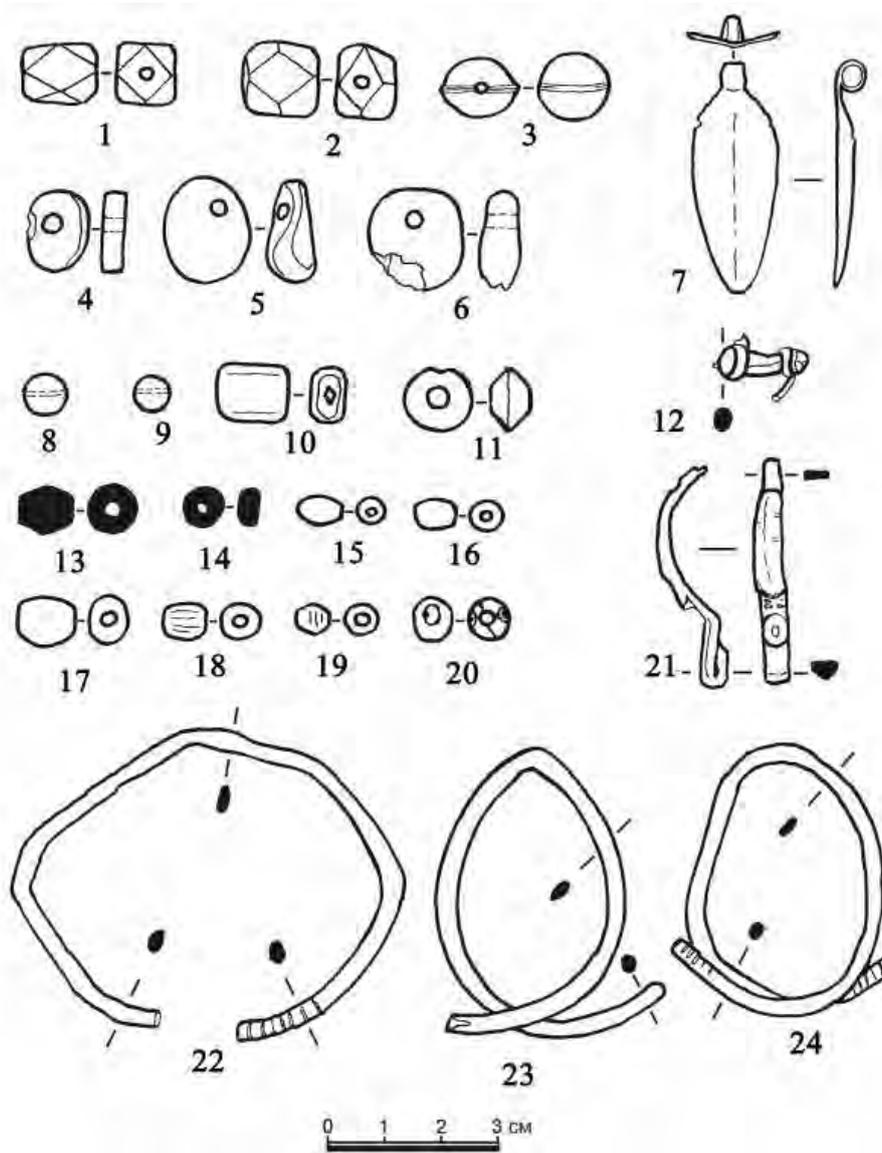

Рис. 3. Предметы из погребения 5.1948 г. Пашковского могильника № 1.
По: Смирнов, 2016, рис. 16.

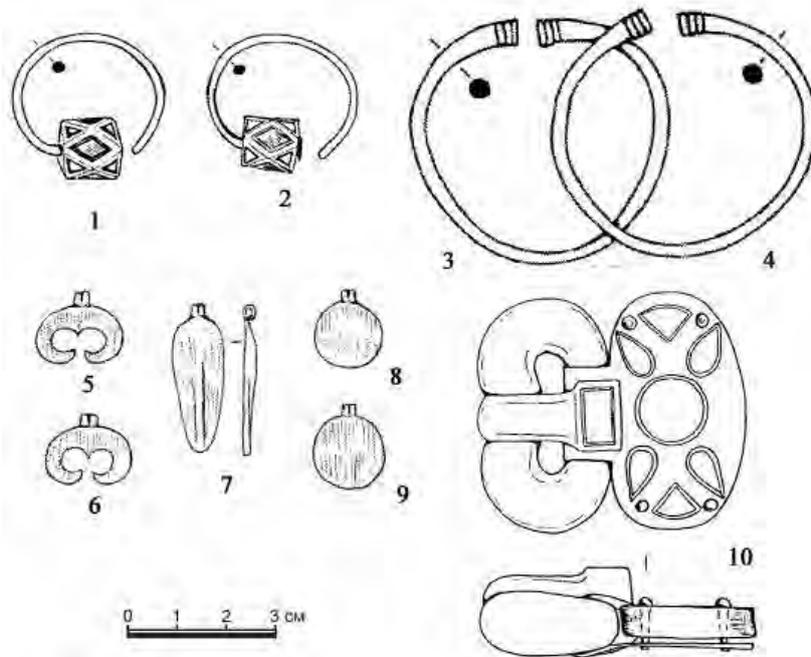

Рис. 4. Предметы из подбойной могилы 8/41 некрополя Сахарная Головка.
По: Хайрединова, 2002, рис. 17, 17–21.

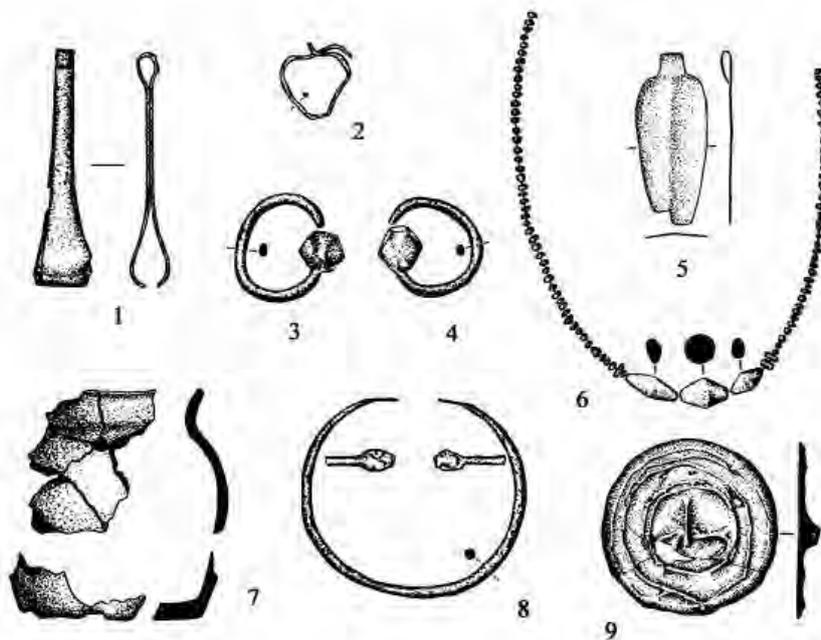

Рис. 5. Предметы из погребения в урочище Терны. По: Гудименко, 1990, рис. 1Б.

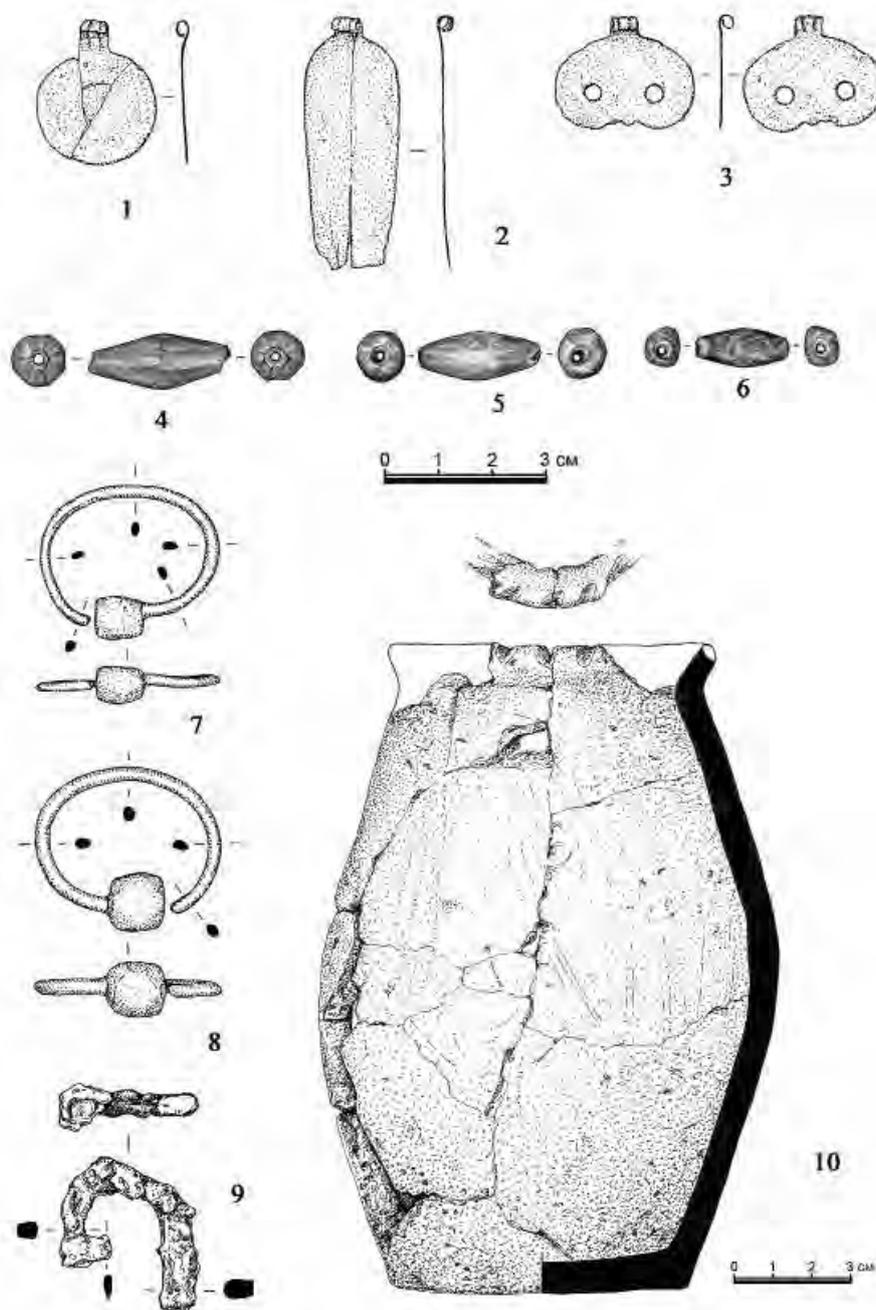

Рис. 6. Предметы из захоронения в кургане № 20 могильника Новая Чигла.
По: Березуцкий, Мастыкова, 2016, рис. 3.

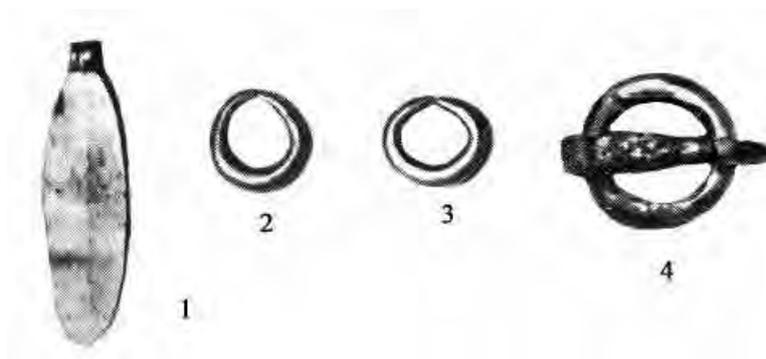

Рис. 7. Предметы из погребения в Хейёкерестур-Хомокбанья
По: Csallany, 1958, Tab. 1,1-4.

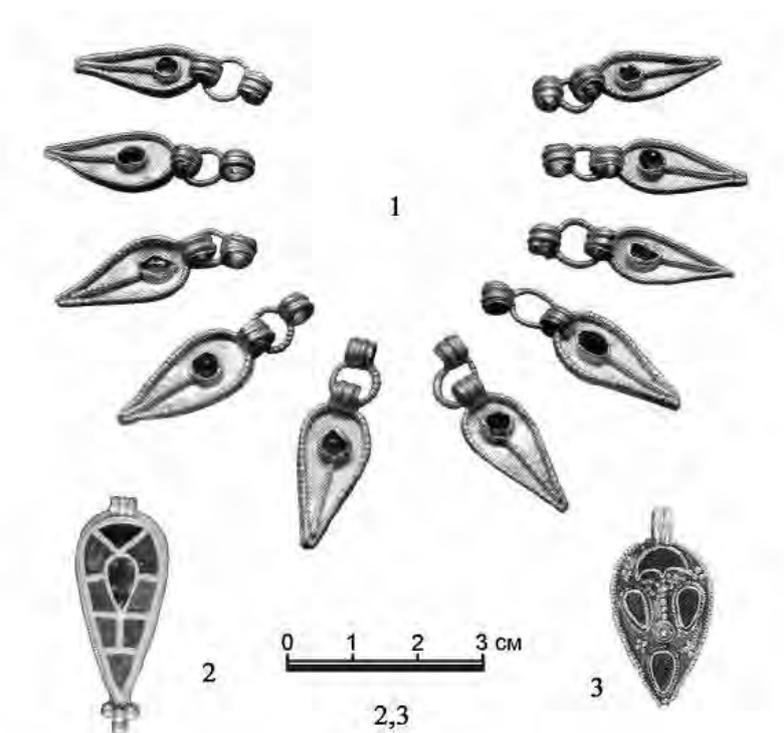

Рис. 8. Подвески из престижных погребений эпохи Великого переселения народов:

1 – Мерида; 2 – Керчь; 3 – Гава.

1 – по: In Tempore Sueborum, 2017, kat. 60; 2 – по: The Berthier-Delagarde Collection, 2008, colourpl. 3, 11;
3 – по: Das Goldvon Nyiregyháza, 1997, Taf. IV.

ПУБЛИКАЦИИ

С.Н. СЕНАТОРОВ

S.N. SENATOROV

РАННЕСКИФСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ НЕКРОПОЛЯ АНТИЧНОЙ ТИРИТАКИ

(по материалам раскопок О.Д. Чевелева в 1986 г.)¹

EARLY SCYTHIAN ARROWHEADS FROM THE NECROPOLIS OF THE ANCIENT TYRITAKE

(on materials of excavations of O.D. Chevelev in 1986)

Археологические находки, связанные с древним варварским населением, обитавшим до начала греческой колонизации на территории древней Таврики в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. (далее все даты до н.э.), являются сравнительно редким и мало изученным материалом. В этой связи безусловный интерес вызывают, в частности, находки двух бронзовых наконечников стрел раннескифского времени из раскопок, проведенных О.Д. Чевелевым в 1986 г. на территории южной части курганно-грунтового некрополя позднеархаической Тиритаки [Чевелев, 1989, с. 127]². По предположению исследователя эти наконечники, найденные в закрытых комплексах, в том числе вместе с фрагментами лепной керамики и греческого керамического импорта, могли быть связаны с неким «негреческим населением», входившим в состав населения греческой Тиритаки в середине – второй половине VI в. [Чевелев, 1989, с. 127].

Отличительной особенностью обоих наконечников стрел является их явно архаический облик, что заметно выделяет их среди других более поздних по времени материалов некрополя Тиритаки, датируемого Л.Г. Шепко в целом VI – началом V вв. [Шепко, 2013, с. 105-106, табл. 5], и вызывает необходимость подробного описания этих предметов вооружения.

Первый бронзовый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1, 2) был найден в безынвентарном погребении № 107 (рис. 1, 1), которое было впущено в материк на глубину 0,85 м от уровня дневной поверхности. Погребальная яма, ориентированная по линии СЗ – ЮВ, имела прямоугольную форму с округлыми углами размером 2,0 x 0,97 м и глубиной в материке 0,23 м.

¹ Статья посвящается светлой памяти керченского археолога Олега Дмитриевича Чевелева (14. 06. 1952 – 04. 06. 2011 г.).

² В 1989 г. в личной беседе О.Д. Чевелев сообщил о своем желании опубликовать открытые им позднеархаические материалы некрополя Тиритаки, однако он был готов учесть и мое определение находок, связанных с местным варварским населением этого памятника. Автор выражает самую искреннюю признательность бывшим в то время сотрудникам Керченского историко-археологического музея-заповедника Л.М. Лазенковой, Н.Ф. Федосееву и С.А. Шестакову за помощь в работе и ценные консультации.

В настоящее время по сообщению В.Н. Зинько и А.В. Зинько материалы из раскопок О.Д. Чевелева некрополя Тиритаки готовятся к публикации сотрудниками Керченского заповедника [Зинько В.Н., Зинько А.В., 2012, с. 156].

Наконечник стрелы из этого погребения имеет округлую (или лавролистную), слегка вытянутую головку и сравнительно длинную выделенную втулку для насада. Ложок сводчатой формы. Общая длина наконечника – 43,1 мм, наибольшая ширина головки – 8,7 мм, диаметр втулки – 6,1 мм. Отношение общей длины наконечника к длине головки (L об / L гл) – 1,6.

Подобные наконечники по классификации А.И. Мелюковой относятся к типу П,1,2 первой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 16, 28, рис. 1], датируемой С.В. Полиным VII в. – первой четвертью VI в. [Полін, 1987, с. 31]. Однотипные близкие по размерам и пропорциям наконечники найдены: 1) поселение Ягорлык (рис. 1, 3) последней трети VII в. – первой половины VI в. [Виноградов, Фояков, 2000, с. 96-97, рис. 1,19]³; 2) кург. 1 погр. 25 у Хапров (рис. 1,4) [Максименко, 1983, с. 123, рис. 9,5] конца VII в. – начала-первой половины VI в. [Монахов, 2003, с. 54-55; Копылов, Русаков, 2014, с. 173, 175].

По данным В.С. Ольховского, рассматриваемое погребение № 107, совершенное в яме без погребальных сооружений и захоронений людей, может относиться к кенотафам-поминальникам, известным среди памятников степной скифской культуры Северного Причерноморья [Ольховский, 1991, с. 54]. Находка здесь бронзового наконечника стрелы позволяет датировать это, предположительно, скифское погребение VII в. – первой четвертью VI в.⁴

Второй бронзовый наконечник стрелы (рис. 1, 7) был найден в полуземлянке № 2 округлой формы (рис. 1, 6) диаметром 3,0 x 3,1 м, которая была впущена в материк на глубину 0,7 м. Здесь же на глубине 1,07 м от дневной поверхности были найдены обломки лепной условно целой чернолощеной миски и фрагменты горла лесбосской амфоры с отверстиями для реставрации и венчик столового самосского сосуда позднеархаического времени [Чевелев, 1987, рис. 2, 48–51]. Данная полуземлянка первоначально была датирована О.Д. Чевелевым серединой - второй половиной VI в. [Чевелев, 1989, с. 127].

Найденный здесь наконечник стрелы имеет треугольную форму головки с лопастями, подрезанными под тупым углом к выделенной втулке. Ложок сводчатой формы. В верхней части втулки сохранился загнутый вниз шип длиной 1,9 см. Острие бойка не заточено. Общая длина наконечника – 41 мм, наибольшая ширина головки – 9,2 мм, диаметр втулки – 6,3 мм. Отношение общей длины наконечника к длине головки (L об / L гл) – 1,4.

По классификации А.И. Мелюковой подобные наконечники относятся к типу П,2,4 первой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 16, 28, рис. 1], датируемой

³ Выражаю благодарность Ю.А. Виноградову за возможность ознакомиться с материалами Ягорлыцкого поселения.

⁴ Необходимо отметить, что закрытые комплексы ранних греческих поселений Северного Причерноморья (в частности, хозяйственные ямы), в которых найдены материалы местных варварских культур предколониального времени, но отсутствуют находки греческого керамического импорта (как, например, в Нимфее [Зинько, 2012, с. 8]), встречаются крайне редко.

Сенаторов С.Н. Раннескифские наконечники ...

С.В. Полиным VII – первой четвертью VI вв. [Полін, 1987, с. 31]. Однотипные, близкие по размерам и пропорциям наконечники найдены: 1) Лиманцы кург. 9 погр. 1 (рис. 1, 8) [Гребенников, 2008, с. 39-40, 51-52, 144, рис. 12,5] VII в. – первой четверти VI в.⁵; 2) поселение Михайловка (рис. 1, 9) VII – начала VI вв. [Дараган, 2015, с. 146, ил. 11,15]; 3) Березанское поселение в слоях третьей четверти VI в. (кол. ГЭ, шифр Бер. 80–94) и последней четверти VI – первой четверти V вв. (кол. ГЭ, шифр Бер. 78–264)⁶.

Важно подчеркнуть, что однотипные с тиритакскими бронзовые наконечники стрел (рис. 1, 5, 10) найдены, например, в погребении 12/1910 г. некрополя Ольвии [Полін, 1987, с. 29, рис. 8,21,30], которое датируется исследователями первой половиной VI в. (не позднее второй четверти VI в.) [Полін, 1987, с. 29] или третьей четвертью этого столетия [Алексеев, 2003, с. 296]. Однако при этом ольвийские наконечники имеют качественно другие характеристики количественных параметров или признаков (они меньших размеров и более низких пропорций, в которых $L_{об} / L_{гл} = 1,2-1,3$ и др.), что, собственно, и позволяет наряду с другими наблюдениями относить тиритакские наконечники стрел к кругу памятников условно келермесского времени VII – первой четверти VI вв.

Анализ материалов раскопок, проведенных В.Н. Зинько и А.В. Зинько в 2002–2009 гг. в различных районах Тиритаки, позволил установить, что греческие колонисты на первом этапе жизни на поселении обитали в полуземлянках начиная с 570 – 560 гг. и на протяжении всей второй трети VI в. На втором этапе в последней трети VI – первой четверти V вв. (530 – 480–470 гг.) первые жилые постройки, по наблюдению исследователей, засыпаются и на их месте возводятся наземные сырцово-каменные постройки [Зинько, 2012, с. 222, 224, 229-230; 2013, с. 186; Зинько В.Н., Зинько А.В., 2017, с. 94].

Отсюда следует, что полуземлянка № 2 могла быть сооружена во второй трети VI в., а ее обитатели могли входить, как это и предполагал О.Д. Чевелев, в состав первых греческих колонистов, основавших Тиритаку.

Этнокультурное определение обитателей этой полуземлянки затруднительно. Согласно наиболее полной сводке этнического состава варварского населения ранней Тиритаки, предложенной В.Н. Зинько, в его число, судя по находкам лепной керамики, могли входить представители небольших групп кизил-кобинской, скифской,

⁵ Ю.С. Гребенников датировал данное погребение первой половиной VI в. Однако, опираясь на периодизацию наконечников стрел С.В. Полина [Полін, 1987, с. 31], исследователь вполне справедливо допускает датировку нижней хронологической границы данного погребения и концом VII в. [Гребенников, 2008, с. 39-40]. С учетом того, что в этом захоронении все наконечники стрел относятся к первой хронологической группе при полном отсутствии наконечников более поздней по времени второй группы, а некоторые трехлопастные наконечники близки наконечникам ряда Келермесских курганов (для найденных здесь двухлопастных наконечников пока не определены близкие аналогии), то погребение Лиманцы кург. 9 погр. 1 можно датировать VII – первой четвертью VI в.

⁶ Материал готовится к публикации. Выражаю благодарность С.Л. Соловьеву за возможность обработать коллекцию наконечников стрел Березанского поселения.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

меотской и, возможно, фракийской культур [Зинько, 2012, с. 8; 2014, с. 314]. К этой сводке М.А. Котин добавляет пока лишь условно выделяемую «боспорскую группу» лепной керамики, оставленную, вероятно, неким населением, обитавшим в позднеархаическое время только на территории Европейского Боспора [Котин, 2014, с. 518].

Однако нельзя исключать и иную интерпретацию находок в данной полуземлянке. Обращает на себя внимание степень сохранности найденной здесь керамики. Если чернолощенная миска варварского облика была найдена во множестве обломков и реставрирована почти в полном виде [Чевелев, 1987, рис. 50], то греческая керамика представлена лишь обломками горла с ручками одной амфоры и фрагментом венчика одного сосуда. Можно весьма гипотетически предположить, что в полуземлянке № 2, сооруженной местным кизил-кобинским⁷ или восточно-крымским (айвазовского типа) [Колтухов, 2004, с. 71 и сл.]⁸ оседлым населением доколониационного периода, первоначально находились только лепная миска и бронзовый наконечник стрелы VII – первой четверти VI вв. Лишь позднее уже после основания ранней Тиритаки в эту уже заброшенную полуземлянку случайно могли попасть обломки греческой керамики из перекрывающего ее культурного слоя тиритакского городища второй-третьей трети VI в.

Таким образом, рассмотренные раннескифские бронзовые наконечники стрел, происходящие из закрытых комплексов на территории некрополя античной Тиритаки, позволяют уточнить историю греко-варварских взаимоотношений накануне и во время ранней греческой колонизации Европейского Боспора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII – IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Виноградов Ю.А., Фоняков Д.И.* Коллекция металлических предметов с Ягорлыцкого поселения // Археологические вести. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. № 7. С. 96–105.
- Гребенников Ю.С.* Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX – III вв. до н.э.). Николаев: Изд-во «Илион», 2008. 192 с.
- Дараган М.Н.* Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Науч. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 127–170. (Труды Гос. Эрмитажа; т. 77).
- Зинько В.Н.* Основание и становление Тиритаки // Древности Боспора / Гл. ред. А.А. Масленников. М.: Ин-т археологии РАН, 2010. Т. 14. С. 220–232.
- Зинько В.Н.* К вопросу о населении позднеархаической Тиритаки // Боспорские исследования / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь, Керчь, 2012. Вып. XXVI. С. 3–21.
- Зинько В.Н.* Позднеархаическая история Европейского Боспора в свете новейших археологических ис-

⁷ В своей краткой публикации О.Д. Чевелев отмечает находки в ранних хозяйственных ямах Тиритаки – фрагменты лепной чернолощенной посуды, в том числе с резным орнаментом [Чевелев, 1989, с. 127]. Материал пока не опубликован.

⁸ С.Г. Колтухов не исключает вероятность существования такого местного оседлого восточнокрымского населения в широких рамках всего VI в. [Колтухов, 2004, с. 89].

Сенаторов С.Н. Раннескифские наконечники ...

- следований // Проблемы истории, филологии, культуры / Гл. ред. М.Г. Абрамзон. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2013. № 2 (40). С. 183–193.
- Зинько В.Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том II: Археологические комплексы VI – V вв. до н.э. Симферополь, Керчь: Тов. «Оранта Арт Бук», 2014. 592 с. (Сер. Боспорские исследования; Suppl. 11).
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Новые исследования некрополя Тиритаки // Древности Боспора / Гл. ред. А.А. Масленников. М.: Ин-т археологии РАН, 2012. Т. 16. С. 156–168.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Боспорский город Тиритака в свете новых археологических исследований // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории, материалы Междунар. науч. конф. Севастополь, 10–12 октября 2017 года / Ред. сост. Д.А. Костромичев. Саки: ИП Бровко А.А., 2017. С. 94–97.
- Колтухов С.Г.* Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // Херсонесский сборник / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь: ЧП «Стрижак Пресс», 2004. Вып. XIII. С. 68–120.
- Копылов В.П., Русаков М.Ю.* О верхней хронологической границе колчаных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Междунар. науч. конф. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 172–182. URL: http://www.ssc-gas.ru/files/files/Konf_Ar_voina_2014.pdf (дата обращения: 25.12.2017).
- Котин М.А.* Лепная керамика. Прилож. 4 // Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II: Археологические комплексы VI – V вв. до н.э. Симферополь, Керчь: Тов. «Оранта Арт Бук», 2014. С. 513–536. (Сер. Боспорские исследования; Suppl. 11).
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 224 с.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. (САИ; Вып. Д1–4).
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров - экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: изд-во «Киммерида»; изд-во Саратов. ун-та, 2003. 352 с.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии: (VII – III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 256 с.
- Полін С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Київ, 1987. Вип. 59. С. 17–36.
- Чевелев О.Д.* Отчет о раскопках Керченской экспедиции в 1986 году. Керчь, 1987 г. // Архив КГИКЗ. Оп. 2. Д. № 923.
- Чевелев О.Д.* Варвары в Тиритаке VI – III вв. до н.э. по материалам раскопок некрополя // Проблемы исследования античных городов: тезисы / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: ИА АН СССР, 1989. С. 127–128.
- Шенко Л.Г.* Некрополи Европейского Боспора VI – II вв. до н.э. в пространственно-хронологическом измерении // Донецкий археологичний збірник. Донецьк: Донец. нац. ун-т, 2013. № 17. С. 99–114.

REFERENCES

- Alekseev A.Iu. Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII – IV vekov do n.e. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2003. 416 s.
- Vinogradov Iu. A., Foniakov D. I. Kolleksiia metallicheskih predmetov s Iagorlytskogo poseleniia // Arkheologicheskie vesti. SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulanin», 2000. № 7. S. 96–105.
- Grebennikov Iu.S. Kimmeriitsy i skify Stepnogo Pobuzh'ia (IX – III vv. do n.e.). Nikolaev: Izd-vo Ilion, 2008. 192 s.
- Daragan M. N. Nakonechniki strel predskifskogo i ranneskifskogo vremeni: Tekhnologiia izgotovleniia, metrologiia i markirovka // Arkheologiia bez granits: Kolleksiia, problemy, issledovaniia, gipotezy / Nauch. red. E.F. Korol'kova. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2015. S. 127–170. (Trudy Gos. Ermitazha; T. 77).

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Zin'ko V.N. Osnovanie i stanovlenie Tiritaki // Drevnosti Bospora / Gl. red. A.A. Maslennikov. M.: In-t arkheologii RAN, 2010. T. 14. S. 220–232.
- Zin'ko V.N. K voprosu o naselenii pozdnearkhaicheskoi Tiritaki // Bosporskie issledovaniia / Otv. red. V.N. Zin'ko. Simferopol'; Kerch', 2012. Vyp. XXVI. S. 3–21.
- Zin'ko V.N. Pozdnearkhaicheskaiia istoriia Evropeiskogo Bospora v svete noveishikh arkheologicheskikh issledovaniĭ // Problemy istorii, filologii, kul'tury / Gl. red. M.G. Abramzon. M.; Magnitogorsk; Novosibirsk, 2013. № 2 (40). S. 183–193.
- Zin'ko V.N. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II: Arkheologicheskie komplekсы VI – V vv. do n.e. Simferopol'; Kerch': Tov. «Oranta Art Buk», 2014. 592 s. (Ser. Bosporskie issledovaniia; Suppl. 11).
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Novye issledovaniia nekropolia Tiritaki // Drevnosti Bospora / Gl. red. A.A. Maslennikov. M.: In-t arkheologii RAN, 2012. T. 16. S. 156–168.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Bosporskii gorod Tiritaka v svete novykh arkheologicheskikh issledovaniĭ // Antichnye Relikvii Khersonesa: Otkrytiia, Nakhodki, Teorii: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Sevastopol', 10–12 oktiabria 2017 goda / Red. sost. D.A. Kostromichev. Saki: IP Brovko A.A., 2017. S. 94–97.
- Koltukhov S.G. Lepnaia keramika skifskogo naseleniia Stepnogo i Predgornogo Kryma // Khersonesskii sbornik / Otv. red. M.I. Zolotarev. Sevastopol': ChP «Strizhak Press», 2004. Vyp. XIII. S. 68–120.
- Kopylov V.P., Rusakov M.Iu. O verkhnei khronologicheskoi granitse kolchannykh naborov v pogrebal'nykh kompleksakh ranneskifskogo vremeni // Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: Materialy mezhdunar. nauch. konf. pamiati A.I. Meliukovoi (s. Kagal'nik, 26–29 apreliia 2014 g.). [Elektronnyi resurs] / Otv. red. S.I. Luk'iashko. Rostov n/D: Izd-vo IuNTs RAN, 2014. S. 172–182. URL: http://www.ssc-ras.ru/files/files/Konf_Ar_voina_2014.pdf (data obrashcheniia: 25.12.2017).
- Kotin M.A. Lepnaia keramika. Prilozh. 4 // Zin'ko V.N. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom II: Arkheologicheskie komplekсы VI – V vv. do n.e. Simferopol'; Kerch': Tov. «Oranta Art Buk», 2014. S. 513–536. (Ser. Bosporskie issledovaniia; Suppl. 11).
- Maksimenko V.E. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu. Rostov n/D: Izd-vo Rostov. un-ta, 1983. 224 s.
- Meliukova A.I. Vooruzhenie skifov. M.: Nauka, 1964. 91 s. (SAI; Vyp. D1–4).
- Monakhov S.Iu. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov - eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. M.; Saratov: Izd-vo «Kimmerida»; Izd-vo Saratov. un-ta, 2003. 352 s.
- Ol'khovskii V.S. Pogrebal'no – pominal'naia obriadnost' naseleniia Stepnoi Skifii: (VII – III vv. do n. e.). M.: Nauka, 1991. 256 s.
- Polin S.V. Khronologiia rann'oskifs'kikh pam'iatok // Arkheologiia. Kiiv, 1987. Vip. 59. S. 17–36.
- Chevelev O.D. Otchet o raskopkakh Kerchenskoi ekspeditsii v 1986 godu. Kerch', 1987 g. // Arkhiv KGIKZ. Op. 2. D. № 923.
- Chevelev O.D. Varvary v Tiritake VI – III vv. do n.e. po materialam raskopok nekropolia // Problemy issledovaniia antichnykh gorodov: Tezisy / Otv. red. G.A. Koshelenko. M.: IA AN SSSR, 1989. S. 127–128.
- Shepko L.G. Nekropoli Evropeiskogo Bospora VI – II vv. do n.e. v prostranstvenno–khronologicheskom izmerenii // Donets'kii arkheologichnii zbirnik. Donets'k: Donets. nats. un-t, 2013. № 17. S. 99–114.

Сенаторов С.Н. Раннескифские наконечники стрел ...

Резюме

В статье подробно рассматриваются два бронзовых трехлопастных наконечника стрел раннескифского времени (рис. 1, 2, 7) из археологических раскопок О.Д. Чевелева в 1986 г., проведенных на территории некрополя Тиритаки.

Оба наконечника имеют близкие аналогии среди наконечников стрел, характерных для варварского населения Северного Причерноморья VII – первой четверти VI вв. до н.э. (рис. 1, 3-4, 8-9).

Первый наконечник стрелы (рис. 1, 2) был найден в погребении № 107 (рис. 1, 1), которое было совершено в прямоугольной яме, впущенной в материк. Костяк погребенного и другие находки здесь отсутствовали. Вероятно, данное погребение является кенотафом-поминальником, который был связан с кочевыми скифами VII – первой четверти VI вв. до н.э.

Второй наконечник стрелы (рис. 1, 7) был найден в полуземлянке № 2, которая была впущена в материк и имела круглую в плане форму (рис. 1, 6). Здесь также находились условно целая лепная миска и фрагменты греческого керамического импорта середины – второй половины VI в. до н.э. Вероятно, эта полуземлянка могла относиться к представителям местных варварских культур, входивших в состав населения греческой Тиритаки.

Однако не исключена вероятность того, что полуземлянка № 2 с лепной миской и раннескифским наконечником стрелы могла относиться к местной оседлой кизил-кобинской (таврской) или восточнокрымской культуре еще доколониационного времени.

Данные раннескифские бронзовые наконечники стрел, происходящие из закрытых комплексов на территории некрополя античной Тиритаки, позволяют уточнить историю греко-варварских взаимоотношений накануне и во время ранней греческой колонизации Европейского Боспора.

Ключевые слова: Европейский Боспор, Тиритака, поселение кизил-кобинской (таврской) культуры, скифский кенотаф-поминальник, греко-варварские взаимоотношения, бронзовые наконечники стрел, греческая керамика.

Summary

The article elaborates on two bronze-tipped arrows of the early Scythian time (Fig. 1, 2, 7) from archaeological excavations of O. D. Chevelev in 1986, held on the territory of the necropolis Tyritake.

Tip both have close analogies among the arrowheads, characteristic of the barbarian population of the North Pontic region VII – first quarter VI century BC (Fig. 1, 3-4, 8-9).

The first tip of the arrow (Fig. 1, 2) were found in the burial No. 107 (Fig. 1, 1), done in a rectangular pit, let in the mainland. The backbone of the deceased and the other finds here were absent. Probably, this is a Cenotaph burial – pominalnik, which was associated with the nomadic Scythians VII – first quarter VI century BC.

The second tip of the arrow (Fig. 1, 7) were found in the pit-house No. 2, which was admitted into the mainland and were round in shape (Fig. 1, 6). Here were also conventionally, a moulded bowl and fragments of the Greek ceramic import of the middle – second half of VI century BC. Probably, this pit-house could relate to the representatives of local barbarian cultures that were part of the Greek population Tyritake.

However, there is a possibility that the pit-house No. 2 with a moulded bowl and early Scythian arrowhead could relate to the local settled in the Kizil-Koba (the Taurus), or the Eastern Crimean culture is still pre-colonization time.

 Боспорские исследования, вып. XXXVI

The data of the early-Scythian bronze arrowheads, coming from closed complexes on the territory of the necropolis of ancient Tyritake, clarify the history of Greek-barbarian relations on the eve and during the early Greek colonization of the European Bosphoros.

Keywords: European Bosphoros, Greek polis Tiritaka, a settlement of the Kizil-Koba (the Taurus) culture, Scythian cenotaph – pominalnik, Greek-barbarian relations, bronze arrowheads, Greek ceramics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенаторов Сергей Николаевич, к.и.н.,
ст. науч. сотр. отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа.
РФ, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34.
8-911-179-33-70
senatorov-s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Senatorov Sergei Nikolaevich. CSc, senior research.
Department of archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage.
RF, Saint-Petersburg, Dvortsovaya nab., 34.
8-911-179-33-70
senatorov-s@yandex.ru

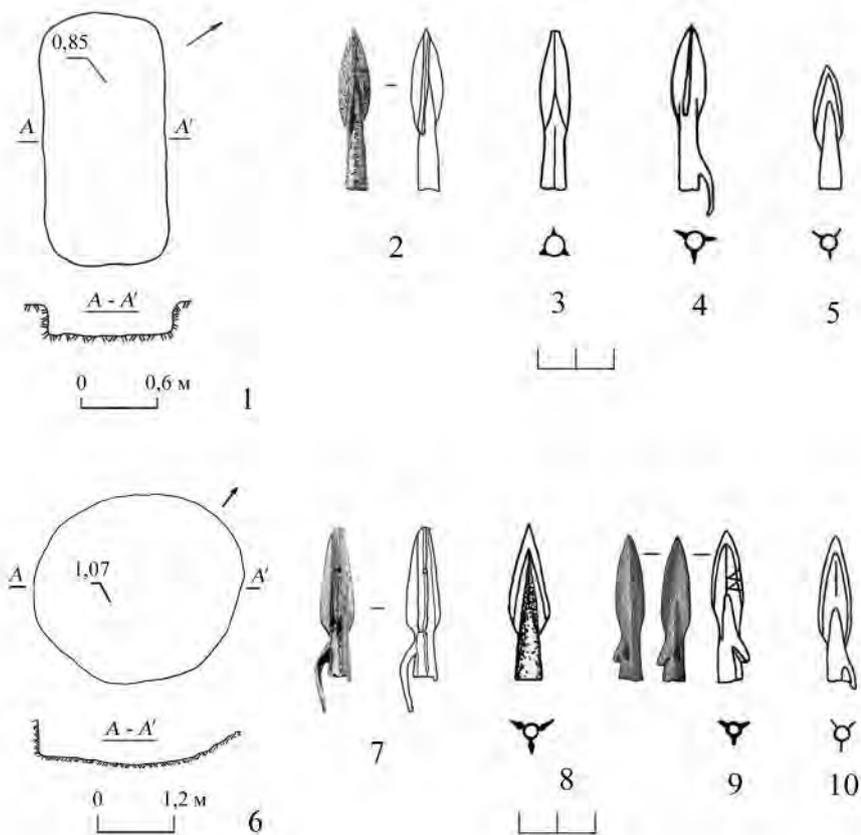

Рис. 1. Находки из раскопок О.Д. Чевелева 1986 г. некрополя Тиритаки:
 1 – план и разрез погребения № 107; 2 – наконечник стрелы из погребения № 107;
 6 – план и разрез полуземлянки № 2; 7 – наконечник стрелы из полуземлянки № 2;
 3-5, 8-10 – ближайшие аналогии наконечникам стрел из некрополя Тиритаки:
 3 – Ягорлыцкое поселение; 4 – Хапры курган 1, погребение 25; 5, 10 – Ольвия, погребение 10, 1912 г.;
 8 – Лиманцы, курган 9, погребение 1; 9 – поселение Михайловка;
 2-5, 7-10 – бронза;
 1-2, 6-7 – по: [Чевелев, 1987]; 3 – по: [Виноградов, Фоянков, 2000]; 4 – по: [Максименко, 1983];
 5, 10 – по: [Полін, 1987]; 8 – по: [Гребенников, 2008]; 9 – по: [Дараган, 2015].

С.В. КАШАЕВ
S.V. KASHAEV

**АМФОРЫ ИЗ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ
НА НЕКРОПОЛЕ АРТЮЩЕНКО 2
AMPHORAE FROM THE CHILDREN'S BURIALS
OF ARTJUSCHENKO 2 NEKROPOLIS**

Грунтовый некрополь Артющенко 2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Черного моря [Кашаев, 2009, с. 188–267; Кашаев, 2010, с. 88–96].

В настоящее время он интенсивно разрушается по двум причинам: естественной (природной) – мощная абразия и антропогенной – систематическое разорение захоронений грабителями. В 2003–2016 гг. была исследована площадь около 4750 кв. м, обнаружено 175 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г» [Кашаев, 2013, с. 52–54].

После последних полевых сезонов хронологические рамки памятника значительно увеличились. Наиболее ранние захоронения датируются рубежом VI–V вв. до н.э., а самые поздние – примерно IV–V вв. н.э. Таким образом, захоронения на исследованном участке продолжались на протяжении около 900–1000 лет с разной интенсивностью. Большинство датированных погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н.э.

Амфоры, находимые при раскопках в Северном Причерноморье, являются одним из свидетельств интенсивных торговых связей, существовавших в древности. В амфорах могли привозить вино, масло и другие товары. В некрополе Артющенко 2 амфоры обнаружены в различных комплексах: в тризнах; в погребениях взрослых – в качестве погребального инвентаря, и, конечно, в них совершались детские погребения.

Амфоры, обнаруженные в погребениях некрополя Артющенко 2, уже были введены в научный оборот [Кашаев, 2013, с. 52–54; Кашаев, 2014, с. 363–381], а детские погребения в амфорах практически не были представлены в публикациях. Работа посвящена анализу этой группы находок.

В античных некрополях Северного Причерноморья примеры детских погребений в амфорах или крупных сосудах не редки и являются устойчивой погребальной традицией. Такие захоронения обнаружены в некрополях Ольвии [Скуднева, 1988, с. 9] и Херсонеса [Арсеньева, 1984, с. 222]. Встречены они и на некрополях Азиатского Боспора; в некрополе Тирамбы [Коровина, 1988, с. 22], Фанагории, Гермонасе, Кепях [Арсеньева, 1984, с. 222]. Обнаружены они и при работах 2015–2016 гг. на поселении Виноградный 7 [Сударев, 2016, с. 336].

В некрополе Артющенко 2 обнаружено 12 детских погребений в амфорах (№ 53,

Кашаев С.В. Амфоры из детских погребений ...

72, 97, 99, 100, 105, 111, 114, 118, 120 139, Г7). Это составляет 6,9 % от общего числа исследованных погребений.

В восьми погребениях (№ 53, 97, 99, 100, 114, 120 139, Г7) захоронения совершены в почти целых амфорах или крупных по размеру фрагментах тулова (рис. 1; 2). В четырех могилах (№ 72, 105, 111, 118) были использованы крупные стенки амфор без профильных частей.

Детские погребения в амфорах

Погребение 53 находилось в кв. Ж-7. Могильная яма на зачистке не прослеживалась. После расчистки амфоры была проведена ее разборка, внутри тулова амфоры обнаружены небольшие фрагменты костей младенца.

В Погребении 53 находилось тулово хиосской пухлогорлой амфоры без горла и венчика (рис. 1.8; 2.8). Скорее всего, эта амфора принадлежит к развитому варианту III-B, по С.М. Монахову, и датируется второй четвертью V в. до н.э. [Монахов, 2003, стр. 17; табл. 5].

Погребение 72 находилось в кв. Д-8'. Могильная яма на зачистке не прослеживалась, ее размеры определены примерно 1,2 x 1,0 м. Скорее всего, погребение принадлежит новорожденному младенцу, который был уложен между двух крупных стенок амфор. Инвентаря или других находок нет. Судя по виду и составу глиняного теста стенок, принадлежат разным амфорам, профильных частей нет.

Одна из стенок, предположительно, принадлежит пепаретской пифоидной амфоре первой половины IV в. до н.э. [Монахов, 2003, стр. 99; табл. 70.3].

Погребение 97 обнаружено при зачистке поверхности раскопа. В пределы кв. Л-8 попала небольшая часть амфоры, основная – уходила в кв. Л-7. Для исследования погребения была сделана прирезка размерами 1,20 x 1,2 м. На зачистке пятно могильной ямы не прослеживалось.

Погребение младенца было совершено в тулове хиосской колпачковой амфоры (рис. 1.5; 2.5). Горло с ручками и ножка амфоры отбиты в древности. После расчистки амфора была разобрана. Внутри были обнаружены фрагменты черепа ребенка.

Диаметр тулова около 36,0 см, высота 43,0 см. Предположительно, это амфора варианта V-B [Монахов, 2003, стр. 21; табл. 11]. Из-за отсутствия профильных частей датировать ее можно довольно широко, в пределах IV в. до н.э.

Погребение 99 обнаружено в кв. Л-9. На зачистке в момент обнаружения пятно могильной ямы не прослеживалось. Размер могильной ямы примерно 1,1 x 1,1 м. В заполнении находился известняковый каменный блок подпрямоугольной формы со следами обработки. Скорее всего, это фрагмент надгробия или архитектурной детали.

Тулово амфоры было раздавлено грунтом на фрагменты. Нижняя часть с ножкой отсутствует, от горла сохранилось только основание. Ручки не сохранились, но по профилям нижних прилепов понятно, что они были двуствольные (рис. 1.4; 2.4). Амфора, предположительно, косского производства [Абрамов, 1993, стр.44; рис. 47], датируется III-II вв. до н.э.

Внутри амфоры были обнаружены отдельные фрагменты костей ребенка, а также инвентарь (рис. 3) – бронзовые браслет, серьги и набор бусин. По инвентарю можно предположить, что захоронена была девочка.

Инвентарь:

1. Браслет бронзовый (рис. 3.6).
Диаметр около 3,5 x 4,0 см, диаметр проволоки 0,3 см.
Браслет изготовлен из бронзовой проволоки, согнутой в виде крупного кольца. Кончики кольца замкнуты, один плоско срезан, второй немного заострен.
(Не исключено также, что этот предмет мог использоваться, например, для скрепления складок или деталей одежды).
2. Серьги бронзовые, 2 штуки (рис. 3.8).
Размер 1,7 x 1,2 см, диаметр проволоки 0,2 см.
Серьги изготовлены из бронзовой проволоки, согнутой в виде овалов. На одном конце выполнена петелька-застежка, второй немного заострен.
3. Бусины бронзовые, 3 штуки (рис. 3.2).
Диаметр 0,5 см.
4. Бусины пастовые, 3 штуки (рис. 3.1).
Диаметр 0,5 см.
5. Бисер пастовый, 48 штук (рис. 3.4).
Диаметр 0,3 см.
36 штук сохранились целыми, 12 экземпляров распались на фрагменты.
Цвет от белого до светло-зеленого.
6. Трубочка-пронизка пастовая (рис. 3.3).
Диаметр 0,2 см, длина 0,5 см.
7. Подвеска из ракушки (рис. 3.5).
Размер 1,8 x 1,4 см.
8. Подвеска (?) бронзовая, крючок (рис. 3.7).
Размер 1,6 x 1,1 см, диаметр проволоки 0,2 см.
Подвеска (?) изготовлена из бронзовой проволоки, согнутой таким образом, что один конец образует колечко, второй крючок. Могла использоваться в качестве подвески или застежки.

Погребение 100 обнаружено на границе кв. Л-8. На зачистке поверхности в момент обнаружения пятно могильной ямы не прослеживалось. При разборке заполнения амфоры зафиксированы следы темного тлена. Скорее всего, это погребение новорожденного младенца.

Амфора сохранилась почти целиком – большей частью тулова с горлом, ручками и венчиком (рис. 1.3; 2.3). Отсутствует только ножка, клейм на ручках нет. Скорее всего, амфора аналогична родосским амфорам с высоким горлом поздней серии I-E-2 [Монахов, 2003, стр.118; табл. 82, 83]. Датируется она в пределах первой половины II в. до н.э.

Погребение 105 обнаружено в кв. 3-15'. Пятно в момент обнаружения на за-

Кашаев С.В. Амфоры из детских погребений ...

чистке не прослеживалось; примерные размеры могильной ямы 1,0 x 0,8 м. Предположительно, Погребение 105 принадлежит новорожденному младенцу.

Погребение 105 было совершено в крупных стенках амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно, это стенки хиосской колпачковой амфоры. Из-за отсутствия профильных частей амфоры погребение можно датировать довольно широко, в пределах IV в. до н.э.

Погребение 111 обнаружено в кв. 3-8'. Пятно в момент обнаружения на зачистке не прослеживалось; примерные размеры могильной ямы 0,85 x 0,85 м.

Погребение 111 также совершено в крупных стенках амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно, это стенки хиосской пухлогорлой амфоры. Из-за отсутствия профильных частей амфоры погребение можно датировать довольно широко, серединой - второй половиной V в. до н.э.

Погребение 114 обнаружено в кв. Ж-8'. Пятно в момент обнаружения на зачистке не прослеживалось, обнаружено по наличию фрагментов костей и инвентаря, примерные размеры могильной ямы 1,80 x 0,60 м, заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором оно обнаружено.

Погребение парное. Скелет женщины (?) 30-40 лет лежал вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Костяк плохой сохранности. Сохранились длинные кости ног и рук, фрагменты таза, позвонков и ребер, череп.

В юго-западном углу в дне могилы было сделано небольшое углубление, заполненное золой и фрагментами раковин мидий. Инвентарь (рис. 4) в погребении обнаружен около восточной и западной стенок.

В ногах костяка в юго-западном углу могилы находилось фрагментированное тулово амфоры с захоронением младенца. Профильные части у амфоры отсутствуют, ножка, ручки и венчик сколоты (рис. 1.1; 2.1). Высота 28,0 см; диаметр тулова 25,0 см.

Возможно, амфора близка маленькой фракции родосских амфор с высоким горлом поздней серии I-E-2 [Монахов, 2003, стр.118; табл. 82, 83]. Датруется она в пределах первой половины II в. до н.э.

Инвентарь:

1. Унгвентарий (рис. 4.8).

Высота 11,0 см; диаметр тулова 4,5 см.

Красноглиняный унгвентарий находился в юго-восточном углу могилы, слева от черепа. Сосуд почти целый, утрачена часть горлышка с венчиком.

2. Кольцо бронзовое (рис. 4.7).

Диаметр около 2,0 см.

Справа от черепа обнаружены фрагменты простого бронзового колечка. Металл очень плохой сохранности.

3. Подвеска – зуб животного (рис. 4.1).

Размер 0,6 x 0,9 см.

- Справа от черепа обнаружен фрагмент зуба животного, возможно, использовавшегося в качестве подвески.
4. Бусины пастовые, 3 шт. (рис. 4.3,4).
Диаметр 0,6 см.
Справа от черепа и в районе шеи обнаружены три пастовые бусины.
 5. Бусины-звездочки позолоченные, 2 шт. (рис. 4.5).
Диаметр 0,5 см.
Справа от черепа и в районе шеи обнаружены две стеклянные бусины, выполненные в виде звездочек. Снаружи они имели золотистый налет, возможно, это результат коррозии стекла или специальное покрытие.
 6. Бисер, 5 шт. (рис. 4.2).
Диаметр примерно 0,2 см.
Справа от черепа и в районе шеи обнаружены пять пронизок бисера.
 7. Браслет бронзовый (рис. 4.6).
Диаметр витков около 5,0 см, ширина ленты 0,3 см.
В процессе снятия слоя на 20 см выше уровня черепа были обнаружены фрагменты витого бронзового браслета. Скорее всего, браслет происходит из заполнения могильной ямы.

Погребение 118 обнаружено в кв. 3-3'. Пятно в момент обнаружения на зачистке не прослеживалось; размеры могильной ямы примерно 0,85 x 0,75 м.

Погребение 118 было совершено в крупных стенках амфоры, у которых отсутствуют профильные части. Предположительно, это стенки амфоры косского производства [Абрамов, 1993, стр. 44; рис. 47]. Из-за отсутствия профильных частей амфору можно датировать довольно широко, второй половиной III – началом II вв. до н.э.

Погребение 120 находилось в кв. Ж-3'. Размеры могильной ямы 1,85 x 1,2 м. На зачистке в момент обнаружения прослеживалось могильное пятно. Заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором оно обнаружено.

На дне ямы, в небольшом подбое под юго-западной стенкой, находилась амфора, в которой было устроено захоронение младенца. Внутри амфоры обнаружены небольшие фрагменты костей.

Сама амфора довольно необычной формы. От амфоры сохранилась большая часть тулова с горлом и одной ручкой, нижняя часть с ножкой утрачена (рис. 1.6; 2.6). На плечиках процарапано граффито в аббревиатуре «ΛΟΝ» или «ΑΘΝ».

По поводу граффито Н.А. Павличенко считает, что «Λ с вписанным в нее Ο на амфоре из погребения 120, вероятно, является обозначением цены в оболлах в алфавитной системе – 30 оболлов» [Кашаев, Павличенко, 2013, с. 137-138].

В качестве аналогии амфоре из Погребения 120 можно привести амфору из Калос Лимена [Уженцев, 2001, с. 161, рис. 4.2]. Авторы раскопок относят эту амфору к сосудам редкого типа восточносредиземноморского (косского ?) производства и датируют примерно рубежом первой и второй четвертей I в. до н.э. Амфора из Артющенко по сравнению с крымской имеет более пологие плечики и слабо вы-

Кашаев С.В. Амфоры из детских погребений ...

раженные «ребра» на тулове. Возможно, она является более ранним типом амфор этой серии и может относиться к концу II – началу I вв. до н.э. или первой четверти I в. до н.э.

Румынский исследователь А. Опайт (Dr. Andrei Opait) также относит амфору из Погребения 120 к I в. н.э., по его мнению, она имеет эгейское происхождение [Кашаев, Павличенко, 2013, с. 135].

Погребение 139 обнаружено в кв. E-23'. Могильное пятно в момент обнаружения на зачистке не прослеживалось. Примерные размеры могильной ямы 0,85 x 0,70 м.

В Погребении 139 находилось раздавленное грунтом на множество фрагментов тулово синопской амфоры (рис. 1.2; 2.2). Венчик с частью горла и ручки сколоты в древности, ножка отсутствует.

Глина светло-коричневая, снаружи красноватый ангоб. Высота сохранилась – 42,0 см; диаметр горла – 11,0 см; диаметр тулова – 35,0 см. Внутри амфоры находились фрагменты костей младенца.

Предположительно, амфору можно отнести к позднему варианту III-D [Монахов, 2003, стр. 154; табл. 105], датированному второй половиной II в. до н.э.

Погребение Г7 находилось в кв. Л-10. Погребение уничтожено грабительским шурфом № 15 весной 2009 г.

В его заполнении обнаружено тулово крупной амфоры, предположительно, из погребения младенца. У амфоры отсутствуют горло с ручками и ножка (рис. 1.7; 2.7). Фрагменты похожей амфоры были обнаружены в Погребении 72.

По форме тулова амфора ближе всего к пепаретским пифоидным амфорам журавского типа, датированным С.Ю. Монаховым первой половиной IV в. до н.э. [Монахов, 2003, стр. 99; табл. 70.3].

Все данные по амфорам из детских погребений сведены в Таблицу 1. Можно отметить, что к V–IV вв. до н.э. относится половина сосудов, вторая половина приходится на III–I вв. до н.э.

Таблица 1. Амфоры из детских погребений

№ п/п	№ погребен.	Амфора	Дата	Рисунок
1	53	хиосск. пухлогорл.	1/2 V в. до н.э.	1.8
2	111	хиосск. пухлогорл.	V в. до н.э.	-
3	72	пипаретская	1/2 IV в. до н.э.	-
4	Г7	пипаретская	1/2 IV в. до н.э.	1.7
5	97	хиосск. колпачков.	IV в. до н.э.	1.5
6	105	хиосск. колпачков.	IV в. до н.э.	-
7	99	косская	III-II вв. до н.э.	1.4

Боспорские исследования, вып. XXXVI

10	118	косская	III-II вв. до н.э.	-
8	100	родосская	1/2 II в. до н.э.	1.3
9	114	родосская	1/2 II в. до н.э.	1.1
11	139	синопская	2/2 II в. до н.э.	1.2
12	120	косская ?	I в. до н.э.	1.6

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П.* Античные амфоры (периодизация и хронология) // Боспорский сборник 3. Москва. 1993.
- Арсеньева Т.М.* Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984. С. 222–224.
- Кашаев С.В.* Некрополь Артющенко 2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–05 гг., погребения № 1–23) // Боспорские исследования т. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь-Керчь, 2009. С. 188–267.
- Кашаев С.В.* Исследования некрополя Артющенко 2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Вып. 1. Москва-Киев. 2010. С. 88–96.
- Кашаев С.В.* Раскопки некрополя Артющенко 2 в 2010–2012 гг. // «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования», тезисы научной конференции. СПб. 2013.
- Кашаев С.В.* Погребения с амфорами в некрополе Артющенко 2 // Античный мир и археология. Вып. 16. Саратов. 2013. С. 190–215.
- Кашаев С.В., Павличенко Н.А.* Погребения № 119–120 из некрополя Артющенко 2 // KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова. СПб. 2013. С. 133–138.
- Кашаев С.В.* Анализ некоторых групп инвентаря из некрополя Артющенко 2 // Боспорские исследования XXX. Симферополь-Керчь. 2014. С. 363–381.
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина. Выпуск 8. 1987. С. 3–70.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Москва, Саратов. 2003.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л. 1988.
- Уженцев В.Б.* Калос Лимен в I в. до н.э. – начале II в. н.э. (общий обзор по материалам раскопок 188–18 гг.) // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Выпуск 118. Москва. 2001. С. 156–166.
- Сударев Н.И.* Погребения некрополя Виноградный 7 (раскопки 2105–2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного «круглого стола». СПб. 2016. с. 333–340.

REFERENCES

- Abramov A.P.* Antichnye amfory (periodizaciya i hronologiya) // Bosporskij sbornik 3. Moskva. 1993.
- Arsen'eva T.M.* Pogrebal'nyj obryad // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya. M. 1984. S. 222–224.
- Kashaev S.V.* Nekropol' Artyushchenko 2 (obshchaya harakteristika, rezul'taty raskopok 2003–05 gg., pogrebeniya №№ 1–23) // Bosporskie issledovaniya t. XXII. Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmerijskogo. Simferopol'-Kerch', 2009. S. 188–267.
- Kashaev S.V.* Issledovaniya nekropolya Artyushchenko 2 v 2007–2008 gg. // СΥΜΒΟΛΑ. Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ya. Novejshie otkrytiya i nahodki». Vyp.1. Moskva-Kiev. 2010. S. 88–96.

Кашаев С.В. Амфоры из детских погребений ...

- Kashaev S.V. Raskopki nekropolya Artyushchenko 2 v 2010–2012 gg. // «Aktual'naya arheologiya: arheologicheskie otkrytiya i sovremennyye metody issledovaniya» tezisy nauchnoj konferencii. SPb. 2013.
- Kashaev S.V. Pogrebeniya s amforami v nekropole Artyushchenko 2 // Antichnyj mir i arheologiya. Vyp. 16. Saratov. 2013. S. 190–215.
- Kashaev S.V., Pavlichenko N.A. Pogrebeniya №№ 119-120 iz nekropolya Artyushchenko-2 // KOINON ΔΩΡON. Issledovaniya i ehse v chest' 60-letnego yubileya Valeriya Pavlovicha Nikonorova. SPb. 2013. S. 133–138.
- Kashaev S.V. Analiz nekotoryh grupp inventarya iz nekropolya Artyushchenko 2 // Bosporskie Issledovaniya XXX. Simferopol'-Kerch'. 2014. S. 363–381.
- Korovina A.K. Raskopki nekropolya Tiramby (1966-1970) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. Pushkina. Vypusk 8. 1987. S. 3–70.
- Monahov S.YU. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Moskva, Saratov. 2003.
- Skudnova V.M. Arhaicheskij nekropol' Ol'vii. L. 1988.
- Uzhencev V.B. Kalos Limen v I v. do n.э. – nachale II v. n.э. (obshchij obzor po materialam raskopok 188-18 gg.) // Pozdnie skify Kryma. Trudy GIM. Vypusk 118. Moskva. 2001. S. 156–166.
- Sudarev N.I. Pogrebeniya nekropolya Vinogradnyj 7 (raskopki 2105-2016 gg.) // Ehliita Bospora i bosporskaya ehlitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola». SPb. 2016. S. 333–340.

Резюме

При раскопках грунтового некрополя Артющенко 2 открыто 12 детских погребений в амфорах (рис. 1; 2).

К раннему периоду (V–IV вв. до н.э.) относится половина амфор, вторая половина сосудов приходится на поздний период (III–I вв. до н.э.). География поступления амфор в Артющенко 2 не очень обширна, для V–IV вв. до н.э. – это амфоры хиосского и пепаретского производства, для III–I вв. до н.э. – косские, родосские и синопские амфоры.

Пока детских погребений в амфорах обнаружено не много. Возможно, они сконцентрированы на еще не открытом специальном «детском» участке.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, грунтовый некрополь, детские погребения, античные амфоры.

Summary

During the excavations of the ground necropolis Artjuschenko 2 twelve children's burials in amphorae have been found (Fig. 1; 2).

One half of the amphorae belongs to the early period (5th–4th centuries BC), the second half dates to the later period (3rd–1st centuries BC). The “geography” of amphorae incoming is not so vast: for the 5th–4th centuries BC we fix Chian and Peparethus production, for the 3rd–1st centuries BC – Koan, Rhodian and Sinopean amphorae.

The objects discovered make an impression that up till now there are little children's burials in amphorae revealed. Probably they are concentrated at the special “children's” burial area which hasn't been yet found.

 Боспорские исследования, вып. XXXVI

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кашаев Сергей Владимирович,
младший научный сотрудник,
Отдел истории античной культуры,
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
8-(812)-764-85-71
kashaevs@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kashaev Sergey,
Institute of History of Material Culture RAS,
Sankt-Petersburg, Dvortsovaja nab., 18.
8-(812)-764-85-71
kashaevs@mail.ru

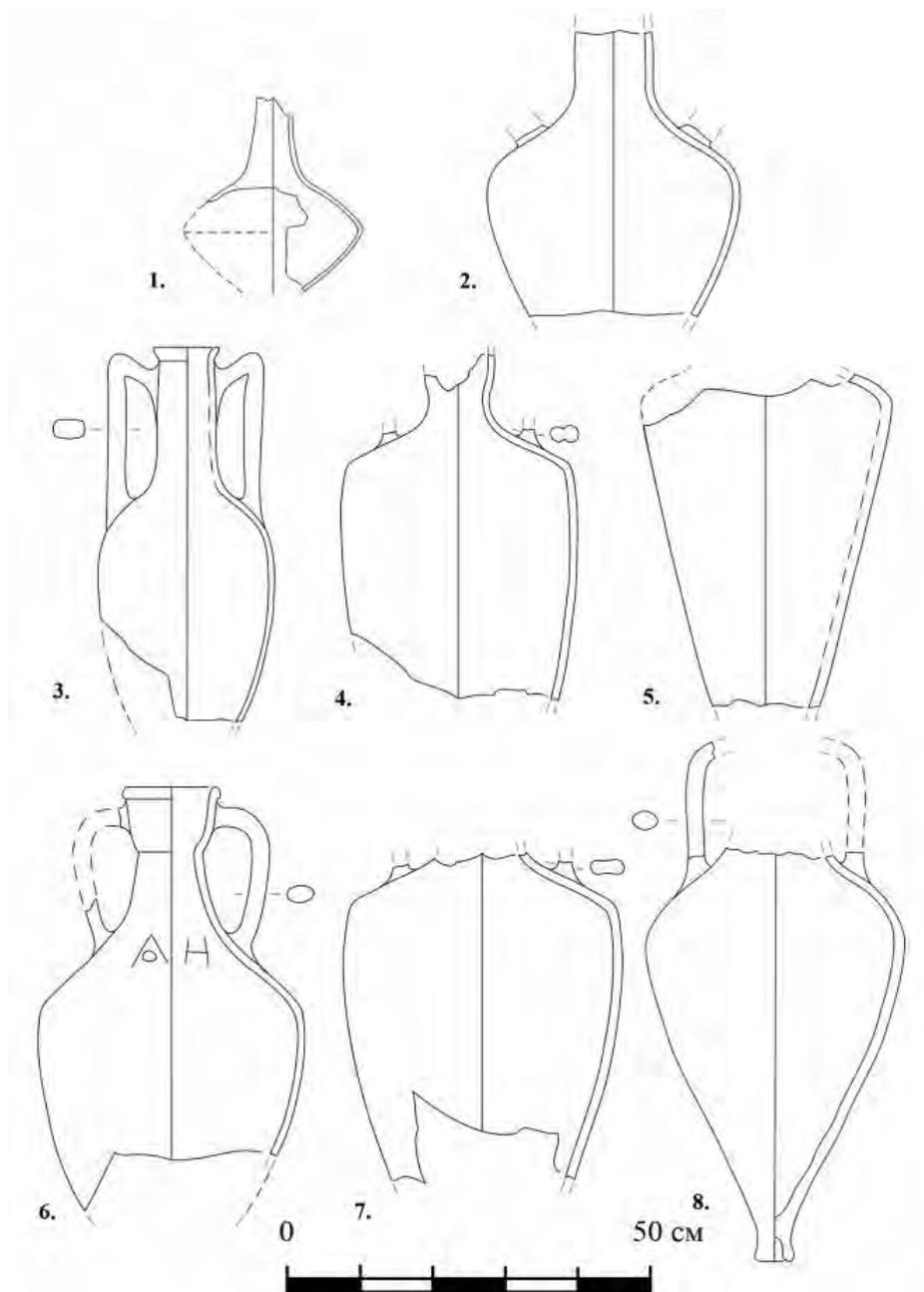

Рис. 1. Некрополь Артющенко 2. Детские погребения в амфорах:
1 – погребение 114, 2 – погребение 139, 3 – погребение 100, 4 – погребение 99, 5 – погребение 97,
6 – погребение 120, 7 – погребение Г7, 8 – погребение 53.

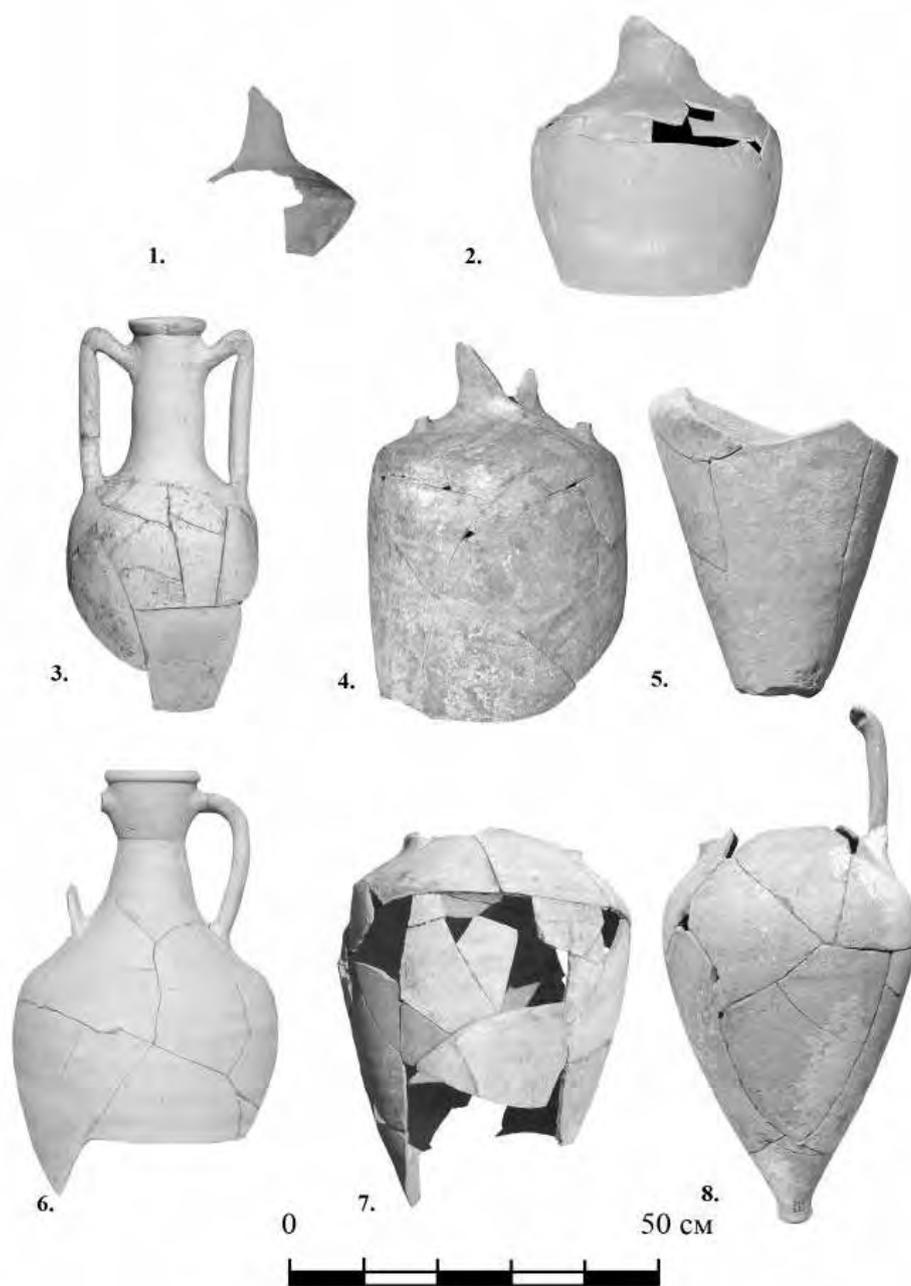

Рис. 2. Некрополь Артющенко 2. Детские погребения в амфорах:
1 – погребение 114, 2 – погребение 139, 3 – погребение 100, 4 – погребение 99, 5 – погребение 97,
6 – погребение 120, 7 – погребение Г7, 8 – погребение 53.

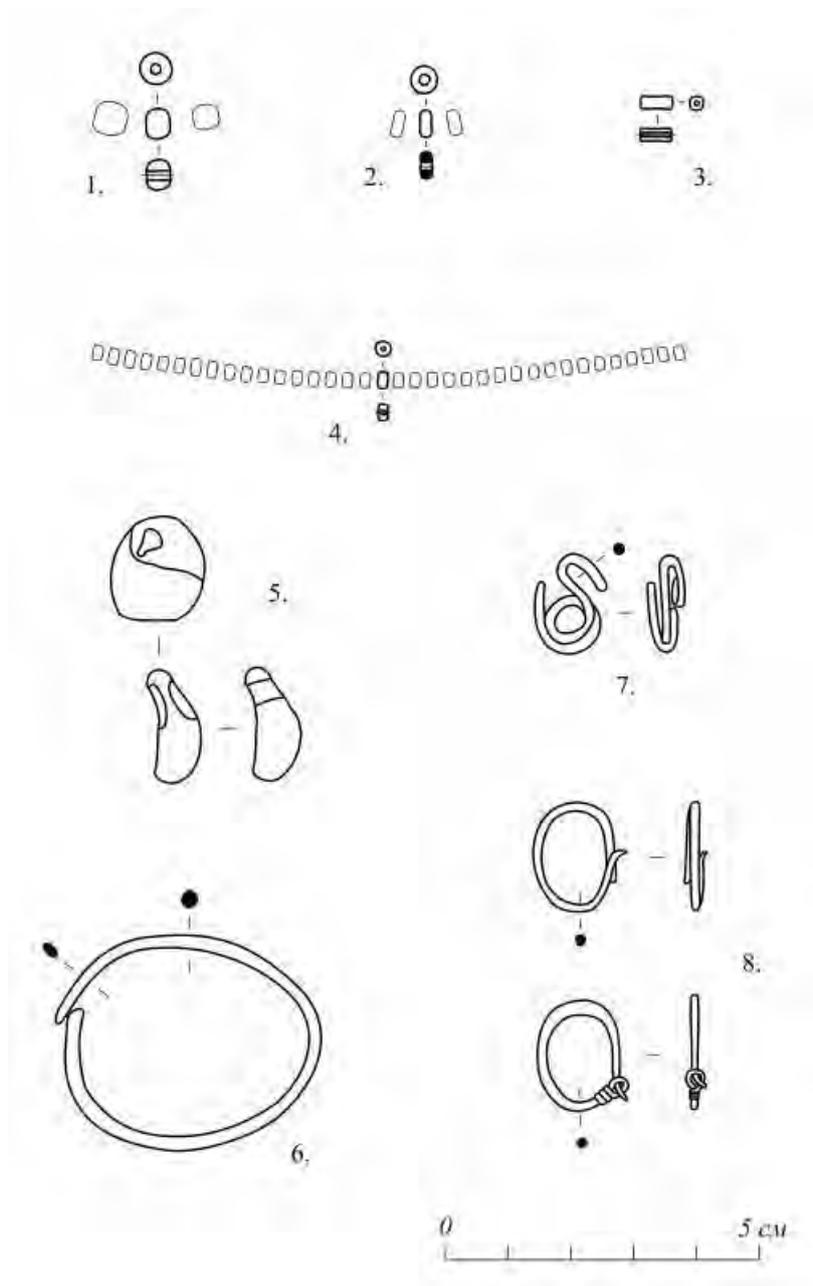

Рис. 3. Некрополь Артющенко 2. Находки из Погребения 99:

1 – бусины пастовые, 3 шт. 2 – бусины бронзовые, 3 шт. 3 – трубочка-пронизка пастовая, 4 – бисер пастовый, 36 шт.,
5 – подвеска из ракушки, 6 – браслет бронзовый, 7 – подвеска (?) бронзовая, 8 – серьги бронзовые.

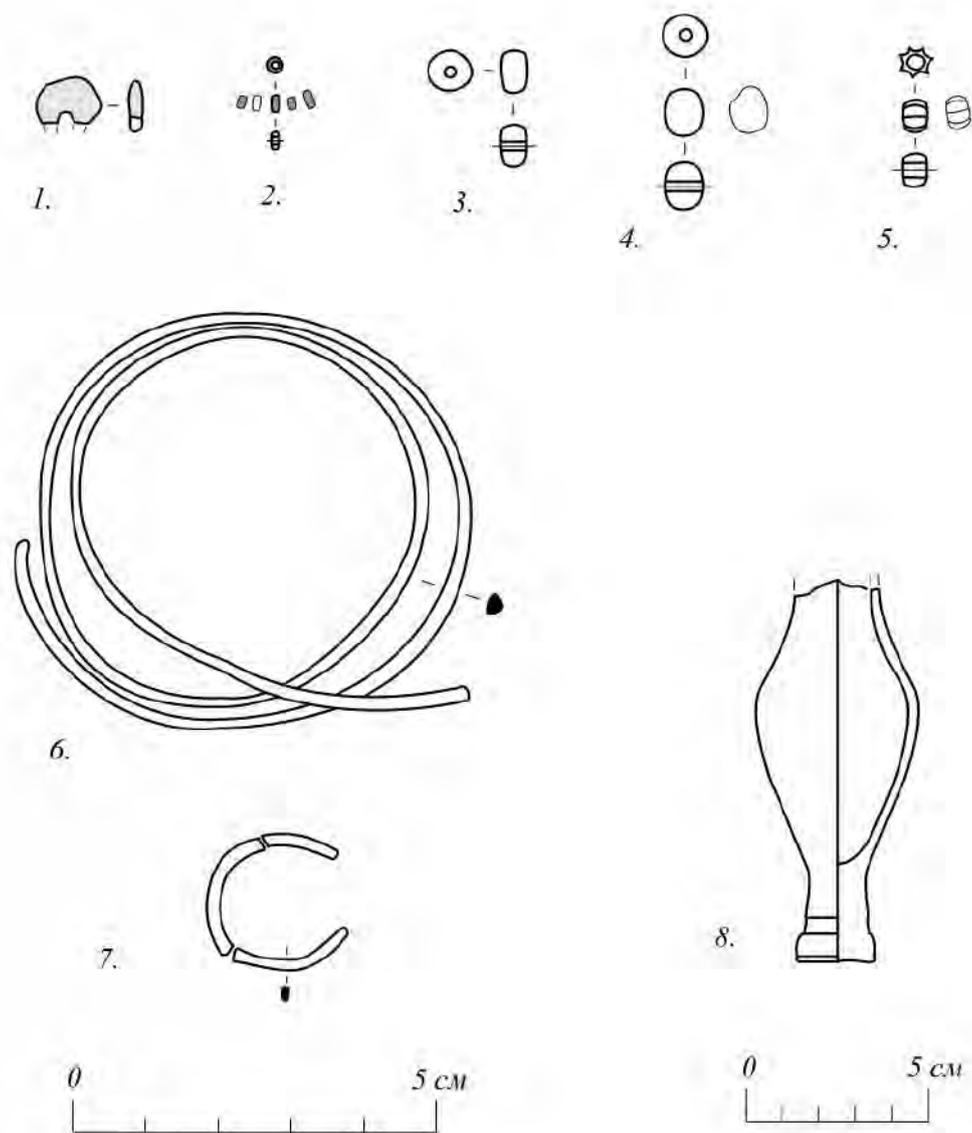

Рис. 4. Некрополь Артющенко 2. Находки из Погребения 114:

1 – подвеска (зуб животного), 2 – бисер, 5 шт., 3 – бусина пастовая золотистая, 4 – бусины пастовые, 2 шт.,
 5 – бусины-звездочки позолоченные, 2 шт., 6 – браслет бронзовый, 7 – кольцо бронзовое,
 8 – унгентарий красноглиняный.

А.П. БЕХТЕР, А.М. БУТЯГИН
A.P. BEKHTER, A.M. BUTYAGIN

**ОСТРАКОН ИЗ РАСКОПОК МИРМЕКИЯ 2012 г.
OSTRACON FROM THE EXCAVATIONS OF MYRMEKION IN 2012**

Четырехугольный обломок стенки амфоры, найденный при раскопках городища Мирмекий экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Бутягина в 2012 г.¹ Фрагмент был обнаружен при раскопках участка «И» в центральной части городища. Здесь в 2008–2011 гг. исследовались слои Зольника II. В 2012 году экспедиция приступила к исследованию нижележащих слоёв. Фрагмент был обнаружен в квадрате «Б» при исследовании слоя жёлто-коричневого суглинка [Butyagin 2015, p. 129-130]. Квадрат располагался в юго-западной части участка, там, где в V–IV вв. до н.э. была улица, получившая условное название «Западная» [Бутягин, Чистов 2015, с. 32-33, 37]. Она шла в меридиональном направлении, разделяя городские кварталы. Фрагмент был найден в слое, перекрывавшем каменную вымостку улицы первой половины V в. до н.э., но относится, по всей видимости, к более позднему времени. Слой залегал практически по всей территории раскопа мощностью 0.2–0.4 м. Он перекрывал собой немногочисленные строительные остатки, относящиеся к первой половине IV в. до н.э. В слое был обнаружен значительный керамический материал, датированный временем от VI до III-II вв. до н.э. Попадание позднего материала в слой объясняется тем, что он был прорезан целым рядом ям эллинистического периода. Тем не менее, в целом датировка слоя не вызывает особых сомнений, он сформировался на основе развалов сырцовых стен построек, разрушенных в ходе неизвестных нам событий, около середины IV в. до н.э. В это время была разрушена и расположенная чуть к северу крупная постройка (вероятнее всего, большой жилой дом), получившая в литературе название «святилище Деметры» [Butyagin, Chistov 2006, p. 116-117]. Таким образом, остракон, судя по стратиграфической ситуации, относится к первой половине-середине IV в. до н.э.

Фрагмент представляет собой обломок стенки амфоры, вероятно, хиосской, размерами 10,7 см x 6,8 см. На лицевой стороне прочерчено граффито². Края черепка заглажены, текст равномерно распределен по всей поверхности фрагмента, так что можно не сомневаться в том, что надпись дошла до нас практически полностью.

¹ Полевой номер М.2012-415. В настоящее время хранится в коллекции ВКИКМЗ.

² Прорисовка граффито предварительно публиковалась [Butyagin 2015, p.130] без перевода и комментариев к тексту.

Чуть повреждён только верхний левый угол, вероятно, пострадавший при раскопках, так как граффити было обнаружено только после расчистки керамического материала.

Текст вырезан очень аккуратно: буквы равного размера, межстрочный интервал хорошо выдержан. *Альфа* с прямой поперечной гаской. *Омикрон* и *тета* круглые, по размеру меньше прочих букв. Боковые линии *мю* наклонные. Правая вертикаль *ти* чуть укорочена. Правый уголок *ню* немного приподнят над строкой. *Сигма* лунарная. По палеографии надпись следует датировать IV в. до н.э., причем скорее второй половиной.

[O]Y ΠΕΛΑΣΣΤΑ
ΜΗΤΗΡ ΣΥΓΧΟΡΟΙΣ
ΧΕΡΣ(?)ΙΝΗΡΠΑΖΟΝ
ΠΕΠΛΟΥΣ

5 ΟΥΠΕΛΑΣΣΤΑΘΕΙΣΑ

1. В начале строки есть место только для одной буквы; вне всяких сомнений, следует восстанавливать то же, что и в стк. 5. Возможны два варианта разбивки строки на слова: [o]ῦ πελασστα и [o]ῦ πέλας στα, однако оба нельзя признать удовлетворительными. Принятию первого препятствует неизвестное слово *πελασστα*; второй вариант предполагает форму императива *στά* от ἵστημι, как кажется, незасвидетельствованную (известны только для приставочных образований: ἄνστα, ἀπόστα). Полная идентичность начальных слов в стк. 1 и стк. 5, где текст разбивается на слова без каких-либо затруднений, дает возможность предположить, что автор начал вырезать то же самое выражение, что и в стк. 5, и читать следует: [o]ῦ πέλας στα<θεῖσα>.

2. Σύγχορος (партнер по хору) – слово весьма редкое, в LSJ отмечены только два случая его использования: в гимне в честь Пана, где он назван “σύγχορος Νυμφῶν” (Orph. Hymn., XI, 9), и в надписи на базе статуи Юлии, дочери Августа, именующей ее “σύγχορος Ἐλικωνιάσιν” [Jamot 1902. P. 153], оба примера датируются I в. до н.э. Других случаев употребления этого слова обнаружить не удалось. Возможно, следует предпочесть вариант чтения σὺ γ χοροῖς.

3. После ΧΕΡ стоит чуть изогнутая вертикаль; скорее всего, автор хотел вырезать лунарную *сигму*, но у него соскользнула рука и получилось подобие *йоты*.

5. Как уже было сказано выше, строка хорошо расчленяется на слова οὐ πέλας σταθεῖσα. Однако то обстоятельство, что в стк. 1 автор вырезал ΟΥ ΠΕΛΑΣΣΤΑ, не продолжив текст, несмотря на наличие места на черепке, не позволяет полностью отбросить возможность чтения οὐ ΠΕΛΑΣΣΤΑ θεῖσα.

Текст читается следующим образом:

[o]ῦ πέλας στα<θεῖσα> / [o]ῦ ΠΕΛΑΣΣΤΑ
μήτηρ σὺ γ χοροῖς
χερσὶν ἥρπαζον
πέπλους

5 οὐ πέλας σταθεῖσα / οὐ ΠΕΛΑΣΣΤΑ θεῖσα

Несмотря на практически полную сохранность, определение жанра и интерпретация надписи вызывают серьезные затруднения. Вариант частного письма отмеча-

Боспорские исследования, вып. XXXVI

591, 723]; для Боспора, e.g.: ἄρπασεν ἐκ ζωᾶς Μοῖρα (КБН 1287), ἀρπάξας Αἴδης (КБН 1305). Препятствием к такому пониманию исходного текста может быть форма имперфекта ἦρπασον, тогда как в эпитафии, безусловно, должен стоять аорист. Прочие слова, сами по себе достаточно нейтральные, вполне вписываются в этот контекст. Οὐ πέλας σταθεῖσα, скорее всего, составляет связное словосочетание – «поставленная не близко», возможно, речь идет о надгробной стеле? Слово μήτηρ весьма уместно в предлагаемой реконструкции: оно может относиться к самой погребенной, если в эпитафии речь шла о женщине, а может, к несчастной матери, проливающей слезы; примеры того и другого слишком многочисленны, чтобы ссылаться на них. То же самое можно сказать о χερσῖν: речь может идти о руках убийц (χερσῖν φονίας [Lattimore 1942, 145] или о руках матери, которая больше не обнимет свое дитя (οὐκέτι μάτηρ ... δέξατο χερσῖν [Lattimore 1942, 146]). Слово πέπλους заставляет вспомнить эпитафию, воспевающую добродетели женщины, не проявлявшей интереса к нарядам и украшениям (οὐχὶ πέπλους, οὐ χρυσὸν ἐθαύμασεν ἐμ βίῳ [Hansen 1989, 573 = Kaibel 1878, 83]). Χορός встречается не столь часто, однако вполне возможны χορός ἄθυρος [Kaibel 1878, 3259], χορός ἀθανάτων [Kaibel 1878, 2882].

Итак, надпись, видимо, следует интерпретировать как выписку из рукописи какого-то пространного текста. Текст, скорее всего, был поэтическим (гимн? стихотворная эпитафия?), что косвенно свидетельствует о довольно высоком культурном уровне жителей Мирмекия в первой половине IV в. до н.э. Прямые аналоги в керамической эпиграфике пока неизвестны, возможно, их следует искать среди текстов, содержание которых определено как неясное, или среди ошибочно определенных как магические из-за отсутствия смысла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Butyagin A.M.* Excavations at Myrmekion in 2006–2013 // *Hiperboreus*, Vol. 21, Fasc. 1, 2015. P. 127-134.
Butyagin A.M., Chistov D.E. The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An international journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Leiden. Vol. 12 no 1-2. 2006. P. 77–132.
Debut J. Les documents scolaires // *ZPE*. 1986. Bd. 63. p. 251–278.
Jamot P. Le monument des Muses les bois de l’Hélicon, et le poète Honestus // *BCH*. Vol. XXVI. 1902. P. 129-160.
Lattimore R. The Themes in Greek and Latin Epithaphs. Illinois, 1942.
Hansen P.A. Carmina epigraphica graeca. Bd. II. Berlin-New-York, 1989.
Kaibel G. Epigrammata graeca ex lapidibus conlecta. Berlin, 1878.
Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 29–37.
Яйленко В.П. Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. Новые открытия. 1987 г. М., 1988. / под. ред. М.М. Кобылиной. С. 216–224.

REFERENCES

- Butyagin A.M.* Excavations at Myrmekion in 2006–2013 // *Hiperboreus*, Vol. 21, Fasc. 1, 2015. P. 127–134
Butyagin A.M., Chistov D.E. The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion // *Ancient*

Бехтер А.П., Бутягин А.М. Остракон из раскопок ...

- Civilizations from Scythia to Siberia. An international journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden. Vol. 12 no 1-2. 2006. P. 77–132.
- Debut J.* Les documents scolaires. ZPE, 1986, Bd. 63, pp. 251–278.
- Jamot P.* Le monument des Muses les bois de l'Hélicon, et le poète Honestus. BCH, 1902, vol. XXVI, pp. 129-160.
- Lattimore R.* The Themes in Greek and Latin Epithaphs. Illinois, 1942.
- Hansen P.A.* Carmina epigraphica graeca. Bd. II. Berlin-New-York, 1989.
- Kaibel G.* Epigrammata graeca ex lapidibus conlecta. Berlin, 1878.
- Butyagin A.M., Chistov D.E.* Paleorel'ef Karantinnogo mysa i arhaicheskaja zastrojka Mirmekija // XVI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvaskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Geograficheskaja sreda i socium. Kerch', 2015. S. 29–37.
- Yailenko V.P.* Nachal'noe schkol'noe obrazovanie v antichnykh grecheskikh gorodakh Severnogo Prichernomor'ya. Kobylina M.M. (Ed.) Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya 1987. M., 1988, pp. 216–224.

Резюме

При раскопках городища Мирмекий в 2012 году был найден остракон, изготовленный из стенки амфоры, с почти полностью сохранившимся граффито, который может быть датирован 2-й пол. IV в. до н.э. Хотя надпись читается полностью, в осмысленный текст она не складывается. По всей видимости, это выписка из какого-то пространного текста (гимна или стихотворной эпиграфии), которую автор мог использовать для собственных поэтических упражнений или как дополнение к рукописи, где выписанные слова были испорчены или написаны неразборчиво.

Ключевые слова: Мирмекий, остракон, граффито, греческая поэзия.

Summary

In 2012 in the ancient place Myrmekion an ostracon, made from wall of amphorae, with the almost completely preserved graffito was found. According to the paleography the inscription may be dated the 2nd half of the IV c. BC. Despite the fact that the inscription is very readable the common text is meaningless. That appears to be an extract from long text, presumably poetic (hymn or epithaph?), that can be used by author for his own poetical creativity, or as an addition to manuscript, where the words, written on the ostracon, were unreadable.

Key-words: Myrmekion, ostracon, graffito, Greek poetry.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бехтер Анастасия Петровна, к.и.н.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент,
шифр специальности
tiger119@yandex.ru

Бутягин Александр Михайлович,
Государственный Эрмитаж,
заведующий сектором Археологии Северного Причерноморья,
шифр специальности
butyagin@gmail.com

Боспорские исследования, вып. XXXVI

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bekhter Anastassia Petrovna,
Ph.D. in historical sciences,
Saint Petersburg State University,
docent.
tiger119@yandex.ru

Butyagin Alexander Michailovich,
State Hermitage,
Head of section of Classical Archaeology of the Northern Coast of Black Sea.
butyagin@gmail.com

Рис. 1. Остракон из Мирмекия.

Рис. 2. Остракон из Мирмекия (прорисовка).

Н.Ф. ФЕДОСЕЕВ, Е.А. МОЛЕВ
N.F. FEDOSEEV, E.A. MOLEV

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА КИТЕЯ ИЗ РАСКОПОК 2005-2012 гг.¹
KYTAIA CERAMIC STAMPS FROM EXCAVATIONS 2005 - 2012

Эта статья продолжает серию посвященных публикаций керамических клейм из раскопок городища Китей² с определенными правками³. В публикации Е.А. Молева за 2010 год приведено 788 клейм без учета черепичных клейм. По центрам производства они распределились так:

Синопа – 167; Гераклея – 469; Родос – 41; Фасос – 82; Херсонес – 6; Аканф – 5; Кос – 3; Книд – 3; Н.ц. – 12.

Конечно, к этой публикации очень много вопросов, но авторы стремятся как можно полнее представить материал из раскопок. Естественным является и исправление ошибок⁴, без которых не обходится ни одна публикация керамических клейм.

Согласно диаграмме, более 60% принадлежит клеймам Гераклеи Понтийской. Это объясняется тем, что большая часть клейм найдена в зольнике. Более того, находки гераклейских клейм в Китее лидируют среди других центров Боспора, превосходя даже Пантикапей⁵. Если учесть исследованные площади Китея и Пантикапея, то становится ясно, что гераклейский импорт в Китей, безусловно, доминирует. В этом Китей схож с поселениями Феодосийской хоры⁶. Можно даже утверждать, что Китей входил в сферу влияния Феодосии.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10128 по теме «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма».

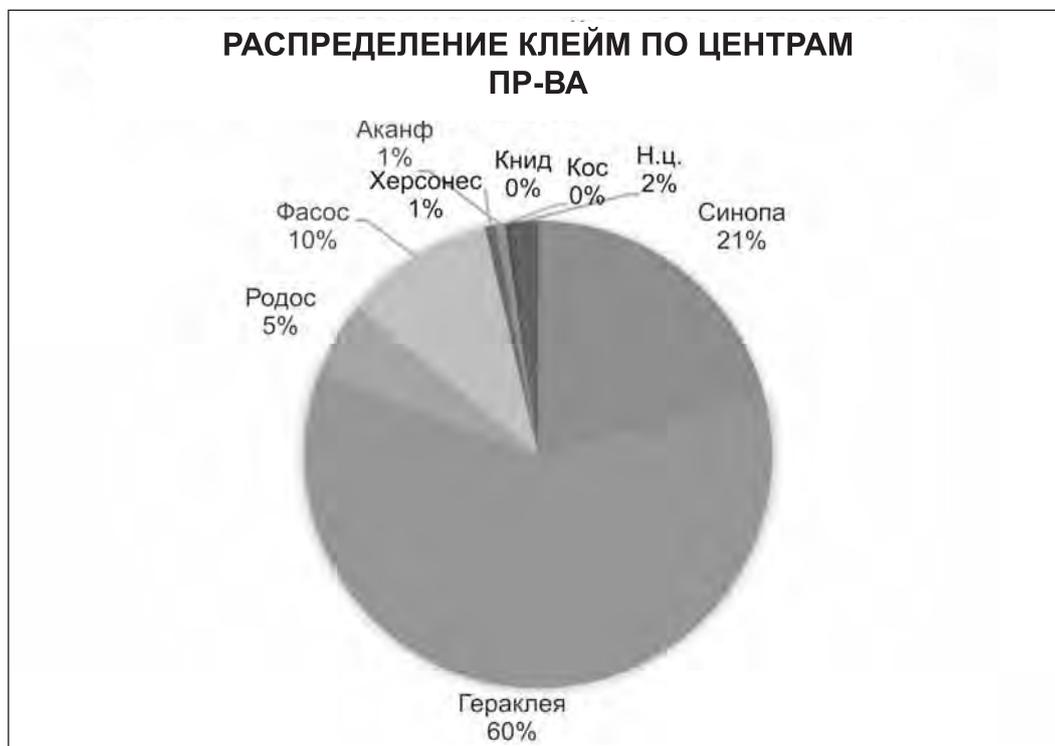
² Молев Е.А. Клейма Родоса из раскопок Китея // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конф. Санкт-Петербург, 1998. С. 76–81; Молев, 2000. Молев Е.А. Синопские керамические клейма из Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2000. С. 93–112; Молев Е.А. Клейма Гераклеи из Китея // Актуальные проблемы истории. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2002. С. 11-12; Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, 2010.

³ Кац В.И. Керамические клейма Синопы из Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2003. С. 91–104; Федосеев Н.Ф. К публикации керамических клейм из раскопок Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2003. С. 105–110.

⁴ Федосеев Н.Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. Керчь, 2016. 320 с.

⁵ Там же, рис. 2.

⁶ Гаврилов А.В., Федосеев Н.Ф. Амфорные клейма из античных памятников округа Феодосии // Бос-

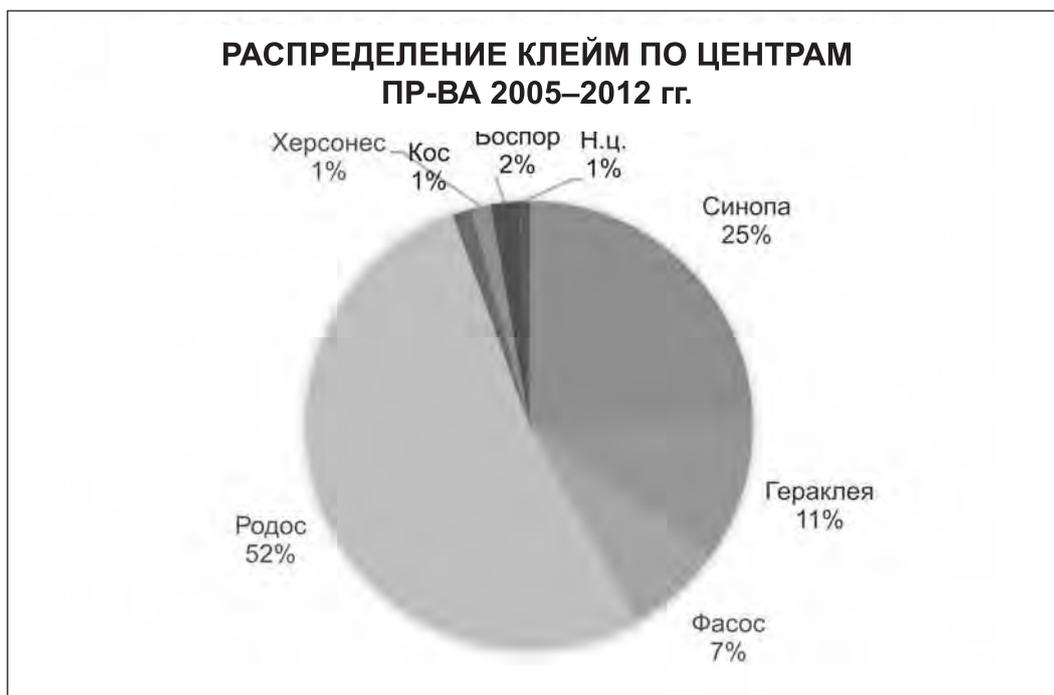
На втором месте в Китее клейма Синопы (21%). Оставшиеся 19% приходятся на центры: Родос, Фасос, Херсонес, Аканф, Кос, Книд, неопределенные центры.

Совсем другая картина по клеймам 2005–2012 гг. В данной работе публикуется 82 клейма, которые по центрам производства распределяются так: Синопа – 35; Гераклея – 15; Фасос – 10; Родос – 75; Кос – 2; Херсонес – 2; Боспор – 2; н.ц. – 1.

Более половины приходится на клейма Родоса (52%), на втором месте клейма Синопы (25%). На Гераклею приходится лишь 11%. Такое различие в процентном составе объясняется тем, что в ранние годы активно исследовался зольник (Р-I), где велика концентрация гераклейских клейм, в то время как при исследовании строительных остатков доминируют клейма Синопы и Родоса, т.е. относящиеся к позднему периоду. Строительные остатки поселения отображают более поздний период, чем зольник.

Клейма Синопы представляют весь хронологический спектр. Среди них есть новое сочетание магистрата Антипатра, сына Никона, и гончара Акорна (№ 2). Клеймо астинома Атгала (№ 7) оттиснуто дважды, причем второй раз перевернутым штампом, так что эмблема «голова» оказалась изображена дважды, напротив одна другой. В другом синопском клейме в первой строке восстанавливается имя

пор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 44.

Мантифея (№ 22). В сочетании с гончаром Гераклейдом этот магистрат ранее не был зафиксирован. В определении дат синопских клейм авторы опирались на хронологическую классификацию Н.Ф. Федосеева.

Среди гераклейских клейм привлекает внимание оттиск Микиона при эпониме Леонте (№ 44). Как было отмечено ранее⁷, это новый гераклейский магистрат. В.И. Кац отнес его, по гончару Микиону, к V хронологической группе⁸. В Понте имя Λέων зафиксировано только в Синопе.

Все даты даны по хронологической классификации В.И. Каца⁹.

Клеймо магистрата Амфиты с гончаром Ейраном (№ 46) имеет аналоги среди клейм из Семибратнего городища¹⁰. В.И. Кац восстановил в первой

⁷ Федосеев Н.Ф. Амфорные клейма из раскопок Китея 2005-2006 гг. // Из истории античного общества. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 186. № 15; Федосеев Н.Ф. Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. Керчь, 2016. № 575.

⁸ Кац В.И. Уточнение списка магистратов, контролировавших керамическое производство в Гераклее Понтийской // *Stratum plus*. № 3. 2017. С. 203. В.И. Кац ошибается, когда пишет, что клеймо впервые было опубликовано в 2016 году. Впервые оно было опубликовано в 2010 году. Легенду В.И. Кац воспроизвел с ошибками.

⁹ Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. XVIII. Симферополь-Керчь, 2007.

¹⁰ Кац В.И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2015. № 2165+2258, 2163.

Федосеев Н.Ф., Молев Е.А. Керамические клейма ...

строке Εὐφραῖος. По мнению А.Б. Колесникова, в данном случае следует читать Εἰράνος.

Среди фасосских клейм новый штамп зафиксирован при магистрате Сатире 1 (№ 58). При определении дат фасосских клейм авторы использовали последнюю по времени хронологическую классификацию Ч. Цочева¹¹.

Среди родосских клейм 9 принадлежат к эпонимным и 6 относятся к фабрикантским. Поиск аналогов проводился по лексикону Канкардес-Шенол, интернет-версия которой представлена в сети¹². Несмотря на то, что этот лексикон опирается на огромную выборку родосских клейм (10944 штампа), в нашем каталоге встречается фраза: «В лексиконе Sankardeş-Şenol данный штамп отсутствует». Эта фраза применима к клеймам № 61, 62, 70, 72, 75. Хронология родосских эпонимов базируется на разработках Г. Финкельштайна¹³.

Единственное клеймо неопределенного центра № 76 с легендой Ἀθη(-) оттиснуто на амфорной ручке, изготовленной из кирпично-красной с мелким пиритом и белыми включениями, редким шамотом глины.

Два косских клейма (№ 77-78) содержат одно имя, которое, вероятно, обозначало владельца мастерской. Дата косских клейм определяется по хронологическим комплексам с конца III в. по начало I в. до н. э.

Клеймо № 77 с ретроградной легендой Δημη(-). Аналогичные клейма зафиксированы в IOSPE, III (№ 61-62), но другого штампа. Возможно, что имя восстанавливается Δημητρίου, которое присутствует на других оттисках (IOSPE, III, № 69–71).

Второе клеймо с легендой [Ἀρ]τεμίδόρο оттиснуто на одноствольной ручке. Ранее такой штамп не был зафиксирован. Оттиски на одноствольных ручках позволили Е.М. Штаерман выделить косские амфоры и с одноствольными ручками¹⁴. Весьма возможно, что имена в разделе неопределенных клейм, образующих «группу длинных, узких клейм», также косского производства.

Два клейма отнесено к производству Херсонеса – это клеймо магистрата Нанона, сопровождаемое монограммой (№ 79), и монограммное клеймо (№ 80), в котором при желании можно восстановить слово Δα(μόσιον).

Два клейма оттиснуто на боспорской черепице, которая встречалась и ранее на поселении. Одно клеймо представляет собой сокращение из двух букв (№ 81), третья, типичное для боспорских черепиц, содержит слово «царская» (№ 82). Это определение наносилось на черепицу, которой перекрывали дома царской постройки. Ранее считалось, что клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ, обозначающие «царская [керамида]» и «царский [калиптер]», являются изделиями мастерских, принадлежав-

¹¹ Tzochev Ch. Amphora Stamps from Thasos (Athenian Agora XXXVII), Princeton, 2016. 246 p.

¹² http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/requete.php.

¹³ Finkielsztein, G. Chronologie detaille et revisee des eponymes amphoriques Rhodiens (British Archaeological Reports). Archaeological Reports (BAR) International, 990). Oxford. P. 196, Tabl. 22.1.

¹⁴ Штаерман Е. М. Керамические клейма из Тиры (в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров) // КСИИМКXXXVI. 1951. С. 39–42.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

ших Перисаду II, и свидетельствуют о монополизации черепичного производства этим царем¹⁵. Это ошибочное мнение. Как и В.Д. Кузнецов¹⁶, мы полагаем, что слово βασιλική означает, что эта постройка была царская и черепица с таким клеймом была своего рода оберегом [Федосеев, 2011, с. 298]. Аналогичным образом клейма на колхидской черепице клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ | ΜΗΛΑΒΗ означают «Царская. Не трогать».

Таким образом, 82 клейма из раскопок Китея 2005–2012 пополняют наши знания о керамическом комплексе поселения и вводят в научный оборот новые штампы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Беккер П.* О надписях на ручках греческих амфор и кусках древней черепицы // ЗООИД, V. 1863. С. 18–75.
- Беккер П.* Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов, найденных в Южной России // ЗООИД, VII. 1868. С. 3–84.
- Беккер П.* О надписях на ручках греческих амфор из собрания И.К. Суручана // ЗООИД, XI. 1879. С. 13–50.
- Брашинский И.Б.* Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959-1960 гг. // Ольвия. Теменос и агора. М.-Л., 1964. С. 285–313.
- Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. 268 с.
- Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984. 248 с.
- Василенко Б.А.* Давногреческие керамические клейма з Одеси // Археологія №5. 1972. С. 82–95.
- Василенко Б.А.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V–III вв. до н.э.) // Рукопись канд. дис. М., 1972а.
- Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Археологический альманах. № 24. Донецк: «Донбасс», 2011. 350 с.
- Гаврилов А.В. Федосеев Н.Ф.* Амфорные клейма из античных памятников округи Феодосии // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 44–59.
- Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК 104. (1934) 1935. С. 211–325.
- Граков Б.Н.* Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Труды Государственного исторического музея. 1. М., 1926. С. 165–206.
- Диатроптов П.Д.* Амфорные клейма // Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Жилые дома Центрального квартала Ольвии. МАИЭТ. Suppl. 13. Симферополь-Керчь, 2014. С. 159–195.
- Золотарев М.И.* Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса // Античный мир и средневековый город. Свердловск, 1981. С. 106–119.
- Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. 170 с.
- Кац В.И.* Керамические клейма Синопы из Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2003. С. 91–104.
- Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. XVIII. Симферополь-Керчь, 2007.
- Кац В.И.* Уточнение списка магистратов, контролировавших керамическое производство в Гераклее Понтийской // Stratum plus. № 3. 2017. С. 199–211.

¹⁵ Гайдукевич, 1934. Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК 104. (1934) 1935. С. 292–296.

¹⁶ Кузнецов В.Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // Проблемы истории, филологии, культуры. 21. 2008. С. 392–403.

Федосеев Н.Ф., Молев Е.А. Керамические клейма ...

- Кац В.И.* Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2015.
- Коцевалов А.С.* Эпиграфические памятники из Ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг. // Ольвия I. Киев, 1940. С. 259–272.
- Кругликова И.Т., Виноградов Ю.Г.* Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная // КСИА. 133. 1973. С. 44–53.
- Кузнецов В.Д.* Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // Проблемы истории, филологии, культуры. 21. 2008. С. 392–403.
- Кутайсов В.А.* Керкинитиды в античную эпоху. Киев, 2004. 326 с.
- Кутайсов В.А.* Античный полис Керкинитиды. Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XII. Симферополь, 2013. 400 с.
- Лазаров М.* Синопе и западнопонтийский базар // ИМВ. XIV(XXIX). 1978. С. 11–65.
- Марти Ю.Ю., Шкорпил В.В.* Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в городе Керчи // Записки Одесского общества истории и древностей. Том XXVIII, 1910. С. 109–157.
- Молев Е.А.* Клейма Гераклеи из Китея // Актуальные проблемы истории. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2002. С. 11–12.
- Молев Е.А.* Клейма Родоса из раскопок Китея // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конф. Санкт-Петербург, 1998. С. 76–81.
- Молев Е.А.* Синопские керамические клейма из Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2000. С. 93–112.
- Молев Е.А.* Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, 2010. 315 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. 680 с.
- Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014. 774 с.
- Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. 191 с.
- Придик Е.М.* Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. № 4. М. 1941.
- Пругло В.И.* Эпиграфические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия // КСИА, 130. 1972. С. 12–20.
- Снытко И.А.* Охранные исследования поселения Чертоватое I на Бугском лимане // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994. С. 152–156.
- Стефани Л.* Объяснение нескольких древностей, найденных в 1864 г. в южной России // ОАК, 1865.
- Стефани Л.* Объяснение нескольких древностей, найденных в 1867 г. в южной России // ОАК, 1870.
- Стефани Л.* Объяснение некоторых вещей, найденных в 1869 г. в южной России // ОАК, 1872.
- Фатеев О.В.* Синопский амфорный импорт на Капуловском поселении // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. X. Запорожье, 2002. С. 174–196.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма из раскопок поселения Бакланья Скала в Восточном Крыму // Древности Боспора. Т.1. М., 1998. С. 253–270.
- Федосеев Н.Ф.* К публикации керамических клейм из раскопок Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2003. С. 105–110.
- Федосеев Н.Ф.* Амфорные клейма из раскопок Китея 2005–2006 гг. // Из истории античного общества. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 183–188.
- Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. Керчь, 2016. 320 с.
- Федосеев Н.Ф.* Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4 (34). 2011. С. 277–308.
- Цехмистренко В.И.* К вопросу о периодизации синопских керамических клейм // СА. 1958. 1. С. 56–70.
- Шелов, 1975.* Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н.э. М., 1975. 168 с.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Шкорпил В.* Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // ИАК. № 3. 1902. С. 122–165.
- Шкорпил В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах // Известия Археологической комиссии, № 11. 1904. С. 19–166.
- Шкорпил В.В.* Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. N51. 1914. С. 119–129.
- Штаерман Е.М.* Керамические клейма из Тиры (в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров) // КСИИМК, XXXVI. 1951.
- Юргевич В.Н.* Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. XVIII. Одесса, 1895. С. 87–174.
- Юргевич В.Н.* О надписях на ручках, найденных в Керчи и вновь приобретенных Одесским музеем общества // ЗООИД. XXI. 1898 протоколы. С. 62–64.
- Avram A.* Amforeși Țigle șampilate din colecția «Dr. Horia Slobozianu» // SCIV. T.39. 1988. 3. P. 287–313.
- Avram A., Sandu V.* Toarte de amfore șampilate din colecții particulare bucureștene // SCIV. T.39. 1988. 1. P. 53–58.
- Becker P.* Über eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Rußland // Jahrbücher für class. Phil. IV. Suppl. B. Leipzig, 1861. S. 454–502.
- Becker P.* Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Rußland // Jahrbuch für class. Philol. V Suppl. B. Leipzig, 1869. S. 447–536.
- Becker P.* Übereinedritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland und über Dumont's inscriptions céramiques de Grèce (Paris, 1878) // Jahrbuch für class. Philol. X. Suppl. B. Leipzig, 1879. S. 1–117.
- Buzoianu, L., Bărbulescu, M., Rădulescu, A., Cheluță Georgescu, N., Sion, A.* Albești: monografie arheologică. Constanța, 2008.
- Canarache V.* Importul amforelor șampilate la Istria. Bucuresti, 1957. 446 p.
- Coja M.* Les centres de production d'amphores timbres identifiés a Istros // BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 417–450.
- Conovici N.* Probleme ale cronologiei amforelor șampilate sinopeene. Ștampilele din grupa a IV - a (B.N. Grakov) // SCIV. T.40. N1. 1989. P. 29–44.
- Conovici N.* Histria VIII.2 Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Bucarest, Paris, 1998. 206 p., XLVI Pl.
- Conovici N., Avram A., Poenaru Bordea Gh.* Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis // Dacia. N.S. T.XXXIII. N1-2. 1989. P. 111–123.
- Conovici N.* Histria VIII.2 Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Bucarest, Paris, 1998. 206 p., XLVI Pl.
- Finkielsztejn, G.* Chronologie detaille et revisee des eponymes amphoriques Rhodiens (British Archaeological Reports). Archaeological Reports (BAR) International, 990). Oxford.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos, 1, Timbres Thasiens et thasiens anciens // Études thasiennes, XVIII, Athènes-Paris, 1999.
- Garlan Y., Kara H.* Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope // Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10. Paris, 2004.
- Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh.* Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. N.S. XIII. 1969. P.1–156.
- IOSPE III – Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья. Сост. Е.М. Придик, Б.Н. Граков – Архив ИА РАН Р-2. № 2157–21988.
- Irimia M.* Descoperiri noi privind populația autohtonă a Dobrogei și legăturile ei cu coloniile grecești (sec. V-I î.e.n.) (Nouvelles découvertes concernant la population de la Dobroudja (Vème – Ier s.a.v. J.C.)) // Pontica. VI. 1973 P. 7–71.
- Rădulescu A., Bărbulescu M., Buzoianu L., Cheluță-Georgescu N.* Importuri amforice la Albești (jud. Constanța). Sinope // Pontica, 1988. P. 21–22.
- Robinson, 1906.* Robinson D. Ancient Sinope. Baltimore, 1906. 335 P.
- Șenol G.C.,* Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps, Volume 1-3, Eponyms A-Σ. Études Alexandrines 33, 36, Amphoralex 5, 2015-2016.
- Tzochev Ch.* Amphora Stamps from Thasos (Athenian Agora XXXVII), Princeton, 2016. 246 p.

REFERENCES

- Anokhin V.A. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo*. Kiev, 1999.
- Avram A. Amforeși Țigle ștampilate din colecția «Dr. Horia Slobozianu». *SCIV*. T. 39. 1988. 3. pp. 287–313.
- Avram A., Sandu V. Toarte de amfore ștampilate din colecții particulare bucureștene. *SCIV*. T. 39. 1988. 1. P. 53–58.
- Becker P. Über eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Rußland. *Jahrbücher für class. Philol. IV. Suppl.* B. Leipzig, 1861. S. 454–502.
- Becker P.O. O nadpisiakh na ruchkakh grecheskikh amfor I kuskakh drevnei cherepitsy. *ZOOID*. V. 1863. pp. 18–75.
- Becker P. Novaia kolleksiia nadpisei na ruchkakh drevnikh sosudov, naidennykh v Iuzhnoi Rossii. *ZOOID*. VII. 1868. pp. 3–84.
- Becker P. Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Rußland. *Jahrbuch für class. Philol. V Suppl.* B. Leipzig, 1869. S. 447–536.
- Becker P. Übereinedritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland und über Dumont's inscriptions céramiques de Grèce (Paris, 1878). *Jahrbuch für class. Philol. X. Suppl. B.* Leipzig, 1879. S. 1–117.
- Becker P. O nadpisiakh na ruchkakh grecheskikh amfor iz sobraniia I.K. Suruchana. *ZOOID*. XI. 1879. pp. 13–50.
- Brashinskiĭ B. Kompleks krovel'noi cherepitsy iz raskopok ol'viiskoi agory 1959-1960 gg. *Ol'viia. Temenosi agora*. M.-L., 1964. pp. 285–313.
- Brashinskiĭ I.B. *Grecheskii keramicheskii import na Nizhnem Donu v V-III vv. do n.e.* L., 1980. 268 p.
- Brashinskiĭ I.B. *Metody issledovaniia antichnoi torgovli (na primere Severnogo Prichernomor'ia)*. L., 1984. 248 p.
- Buzoianu, L., Bărbulescu, M., Rădulescu, A., Cheluță Georgescu, N., Sion, A. *Albești: monografie arheologică*. Constanța, 2008.
- Canarache V. *Importul amforelor ștampilate la Istria*. Bucuresti, 1957. 446 p.
- Coja M. Les centres de production d'amphores timbres identifiés a Istros. *BCH. Suppl. XIII*. 1986. pp. 417-450.
- Conovici N. Probleme ale cronologiei amforelor ștampilate sinopeene. Ștampilele din grupa a IV - a (B.N. Grakov). *SCIV*. T. 40. N 1. 1989. pp. 29–44.
- Conovici N. *Histria VIII.2 Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucarest, Paris, 1998. 206 p., XLVI Pl.
- Conovici N., Avram A., Poenaru Bordea Gh. Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis. *Dacia. N.S. T. XXXIII. N1-2*. 1989. pp. 111–123.
- Diatroptov P.D. Amfornye kleima. *Kryzhitskii S.D., Leipunskaia N.A. Zhilye doma tsentral'nogo kvartala Ol'vii. MAIET*. Suppl. 13. Simferopol'-Kerch'. 2014. pp. 159–195.
- Fateev O.V. Sinopskii amfornyi import na Kapulovskom poselenii. *Starozhytnosti stepovogo Prychornomor'ia i Krymu*. T. X. Zaporozh'e, 2002. pp. 174–196.
- Fedoseev N.F. Keramicheskie kleima iz raskopok poseleniia "Baklan'ia Skala" v Vostochnom Krymu. *Drevnosti Bospora*. T.1. M., 1998. pp. 253–270.
- Fedoseev N.F. K publikatsii keramicheskikh kleim iz raskopok Kiteia. *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arheologii*. Nizhnii Novgorod, 2003. pp. 105–110.
- Fedoseev N.F. Amfornye kleima iz raskopok Kiteia 2005-2006 gg. *Izistorii antichnogo obschestva*. 13. Nizhnii Novgorod, 2010. pp. 183–188.
- Fedoseev N.F. *Keramicheskie kleima. Gerakleia Pontiskaia: iz sobraniia Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika*. T. 2 Kerch', 2016. 320 p.
- Fedoseev N.F. Proizvodstvo kleimenoĭ cherepitsy v antichnom mire I na Bospore Kimmeriiskom. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. № 4 (34). 2011. pp. 277–308.
- Finkielsztejn, G. Chronologie detaille et revisee des eponymes amphoriques Rhodiens (*British Archaeological Reports*). Archaeological Reports (BAR) International, 990). Oxford.
- Gaidukevich V.F. Stroitel'nye keramicheskie materialy Bospora. *IGAIMK* 104. (1934) 1935. pp. 211–325.
- Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos, 1, Timbres Thasiens et thasiens anciens. *Études thasiennes, XVIII*, Athènes-Paris, 1999.
- Garlan Y., Kara H. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. *Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10*. Paris, 2004.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Gavrilov A.V., Fedoseev N.F. Amfornye kleima iz antichnykh pamiatnikov okruzi Feodosii. *Bospor Kimmeriiskii, Pont I varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sbornik nauchnykh materialov III Bosporskikh chtenii*. Kerch', 2002. pp. 44–59.
- Gavrilov A.V. *Amfornye kleima okruzi antichnoi Feodosii (materialy k khronologii antichnykh pamiatnikov)*. *Arkheologicheskii al'manakh. № 24*. Donetsk: "Donbass", 2011. 350 p.
- Grakov B.N. Englificheskije kleima na gorlakh nekotorykh ellinisticheskikh ostrodonnykh amfor. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. 1. M., 1926. pp. 165–206.
- Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja. *Dacia. N.S. XIII*. 1969. pp. 1–156.
- IOSPE III – Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Korpus keramicheskikh kleim Severnogo Prichernomor'ia. (Eds.) E.M. Pridik, B.N. Grakov – *Arkhiv IA RASP-2. № 2157–21988*.
- Irimia M. Descoperiri noi privind populația autohtonă a Dobrogei și legăturile ei cu coloniile grecești (sec. V-I î.e.n.) (Nouvelles découvertes concernant la population de la Dobroudja (Vème – Ier s.a.v. J.C.)). *Pontica. VI*. 1973. pp. 7–71.
- Iurgevich V.N. Nadpisi na ruchkakh I oblomkakh amfor I cherepits, naidennykh v Feodosiiv 1894 g. *ZOOID. XVIII*. Odessa, 1895. pp. 87–174.
- Iurgevich V.N. O nadpisiakh na ruchkakh, naidennykh v Kerchi I v nov' priobretennykh Odesskim muzeem obshchestva. *ZOOID. XXI*. 1898 protocoly. pp. 62–64.
- Kats V.I. *Keramicheskije kleima Khersonesa Tavricheskogo*. Saratov, 1994. 170 p.
- Kats V.I. Keramicheskije kleima Sinopy iz Kiteia. *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii*. Nizhnii Novgorod, 2003. pp. 91–104.
- Kats V.I. Grecheskie keramicheskije kleima epokhi klassiki I ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniiia). *Bosporskie isledovaniia. XVIII*. Simferopol'-Kerch', 2007.
- Kats V.I. Utochnenie spiska magistratov, kontrolirovavshikh keramicheskoe proizvodstvo v Geraklee Pontiiskoi. *Stratum plus. № 3*. 2017. pp. 199–211.
- Kats V.I. *Keramicheskije kleima Aziatskogo Bospora. Gorgippiia I ee khora, Semibratnee gorodishche*. Saratov: Saratov University, 2015.
- Kotsevalov A.S. Epigraficheskije pamiatniki iz Ol'viiskikh raskopokv 1935 i 1936 gg. *Ol'viia I*. Kiev, 1940. pp. 259–272.
- Kruglikova I.T., Vinogradov Iu.G. Kleima Sinopy na amforakh iz poseleniia Andreevka I uzhnaia. *KSIA. 133*. 1973. pp. 44–53.
- Kuznetsov V.D. Bosporskie cherepichnye kleima (nekotorye problemi nterpretatsii). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 21. 2008. pp. 392–403.
- Kutaisov V.A. *Kerkinitida v antichnuiu epokhu*. Kiev, 2004. 326 p.
- Kutaisov V.A. *Antichnyu polis Kerkinitida. Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma*. Vyp. XII. Simferopol', 2013. 400 p.
- Lazarov M. Sinope i zapadnopontiiskii // *INMB. XIV(XXIX)*. 1978. pp. 11–65.
- Marti Iu.Iu., Shkorpil V.V. Keramicheskije nadpisi, khrianiashchiesia v Melek-Chesmenskom kurgane v gorode Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istoriii drevnostei*. T. XXVIII, 1910. pp. 109–157.
- Molev E.A. Kleima Geraklei iz Kiteia. *Aktual'nye problemi istorii. Materialy nauchnoi konferentsii*. Nizhnii Novgorod, 2002. pp. 11–12.
- Molev E.A. Kleima Rodosa iz raskopok Kiteia. *Bosporskoe tsarstvo kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Materialy nauchnoi konf.* Saint Petersburg, 1998. pp. 76–81.
- Molev E.A. Sinopskie keramicheskije kleima iz Kiteia. *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii*. Nizhnii Novgorod, 2000. pp. 93–112.
- Molev E.A. *Bosporskii gorod Kitei*. Simferopol'-Kerch', 2010. 315 p.
- Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary VII-II vekov do n.e.* Saratov, 1999. 680 p.
- Polin S.V. *Skifskii zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V-VI vv. do n.e. na Khersonshchine*. Kiev, 2014. 774 p.

Федосеев Н.Ф., Молев Е.А. Керамические клейма ...

- Pridik E.M. *Inventarnyi katalog kleim na amfornykh ruchkakh I gorlyshkakh I na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniia*. 1917. 191 p.
- Pridik E.M. Kераmicheskie nadpisi iz raskopok Tiritaki I Mirmekiiia v 1932–1934 gg. *Arkheologicheskie pamiatniki Bospora I Khersonesa*. MIA № 4. M. 1941.
- Pruglo V.I. Englificheskie kleima Geraklei Pontiiskoi iz Mirmekiiia. *KSIA*, 130. 1972. pp. 12-20.
- Rădulescu A., Bărbulescu M., Buzoianu L., Chelută-Georgescu N. Importuri amforice la Albești (jud. Constanța). *Sinope. Pontica*, 1988. pp. 21-22.
- Robinson D. *Ancient Sinope*. Baltimore, 1906. 335 p.
- Shelov D.B. *Keramicheskie kleima iz Tanaisa III-I vekov do n.e.* M. 1975. 168 p.
- Shkorpil V. Kераmicheskie nadpisi, naidennye pri raskopkakh na Severnom sklone gory Mitridat v g. Kerchi v noiabre i dekabre 1901 g. *IAK*. № 3. 1902. pp. 122–165.
- Shkorpil V. Kераmicheskie nadpisi, priobretennye Kerchenskimi muzeem drevnostei v 1901 i 1902 godakh. *Izvestiia Arkheologicheskoi komissii*, № 11. 1904. pp. 19-166.
- Shkorpil V.V. Datirovannye keramicheskie nadpisi iz Zelenskogo kurgana. *IAKN* 51. 1914. pp. 119-129.
- Shtaerman E.M. Kераmicheskie kleima iz Tiry (v sviazi s voprosom o kleimakh neizvestnykh tsentrov). *KSIIIMK XXXVI*. 1951.
- Şenol G. C., *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps, Volume 1-3, Eponyms A-Σ. Études Alexandrines* 33, 36, *Amphoralex* 5, 2015-2016.
- Snytko I.A. Okhrannye issledovaniia poseleniia Chertovatoe –I na Bugskom limane. *Drevnee Prichernomor'e. Kratkie soobshcheniia Odesskogo Arkheologicheskogo Obshchestva*. Odessa, 1994. pp.152–156.
- Stefani L. Ob"iasnenie neskol'kikh drevnostei, naidennykh v 1864 v Iuzhnoi Rossii. *OAK*, 1865.
- Stefani L. Ob"iasnenie neskol'kikh drevnostei, naidennykh v 1867 v I uzhnoi Rossii. *OAK*, 1870.
- Stefani L. Ob"iasnenie nekotorykh veshchei, naidennykh v 1869 v I uzhnoi Rossii. *OAK*, 1872.
- Tskhmistrenko V.I. K voprosu o periodizatsii sinopskikh keramicheskikh kleim. *CA*. 1958. 1. pp. 56–70.
- Tzochev Ch. *Amphora Stamps from Thasos (Athenian Agora XXXVII)*, Princeton, 2016. 246 p.
- Vasilenko B.A. Davnogrets'ki keramichni kleima z Odesy. *Arkheologiiia* № 5. 1972. pp. 82–95.
- Vasilenko B.A. Kераmicheskie kleima iz antichnykh poselenii na poberezh'e Dnestrovskogo limana kak istochnik dlia izucheniia torgovykh sviazei Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia s grecheskimi mirom (V-III v. do n.e.). *Candidate dissertation*. M., 1972a.
- Zolotarev M.I. Kераmicheskie kleima iz raskopok v portovom raione Khersonesa. *Antichnyi mir i srednevekovyi gorod*. Sverdlovsk, 1981. pp. 106–119.

Резюме

Эта статья продолжает серию посвященных публикаций керамических клейм из раскопок городища Китей, и в ней публикуется 82 клейма из раскопок Китея 2005–2012 гг. Эти клейма пополняют наши знания о керамическом комплексе поселения и вводят в научный оборот новые штампы. В отличие от публикации Е.А. Молева за 2010 год, где приведено 788 клейм, основная доля приходится не на клейма Гераклеи, а на Родоса. Такое различие в процентном составе объясняется тем, что в ранние годы активно исследовался зольник, где велика концентрация гераклейских клейм, в то время как при исследовании строительных остатков доминируют клейма Синопы и Родоса, т.е. относящиеся к позднему периоду. Строительные остатки поселения отображают более поздний период, чем зольник.

Ключевые слова: Китей, Боспорское царство, керамические клейма, амфоры, импорт.

Summary

This article continues a series dedicated to the publication of ceramic stamps from the excavations of the ancient settlement of Kyta and it publishes 82 stamps from the excavations of Kyta 2005-2012. These stamps supplement our knowledge of the ceramic complex of the settlement

Боспорские исследования, вып. XXXVI

and introduce new stamps into the scientific circulation. Unlike the publication of EA. Molev in 2010, which shows 788 stamps, the main share is not on Heracleia, and the stamps of Rhodes. This difference in the percentage composition is explained by the fact that in early years the ash was actively investigated, where the concentration of Heracleian stamps is high, while in the study of building debris, the dominance of the stamps of Sinope and Rhodes, i.e., relating to the late period. The building remains of the settlement reflect a later period than the ash-pan.

Key words: Kyta, Bosporan kingdom, ceramic stamps, amphoras, imports.

INDICES

- Αγάθων син. г. – 5.
ΑΘ – босп. -81.
Αθη(-) – 76.
Αισχίνης син. м. – 1.
Ἄκορνος син. г. – 2.
Αμφίτας гер. м. – 42, 46.
Ανδρικός род. г. – 70.
Αντίπατρος τοῦ Νίκωνος син. м. – 2.
Απατούριος син. г. – 15.
Απολλόδωρος син. м. – 3.
Απολλόδωρος τοῦ Διονυσίου син. м. – 4.
Αριστομένης τοῦ Ποσειδωνίου син. м. – 5.
Αριστομένης φασ. м. – 53-54.
Αρισταγόρης φασ. м. – 56.
Αριστόδαμης род. эп. – 61.
Αριστομένης φασ. м. – 60.
Αρίστων гер. м. – 43, 48.
Αρτέμων син. г. – 19.
Αρτέμων гер. г. – 42.
Αртеμιδώρος κοσ – 78.
Αρχοκράτης род. эп. – 62.
Ἄτταλος син. м. – 6.
βασιλική – босп. 82.
Βόρυς син. м. – 8-9.
Γλαυκίας син. г. – 8.
Δαμάστης φασ. г. – 60.
Δαμάτριος гер. м. – 36.
Δημη(-) – κοσ 77.
Διόδοτος род. г. – 71.
Διονύσιος син. г. – 18.
Διονύσιος гер. г. – 40-41.
Εἰραναῖος гер. г. – 46.
Ἐκαταῖος син. м. – 10.
Ἐνδημος син. м. – 11.
Ἐστιαῖος син. м. – 12.
Εὔπορος гер. г. – 44.
Ἡρακλείτος гер. г. – 49.
Ἡρακλειδης син. г. – 21-22.
Ἡρακλειδης τοῦ Ἐκαταίου син. м. – 13.
Ἡρακλειτος φασ. г. – 51.
Ἡρώνυμος τοῦ Ἡρώνυμου τοῦ Ποσειδωνίου син. м. – 14.
Ἡρώνυμος τοῦ Ποσειδωνίου син. м. – 15.
Θεομένης гер. г. – 36.
Θευπέιθης син. м. – 16.
Ἰόβακχος τοῦ Μολπαγόρου син. м. – 17.
Ἰστιαῖος син. м. – 18.
Ἴφρις τοῦ Ἐστιαίου. син. м. – 19.
Καλλίας гер. г. – 43.
Καλλισθένης син. г. – 16, 24.
Κίρων φασ. г. – 52.
Κρατίσταρχος син. м. – 20-21.
Κρέων род. г. – 72.
Λάβρο(ς) φασ. м. – 57.
Λέων гер. м. – 44.
Λυσίθεος гер. м. – 45.
Μάνης син. г. – 1.
Μαντίθεος син. м. – 22.
Μενέδημος φασ. м. – 55.
Μενίσκος син. г. – 27.
Μητρόδωρος τοῦ Ἀθηνίππου син. м. – 23.
Μικίων гер. г. – 44.
Μίκυθος род. г. – 73.
Μνησι(-) φασ. г. – 57.
Μνησικλῆς син. м. – 24-25.
Νάνων – хер. м. – 79.
Ναύπων τοῦ Δίου. син. м. – 26.
Νευμήνιος син. г. – 29.
Ξενόφαντος род. эп. – 63.
Ἵνασος гер. г. – 48.
Πάνφιλος τοῦ Ἐκαταίου син. м. – 27.
Πασιχάρης син. м. – 28.
Πίστος син. г. – 12.
Ποσειδώνιος син. г. – 11.
Πόσις τοῦ Δαίσκου син. м. – 29, 30.
Πόσις син. м. – 29.
Πρύτανις син. г. – 3.
Πρῶτος син. г. – 10, 20.
Πύθης син. г. – 6-7, 25, 28.
Πυθο(-) φασ. г. – 53.
Πυθοκλῆς син. м. – 31.

Федосеев Н.Ф., Молев Е.А. Керамические клейма ...

Σάτυρος фас. м. – 58.	Геракл, стреляющий из лука – 53.
Σιλανός гер. г. – 37.	Голова – 6-9, 19-21, 31-32.
Σμαλίων син. г. – 26.	Голова барана – 1.
Στασίχορος гер. г. – 38-39.	Голова Гелиоса – 29.
Στέφανος син. г. – 23.	Гроздь – 3, 5, 24-25, 30, 36, 45-46, 58.
Σύμμαχος род. эп. – 64.	Звезда – 23.
Τιμασαγόρας род. эп. – 65.	Ирина – 27.
Υλλος τοῦ Φιλίσκου син. м. – 32.	Кадуцей – 51.
Φανок(-) фас. м. – 51.	Канфар – 12, 16, 42, 60.
Φήμιος τοῦ Θεοπείθου син. м. – 33-34.	Нос корабля – 2.
Φιλόξενος? гер. г. – 47.	Орел на дельфине – 10, 18.
Φιλαινίος род. г. – 74.	Палица – 38, 47, 49, 55, 77.
Φιλοκράτης син. г. – 7, 9.	Прора – 10, 17.
Φιλώνδας род. г. – 75.	Трофей – 14, 15.
Χαρῶ(-) фас. м. – 52.	Факел – 28.
Эмблемы	Фимиатерион – 56.
Венок – 16.	Цветок – 62.
Геката – 13.	Человек, мнувший виноград – 33-34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Федосеев Николай Федорович, к.и.н.,
с.н.с. Отдела античной археологии Института археологии Крыма.
bospor@bk.ru

Молев Евгений Александрович, д.и.н.,
профессор кафедры истории древнего мира и классических языков
Института международных отношений и мировой истории Университета им. Лобачевского.
molev.eugeny@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Fedoseev Nikolai, CSc
Institute of archaeology of the Crimea RAN
Senior Researcher
(8) 987 777 24 23
E-Mail: bospor@bk.ru

Molev Eugeny Aleksandrovich, DSc, Prof.,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia,
professor.
(7)-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

КАТАЛОГ				
СИНОПА				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
1.		[Αἰσχῦνο] ἀστυνό(μο). Голова барана [Μάνε]ο вниз.	Китей, 2006. П,13/16. Пом. В. П/о 123. № 46. кп163533/ккк22799. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 1.	<i>Аналоги и комментарии</i> <i>Аналоги:</i> IOSPE, III. №766- 767, 773; Придик, 1917. С.85. № 466; Garland, 2004. P.117. N 59. P1. VIII.58. Дата ок. 350 г. до н.э.
2.		Ἀστυνόμου Ἀντιπάρου τοῦ Νίκωνος. [нос корабля] Ἄκωρνος.	Китей, 2006, П,17/15. П/о 162. № 58. кп163540/ккк22801. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 2.	Новое сочетание Дата ок. 246 г. до н.э.
3.		[Ἀπ]λλοδόωρο ἀστυνόμο. гроздь Πρυτανίως	Китей, 2013; № 47; кп184371.	<i>Аналоги:</i> Гаврилов, 2011. С. 20, № 18. Дата ок. 332 г. до н.э.
4.		[Ἀστυνόμο(υ)] Ἀπολλοδόωρ(ου) τοῦ Ἀ[ιονυσί(ου)].	Китей, 2007. к/о № 10. кп168139/ккк23255.	<i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 302- 1332; Придик, 1941. С. 186, № 97. Дата ок. 249 г. до н.э.

<p>5.</p> 	<p>Ἀστυνοῦντος Ἀπολλωνίου τοῦ Ποσειδωνίου. Ἀγέθων γροzdль</p>	<p>Китей, 2008. П. 19/яма 81. П/о 181. К/о 79. кп171400/ккк23731.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 1348–1353; Юргевич, 1895. С. 122, № 5. Дата ок. 256 г. до н.э.</p>
<p>6.</p> 	<p>Ἀτάλου ἄστυ- νοῦντος. Πύθης.</p>	<p>Китей, 2005. П. 12/19. П/о 42. № 19. кп160831/ ккк22271. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 3.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 1752–1757; 1715; Шкорпил, 1904. С. 135, № 14; Федосеев, 1998. С. 264. № 30. Дата ок. 293 г. до н.э.</p>
<p>7.</p> 	<p>[Ἀστυ]νόμου ←Ἀπ[ύ]λου. голова ← [Φιλ]οκράτου.</p>	<p>Китей, 2005. П. 12/19. П/о 52. № 22. кп160832/ ккк22272. оттиснут дважды. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 4.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 1771–1787; Стефани, 1867. С. 207, № 14; Шкорпил, 1902. С. 123, № 7; Придик, 1917. С. 65, № 61-63; Марти, Шкорпил, 1910. С. 111, № 16; Шкорпил, 1904. С. 25, № 38; Юргевич, 1895. С. 123, № 10; Федосеев, 1998. С. 264. № 31; Молев, 2000. С. 102, № 68; Robinson, 1906. С. 302, № 22; Garlan, 2004. P. 158. N217. Pl. XXVII. 217; Becker, 1879. С. 25, № 2. Дата ок. 293 г. до н.э.</p>

8.		<p>Βόρυος ἀστυνόμου. Голова Γλαυκία.</p>	<p>Китей, 2006. II, 12/40. П/о 109. № 40. п163528/ ккк22798. Публикация: Федосеев, 2010. № 5.</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 1832- 1835; Соја, 1986. P.433, № 70; Fig. 6; Sopovici, 1998. P. 65, № 58; Avram, Sandu, 1988. P.57, № 54; Fig.4/9; Ва- силенко, 1972а. С. 75, № 990. Дата ок. 298 г. до н.э.</p>
9.		<p>Βόρυος ἀστυνόμου. Голова впр. Φιλοκράτους</p>	<p>Китей, 2008. II, E/18. П/о 156. № 62. кп171385/ккк23719</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 1927- 1951, 8623, 8623а, 1868; Беккер, 1863. С. 48, № 8; Вес-кег, 1869. С. 496, № 8-9; Василенко, 1972а. С. 76, № 992; Шкорпил, 1902. С. 136, № 19; Придик, 1917. С. 87, № 520, С. 101, № 815; Снытко, 1994. С. 153; Федосеев, 1998. С. 264. № 36; Фатеев, 2002. № 7. Таб.3.7; Garlan, 2004. P. 186. N186. Pl.XXIII.186. Дата ок. 298 г. до н.э.</p>
10.		<p>[Ἀστυνομ]οῦντος [Ἐκαταίου.] прора вправо [Πρώτος.]</p>	<p>Китей, 2006. II, 17/12. П/о 46. № 18. Кп163512/ккк22796. Публикация: Федосеев, 2010. № 6.</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 2835, 2861; Брашинский, 1980. С.185, № 598; Придик, 1917. С. 68, № 123. Дата ок. 289 г. до н.э.</p>

11.		<p>Ἐπι Ἐυδήϊ(μο). ορέλ Ποσειδῶ(-) νὰ δελφίνε βλ.</p>	<p>Китей 2011, II, 22/ яма 93. 3 шт. П/о 42. № 34. Кп181450/ккк25987.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 264– 280; Кругликова, Виноградов, 1973. С. 50, № 34; Беккер, 1879. С. 28, № 3; Векет, 1879. С. 239, N3; Юргевич, 1895. С. 125, № 21; Юргевич, 1898. Прог. 308, зас. С. 27, № 5; Придик, 1917. С. 83. № 430-431; Брашинский, 1964. С. 310, № 6-7; Кутайсов, 2004. Рис. 53.11; Кац, 2015. № 1153; Молев, 2000. С. 94, № 4; Федосеев, 2003. С. 106, № 4; Молев, 2010. С. 292, № 3. Таб. 99.4; Garlan, 2004. P.103. N7. Pl.I.7. Дата ок. 366 г. до н.э.</p>
12.		<p>Ἀστυνόμωντος Κανφάρ Πίστου</p>	<p>Китей, 2008. II, Е/яма 75. П/о 166. № 72. кп171394/ккк23728.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 3217– 3221; Шкорпил, 1904. С.35, № 91; Марги, Шкорпил, 1910. С. 114, № 36; Лазаров, 1978. С. 40, № 15в; Гаврилов, 2011. С. 21. № 22. Дата ок. 292 г. до н.э.</p>
13.		<p>Ἀστυνόμων Ἱερὰ κλῆϊδου τοῦ Ἐκκαταίου. Γεκαγα [---]</p>	<p>Китей, 2008. II, 19/11. П/о 155. № 61. кп171384/ккк23718.</p>	<p>Имя гончара неясно. Дата ок. 271 г. до н.э.</p>

14.		<p>[Ἀστύ]νομόντος [Ἦρονύ]μου [τοῦ Ἦρ]ονύμου τροφείῃ вверх [τοῦ Πο]σειδωνίου. [---]αζ.</p>	<p>Китей, 2010. I 26/10. П/о 7. кп176734/ккк24713.</p>	<p>Имя гончара не ясно. Дата ок. 221 г. до н.э.</p>
15.		<p>[Ἀστυνόμου] [Ἦρονύ]μου τοῦ τροφείῃ [Ποσειδωνίου. [Ἀπ]ατούριος.</p>	<p>Китей, 2005. II, 12/19. П/о 26. № 14. Кп160826/ккк22268. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 7.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 3808; Придик, 1917. С. 70, № 180; Диатропов, 2014. С. 169. №319. Автор не восстановил имя гончара. Дата ок. 253 г. до н.э.</p>
16.		<p>[Θευ]λείθου венок, [ἀστ]υνόμου. [Καλ]λθε(---) канфар</p>	<p>Китей, 2007. II, 18/10. П/о 158. № 48. кп168162/ккк23264.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 4096– 4100; Стефани, 1864. С. 244, № 8; Беккер, 1868. С. 64, №29; Вескет, 1869. С. 512, №58; Придик, 1917. С. 91, №602-603; Шкорпил, 1914. С. 124, № 17; Шкорпил, 1904. С. 72, № 291; Garlan, 2004. P.133. N117. P1.XV.117. Дата ок. 319 г. до н.э.</p>
17.		<p>Ἀστ[υνόμου] Ἰοβά[κχου]τοῦ] Μολπ[αγύ]ρου прора] [...]</p>	<p>Китей, 2009. II, Ж/9. П/о 40. № 21. кп174304/ккк24049.</p>	<p>Имя гончара не ясно. Дата ок. 260 г. до н.э.</p>

18.		<p>Τστ[ταίο] ἄσ[vas τυ(νόμο). орел на] Διο[υνοσίο дельфине ←]</p>	<p>Китей, 2005. II, 12/19. П/о 63. № 24. Кп160834/ккк22273. Публикация: Федосеев, 2010. № 8.</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 335– 338? 4553; Придик, 1917. С.91. №616; Юргевич, 1895. с.142. N46; Кац, 2015. №1227. Дата ок. 363 г. до н.э.</p>
19.		<p>[Ασ]τηνόμου] [Ἰφιο]ς τ[οῦ] [Ἐστ]ιαίου. голова прямо [Ἀρτ]έμων</p>	<p>Китей, 2008. II, 19/12. П/о 165. № 71. кп171393/ ккк23727.</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 4640; Золотарев, 1981. С.118, №20– 21; Vuzoianu, Barbulescu, 2008. P. 266. A 37; Кац, 2015. № 1251. Дата ок. 262 г. до н.э.</p>
20.		<p>Πρότος Ἀστυνόμου Κρατιστάρχου голова</p>	<p>Китей, 2011. II. 22/ очаг 98а. № 36. кп181452/ ккк25988</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 4863, 4946–4948, Шелов, 1975. С.142, № 564; Придик, 1917. С.83, № 438; Sanagache, 1957. С.154, №377, рис.30; Conovivi, 1998. P.86, №168; Лазаров, 1978. С.41, №19в; Radulescu, Barbulescu, Vu- zoianu, Georgescu 1988- 1989, №184–185; Кац, 2015. №1269; Брашинский, 1980. С. 188, № 633; Garlan, 2004. P.177. N 297. Дата ок. 282 г. до н.э.</p>
21.		<p>Ἀστυνόμου Κρατιστάρχου. Голова влево Ἴρακλειδ[ης]</p>	<p>Китей, 2007. II, 18/10 под Кл. 60. П/о 161. № 49. кп168169/ккк23265.</p>	<p>Аналоги: IOSPE, III. № 4928- 4929; Conovici, Avram, RoeanuBordea, 1989. p.121, №168, Pl.XII.169.</p>

22.		<p>Μ[αντιθέο] άστυνόμου. Ήρακλει(---)</p>	<p>Китей, 2006. № 33. НВФ 4581.</p>	<p>Новое сочетание. Три неопубликованных аналога. Дата ок. 326 г. до н.э.</p>
23.		<p>Αστυνομοῦ[ντος] Μητροδοῦρ[ου τοῦ] звезда Αθηνίππου. [Στέφασ]νος</p>	<p>Китей, 2007. II, пом. «Г», яма 54. П/о 69. № 27. кп168152/ккк23262</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 5233–5237; Придик, 1941. С. 187, № 112; Коцевалов, 1940. С. 268; Sanagache, 1957. № 310. С. 135; Conovici, 1998. P. 151, № 579; Лазаров, 1978. С. 53, № 22в; Conovici, Avram, RoenaruBordea, 1989. P. 122, № 207, рI. XV. 207. Дата ок. 236 г. до н.э.</p>
24.		<p>[Μνησι]κλέους [άστυ-] гроздь-νομοῦ(ν)τος. [Κάλλισ-] vas θένου</p>	<p>Китей, 2012. I, 28/14. П/о 13. № 12. кп181898.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 5674–5677; Придик, 1917. С. 75. № 274–276; С. 93. № 665; Беккер, 1863. С. 53, № 29–30; Веcker, 1869. S. 481, N 29–30; Василенко, 1972а. С. 87. № 1109. Дата ок. 291 г. до н.э.</p>
25.		<p>Α[στυνομοῦντος] Μ[νησι]κλέ гроздь ους; Π[υθέω]</p>	<p>Китей, 2006. II, 17/14. П/о 146. Кп163537/ ккк22800. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 10.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 5727–5733, 5736, 5845; Шкорпил, 1902. С. 141. № 47; Марти, Шкорпил, 1910. С. 124. № 99. Дата ок. 291 г. до н.э.</p>

26.		<p>Ασ[τυνομοῦντος] Ναύπλωνος [τοῦ] Δίου. Συμ[αλίτου]</p>	<p>Китей, 2007. II, пом. «Г» шт. 21. П/о 43. К/о 18. кп168144/ккк23259.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. №6031; Iritia, 1973. P.48, I, табл.XI.1. Лазаров, 1978. С. 46, № 15a; Grammatopol and Bordea, 1969. С. 136/262, № 1133. P. 1133; Avram, 1988. P. 310, № 108. Дата ок. 237 г. до н.э.</p>
27.		<p>[Α]στυνομοῦντος [Πα]ύφλου Ирина [τοῦ] Ε]κκαταίου. [Μενί]σ]κος.</p>	<p>Китей, 2007. II, пом. «Г» шт. 21. П/о 43. К/о 18. № 155. кп168166/ккк23263.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 3642– 3643, 6132-6133; Соповісі, 1989. P. 156. N 599. PІ. ХІІІ; Garlan, 2004. P. 247. N 598. PІ. LXVII. 598. Дата ок. 213 г. до н.э.</p>
28.		<p>Πασ[υ]φρους ἀστυνόμου. φακέλ Πύθεω.</p>	<p>Китей, 2005. II, 12/18. П/о 41. № 18. Кп160830/ ккк22270. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 12.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 6212– 6223; Придик, 1917. С. 93, № 693–695; Шкорпил, 1904. С. 79, № 323; Цехмистренко, 1958. С. 69, № 33. P.33; Молев, 2000. С. 101, № 60; Saparache, 1957. № 401 (№2403); Соповісі, 1998, p.64. № 54. Дата ок. 302 г. до н.э.</p>
29.		<p>[Πόσ]τος [ἀ]στυνό(μου). Голова Γελιοσα [Νε]βριμνί(ου)</p>	<p>Китей, 2005. II, 12/19. П/о 72. № 32. Кп160841/ккк22277. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 9. Ошибочное восстановление имени магистрата.</p>	<p><i>Аналоги:</i> Гаврилов, 2011. С. 140. № 507. Дата ок. 339 г. до н.э.</p>

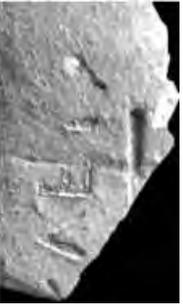
30.		<p>[Ἀστυνό]μου Πό- [σιος τοῦ Δα]ίσκου γροzdь [ς ---]</p>	<p>Китей, 2005. П.12/ яма 41. П/о 67. № 28. кп160838/ккк22275 <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. №11.</p>	<p>Имя гончара не ясно. Дата ок. 243 г. до н.э.</p>
31.		<p>[Ἀστυνό]μου [Πρθοκλέους.] голова [---]</p>	<p>Китей, 2005. П.12/19. П/о 64. № 25. кп160835/ ккк22274. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. № 14.</p>	<p>Имя гончара не ясно. Дата ок. 296 г. до н.э.</p>
32.		<p>Ἀστυνό]μου “Υλλου τοῦ бородагата [Φιλ]ίσκου. голова [---]</p>	<p>Китей, 2005. П. Д/яма 80. П/о 168. № 74. кп171396/ккк23730.</p>	<p>Имя гончара не ясно. Дата ок. 233 г. до н.э.</p>
33.		<p>Ἀστυνό]μου Φηρίου τοῦ человек, мнуций Θεοτείου виноград.</p>	<p>Китей, 2010. 1,26/10. П/о 6. № 6. кп176733/ ккк24712.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 7568– 7630; различные штампы. Без имени гончара. Дата ок. 268 г. до н.э.</p>

34.		<p>Ἀστυνόμου Φρμίου τοῦ χελοεκ, Θεοπέθεου μνουший виноград</p>	<p>Китей, 2009. П, Ж/10. П/о 46. № 26. кп174309/ккк24050.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 7568-7630; различные штампы. Дата ок. 268 г. до н.э.</p>
35.		<p>Ἀστυνόμου [---] [---] Легенда не ясна</p>	<p>Китей, 2007. П, пом. «Г» шт. 11. П/о 29. № 11. кп168140/ккк23256</p>	<p>Имя магистрата не ясно.</p>
ГЕРАΚΛΕΙΑ				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
36.		<p>[Δαριά]τριου Γροζдь влево [Θεοπέθεος]</p>	<p>Китей, 2011. I, 27. пом. К. П/о 23. № 17. Нвф11260. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2016. №2645.</p>	<p><i>Аналоги:</i> Гаврилов, 2011. С. 105. № 273; Кулайсов, 2013. Рис. 39.18. Магистрат Δαριάτριος принадлежит к IV Б группе и датируется 340-ми гг. до н. э.</p>

	<p>Σλά- vo</p>	<p>Китей, 2007. П, пом. «А», шт. 19. П/о 25 кп168138/ккк23254.</p>	<p><i>Аналоги.</i> IOSPE, III. №№ 1813–1822, 1818=1860; Юргевич, 1895. С.1, №83; Придик, 1917. С.126, №150-151; Кутайсов, 2004. Рис.49.13; Беккер, 1863. С.31, №18; Вескер, 1861. С.463, № 18; Василенко, 1972. № 101-103; Брашинский, 1980. № 229–230; Монахов, 1999. Таб. 75.1; Федосеев, 2016. № 2438–2443.</p>	<p>По хронологической классификации В.И. Каца этот фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V - начало IV вв. до н. э.</p>
	<p>Στ[αστ-] Палица влево χόρ[ο]</p>	<p>Китей, 2005. П, 12/16. П/о 5. НВФ. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. С. 186. № 16.</p>	<p><i>Аналоги.</i> IOSPE, III. № 1848–1855; Шкорпил, 1904, с. 153, № 689; Стефани, 1869. С. 214, № 196-197; Придик, 1917. с. 126, № 154–156; Брашинский, 1980. № 235; Пругло, 1972. С. 19. № 16; Молев, 2010. С. 270. № 246; Таб. 95.246; Федосеев, 2016. № 2475–2491.</p>	<p>По хронологической классификации В.И. Каца, этот фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V - начало IV вв. до н. э.</p>

39.		<p>ΣΤΑΙΣ- ΧΩΡΟ</p>	<p>Китей, 2010. П.22/8. П/о 13. кп176739/ккк24714.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 1842–1856; Кутайсов, 2004. Рис.49.8; Пругло, 1972. С.19. № 17. Рис. 4.4; Каца, 2015. №893 (306); Федосеев, 2016. № 2456–2460. По хронологической классификации В.И. Каца, этот фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V - начало IV вв. до н. э.</p>
40.		<p>ΔΙΟΥ- ΥΣΙΟ 1 штамп, ретроградное</p>	<p>Китей 2008. П, Д/ яма 79. П/о 154. кп171383/ккк23717.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. № 1438–1453; Граков, 1926. С.28; Монахов, 1999. С.166. Табл.57; Кутайсов, 2004. Рис.48.10; Федосеев, 2016. №2166–2177. По хронологической классификации В.И. Каца, этот фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V - начало IV вв. до н. э.</p>
41.		<p>ΔΙΟΥ- ΥΣΙΟ 3 штампа, ретроградное</p>	<p>Китей 2008. П,19/ яма 80. П/о 184. кп171403/ккк23732.</p>	<p><i>Аналоги:</i> Пругло, 1972. С.19. № 8-9. рис. 4.1; Федосеев, 2016. № 2180-2181. По хронологической классификации В.И. Каца, этот фабрикант относится к ранней фабрикантской группе, конец V - начало IV вв. до н. э.</p>

42.		<p>Αρτέμι(ων) канфар вправо Ἀρτίτα</p>	<p>Китей 2011. II.22/ оцаг 98а. П/о 36. кп181448/ ккк25986.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III, № 516. Брашинский, 1984. № 226. Ошибочное чтение Ἀρτί. Федосеев, 2016. № 1087– 1090. Магистрат Ἀρτίστος относит- ся к IV А группе и датируется 350-ми гг. до н. э.</p>
43.		<p>Καλλίας ἐπ. Ἀρίστωνος</p>	<p>Китей, 2009, II, 19/Яма 92. П/о 70; кп174315/ ккк24053.</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III, № 103– 105; в корпусе неверно вос- становлено имя магистрат- та. Юргевич, 1895. С.158, №43; Черненко, Симоненко, 1977. С.8, рис.2,3,7; Полин, 2014. С. 387; Федосеев, 2016. №244. Магистрат Ἀρίστων принадле- жит к II Б группе и датиру- ется 370-ми гг. до н. э.</p>
44.		<p>[Μυ]κίωνο(ς) ἐπ. Λεόν(τος)</p>	<p>Китей, 2006, II, 17/11. П/о 90. № 33; кп163523/ккк22797. <i>Публикации:</i> Федосеев, 2010. С.186. №15; Федосеев, 2016; №575.</p>	<p>Магистрат Λεών в списке В.И. Каца отсутствует. Предположительно принад- лежит к V группе [Кац, 2017. С. 203].</p>
45.		<p>[Ευ25]τορος гроздь влево [Λω]στ[θ]ι[έ]</p>	<p>Китей, 2012. II, 23/8. П/о 9; кп181895.</p>	<p><i>Аналоги:</i> Молев, 2010. С. 262. № 76; Таб.92.76; Федосеев, 2016. №1411–1416. Магистрат Λυσίθεος принад- лежит к III Б группе и дати- руется 360-ми гг. до н. э.</p>

46.		<p>Εἰρά[νος] гроздь Ἀμφί[φίτα]</p>	<p>Китей, 2012. I, 28/11. П/о 1. № 1; кп181892.</p>	<p><i>Аналоги:</i> Кац, 2015. №2165+2258, 2163 (корректировка А. Колесникова); Имя Εἰράνος. Федосеев, 2016. № 654. Магистрат Ἀμφίτας относится к IV А группе и датируется 350-ми гг. до н. э.</p>
47.		<p>Β, в которую вписаны палица и Φι(λοξένο?) Ретроградное.</p>	<p>Китей, 2012. II, 23/8. П/о 8; кп181894</p>	<p><i>Аналоги:</i> Федосеев, 2016. №2133. Возможно, имя следует восстановить Φίλιπος? Подобные клейма датируются 340-ми гг. до н. э.</p>
48.		<p>Ουά[σο ἐπ'] Ἀρίστων[ος]</p>	<p>Китей, 2012. II, 23/12. П/о 25. № 22. Кп181902</p>	<p><i>Аналоги:</i> Федосеев, 2016. № 246. Магистрат Ἀρίστων принадлежит к II Б группе и датируется 370-ми гг. до н. э.</p>
49.		<p>[Ηρα]κλε[τα?] Палица</p>	<p>Китей, 2011, II, яма 99. П/о 34. № 28. Кп181446/ккк25985</p>	<p>Новый штамп, возможно, имя следует восстановить [Ηρα]κλε[ίδα?] По хронологической классификации В.И. Каца этот фабрикант относится к 70-м гг. IV в. до н.э.</p>

ФАСОС				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
50.	Α [...] θων	Китей, 2007. II, пом. «А», шт.21. № 8. кп168137/ккк23253.	
51.		Ἰνράκ λγт(ος) Φαιωκ(·) Φαυοκ(-) Καδυпей	Китей 2005. II,12/17. П/о 31. Кп160828/ккк22269. Публикация: Федосеев, 2010. С. 187. № 18.	Аналоги: Garlan, 1999. № 548. Период 2 (364–338 гг. до н.э.)
52.		Χαρω(-) Φαιωκ(·) [Κ]ίρω(ν) на горле	Китей, 2008. II, Д/яма 79. П/о 150. № 58. кп171381/ккк23715.	Аналоги: IOSPE, III. №585. Период 1 (391–365 гг. до н.э.)
53.		Α[ρ]ιστο μέ(ν)τς] Πρωθ(-) νασ Φαιωκ ων Геракл, стреляющий из лука	Китей, 2007. II, пом. «А», Шт.22. П/о 30. № 12 кп168142/ккк23257.	Аналоги: Garlan, 1999. № 326. Период 1 (391–365 гг. до н.э.)

54.		<p>Ἀρστωρ (ἄρστωρ) ... ἄρστωρ Геракл, стреляющий из лука</p>	<p>Китей, 2008, II, Д/ яма 79. П/о 151. №59. кп171382/ккк23716 Клеймо на горле</p>	<p>Период I (391–365 гг. до н.э.)</p>
55.		<p>[Ἄρστωρ] палица [Μενιδιμωσ]</p>	<p>Китей, 2012. I, 28/14. П/о 12; кп181897</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. 2616. Период VI (292–274 гг. до н.э.)</p>
56.		<p>[Ἄρστωρ] Ἄρστωρ Ἄρστωρ (ἄρστωρ)</p>	<p>Китей 2011, № 42. Кп181453/ккк25989</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. 1860-1868; Придик, 1917. С.38. №46-47. Период II (364–338 гг. до н.э.)</p>

57.		<p>Λάβρο(ς) Μνηστ(-)</p>	<p>Китей, 2008; № 159; кп171389/ккк23723</p>	<p><i>Аналоги:</i> IOSPE, III. 232–237; Garland, 1999. № 150. Период I (391–365 гг. до н.э.)</p>
58.		<p>Σάτρο(ς) гроздь Φιστίων с лунарная</p>	<p>Китей, 2008; II, Е/18. П/о 158; кп171388/ ккк23722</p>	<p>Новый штамп. Сатир I. Период VII (273–256 гг. до н.э.)</p>
59.		<p>[---]ο остатки эмблемы [---].</p>	<p>Китей, 2005; II,12/ яма 42. П/о 71. №31; кп160840/ккк2276. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. С. 186. № 11.</p>	

60.		[Ἀριστ]ομε(-) Δοσι[α] [...] канфар? на горле	Китей, 2008. П, Д/ яма 79. П/о 164. №70. кп171392/ккк23726	
РОДОС				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
61.		Ἐπὶ ἱερέως Ἀριστοδόμου Δαλίου	Китей, 2008. Ш, ш./10. П/о 161. кп171390/ ккк23724	Период IIIе. С лунарная, А с ломаной гастой, Ω курсивная ΑΡΙΣΤΟΔΑΜΟΣ 02-ΔΑΛΙΟΣ В лексиконе Σακαρεζ-Şepol данный штамп отсутствует
62.		Ἐπὶ ἱερέως Ἀρχοκράτους вокруг цветка ----->	Китей, 2008. П, 19/12. П/о 167. №79; кп171395/ккк23729	Период 2 с. ΑΡΧΟΚΡΑΤΗΣ 01 В лексиконе Σακαρεζ-Şepol данный штамп отсутствует

63.		Ἐπ' ἱερέως Εενοφάντου νασ.	Китей, 2007. II, пом. А. шт. 17. П/о 2. кп168132/ккк23251	Период IVb ΕΕΝΟΦΑΝΤΟΣ 02-002 ок. 151 г. до н.э.
64.		Ἐπὶ Συμμάχου Δαλίου	Китей, 2007; II, 18/8 под кл. 60. П/о 162. № 50. кп168170/ккк23266	Период IIIc ΣΥΜΜΑΧΟΣ-ΔΑΛΙΟΣ – 004
65.		[Ἐπὶ Τυ]μασσα- [γό]ρα [Ἀγρι]ανίου	Китей, 2008; III, ш/10 яма. П/о 157. № 63. кп171386/ккк23720	Период IIIb ΤΥΜΑΣΣΑΓΟΡΑΣ-ΑΓΡΙΝΙΟΣ - 001 Аналоги: Agiel, 2000, p.272. no15.

66.		<p>ΕΠΙ [...] Θεοφορίου</p>	<p>Китей, 2008; № 69; кп171391/ккк23725</p>	<p>Имя магистра не ясно</p>
67.		<p>Сохранилась только эмбле- ма – цветок, легенда рас- положена по кругу, надпись сбита</p>	<p>Китей, 2007; Шурф 2. П/о 52. №25; кп168150/ ккк23261</p>	<p>Имя магистра не ясно</p>
68.		<p>Сохранилась только эмбле- ма – цветок, легенда рас- положена по кругу, надпись сбита</p>	<p>Китей, 2009; П, Ж/8. П/о 37. № 19; кп174302/ккк24051</p>	<p>Имя магистра не ясно</p>
69.		<p>ΙΕΡΕΩΣ [...] ΟΣ[...] ΟΜ[...]</p>	<p>Китей, 2007; № 6; кп168135/ккк23252</p>	<p>Имя магистра не ясно 23x15 мм</p>

70.		<p>Ἀνδρίκου вокруг буквы Α</p>	<p>Китей, 2007; II, пом. Г. шт. 11. П/о 38. кп168143/ккк23258</p>	<p>Период IVb В лексиконе Σανκαρδεῶ-Σεπὸι данный штамп отсутствует</p>
71.		<p>[Διοδ]ότου</p>	<p>Китей, 2011. №3 Кп181427/ккк25984</p>	<p>Период 3 ΔΙΟΔΟΤΟΣ 01-002 Аналоги: Σεπὸι 2000. р.133, №100</p>
72.		<p>Κρέων- ος Ἀρτα- μίτου Ретроградное, сигма и эпсилон лунарная</p>	<p>Китей, 2006. II, 13/14. Пом. Б. П/о 24. Кп163508/ккк22795. Публикация: Федосеев, 2010. С. 187. № 20</p>	<p>Период 1-2 ΚΡΕΩΝ-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ В лексиконе Σανκαρδεῶ-Σεπὸι данный штамп отсутствует</p>
73.		<p>Μικύθου Θεσμοφο(ρίου)</p>	<p>Китей, 2008; III, ш/10 яма. П/о 158. №64; кп171387/ккк23721</p>	<p>Период 2 ΜΙΚΥΘΟΣ 02 – ΘΕΣΜΟΡΙΟΣ – 004</p>

74.		Φιλαντίου	Китей, 2010. I,26/10. П/о 5 кп176732/ ккк24711	Период 3 ΦΙΛΑΝΤΙΟΥ – 016
75.		Φιλώνδου Вокруг точки ----->	Китей 2008. II,Е/13. П/о 19. кп171349/ ккк23714	Период 2-3?? В лексиконе Sankardeş-Şenol данный штамп отсутствует
КЛЕЙМА НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЦЕНТРОВ				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
76.		Αθη(-)	Китей 2006. II,12/7. Пом. Г. П/о 191. Кп163548/ккк22802. <i>Публикация:</i> Федосеев, 2010. С. 187. № 19	Глина кирпично-красная с мелким пиритом и белыми включениями, редким ша- мотом. Похожа на гераклей- скую
КОС				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
77.		Δημη(-) Палица Ретроградное	Китей, 2009. II, Ж/10. П.о. 47. К.о 27. кп174310/ккк24052	Ручка двустольная

78.		[Ἀρ]τεμιόβορο	Китей, 2007. П.о.51, №24. кп168149/ккк23260	Глина плотная, без включений. Одноствольная
ХЕРСОНЕС				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
79.		[Νάων]ος [ἄστυνό]ου + монограмма	Китей 2010. 1,27/9. П/о 18. К/о 18. Кп176743/ккк24715	<i>Аналоги:</i> Кац, 1994. С. 76 Ч. III. Таблицы определителя. 1-80, 10; 2А-17,3. 1 хронологическая группа. Подгруппа Б. 315-300 гг. до н.э.
80.		Монограмма ΔΑ	Китей 2012. 1, 28/11. П/о 2. К/о 2. Кп181893	Кац, 1994. Таблицы определителя 2А-10,3

БОСПОР (черепица)				
№	Фото	Легенда	Место находки	Аналоги и комментарии
81.		ΑΘ ретроградный. Штамп № 3	Китей, 2009. П/о 39. К.о. 20. кп175358/ккк24054	<i>Аналоги:</i> Федосеев, 2012. № 9–13. Штамп № 3. Дата: 380–370 гг. до н. э. Анохин, 1999. № 1. Известно 6 штампов. Очевидно, что это краткая форма одного и того же имени. На Боспоре известно имя Ἀθηναῖος и Ἀθηναῖος Πρωφάνου; В.Ф. Гайдукевич, В.А. Анохин, В.В. Веселов восстанавливали: Ἀθη[ναῖος]. Скорее всего, это Ἀθηναῖος [Гайдукевич, 1934. № 1, 2, 3]
82.		ΒΑΣΙΛΙΚΗ.	Китей, 2008. Ш/11 п.о.182 к.о.80. кп171401/ккк23733. Штамп № 5	<i>Аналоги:</i> Федосеев, 2012. № 2906–3176. Археологические данные датируют черепицы с клеймом ΒΑΣΙΛΙΚΗ 290–280 гг. до н.э. [Гайдукевич, 1934. С. 293]. 245–235 гг. до н. э. [Анохин, 1999. № 132, 136]

Н.И. СУВОРОВА
N.I. SUVOROVA

**БОГИНЯ ИЗ НИСЫ (К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ
СВЯЗЯХ С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ)
GODDESS FROM NISA (TO THE QUESTION OF CENTRAL ASIAN
TIES WITH THE NORTHERN BLACK SEA COAST)**

В первых веках нашей эры Танаис переживал эпоху расцвета. Город в это время был главным производственным и торговым центром для обширных приазовских, донских и волжских степей, занятых кочевыми сарматскими племенами. Главным образом через Танаис весь этот сарматский мир был связан с античными центрами и получал различные товары и изделия с запада и юго-запада Причерноморья и Средиземноморья, а также с востока и юго-востока. Танаисское торговое влияние прослеживается вплоть до Прикамья и казахстанских степей [18. Шелов, 1972. С. 6]. Среди привозных предметов начала нашей эры, найденных в Танаисе, преобладает импорт из Малой Азии, Египта, Италии, с Кавказа. Очевидно, эти направления торговли были доминирующими. Однако существует небольшая категория предметов восточного происхождения. О них и пойдет речь далее.

В 1972 – 1976 годах в центральной части акрополя Танаиса была открыта усадьба 19 квартала III [2. Арсеньева, Науменко, 1992. С. 83]. Она состояла из двух наземных помещений X и T, помещения E с подвалом, подвала P и двух дворикив Б-1 и Б-2 (рис. 1, 1)¹. Время существования усадьбы II в. – первая половина III в. н. э.

В подвале E среди немногочисленных находок был обнаружен фрагмент объемной женской статуэтки (богини Ники?)². Сохранилась верхняя часть лицевой стороны: голова, верхняя часть обнаженного туловища, верхняя часть левой руки и часть крыла (?). Лицо овальное, хорошо смоделировано. Глаза большие, миндалевидные; брови широкие; нос небольшой, чуть заострен; рот маленький, губы пухлые, улыбающиеся; подбородок округлый. Голова чуть повернута вправо с небольшим наклоном влево. Голову обрамляют густые волосы, уложенные горизонтально четырьмя большими прядями с каждой стороны (рис. 2, а). Статуэтка отмыта в форме мастером старше 18 лет плотного телосложения [11. Лазарев. Серго, Суворова, 2016. С. 169]. Размеры: высота фрагмента – 10,4 см; высота головы – 3,7 см; ширина головы с прической – 3,6 см; толщина стенки – 0,4 см. Фрагмент склеен из трех частей, на внешней поверхности туловища обширные сколы, трещины, следы стеки и светлого ангоба. На внутренней поверхности многочисленные отпечатки пальцев мастера.

¹ Выражаю глубокую признательность С.А. Науменко за предоставленные планы городища Танаис.

² Т-76, XIV, пом. «Е», № 828; АМЗТ, КП 154 АГ 37/35.

Суворова Н.И. Богиня из Нисы ...

Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета с примесью мелких светлых частиц.

Обращают на себя внимание огромные миндалевидные глаза «восточного типа» богини, не характерные для статуэток, произведенных в античной Греции и Северном Причерноморье. Ближайшей аналогией оказалась терракотовая статуэтка, найденная в 1951 г. в сокровищнице парфянского дворцового комплекса в Старой Нисе (рис. 2, б). Найденный фрагмент был изготовлен из тонкоотмученной светло-желтой глины, на внешней поверхности сохранилась позолота. У статуэтки большие миндалевидные глаза, прическа, уложенная горизонтальными прядями, небольшой поворот головы влево и улыбающийся рот. Все эти особенности имеют сходство с танаисской терракотой. По сохранившемуся фрагменту трудно определить, какую богиню она изображает. Известно, что в Парфии господствующей религией был зороастризм. Однако это не мешало распространению и других верований. В придворной среде были популярны и небожители священного Олимпа. В помещениях сокровищницы Старой Нисы было обнаружено свыше сорока ритонов из слоновой кости, в оформлении фризов которых господствуют эллинистические мотивы – фигуры двенадцати олимпийских божеств [12. Массон, 1966. С. 84], а также многочисленные глиняные оттиски гемм-печатей с изображением Гефеста, Афины, Эрота. Особой популярностью среди воинственных парфян пользовалась, вероятно, Ника. Почти 20% из числа восстановленных изображений на геммах имеют фигуры Ники, идущей влево с венком и пальмовой ветвью в руках [13. Массон, 1953. С. 152]. Вполне возможно, что и терракотовая статуэтка изображала Нику. Ее крылья не сохранились, однако на похожей статуэтке из Танаиса они отчетливо видны. Время функционирования сокровищницы III в. до н. э. – III в. н. э. В 224 г. Старая Ниса была захвачена сасанидским войском, дворцовые постройки и сокровищница были разрушены и разграблены. Таким образом, эти две терракоты сближают не только общие стилистические особенности, но и время их существования.

Интересно, что в 2007 году на XIX раскопе в подвале R2 был обнаружен фрагмент оборотной стороны объемной статуэтки, морфологически идентичной найденной на усадьбе 19 в Танаисе в 1976 году (рис. 3, 2)³. Фрагмент изображает заднюю часть женской головы с волосами, уложенными в сложную прическу: лицо обрамляют густые пряди волос, уложенные горизонтально четырьмя большими прядями с каждой стороны. Волосы пышные, волнистые, закрывают шею, в средней части головы перевиты горизонтальной прядью (рис. 4, а). Фрагмент отмят в форме. Размеры: высота – 4,0 см; ширина – 3,0 см; толщина стенки – 0,4 см. На внешней поверхности – следы стеки, на внутренней – следы отпечатков пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета с примесью мелких светлых и блестящих частиц. Терракота была найдена на полу подвала, датирующегося первой половиной III в. н. э. При прокопке слоя пола

³ Т-07, XIX, R2, № 68; АМЗТ, КП 377 АГ 122/103.

были обнаружены предметы, датирующиеся II в. н. э. [1. Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2009. С. 49]. Данный фрагмент размерами чуть меньше и не стыкуется с терракотой, найденной на усадьбе 19 в 1976 году. Однако иконографически близок к ней и абсолютно повторяет форму прически головы. Что дает нам возможность атрибутировать его как фрагмент богини Ники. Возможно, обе эти статуэтки были изготовлены одним мастером с использованием одной матрицы.

Еще один фрагмент терракоты, имеющий «восточный облик», был обнаружен в 2015 году на XIX раскопе при исследовании постройки 21 (рис. 3, 3)⁴. Данная терракота, вероятно, представляет собой навершие в виде мужской маски устрашающего типа (рис. 4, б)⁵. Лицо овальное, обрамлено густой окладистой бородой. Глаза большие, миндалевидные. Брови густые, грозно сдвинутые к переносице. Нос небольшой, с горбинкой в верхней части, крылья носа раздуты. Усы тонкие в виде подковы, губы поджаты. Голова повернута влево. На голове, по-видимому, высокий головной убор восточного типа. Размеры: высота – 8,3 см; ширина – 5,0 см; толщина стенки – 0,5 см. Лицевая сторона навершия отмята в форме, обратная заглажена от руки. На внешней и внутренней поверхности следы стеки. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета с примесью мелких светлых и блестящих частиц. Датируется она временем функционирования постройки 21 – первой половиной III в. н. э. Точных аналогий терракоте не найдено. Однако стилистически она близка к глиняным скульптурам из Халчаяна I–II вв. н.э. [4. Беленицкий, 1977. С. 154] и Дильберджина I–III вв. н.э. [10. Кругликова, 1977. С. 87]. Все вышеперечисленные терракоты могли быть изготовлены в мастерских среднеазиатских центров кушанского времени.

Помимо терракоты, в Танаисе были найдены другие предметы восточного происхождения. По соседству с усадьбой 19, где была найдена статуэтка Ники, находится усадьба 16, состоящая из помещений ЕЖ и ЕЗ с подвалами и двора 121 (рис. 1, 2). В 1986 году в подвале ЕЖ была обнаружена бронзовая монета Канишки I (рис. 4, в)⁶. По-видимому, это медный динар второй фазы чеканки. Место производства – Кушанская империя. На лицевой стороне фигура царя, стоящая во весь рост влево. На оборотной стороне четырехрукая фигура Шивы в нимбе влево. Сохранность плохая, монета потерта и коррозирована. Датировка – II в. н.э.⁷ Это единственная кушанская монета, найденная в Танаисе. Ареал находок медных монет Канишки I на территории Таджикистана охватывает только южные районы республики. Их обнаруживают на городищах, в кладах и некрополях кушанского времени [9. Зеймаль, 1983. С. 196].

В 1996 году на раскопе XX в северной части подвала Д «позднего», датирую-

⁴ Т-15, XIX, постр. 21, № 864; АМЗТ, ВХ 461/864.

⁵ Выражаю глубокую признательность С.М. Ильяшенко за возможность опубликовать данный предмет.

⁶ Монета определена Г.А. Кошеленко.

⁷ Т – 86, VI, ЕЖ, шт.23, № 79; АМЗТ, КП 206 НУМ 363/362.

Суворова Н.И. Богиня из Нисы ...

щегося первой половиной III в. н. э., была обнаружена фигурка из слоновой кости (рис. 5, 1)⁸. По-видимому, она служила украшением или навершием (рис. 6, а). Фигурка изображает сидящего мужчину с согнутыми в коленях и перекрещенными «по-восточному» ногами. Левая рука согнута в локте и покоится на левом колене. В руках округлый предмет, вероятно, кубок. Голова чуть повернута вправо, волосы густые до плеч, на концах завиты. Сохранилась нижняя часть окладистой бороды. Задняя часть фигурки плоская. На уровне округлого предмета сквозное отверстие диаметром 0,6 см. Лицо и правая сторона фигурки отбиты. Поверхность бежевого и серого цвета, отполирована. На поверхности сколы и вертикальные параллельные трещинки, а также следы пожара. Размеры: высота – 5,3 см, ширина – 2,7 см, толщина – 2,2 см. Изображение сидящего «по-восточному» мужчины можно увидеть на золотой ажурной гривне из кургана 10 Кобяковского курганного могильника (рис. 6, б). В руках он держит округлый кубок, использовавшийся в среде ираноязычных кочевников в качестве ритуального сосуда [6. Гугуев, 1992. С. 124].

Предметы из слоновой кости издавна относили к роскоши. Слоновую кость ценили за плотность, твердость, цвет, устойчивость к изменениям температуры. В античное время слоновая кость имела широкое применение. Из нее изготавливали некоторые изящные женские орудия труда, ритоны, предметы украшения, произведения искусства. В Древней Греции и Риме из слоновой кости изготавливали высокохудожественные изделия [14. Петерс, 1986. С. 24]. При этом использовали бивни африканских и индийских слонов. Косторезное дело было развито и в Парфии, откуда происходит т.н. «парфянская резная кость», встречающаяся в сарматских погребениях на Нижнем Дону. Так, в 1989 году в кургане 18 курганной группы Красногоровка-III было обнаружено погребение знатного воина, датирующееся I – нач. II вв. н. э. [8. Гудименко, 1990. С. 10]. Среди погребального инвентаря был найден железный нож с костяной фигурной рукояткой, представляющей собой поясное скульптурное изображение мужчины, сидящего на троне (рис. 6, в). У него большие выразительные глаза, густые брови, усы, окладистая борода. Лицо обрамлено густыми волосами, уложенными в виде пяти горизонтальных прядей с каждой стороны. На голове налобная повязка, завязывающаяся сзади на бант. Обращает на себя внимание его прическа, имеющая сходство с изображением богини Ники из подвала Е городища Танаис.

В 1996 году на раскопе XX на полуужной части подвала Д «раннего» был обнаружен обгоревший фрагмент костяной накладки (рис. 5, 2)⁹. Сохранилась средняя часть женской фигуры, возможно, богини Афродиты. На ней длинный хитон, поверх которого надет короткий с треугольным вырезом и короткими рукавами, ниспадающий складками выше колен. Хитон высоко подпоясан под грудью. Руки опущены вдоль туловища. В руках богиня держит большую створку раковины.

⁸ Т – 96, XX, Д, № 1303; АМЗТ, КП 211 АГ 66/394.

⁹ Т – 96, XX, Д, № 1401; АМЗТ, КП 211 АГ 66/410.

Сохранился фрагмент прически в виде двух кос, ниспадающих до плеч (рис. 7, а). Размеры: высота – 5,2 см, ширина – 3,1 см, толщина – 0,6 см. Накладка выполнена из части трубчатой кости крупного животного, тщательно отполирована. Подвал Д «ранний» был вырублен в скале и датируется I в. до н. э. – I в. н. э. [3. Арсеньева, Науменко, 2001. С. 64]. По технике исполнения найденный предмет близок к костяной накладке ларца, обнаруженной в сокровищнице парфянского дворцового комплекса в Старой Нисе (рис. 7, б). На ней изображение парфянского Диониса, задрапированного в пышные восточные одеяния, опирающегося правой рукой на тирс [13. Массон, 1953. С. 155]. Тщательная проработка деталей одежды, техника исполнения ее драпировки, а также время существования сближают два этих предмета.

Еще один предмет заслуживает внимания в контексте данной статьи. Это фрагмент бронзового китайского зеркала, обнаруженный в 1968 году в ограбленном погребении кургана 10 северного некрополя Танаис (рис. 7, в)¹⁰. Погребение датируется не ранее II в. н. э. На оборотной стороне зеркала имеются две ленты из параллельных косых линий, между которыми заключено уплощенное рельефное кольцо. Внешнее орнаментальное поле ограничено двумя ободками. В поле имеются полусферический выступ на плоском основании, часть фигуры изогнутого дракона, иволга (?). По краю зеркала проходит плоский широкий бортик, диаметр около 18 см. Еще два зеркала этого типа были обнаружены в курганах 1 и 10 Кобяковского могильника. Такие зеркала были распространены в Китае в эпоху Западной Хань и датируются III–I вв. до н. э. [7. Гугуев, Трейстер, 1995. С. 147].

Таким образом, на городище и в некрополе Танаис обнаружено семь предметов восточного происхождения (рис. 3). Однако подобные предметы были распространены не только среди оседлого населения Нижнего Дона, но и среди кочевого. Так, на территории Нижнего Подонья в курганах сарматской знати I–II вв. н. э. встречаются предметы восточных импортов. К числу наиболее ярких находок относятся ханьские зеркала, изделия полихромного «золотисто-бирюзового» стиля, выполненные в типично бактрийской манере, парфянская резная кость [6. Гугуев, 1992. С. 127].

Кроме того, прослеживаются общие тенденции в развитии гончарного производства Кушанского царства и городов Северного Причерноморья, в том числе и Танаиса. Речь идет о применении сетчатого лощения на гончарных сосудах и использовании витых ручек [15. Сычева, 1978. С. 252]. Что, несомненно, говорит о взаимных влияниях культур этих регионов.

Каким же образом попадали эти предметы в Танаис и в курганы кочевников? Как осуществлялось взаимное влияние культур столь отдаленных друг от друга территорий? В.К. Гугуев предположил, что подобно тому, как греческие мастера Северного Причерноморья изготавливали ювелирные украшения и предметы торевтики по заказу скифской знати, мастера-бактрийцы выполняли заказы вождей саков, юэджей,

¹⁰ Т – 68, СН, к. 10, п. 2, № 211; АМЗТ, КП 71 АН 3/116.

Суворова Н.И. Богиня из Нисы ...

сарматов [6. Гугуев, 1992. С. 128]. С другой стороны, перечисленные выше предметы у иранцев являлись сакральными атрибутами власти и, возможно, не предназначались для торговых операций. Наиболее вероятно попадание к сарматам этих изделий роскоши в результате ограбления царских (храмовых) сокровищниц либо в качестве даров [7. Гугуев, Трейстер, 1995. С. 152].

И.Т. Кругликова, анализируя среднеазиатские терракотовые статуэтки и аналогичные им из Северного Причерноморья, относящиеся к периоду от рубежа н. э. до III в. н. э., т. е. к периоду интенсивной сарматизации античных городов Северного Причерноморья, связывает их появление с приходом новых этнических элементов [10. Кругликова, 1977. С. 88]. В.К. Гугуев также допускает попадание предметов восточного импорта путем непосредственной инфильтрации части среднеазиатского населения в состав сарматских орд [5. Гугуев, 1990. С. 72].

Все перечисленные пути проникновения предметов восточного происхождения на Нижний Дон, вероятно, имели место быть. Однако нельзя забывать и о существовании торгового «Великого шелкового пути», имевшего выход к Танаису (рис. 8). По свидетельству Страбона (XI. V. 8), сарматы-аорсы принимали активное участие в этой торговле.

Изучая вопрос о связях кушанского мира с греко-римским, Б.Я. Ставиский выделял три пути: северный (через евразийский степной коридор), центральный (через Иранское плато) и южный (по морю из Египта в Индию). В. М. Массон полагал, что северный путь имел характер косвенных контактов через посредство кочевых племен, тем самым снижая роль северного пути в римско-кушанских связях. Анализируя керамический материал, Н.С. Сычева пришла к выводу, что северный путь был весьма важен в области распространения тех или иных черт керамики Северного Причерноморья в керамике Северной Бактрии кушанского времени. Что подтверждает существование непосредственных торговых контактов между этими двумя весьма отдаленными друг от друга территориями [15. Сычева, 1978. С. 254].

Свидетельством караванной торговли, безусловно, являются и находки костей верблюдов на городищах Северного Причерноморья. Они, как правило, очень редки. Всего по одной кости этих животных происходят из раскопок Пантикапея, Илурата и Неаполя Скифского. Две кости было найдено в Фанагории, двенадцать – в Ольвии. В культурном слое Танаиса кости верблюда более многочисленны: найдено 53 кости, минимально от 7 особей, в том числе двух молодых [16. Цалкин, 1969. С. 282]. Верблюд не принадлежал к числу местных домашних животных и не имел в хозяйстве народов Северного Причерноморья сколько-нибудь серьезного значения. По мнению В. И. Цалкина, появление верблюда на этой территории в эпоху раннего железа связано с торговыми отношениями, существовавшими между Северным Причерноморьем, с одной стороны, и Закаспийской областью и Закавказьем – с другой [17. Цалкин, 1960. С. 51].

Обращает на себя внимание тот факт, что все вышеперечисленные находки костей верблюдов относятся к римскому времени. Вероятно, именно в этот период торговля

Боспорские исследования, вып. XXXVI

с восточными территориями велась более интенсивно. А Танаис, судя по преобладающему количеству подобных находок, был ключевым торговым центром северного направления «Великого шелкового пути» в античное время. Именно отсюда восточный импорт распространялся среди оседлого и кочевого населения Нижнего Дона и всего Северного Причерноморья. Среди товаров преобладали предметы роскоши, встречались также и терракотовые статуэтки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А.* Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н.э. // ДБ, том 13. М. 2009.
2. *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Усадьбы Танаиса. М. 1992.
3. *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ, том 4. М. 2001.
4. *Беленицкий А. М.* Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М. 1977.
5. *Гугуев В. К.* Кобяковская гривна (происхождение и датировка) // ИАИАНД, вып. 9. Азов. 1990.
6. *Гугуев В. К.* Кобяковский курган. (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. – начала II в. н. э.) // ВДИ, № 4. М. 1992.
7. *Гугуев В. К., Трейстер М. Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА, № 3. М. 1995.
8. *Гудименко И. В.* Работы I Приморского археологического отряда в 1989 г. // ИАИАНД, вып. 9. Азов. 1990.
9. *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983.
10. *Кругликова И. Т.* Идолы из Дильберджина // История и культура античного мира. М. 1977.
11. *Лазарев Н. В., Серго С. В., Суворова Н. И.* А Мастер кто? (По материалам дактилоскопического исследования терракоты Танаиса) // БИ, XXXII. Керчь. 2016.
12. *Массон В. М.* Страна тысячи городов. М. 1966.
13. *Массон В. М.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории южного Туркменистана. (Из работ ЮТАКЭ 1951 г.) // ВДИ, № 1. М. 1953.
14. *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1986.
15. *Сычева Н. С.* Античные элементы в керамике Северной Бактрии – Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М. 1978.
16. *Цалкин В. И.* Фауна Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М. 1969.
17. *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА, № 53. М. 1960.
18. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972.

REFERENCES

1. Arsen'yeva T. M., Il'yashenko S. M., Naumenko S. A. (2009). Some New Closed Deposits of the 2nd and 3rd Centuries AD from Tanais, vol.13.
2. Arsen'yeva T. M., Naumenko S. A. (1992). Tanais estates.
3. Arsen'yeva T. M., Naumenko S. A. (2001). Excavations of Tanais in the center of the east part of the settlement, vol.4.
4. Belenitskiy A. M. (1977). The art of ancient and medieval cities in Central Asia // Works of art in recent finds of soviet archaeologists.
5. Guguev V. K. (1990). The Kobayakov Grivna (origin and dating) // IAIAND, vol. 9, Azov.

Суворова Н.И. Богиня из Нисы ...

6. Guguev V. K. (1992). Kobyakovo Barrow (On the Oriental Influence to the Sarmatian Culture of the I – early II century A.D.) // VDI 4.
7. Guguev V. K., Treister M. Yu. (1995). Han Mirrors and Imitations of Them in the South of the Eastern Europe // RA, 3.
8. Gudimenko I. V. (1990). Works of the first Primorye archaeological team in 1989 // IAIAND, vol. 9, Azov.
9. Zeymal E. V. (1983). Ancient Coins of Tajikistan. Dushanbe.
10. Kruglikova I. T. (1977). Idols from Dilberjin // History and Culture of the Ancient World.
11. Lazarev N. V., Sergo S. V., Suvorova N. I. (2016). Who is the Master? (According to the dactyloscopic studying of Tanais terracotta) // BI XXXII, Kerch.
12. Masson V. M. (1966). The country of thousand cities.
13. Masson V. M. (1953). New archeological data on the history of the slave-owning society on the territory of southern Turkmenistan, VDI.
14. Peters B. G. (1986). Bone Carving in Ancient States of the Northern Pontus.
15. Sycheva N. S. (1978). Ancient elements in ceramics of Northern Bactria – Tokharistan in the Kushan period, the connections between the Kushan empire and Greco-Roman world // Ancient traditions in the culture and art of the Soviet East.
16. Tsalkin V. I. (1969). The Tanais Fauna // Antiquities of the Lower Don Basin and Azov region.
17. Tsalkin V. I. (1960). Domestic and wild animals of the Northern Pontus in the Early Iron Age. MIA 53.
18. Shelov. D. B. (1972). Tanais and the Lower Don in the first centuries AD.

Резюме

Предметы восточных импортов встречаются в курганах сарматской знати I – II вв. н. э. на территории Нижнего Подонья. Подобные предметы, а также следы караванной торговли находят и в Танаисе в слоях, относящихся к римскому времени, что позволяет сделать вывод об интенсивной торговле Подонья в это время с восточными территориями, а также о доминирующем значении Танаиса в северном направлении «Великого шелкового пути» в античную эпоху.

Ключевые слова: Танаис, среднеазиатский импорт, терракота, сарматы, «Великий шелковый путь».

Summary

Eastern import objects can be found in burial mounds (kurgans) of Sarmatian nobility ca I-II c. AD in the territory of the Lower Don. Such objects, as well as traces of caravan trade, have been found in the Roman layers in Tanais, which leads to the conclusion that in that period of time the River Don lower region had extensive trade relations with eastern territories and that Tanais played a dominant role in northern direction of the Silk Road during ancient times.

Keywords: Tanais, Central Asian import, terracotta, the Sarmatians, the Silk Road.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суворова Надежда Игоревна,
ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник»,
старший научный сотрудник,
8 (904) 502 35 87;
e-mail: w.falke@mail.ru.

Suvorova Nadezhda Igorevna,
SBIoC RO «Azov History, Archeology and Paleontology Museum-Reserve»,
senior research associate.
8 (904) 502 35 87;
e-mail: w.falke@mail.ru.

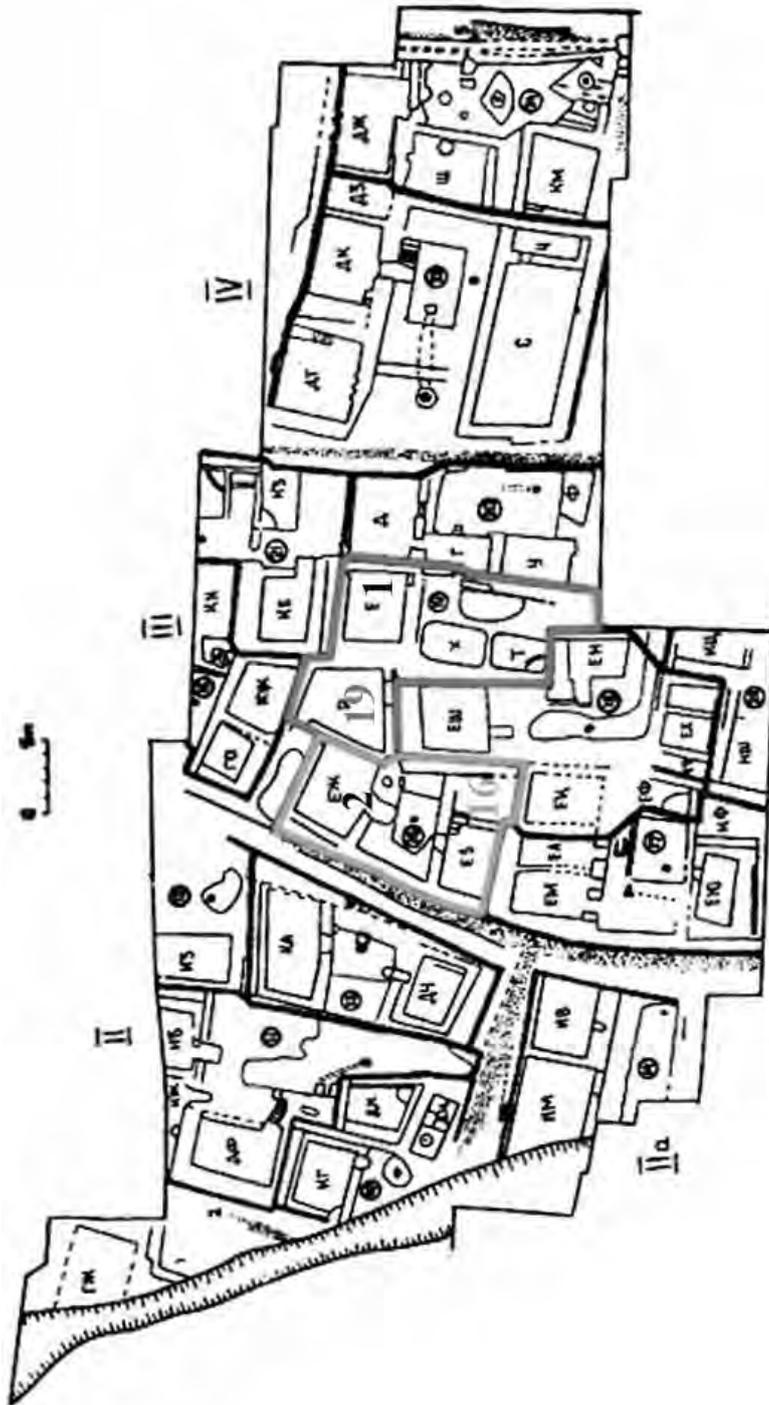

Рис. 1. План расположения усадеб 16 и 19 в квартале III центральной части акрополя Танаис:
1 – место находки терракоты, 2 – место находки монеты.

Рис. 2.
а – богиня Ника,
б – terra-cotta из Старой Нисы.

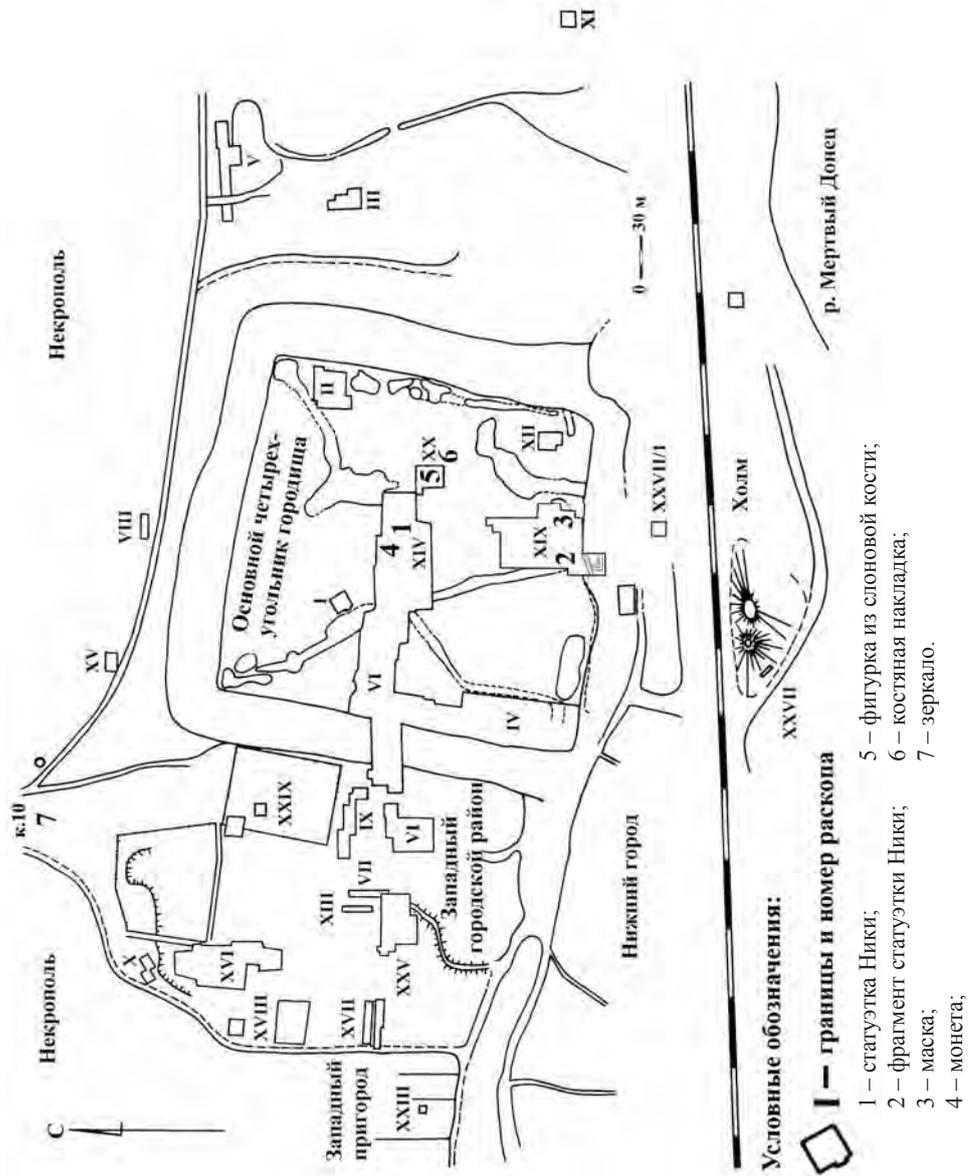

Рис. 3. Общий план Танаиса с исследованными участками.

Рис. 4.

а – фрагмент головы богини Ники; б – терракотовая маска; в – монета Канишки I.

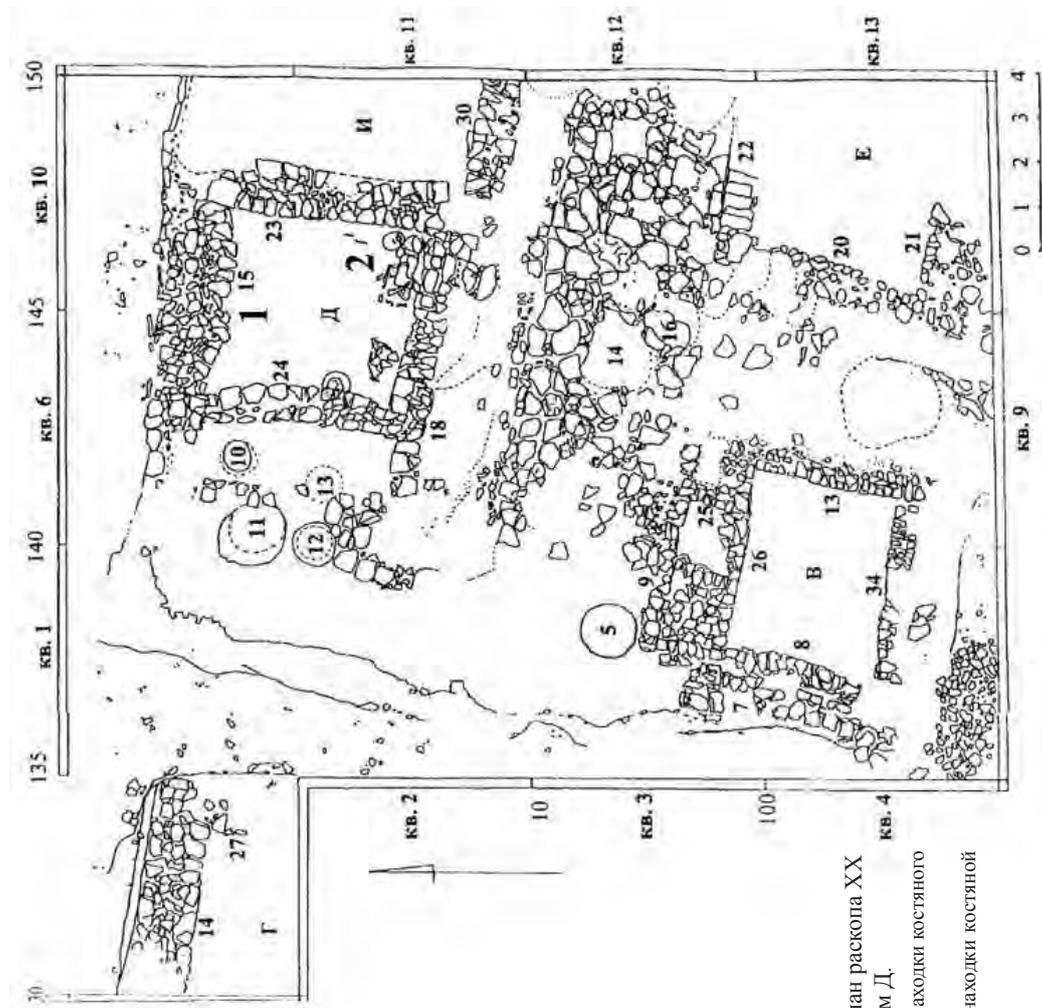
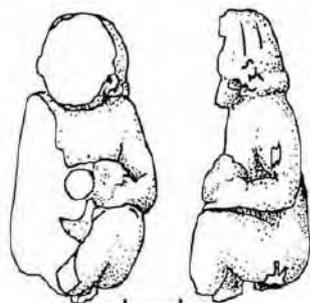

Рис. 5. План раскопа XX с подвалом Д.

- 1 – место находки костяного навершия;
- 2 – место находки костяной накладки.

0 1 см

б

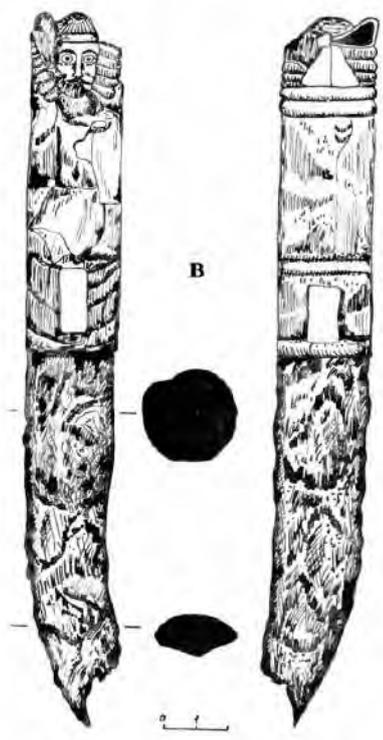

Рис. 6.

а – костяное навершие; б – гривна из Кобяковского могильника;
в – нож с костяной рукоятью из к.18, Красногоровка - III.

Рис. 7.

а – костяная накладка из подвала Д в Танаисе;
 б – костяная накладка из Нисы; в – китайское бронзовое зеркало.

Рис. 8. «Великий шелковый путь» в античную эпоху.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО
N.A. ALEKSEIENKO

**МОЛИВДОВУЛ КОММЕРКИАРИЯ АМИСА
ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА
THE MOLYBDOBOULLOS OF THE KOMMERKIARIOS OF AMISOS
IN BYZANTINE CHERSON**

Согласно данным трактата «Об управлении империей» херсонские корабли осуществляли регулярные рейсы и в столицу империи, и в портовые центры южнопонтийских фем, где, надо полагать, вели активную торговую деятельность, снабжая город и его округу всем необходимым. Константин Багрянородный прямо называет три приморских области: Пафлагонию, Армениаков и Вукелариев, где херсонские корабли загружались различными заморскими товарами и продовольствием [Константин Багрянородный, 1991, с. 274–275].

Существование тесных контактов Таврики с южными районами Причерноморья еще с эпохи раннего средневековья в известной степени иллюстрируют памятники сфрагистики. В первую очередь это печати коммеркиариев VI–VIII вв., обнаруженные в Херсоне и Сугдее, которые показывают, что византийская Таврика находилась в ареале экономических интересов имперской таможенной службы задолго до создания своей собственной в Херсоне [Алексеенко, 2004а, с. 92–102; Алексеенко, 2005, с. 1592–1626; Alekseyenko, 2007, р. 121–164] и, очевидно, самым активным образом участвовала в припонтийской торговле [см.: Степанова, 2001, с. 97–108; Алексеенко, 2013, с. 275–286; Алексеенко, 2015, с. 415–424]. Об этом, как нам представляется, достаточно красноречиво свидетельствуют найденные в Херсоне и его округе моливдовулы коммеркиария Феодора VI – начала VII вв. [Алексеенко, 2016, с. 8, 9, рис. 2]; главного коммеркиария аптеки Гелеспонта Стефана, 659–668 гг. [Алексеенко, 1997, с. 122–124, № 1]; главного коммеркиария аптеки приморского побережья Понта от Онориады до Трапезунда Анастасия, начало VIII в. [Алексеенко, 2013, с. 277–278] и целого ряда других фигурантов, так или иначе связанных с осуществлением торгово-таможенных операций в причерноморском регионе [Алексеенко, 2004b, с. 265–275, № 1–5, рис. 1–5, 7, 17].

Особо следует отметить находку в Херсоне моливдовула булотира Иерона Фотина, VIII в. [Алексеенко, 1997, с. 126, 127, № 3], в чьи обязанности входило от имени епарха Константинополя опечатывать товары, подлежащие таможенному контролю в столице империи [Oikonomidès, 1972, р. 112, 113, 321], а также двух экземпляров печати императорского протоспафария Филофея, константинопольского епарха, предназначенной для опечатывания тюков с готовыми византийскими одеждами, разрешенными для вывоза за границу [Алексеенко, 2008, с. 174, 175, 178, 248

Боспорские исследования, вып. XXXVI

рис. 1; второй экз. из коллекции Н.П. Лихачёва не издан – находится в собрании Государственного Эрмитажа¹].

Как известно, сбор налогов, торговых и таможенных пошлин осуществлялся на государственных таможах – фемных императорских коммерциях, непременным условием существования которых было прохождение через них сухопутных или же морских торговых трактов [Йорданов, 1992, с. 23]. В этих условиях Таврика в целом и византийский Херсон в частности, благодаря своему стратегически выгодному положению, занимали особое место в системе имперских экономических коммуникаций в Северном Причерноморье. Напомним, что ещё со времён античности через Таврику проходили традиционные караванные пути, связывавшие север и юг, а в византийский период обеспечивавшие связи Византии с Древней Русью, Западной Европой и кочевниками северо-востока. Один из таких караванных путей из Фессалоник через Северное Причерноморье на Кавказ описывает Константин Багрянородный. Причём император ясно даёт понять о существовании по крайней мере двух маршрутов – морского и сухопутного [Константин Багрянородный, 1991, с. 171–177]. К сожалению, источники не сохранили никаких деталей морского маршрута: он мог осуществляться как длительным каботажным плаванием вдоль западного побережья Понта, так, безусловно, и напрямик через море, несмотря на большую опасность этого пути. В пользу последнего, надо полагать, свидетельствуют происходящие из Херсона названные выше моливдовулы коммеркиариев апотек южного побережья Понта.

Сегодня к ранее выявленным по находкам печатей коммеркиариев складов апотекмалоазийского побережья Понта (Константинополь, Пафлагония, Армениак, Онориада), с которыми так или иначе контактировал Херсон, мы имеем возможность добавить ещё один конкретный южнопонтский таможенный центр.

В этой связи здесь в очередной раз весьма уместным, на наш взгляд, будет привести наблюдение Н. Икономидиса, в своё время отмечавшего участие Херсона во внешней торговле Византийского государства в качестве аккумулирующего завершения важной коммерческой магистрали Востока, которая пересекала степи и затем, покинув херсонский порт, морем шла в Византию. Напомним, что, по мнению учёного, в Херсоне, так же как и в главном центре фемы Халдия на юго-востоке Причерноморья – в Трапезунде, другом главном завершении важной наземной торговой магистрали из Персии, совсем не случайно появился свой коммеркиарий [Oikonomides, 2000, с. 320]. В то же время между обеими областями прослеживаются и определённые различия. Собственно, таможенники города Трапезунда не известны; они неизменно именуются коммеркиариями Халдии, однако так же, как и херсонские, достаточно многочисленны [McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 89–95, pp. 32.15–30]. В первую очередь отметим, что в отличие от Халдии, где имя главного

¹ Выражаю большую признательность и благодарность хранителю сфрагистической коллекции Эрмитажа к.и.н. Е.В. Степановой за возможность ознакомиться с собранием моливдовулов и использовать материалы в своих исследованиях.

Алексеевко Н.А. Моливдовул коммеркиария ...

города и название области различны, в Херсоне они совпадают и местный коммеркиарий, скорее всего, являлся и таможенным инспектором непосредственно в порту Херсона. Впрочем, следует отметить, что подобная херсонской ситуация существовала и в некоторых других фемах империи (Фессалоники, Диррахий), в которых хорошо известны коммеркиарии [Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 42, 43, 51–56, 63–70, nr. 12.6, 18.2–7, 9, 11, 32–51].

Надо полагать, что юрисдикция херсонского коммеркиария распространялась не только на территорию собственно фемы, но и на всю Таврику в целом или хотя бы на юго-западный и южный берег полуострова, поскольку Херсон в IX–X вв. являлся главными торговыми воротами Византии в Северном Причерноморье. Хотя по одной из печатей можно судить, что, по крайней мере, в конце IX в. или на рубеже IX/X вв. полномочия одного из херсонских таможенников распространялись даже на некоторую часть Понта [Алексеевко, 2012а, с. 277, 278, рис. 6; Алексеевко, 2017а, с. 126, 127, 384, III.2.22; ср. Булгакова, 2008, с. 309, № 16].

Следует отметить, что до сих пор других крымских коммеркиариев или иных чиновников фискального ведомства, связанных непосредственно с местными административными институтами, мы пока не знаем.

В то же время заметим, что коммеркиарии присутствовали не только в портовых центрах. Например, в главном центре фемы Армениак – Амассии, которая находилась в глубине материка, по крайней мере в первой половине IX в., также известен свой коммеркиарий [McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 72, nr 23.1].

Вместе с тем, в провинциях Южного Понта присутствуют и другие чиновники государственного фиска «сидевшие», как правило, в портовых городах, не являвшихся столицами провинций. В первую очередь речь идет о диойкитах, которых, судя по свидетельству Жития св. Марии Младшей [Vita S. Mariae Iunioris, 1925, p. 693.], следует рассматривать как сборщиков налогов, производивших аресты и заключавших под стражу тех, кто был не в состоянии их платить. К примеру, можно назвать диойкитов в Амастриде (Пафлагония) [Алексеевко, 2000, с. 99. № 1], Тиосе (Вифиния), Синопе (Армениак) и Амисе (Халдия) [McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 23, 24, 74, 83, nr 10.1-2, 31.1, 24.1-2].

Названный последним центр для нас особо интересен.

До последнего времени о каких-либо связях Херсона с портами фемы Халдия по памятникам сфрагистики ничего не было известно. Лишь совсем недавно удалось ввести в оборот две печати: Михаила, диойкита Халдии первой половины IX в. [Алексеевко, 2015, с. 417–418, № 1], и митрополита Трапезунда Георгия XI в. [Алексеевко, 2017 (inprint), nr. 6]. Как видим, названные печати обращают наше внимание на определённые связи Херсона со столицей провинции Халдия – Трапезундом по крайней мере в течение трёх столетий.

Продолжение исследования комплекса херсонского архива печатей позволило выявить еще один интересный и ценный для нас памятник, представляющий ещё один город-порт южнопонтского побережья [Алексеевко, 2017b, с. 18, 21 (рисунок)].

1. Akh-1733. Музей Шереметьевых (Киев). (Рис. 1).

Диаметр – ок. 20 мм; толщина пластинки – ок. 2,5 мм.

Сохранность: удовлетворительная; на лицевой стороне нечеткий оттиск изображения, на оборотной – внизу на выходе канала вздутие металла, частично повредившее две последние литеры третьей строки легенды.

Происхождение: византийский Херсон, акватория в северо-восточной части городища (архив).

Аверс. Между двух жемчужных ободков круговая, начинающаяся вверху справа надпись с инвокативным обращением: Ο

ΚΕΒΘΚΥΡΗΚΟΜΕΡ– Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) Κυρη(λλφ)κομ(μ)ερ...

В центре небольшой шестиконечный процветший крест на ступенях. Ветви цветения не достигают нижней перекладины креста.

Реверс. В жемчужном ободке завершение надписи лицевой стороны, размещенной в три строки:

+ΚΙΑΡΙ|ΩΑΜΗ|CΟΥC – ...κιαρίφ Ἀμη(v)σοῦς.

Судя по легенде, печать принадлежала коммеркиарию г. Амиса по имени Кирилл (впрочем, возможны также имена Кириак или Кир). Хотя во всех трёх вариантах при начертании имени после *ρο* вместо *эты* должна быть *йота*. Однако аналогичная подмена литер достаточно широко известна на памятниках сфрагистики.

Как видно из легенды моливдовула указания, на какие бы то ни было ранги собственника печати отсутствуют. Владелец печати назван лишь коммеркиарием Амиса, даже без приставки императорский.

Рассматриваемая херсонесская находка не является уникальной. Нам удалось обнаружить ещё один аналогичный экземпляр, который достаточно давно известен по коллекции Г. Закоса [Zacos, 1984, p. 135, пг. 200]. Издатель определил имя владельца – Кирилл.

Херсонский моливдовул имеет вполне удовлетворительную сохранность, позволяющую не только заключить, что он оттиснут той же парой штемпелей, но и дополнить часть легенды, в свое время не указанной издателем первого экземпляра.

Свой моливдовул Г. Закос предположительно относил к X веку (со знаком вопроса), очевидно, из-за присутствия в сфрагистическом типе шестиконечного процветшего креста. Как известно, такое изображение процветшего креста И.В. Соколова относил к первому типу и полагала, что он бытует на памятниках сфрагистики в пределах X в. [Соколова, 1983, с. 99; Соколова, 1991, с. 99] Н. и В. Зайбт полагают, что моливдовулы с таким типом креста датируются второй четвертью X в. [Зайбт, Зайбт, с. 93]. Однако, на наш взгляд, печать несёт некоторые характерные стилистические и эпиграфические особенности, которые позволяют уточнить её датировку. С нашей точки зрения, печать коммеркиария Кирилла должна относиться к более раннему времени, в пользу чего свидетельствует, по крайней мере, три фактора.

Алексеевко Н.А. Моливдовул коммеркиария ...

Во-первых, изображение креста совсем не характерно не только для X в., но и даже для второй половины IX в.

Во-вторых, владелец печати не указывает никакого придворного ранга, что характерно для печатей как раз-таки ранних коммеркиариев. Напомним, что первые коммеркиарии Херсона (около середины IX в.) сначала не имели никаких рангов, хотя и титуловали себя императорскими [Alekseyenko, 2012, p. 181–183, pp. 95–98; Алексеевко, 2017а, с. 123, 358–362, III.2.1–III.2.5].

И наконец, в-третьих, на рассматриваемом моливдовуле присутствует шрифт совсем не характерный для X столетия: здесь использованы специфические начертания отдельных литер (ретроградная *альфа*, закрытая *бета*, остроугольная *каппа* и *лю* с короткой центральной частью), характерные лишь для ограниченного времени – второй половины VIII в. [Соколова, 1981, с. 107–109]. Особо выделяется *альфа*, средняя гаста которой расположена не традиционно, а от края правой к центру левой ножки, т.е. представлена как бы зеркально. Такая форма *альфы*, по наблюдениям Н. Икономидиса, встречается на датированных печатях в конце VII столетия [см.: Oikonomedes, 1986, p. 165–169].

Уточнить датировку моливдовула позволяет и присутствующий на нём знак сокращения в виде изогнутой (серповидной) линии во всю высоту строки. По наблюдениям И.В. Соколовой, подобные знаки сокращения бытуют на византийских печатях с 780-х гг. вплоть до правления Василия I [Соколова, 1986, с. 158, 159; Соколова, 1981, с. 114]. В то же время достаточно близкий нашему знак в виде серповидной линии открытой стороной влево обнаружен на эрмитажных моливдовулах стратигов Фессалоники и Пеллопонеса, который исследовательница предложила считать «хронологическим признаком печатей второго и отчасти третьего десятилетия IX в.» [Соколова, 1981, с. 110, табл. II. № М-2271, табл. III. № М-623, М-2621]. Однако знак сокращения эрмитажных печатей, на наш взгляд, имеет одно существенное отличие: он расположен наклонно; в то время как на печати коммеркиария Амиса – строго вертикально. Это, как нам представляется, его сближает со следующим этапом эволюции знака сокращения и превращения его в волнообразную линию. В этой связи знак сокращения, представленный на херсонесской находке, очевидно, следует рассматривать как предшествующий тип знака сокращения на указанных выше эрмитажных печатях, а, следовательно, и несколько более раннюю датировку рассматриваемого моливдовула.

Таким образом, по совокупности стилистических и эпиграфических данных моливдовул коммеркиария Амиса можно относить к хронологическому периоду от конца VIII в. до первой трети IX в. На наш взгляд, скорее всего, его следует датировать в пределах конца VIII в. – рубежа VIII/IX вв., но не позднее первых двух десятилетий IX столетия.

Как известно, портовый г. Амис – давнишний торговый партнер античного Херсонеса ещё с митридатовской эпохи. Его монеты самым активным образом участвовали в городском денежном обращении. По числу находок они лидируют

Боспорские исследования, вып. XXXVI

среди южнопонтийских центров, а среди иногородних монет после боспорских занимают второе место [Гилевич, 1968, с. 19, 58–61, прил. IV–V; ср.: Сапрыкин, 2005, с. 112–136, рис. 12].

В эпоху средневековья Амис по-прежнему остаётся одним из крупных и важных портов на южном побережье Черного моря. Благодаря памятникам сфрагистики стало известно, что он входил в качестве турмархии в фему Армениаков. Примечательно, что местный турмарх одновременно с этим являлся и парафилаксом (командующим крепостью) и управлял портом; здесь же присутствовали и чиновники государственного фиска – диойкиты и коммеркиарии [см.: McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 74–76, nr 24.1-6]. Кроме того, город известен и как значительный зерновой рынок по торговле с Таврикой, именно здесь есть орарии – чиновники, заведовавшие общественными зернохранилищами [Cheynet, 2008, p. 221–223].

Напомним, что именно Южное Причерноморье являлось главным поставщиком зерна в Херсон [Константин Багрянородный, 1991, с. 274-275] и благодаря поставкам продовольствия и связанным с ними налогам появился в Херсоне ещё до организации здесь собственной таможенной службы моливдовул амисского коммеркиария.

В этой связи, видимо, нельзя не упомянуть ещё одного чиновника, имевшего непосредственное отношение к имперским налогово-податным коммуникациям в Причерноморье и, надо полагать, контролировавшего поставки продовольствия не только в византийскую столицу, но и гораздо шире, вплоть до берегов Таврики. Речь идёт о печатях Иоанна, *хартулярия* и *генимата* Хрисополя и преправы [Birch, 1898, p. 28, № 17589; Панченко, 1908, с. 129. № 368; Соколова, 1992, с. 196, 203, рис. 10; Sokolova, 1993, p. 111; Алексеенко, 1997, с. 129, № 7; Шандровская, 2000, с. 250, 251; Алексеенко, 2000, с. 101–104, № 2–4; Алексеенко, 2004b, с. 274, рис. 18, 19], большая часть из которых (уже известно более 10 экз.) происходит именно из Херсона. Не исключено, что, может быть, благодаря именно этим постоянным поставкам мы имеем такое изобилие моливдовулов выше названного хрисопольского функционера.

Таким образом, находка в Херсоне печати теперь и коммеркиария Амиса рубежа VIII/IX вв. не только в очередной раз подтверждает сообщения письменных источников о контактах херсонитов с приморскими центрами Южного Причерноморья и очевидных поставках в первую очередь зерна и продовольствия, но и свидетельствует о том, что главную роль в этом по-прежнему играли традиционные ещё со времён античности торговые партнёры города-порты южного побережья Чёрного моря, такие как Амис, и другие центры.

Алексеевко Н.А. Моливдовул коммеркиария ...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеевко Н.А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII–IX вв. // Древности-1996. – Харьков, 1997. С. 122–133.
- Алексеевко Н.А.* Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2000, Вып. 31. С. 98–104.
- Алексеевко Н.А.* Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. // Сфрагистика и история культуры. – СПб., 2004а. С. 92–102.
- Алексеевко Н.А.* Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // Acta Musei Varnensis. – Варна, 2004b, Т. 2. С. 265–275.
- Алексеевко Н.А.* Таможня и коммеркиарии Херсона // в: Сорочан С.Б. Византийский Херсон – Харьков, 2005. Т. 2. С. 1592–1626.
- Алексеевко Н.А.* Торговля тканями и экспорт одежды в Византии по данным сфрагистики // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник научных статей к 70-летию юбилею истфака. – Екатеринбург, 2008. С. 174–178.
- Алексеевко Н.А.* Находки печатей херсонских чиновников в византийской Сугдее (к проблеме атрибуций и датировок) // Сугдейский сборник / – Киев; Судак, 2012. Вып. V. С. 271–286.
- Алексеевко Н.А.* Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века» // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 275–286.
- Алексеевко Н.А.* Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб., 2015. Т. LXIV. С. 415–424.
- Алексеевко Н.А.* Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. (Серия 4). – Волгоград, 2016. Том. 21. № 5. С. 6–18.
- Алексеевко Н.А.* Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. – Севастополь: Колорит, 2017, 476 с.
- Алексеевко Н.А.* К вопросу о торговых путях через Понт: моливдовул коммеркиария Амиса из Херсона // XVIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути, товары, отношения». Симферополь; Керчь, 2017b. С. 16–21.
- Булгакова, 2008:* Булгакова В.А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Т. III. С. 296–330.
- Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. – Киев, 1968. Вып. 3. С. 3–61.
- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // Античная древность и средние века. Византия и средневековый Крым. – Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 91–97.
- Йорданов И.* Печати на коммеркиарията Девелт // Поселищни проучвания. – София, 1992. Вып. II.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. 496 с.
- Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов. – София, 1908. 178 с. + XVII табл.
- Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. Историко-нумизматическое исследование. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. 207 с. + ил.
- Соколова И.В.* Об эпиграфике византийских печатей VIII–IX вв. // Византийский временник. – М., 1981. Т. 42. С. 106–114, табл. I–VII.
- Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л. 1983.
- Соколова И.В.* Знак сокращения на византийских моливдовулах VIII – первой половины X вв. // Византийский временник. – М., 1986. Т. 47. С. 157–162.
- Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1991. Вып. XXIII. С. 94–102.
- Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 1992. Вып. 26. С. 191–213.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.
- Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. – Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 247–255.
- Alekseyenko N.* La douane du thème de Cherson au IXe–Xe siècle: les sceaux des commerciaux // Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian Papers at the 20th International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001) / ed. by A. Aibabin and G. Ivakin. – Kyiv; Simferopol; Paris, 2007, p. 121–164.
- Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. – Paris: ACHByz, 2012, 268 p.
- Alekseenko N.* Remarks on the correspondence between byzantine Cherson and Asia Minor: the evidence of seals // The prosopography of the thematic administration: old and new evidence on Anatolikon, Karabesianon-Kibyrraioton and Opsikion. – Athens, 2017 (in print).
- Birch W.G.* Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. – London, 1898. Vol. 5.
- Cheyne J.-Cl.* Un aspect du ravitaillement de Constantinople aux Xe–XIe siècles d'après quelques sceaux d'Hôrreiaroi // J.-Cl. Cheynet. La société byzantine. L'apport des sceaux. – Paris: ACHCByz, 2008, pp. 209–236.
- McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2001. Vol. 4. 236 p.
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1991. Vol. 1. 253 p.
- Oikonomides N.* Les Listes de préséance byzantines des IXe–Xe siècles. – Paris, 1972.
- Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986. 175 p.
- Oikonomides N.* Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. – Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 318–323.
- Vita S. Mariae Iunioris* // Acta Sanctorum Novembris. – Bruxellis, 1925. Vol. IV. P. 693.
- Sokolova I.V.* Les sceaux Byzantins de Cherson // Studies in Byzantine Sigillography. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals. – Berne: Benteli Publishers, 1984. Vol. 2. 543 p. 100 pl.

REFERENCES

- Alekseenko N.A.* Molivdovuly adresantov Chersona VII–IX vv. // Drevnosti-1996. – Har'kov, 1997. S. 122–133.
- Alekseenko N.A.* Cherson i goroda Maloj Azii po dannym sfragistiki // Antichnaya Drevnost i Srednie Veka. – Ekaterinburg, 2000, Vyp. 31. S. 98–104.
- Alekseenko N.A.* Kommerkija i kommerkiarii Chersona v IX–X vv. // Sfragistika i istorija kul'tury. – SPb., 2004a. S. 92–102.
- Alekseenko N.A.* Chinovniki balkano-maloazijskogo regiona na molivdovulah chersonskogo arhiva // Acta Musei Varnensis. – Varna, 2004b, T. 2. C. 265–275.
- Alekseenko N.A.* Tamozhnja i kommerkiarii Chersona // v: Sorochan S.B. Vizantijskij Cherson – Har'kov, 2005. T. 2. S. 1592–1626.
- Alekseyenko N.* La douane du thème de Cherson au IXe–Xe siècle: les sceaux des commerciaux // Kiev – Cherson – Constantinople. Ukrainian Papers at the 20th International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001) / ed. by A. Aibabin and G. Ivakin. – Kyiv; Simferopol; Paris, 2007, p. 121–164.
- Alekseenko N.A.* Torgovlja tkanjami i jeksport odezhdy v Vizantii po dannym sfragistiki // Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya. Sbornik nauchnyh statej k 70 jubileju istfaka. – Ekaterinburg, 2008. S. 174–178.
- Alekseenko N.A.* Nahodki pechatej chersonskih chinovnikov v vizantijskoj Sugdee (k probleme atribucij i datirovok) // Sugdejskij sbornik – Kiev; Sudak, 2012. Vyp. V. S. 271–286.
- Alekseyenko N.* L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. – Paris: ACHByz, 2012, 268 p.
- Alekseenko N.A.* Rannevizantijskaja Tavrika v areale interesov imperskih tamozhen (nahodki molivdovulov

Алексеенко Н.А. Моливдовул коммеркиария ...

- как otryazhenie processa razvitiya krymskikh gorodskikh centrov v «temnye veka» // Bosporskie Issledovaniya. – Simferopol'; Kerch', 2013. Vyp. XXVIII. S. 275–286.
- Alekseenko N.A.* Vizantijskaja Tavrika v sisteme imperskikh finansovyh i jekonomicheskikh kommunikacij po dannym pechatej chinovnikov fiska i torгово-tamozhennoj sluzhby // Trudy Gosudarstvennogo Ermitasza. – SPb., 2015. T. LXIV. C. 415–424.
- Alekseenko N.A.* Novye sfragisticheskie nahodki v okrestnostjah vizantijskogo Chersona (k voprosu ob adresatah korrespondencii) // Vestnik VolGU. (Serija 4). – Volgograd, 2016. Tom. 21. № 5. S. 6–18.
- Alekseenko N.A.* Vizantijskij Cherson VI–XIII stoletij v pamjatnikah sfragistiki. 1. Chinovniki Chersona VIII–XI vv. – Sevastopol': Kolorit, 2017, 476 s.
- Alekseenko N.A.* K voprosu o torgovykh putjah cherez Pont: molivdovul kommerkiarija Amisa iz Chersona // XVIII Bosporskie chtenija «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Torgovlja: puti, tovary, otnoshenija». Simferopol'; Kerch', 2017b. S. 16–21.
- Alekseenko N.* Remarks on the correspondence between byzantine Cherson and Asia Minor: the evidence of seals // The prosopography of the thematic administration: old and new evidence on Anatolikon, Karabesianon-Kibyrraion and Opsikon. – Athens, 2017 (in print).
- Birch W.G.* Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. – London, 1898. Vol. 5.
- Bulgakova V.A.* Sigillograficheskij kompleks porta Sugdei (materialy podvodnyh issledovanij 2004–2005 gg.) // Sugdejskij sbornik. – Kiev; Sudak, 2008. T. III. S. 296–330.
- Cheyne J.-Cl.* Un aspect du ravitaillement de Constantinople aux Xe–XIe siècles d'après quelques sceaux d'Hôrreiaroi // J.-Cl. Cheynet. La societe byzantine. Laport des sceaux. – Paris: ACHCByz, 2008, pp. 209–236.
- Gilevich A.M.* Antichnye inogorodnie monety iz raskopok Hersonesa // Numizmatika i sfragistika. – Kiev, 1968. Vyp. 3. S. 3–61.
- Jordanov I.* Pechatite na kommerkiarijata Develt // Poselishhni prouchvanija. – Sofija, 1992. Vyp. II.
- Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej. – M.: Nauka, 1991. 496 s.
- McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2001. Vol. 4. 236 p.
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1991. Vol. 1. 253 p.
- Oikonomides N.* Les Listes de préséance byzantines des IXe–Xe siècles.– Paris, 1972.
- Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986. 175 p.
- Oikonomides N.* Le «système» adminiatratif byzantin en Crimée aux IXe–Xe s. // Materialy po Archeologii, istorii i etnografii Tavrii. – Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 318–323.
- Panchenko B.A.* Katalog molivdovulov. – Sofija, 1908. 178 s. + XVII tabl.
- Saprykin S.Ju.* Denezhnoe obrashhenie na hore Hersonesa Tavricheskogo v antichnuju jepohu. Istoriko-numizmaticheskoe issledovanie. – M.: Institut vseobshej istorii RAN, 2005. 207 s. + ill.
- Shandrovskaia V.S.* O neskol'kih nahodkah vizantijskikh pechatej v Krymu // Materialy po Archeologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2000. Vyp. VII. S. 247–255.
- Seibt N., Seibt V.* Pechati stratigov vizantijskoj femy Herson // Antichnaya Drevnost i Srednie Veka. Vizantija i srednevekovyj Krym. – Simferopol', 1995. Vyp. 27. S. 91–97.
- Sokolova I.V.* Ob jepigrafike vizantijskikh pechatej VIII–IX vv. // Vizantijskij vremennik. – M., 1981. T. 42. S. 106–114, tabl. I–VII.
- Sokolova I.V.* Monety i pechati vizantijskogo Chersona. – L. 1983.
- Sokolova I.V.* Znak sokrashhenija na vizantijskikh molivdovulah VIII – pervoj poloviny X vv. // Vizantijskij vremennik. – M., 1986. T. 47. S. 157–162.
- Sokolova I.V.* O tak nazyvaemoj pechati protevona Chersona // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. –L., 1991. Vyp. XXIII. S. 94–102.
- Sokolova I.V.* Vizantijskie pechati iz Chersonesa // Antichnaya Drevnost i Srednie Veka. – Ekaterinburg, 1992. Vyp. 26. S. 191–213.
- Sokolova I.V.* Les sceaux Byzantins de Cherson // Studies in Byzantine Sigillography. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Stepanova E.V. Sudakskij arhiv pečatej: predvaritel'nye vyvody // Antichnaya Drevnost i Srednie Veka. – Ekaterinburg, 2001. Vyp. 32. S. 97–108.

Vita S. Mariae Iunioris // Acta Sanctorum Novembris. – Bruxellis, 1925. Vol. IV. P. 693.

Zacos G. Byzantine Lead Seals. – Berne: Benteli Publishers, 1984. Vol. 2. 543 p. 100 pl.

Резюме

Находка в Херсоне печати коммеркиария Амиса не только в очередной раз подтверждает сообщения письменных источников о контактах херсонитов с приморскими центрами Южного Причерноморья и очевидных поставках в первую очередь зерна и продовольствия, но и свидетельствует о том, что главную роль в этом по-прежнему играли традиционные еще с античности торговые партнеры, такие как город-порт Амис.

Ключевые слова: история Византии, византийский Херсон, коммеркиарии, сфрагистика, византийские печати, молибдодулы.

Summary

The find of the seal of the kommerkiarios of Amisos in Cherson is not only confirms once again the reports of the written sources about the contacts of Chersonites with the centers of the South Black Sea Coast and the apparent supply of grain and food from this region, but also shows that the leading role in the process was still played by the traditional trading partners, such as the city-port Amisos.

Key Words: the history of Byzantine Empire, Byzantine Cherson, kommerkiarioi, sigillography, Byzantine seals, molybdothalloi.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеевко Н. А., к.и.н.,
Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
заведующий филиалом «Крепость Чембало».
chembalo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alekseienko N.
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne), CSc.,
State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”,
Chef of Departement “Fortress Chembalo”.
chembalo@yandex.ru

Рис. 1. Akh-1733, Кирилл, коммеркиарий Амиса.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА
E.G. ZASTROZHNOVA

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭКОНОМИКИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА (1920–1950 гг.)

(историографический обзор)

RESEARCH ON THE STUDY OF THE ECONOMY OF THE BOSPORAN KINGDOM (1920-1950s) (historiographical review)

В представленном историографическом обзоре предпринята попытка по выявлению и оценке основных тенденций по изучению экономики Боспорского царства в столь сложный для отечественной науки период (1920–1950 гг.)¹. Хронологические рамки определены периодом от послереволюционного возобновления научной деятельности на юге России и началом публикации работ по истории и археологии Боспора и вплоть до издания коллективной монографии «Античные города Северного Причерноморья» (1955 г.), подводящей итог изучению античных центров Северного Причерноморья в первой половине XX в.

До революции 1917 г. отечественная археология уже оформилась как наука вместе с широким кругом родственных ей антиковедческих дисциплин. Главной особенностью дореволюционной науки была ее историко-филологическая основательность, которая ставила своей целью прежде всего реконструкцию исторических фактов и разработку политической истории античности, а также широкое осмысление античной цивилизации, в особенности ее духовной жизни [Фролов, 2009, с. 397]. До революционных событий в России уже была создана собственная научная школа, способствующая в дальнейшем развитию классической, скифо-сарматской и пр. археологии. Важно также отметить, что к началу Первой мировой войны темпы развития русской и западноевропейской археологии были синхронизированы [Тункина, 2011, с. 56]. После Октябрьской революции 1917 г. археология, как и все другие науки, претерпела огромные изменения в своих дальнейших перспективах развития. По завершении Гражданской войны очевидно, что острый внутривластный кризис не позволил сразу обратить внимание правительства на дальнейшее развитие археологической науки. Поэтому первая половина 1920-х гг. была отмечена, насколько это было возможно, научным подъемом – активно развивалось краеведческое направление, образовывались и функционировали столичные и региональные исторические общества и объединения. На территории Крымского полуострова работу по возобновлению археологических и охранных работ проводили научные сотрудники Керченского, Херсонесского и Феодосийского музеев. На ряде музейных и Всесоюзной конфе-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-867.2017.6.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

решения археологов 1926 г. в Керчи было принято несколько резолюций, предусматривающих скорейшую разработку единого плана археологического обследования памятников Крыма.

К концу 1920-х гг. идеологический контроль начинает усиливаться и поступательное развитие археологии было остановлено событиями «Года Великого перелома» 1929 г. Установка на пересмотр всей старой системы археологической науки исходила из партийного центра – в апреле 1929 г. в печати появился призыв М.И. Покровского, гласивший: «Период мирного сожительства с буржуазией изжит до конца. Пора переходить в наступление на всех научных фронтах» [Платонова, 2010, с. 234]. Под воздействием марксистской идеологии изменился и предмет научного изучения: акцент был смещен с политической истории и культуры на социально-экономические отношения, положение трудящихся масс и межклассовую борьбу.

Правопреемница Императорской археологической комиссии, Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), вынуждена была ставить своей главной задачей научное изучение материальной культуры различных общественно-исторических формаций, «как основы всей общественной жизни и, следовательно, всей действительной истории, как материального базиса общественных отношений различных исторических эпох и вытекающих из этих отношений духовных представлений» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 34. Л. 14]. К «идеологическому инвентарю» были отнесены «принадлежности культа и магии», археологический материал из храмовых комплексов, погребений и др. Без сомнения, для изучения общественных формаций требовалось повсеместное изучение городищ и производственных комплексов, а не «идеологического инвентаря». Потому пятилетний план Разряда древних культур Северного Причерноморья ГАИМКа (1931–1935) в первую очередь был направлен на выяснение вопроса о сущности античного способа производства. В первую очередь предполагалось «изучение производственных сил античных колоний в их противоречиях с производственными отношениями, выражающихся в формах борьбы между господствующими и подчиненными классами, сосуществование и борьба в античных колониях и в туземном мире различных способов производства» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 34. Л. 21]. Помимо идеологических установок, рост археологических исследований был обусловлен и охранными целями, так как во второй половине 1920-х гг. на Крымском полуострове отмечается развитие тяжелой индустрии, в частности – добыча железной руды, промышленные разведки и пробное бурение для добычи нефти и исследования горючих газов.

Таким образом, к началу 1940-х годов античная археология должна была подтверждать марксистские политэкономические теории о господстве пролетариата. Довольно долгая полоса застоя, продолжавшаяся более трети века, была связана с постоянно усиливавшимся идеологическим контролем, репрессиями, а также с тяжелейшим для страны периодом Великой Отечественной войны. С начала 1950-х годов отмечается увеличение масштабов археологических раскопок и, как следствие, появление новых данных о сельском хозяйстве и развитии промышленности Боспорского

Застрожнова Е.Г. Исследования по изучению ...

царства. Все эти тенденции наглядно прослеживаются в ходе анализа библиографии по изучению экономики античных городов Северного Причерноморья в указанный хронологический период.

Одни из первых исследований были проведены Б.Н. Граковым. Он посвятил их древнегреческим керамическим клеймам с именами астиномов [Граков, 1929]. В введении к работе ученый отмечал, что «для понимания культуры Причерноморья необходимо подробное исследование отдельных проявлений его жизни, которые одно время относились к серым и обыденным явлениям», в то время как основное внимание уделялось роскошным памятникам «скифо-эллинистического симбиоза» [Граков, 1929, с. 2]. Он обращал внимание на то, что, владея информацией «о прекрасных образцах греческих изделий и скифских первоклассных памятников», ученые были не в силах ответить на вопрос о свойствах керамики или «формах тех или иных орудий», обрекая «серые памятники быта на лежание в пыли» [Граков, 1929, с. 2]. Анализируя положение науки к середине 1920-х гг., Б.Н. Граков замечает, что «все чаще стали раздаваться призывы к изучению обыденности античной жизни, в частности, к прекрасно демонстрирующим нитям торговой жизни древнего мира – обломкам амфор» [Граков, 1929, с. 3]. Справедливо отмечая, что только клейменные части амфор указывались в отчетах XIX столетия, он обращает внимание на то, как важно изучать и устанавливать центры происхождения амфорной тары для определения «импорта и торгового объема античности» [Граков, 1929, с. 3]. Особую важность при изучении он отмечает также в отношении кровельной черепицы, снабженной фабричными клеймами. Автор особенно подчеркивает их ценность, как «трехстороннего археологического памятника – памятника материального быта, памятника монументальной письменности, ближайшим образом связанной с торговлей, и памятника, связанного с изобразительным искусством, в отношении содержания эмблем» [Граков, 1929, с. 4]. Рассматриваемое исследование Б.Н. Гракова было посвящено изучению клейменной амфорной тары и черепицы «эллинистической эпохи», происходящих только из Северного Причерноморья. Основной целью исследователя являлось общее описание отличительных признаков клейм, определение места их происхождения и, насколько это возможно, детальная их датировка. К «Керамическим клеймам...» имеются приложения, включающие информацию о собственных именах, встречающихся в синопских клеймах, их карту распространения, алфавит и перечень клейм с различными эмблемами, а также таблицы с иллюстративным материалом. В 1930 г. на данное исследование была опубликована рецензия А.Н. Зографа [Зограф, 1930].

К сожалению, докторская диссертация Б.Н. Гракова так и не была опубликована, однако к рукописи диссертации обращались многие современники [Граков, 1939]. По оценке исследователей, именно благодаря Б.Н. Гракову была разработана методика изучения керамических клейм, что сделало керамическую эпиграфику подлинной наукой с собственными задачами исследования и с собственной методикой [Виноградов, Шелов, 1977].

Общим вопросам развития боспорской экономики посвящена работа А. Ка-

Боспорские исследования, вып. XXXVI

цевалова [Кацевалов, 1929], являющаяся более развернутым анализом одного из разделов докторской диссертации этого исследователя («Материальная культура греческих колоний северного побережья Черного моря»). На основе литературных, эпиграфических, нумизматических и археологических данных автором были прослежены основные тенденции экономического развития Боспора. Освещается история монетного обращения, приоритетные направления экспорта (торговля зерновым хлебом и рыбой), внутренняя торговля и керамический импорт. Примечательно то, что в исследовании присутствуют прямые ссылки и цитирование трудов М.И. Ростовцева, Э.Х. Миннза и даже материалов из сборника в честь юбилея А.А. Бобринского, что было уже неприемлемо для московских и ленинградских ученых.

Более развернутый анализ экономической жизни Боспорского царства был представлен в исследовании С.А. Жебелева «Основные линии экономического развития» [Жебелев, 1934]. Для более глубокого понимания изучаемого вопроса автор останавливает свое внимание на таких особенностях экономического развития, как географическое положение, этнический состав и «уровень развития производительных сил» [Жебелев, 1934, с. 589]. Согласно С.А. Жебелеву, наличие крупной земельной собственности на землю (царская хора), основанной на использовании рабского труда, позволило сделать экспорт хлеба основной статьей дохода Боспорского царства. Ввиду возрастания роли вывоза хлеба автор обращает внимание и на изменение торговых связей Боспора. Если при Археанактидах это были Малая Азия и Иония, то после объединения под властью Спартокидов основным торговым партнером Боспора стали Афины. Максимальный подъем экономического развития Боспорского царства приходится на правление Сатира, Левкона и Перисада [Жебелев, 1934, с. 668]. Начиная со второй половины III в. до н.э. исследователь отмечает падение объемов хлебной торговли, обусловленное столкновением на рынке с египетским зерновым экспортом, выходом из-под контроля части территорий царской хоры в притоках Кубани и перемещением центров торговли в Александрию, Селевкию и др. Дальнейший социально-политический и экономический кризис на Боспоре был обусловлен кризисом Римской империи. Подводя итог, С.А. Жебелев определил Боспорское царство как аграрно-коммерческую монархию и обозначил три главных направления в развитии экономики: стремление государства широко использовать имеющиеся в распоряжении производительные силы, организация и налаживание сбыта хлеба в греческом и римском направлениях и стремление государства вовлечь во взаимовыгодный обмен верхушку варварского окружения [Жебелев, 1934, с. 673].

В хрестоматийной монографии В.Ф. Гайдукевича [Гайдукевич, 1949] несколько глав посвящены анализу торговых отношений, сельскому хозяйству, промышленности и ремесленному развитию городов Боспорского царства. Как и в работах С.А. Жебелева, уделяется особое внимание сельскому хозяйству и экспорту зерна и рыбы. В.Ф. Гайдукевичем отмечается высокое развитие в ряде городов собственных ремесел и производства, что делало государство во многом независимым от импорта [Гайдукевич, 1949, с. 94].

Застрожнова Е.Г. Исследования по изучению ...

Краткая характеристика общего экономического положения Боспора в римское время приводится в одной из глав монографии Е.С. Голубцовой «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры» [Голубцова, 1951]. Автор отмечает, что в этот период, хотя и не в таких масштабах, но по-прежнему важную роль играла хлебная торговля и Боспорское царство оставалось поставщиком зернового хлеба в средиземноморском и понтийском направлениях.

Земледелию и хлебной торговле посвящен ряд заметок, научных трудов и монографий различных исследователей. Информация об археологических находках зерен различных культур присутствует в заметках К. Фляксбергера [Фляксбергер, 1940] и И.И. Никишина [Никишин, 1948]. В заметке И.И. Никишина содержится информация о первой в истории раскопок Пантикапея находке зерен сорнополевой ржи. Они были обнаружены в 1946 г. в ходе послевоенного продолжения раскопок В.Д. Блаватским в горелом слое на дне зерновой ямы на одном из склонов горы Митридат. Наличие этой культуры в слое раскопок Пантикапея свидетельствовало о контактах города с Малоазийским полуостровом, являвшимся родиной многих форм этой зерновой культуры. Вместе с зернами сорнополевой ржи были найдены обгорелые зерна мягкой пшеницы и ячменя [Никишин, 1948, с. 85]. В статье И.Б. Зеест [Зеест, 1948] приводится описание комплекса зернохранилища на северном склоне горы Митридат, состоящего из 10 зерновых ям, которые были датированы III–IV вв. н.э. Автор замечает, что хранение зерна в ямах было обычным явлением для Боспора, подобные зернохранилища встречались ранее в Тиритаке и Нимфее. В другой статье И.Б. Зеест рассматривает комплекс так называемой «мукомольной мастерской» на территории античного города Киммерика на горе Опук [Зеест, 1950]. Киммерик поддерживал торговые связи не только с Атикой, но и с южным побережьем Черного моря, откуда товары поступали непосредственно в его порт [Зеест, 1950, с. 96]. Новые данные, полученные в ходе проведения археологических раскопок, о городском хозяйстве Киммерика показали, что в первых веках нашей эры город потерял свое торговое значение и стал важным стратегическим пунктом обороны западной границы Боспора. Зерновые ямы и «мукомольная мастерская» указывают на тесную связь с аграрной базой и местным земледельческим сарматизированным населением [Зеест, 1950, с. 101].

Определенный итог изучения зернового хозяйства Боспора был подведен в монографии В.Д. Блаватского [Блаватский, 1953]. В работе была обобщена вся накопленная до этого времени информация об истории сельского хозяйства и хлебной торговле Боспора. В монографии рассматриваются значение земледелия для Боспора, объем и расположение сельскохозяйственных территорий, их организация, техника, обработка и посадка различных полевых культур. В приложении 1 монографии проанализированы основные статьи доходов и расходов бюджета Боспорского государства [Блаватский, 1953а, с. 204]. В данном контексте следует отметить заметку этого же исследователя, посвященную «непосредственному производителю материальных благ» в экономике Северного Причерноморья [Блаватский, 1953б].

Боспорские исследования, вып. XXXVI

Как было отмечено выше, не менее важное место в экономической жизни Боспора занимал экспорт рыбы. Благодаря археологическим раскопкам 1930–1940-х гг. было открыто несколько комплексов рыбозасолочных ванн на территории Тиритаки, Мирмекия и Киммерика.

В 1931 г. раскопки рыбозасолочных ванн Тиритаки проводил В.Ю. Марти, научный сотрудник Камыш-Бурунского рыбсовхоза [НА РО ИИМК РАН.Ф. 2. Оп. 1–1931. Д. 864]. В начале лета 1931 г. в ходе земляных работ камыш-бурунского строительства «Азовстали» примерно в 0,5 км к югу от берегового маяка были обнаружены остатки древних сооружений [НА РО ИИМК РАН.Ф. 2. Оп. 1–1931. Д. 864. Л. 31]. Помимо фрагментов городского строительства, колодцев и других находок, особое внимание к себе привлекла система из 16 цементированных бассейнов, сгруппированных совместно по четыре в ряд. Восемь из этих колодцев были очищены археологической экспедицией Керченского музея от заполнявшей их земли и детально обследованы. Множество ихтиологических остатков, найденных в бассейнах, подтвердили предположение о том, что эта прекрасно сохранившаяся система сооружений представляла из себя остатки рыбозасолочного промысла [НА РО ИИМК РАН.Ф. 2. Оп. 1–1931. Д. 864. Л. 33]. В ходе анализа ихтиологических остатков из восьми ванн В.Ю. Марти было установлено, что основным объектом обработки являлись сельдь и судак. В завалах в верхней части ванн было выявлено большое количество створок мидий и устриц. Ванны имели общую кубатуру 102 м³, и этот объем позволял засаливать одновременно 1000–1200 ц рыбы, что свидетельствовало о мощности рыбозасолочного производства. В связи с этим был сделан вывод о наличии здесь хорошо развитого соляного промысла². Таким образом, в своих статьях В.Ю. Марти особенно подчеркивал «экспортный характер и высокую степень развития мощной производственной рыбозасолочной структуры Тиритаки» [Марти, 1941].

В данном контексте крайне интересна работа С.А. Семенова-Зусера [Семенов-Зусер, 1947], посвященная публикации одного важного эпиграфического памятника, касающегося боспорского рыбного промысла. Накануне Великой Отечественной войны плита с этой надписью была обнаружена молодым ученым Д.Л. Гринманом, которого убили немцы в 1941 г. в Харькове. После войны плита уцелела, она была обуглена, разбита на две части, но шестистрочная надпись осталась читаемой (по Соломоник: НЭПХ II 129). Информация, полученная в ходе ее расшифровки, позволила не только установить наличие рыбного рынка в древнем Причерноморье, но и подтвердить данные древних авторов о состоянии рыбного производства на

² Интересно отметить, что В.Ю. Марти проводил параллели с современным состоянием рыбозасолочного промысла в современной ему Керчи: «система бетонированных рыбозасолочных ванн применяется в настоящее время на всех рыбных промыслах Керчи. Ванны эти появились во время Гражданской войны и вытеснили прежние деревянные ванны, в этом отношении ванны Дии (Тиритаки) являются прообразом современных. Цементирование цемянкой позволило им сохраниться до настоящего времени». НА РО ИИМК РАН.Ф. 2. Оп. 1–1931. Д. 864. Л. 34.

Застрожнова Е.Г. Исследования по изучению ...

юге России [Семенов-Зусер, 1947, с. 14]. Тщательному анализу ихтиологических находок из Пантикапея, Фанагории и меотских поселений Восточного Приазовья посвящено исследование В.Д. Лебедева и Ю.Е. Лапина [Лебедев, Лапин, 1954].

Не менее актуальными в рамках изучения экономики Боспора являются проблемы внутренней торговли, промышленно-экономического развития отдельных городов и торговых взаимоотношений греческих центров с варварской периферией. Промышленному развитию боспорских городов посвящены статьи таких исследователей, как В.Ф. Гайдукевич, А.А. Нейхарт, И.Б. Зеест, И.Т. Кругликова [Гайдукевич, 1934; Нейхарт, 1951; Зеест, 1954; Кругликова, 1955]. Анализ торговых взаимоотношений, объем экспорта и импорта Боспора с другими понтийскими центрами представлены в научных трудах Ю.С. Крушкол, Т.Н. Книпович, И.Б. Зеест, Н.Б. Бреговской [Крушкол, 1940; Книпович, 1949; Зеест, 1951; Бреговская, 1955]. Торговые связи и экономический обмен Боспора со скифо-сарматскими и синдо-меотскими племенами рассматриваются в работах Н.В. Анфимова и Н.А. Онайко [Анфимов, 1951; Онайко, 1955].

Таким образом, анализируя рассматриваемую выше совокупность научной литературы по экономике Боспорского царства, можно сделать ряд выводов. После революционных событий направленность археологических раскопок на территории Керченского полуострова была обусловлена новыми методологическими установками господствующей идеологии. Изучение Пантикапея, «малых городов» и памятников сельской хоры Боспора поставило перед учеными новые научно-исследовательские задачи по учету и анализу производственных комплексов и массового археологического материала. В результате все более увеличивающихся объемов раскопок и совершенствования методики обработки находок было получено большое количество информации, которая послужила основой для целого ряда публикаций по рассматриваемой тематике. Следует отметить очень часто встречающуюся критику работы дореволюционных исследователей в монографиях и статьях советских археологов. С современных позиций «антропологического поворота» в истории археологии подобное критическое отношение отходит на второй план, уступая место осознанию отличия жизненного мира ученых прошлых столетий от мира ученого настоящего времени [Тункина, 2011, с. 58]. Таким образом, историографические обзоры служат своего рода наглядным индикатором, отражающим идеологические установки государства и их влияние на развитие античной археологии и истории науки в России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н.В.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией (по поводу одной статьи И.Б.Зеест в МИА. № 19. 1951) // ВДИ. 1952. № 4. С. 84–87.
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953а. 208 с.
- Блаватский В.Д.* Непосредственный производитель материальных благ в сельском хозяйстве северопонтийских государств // КСИА. 1953б. Вып. 2. С. 62.
- Бреговская Н.Б.* Торговые и политические взаимоотношения государств Северного Причерноморья с эллинистическими государствами и полисами Эллады. Автореф. канд. дис.М., 1955.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК.1934. Вып. 80. 116 с.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., 1949. 624 с.
- Граков Б.Н.* Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1929.
- Граков Б.Н.* Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Дис... докт. ист. наук. М., 1939 // Архив ИА АН РАН. Р-2. № 538.
- Жебелев С.А.* Основные линии экономического развития // Известия АН СССР. 1934. № 8. С. 589–674.
- Жебелев С.А.* Итоги изучения античности в СССР за 20 лет // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953. С. 248–253; Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л., 1953. С. 116–158.
- Зеест И.Б.* Земляные зернохранилища Пантикалея (по материалам раскопок 1945-1946) // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 80–83.
- Зеест И.Б.* Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора // КСИИМК. 1950. XXXIII.
- Зеест И.Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2. С. 106–116.
- Зеест И.Б.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значение для Боспора (по данным изучения керамической тары из раскопок Неаполя 1945–1950 гг.) // МИА. 33. 1954. С. 71–77.
- Зограф А.Н.* Рецензия на книгу Б.Н. Гракова «Древнегреческие керамические клейма». Zeitschr. f. Numism. 1930. Т. XI.
- Кацевалов А.* Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на швіччому узбережжі чорного моря //Збірник Законодавства Всеукраїнської Академії наук. Київ. 1929. 46 с.
- Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма // СА. 1949. XI. С. 271–284.
- Кругликова И.Т.* К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 26–30.
- Крушкюл Ю.С.* Экспорт и сельскохозяйственный импорт Северного Причерноморья (V–I вв. до н.э.) // Ученые записки историч. факультета Московского обл. пед. института. М., 1940. Т. 2. С. 170–186.
- Лебедев В.Д., Латин Ю.Е.* О рыболовстве в Боспорском царстве // МИА. 1954. 33 с.
- Марти В.Ю.* Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия // СА. 1941. VII. С. 94–106.
- Марти Ю.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 93–94.
- Нейхарт А.А.* Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дис. М., 1951.
- Никишин И.И.* Находка зерен в Керчи // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 84–85.
- Онайко Н.А.* Торговля античных городов Северного Причерноморья с племенами Среднего Приднепровья в VII–III вв. до н.э. Автореф. канд. дис. М., 1955.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России (вторая половина XIX в. – первая треть XX в.). СПб., 2010.
- Семенов-Зусер С.А.* Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947. 47 с.
- Советская археологическая литература. Библиография (1918–1940). М.-Л., 1965.
- Советская археологическая литература. Библиография (1941–1957). М.-Л., 1959.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973.
- Тункина И.В.* Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине // История археологии: личности и школы. СПб. 2011. С. 55–59.
- Фляксбергер К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // КСИИМК. VIII. М-Л 1940. С. 117–119.
- Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. СПб., 2009. 616 с.
- Шелов Д.Б., Виноградов Ю.Г.* Б.Н. Граков и развитие античной эпиграфики в СССР // Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.

Застрожнова Е.Г. Исследования по изучению ...

REFERENCES

- Anfimov N.V. K voprosu o vnutrennej trgovle Prikuban'ya s Fanagoriej (po povodu odnoj stat'i I.B. Zeest v MIA. № 19. 1951) // VDI. 1952. № 4. S. 84–87.
- Blavatskij V.D. Zemledelie v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomor'ya. M., 1953a. 208 p.
- Blavatskij V.D. Neposredstvennyj proizvitel' material'nyh blag v sel'skom hozyajstve severopontijskih gosudarstv // KSIA. 1953b. Vyp. 2. S. 62.
- Bregovskaya N.B. Torgovye i politicheskie vzaimootnosheniya gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya v ehllinisticheskimi gosudarstvami i polisami EHllady. Avtoref. kand. dis.M., 1955.
- Gajdukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929–1931 gg. // IGAIMK. 1934. Vyp. 80. 116 s.
- Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. M., 1949. 624 s.
- Grakov B.N. Drevnegrecheskie klejma s imenami astinomov. M., 1929.
- Grakov B.N. Klejmenaya keramicheskaya tara ehpoli ehllinizma kak istochnik dlya istorii proizvodstva i trgovli. Dis... dokt. ist. nauk. M., 1939 // Arhiv IA AN RAN. R-2. № 538.
- Zhebelev S.A. Osnovnye linii ehkonomicheskogo razvitiya // Izvestiya AN SSSR. 1934. № 8. pp. 589–674.
- Zhebelev S.A. Itogi izucheniya antichnosti v SSSR za 20 let // Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoj ehpoli. M.-L., 1953. S. 248–253; Severnoe Prichernomor'e. Issledovaniya i stat'i po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoj ehpoli. M.-L., 1953. S. 116–158.
- Zeest I.B. Zemlyanye zernohranilishcha Pantikapeya (po materialam raskopok 1945-1946) // KSIIMK. 1948. Vyp. XXIII. S. 80–83.
- Zeest I.B. Kimmeriskaya mukomol'naya masterskaya i zernovoe hozyajstvo Bospora // KSIIMK. 1950. XXXIII.
- Zeest I.B. Novye dannye o torgovyh svyazyah Bospora s Yuzhnym Prichernomor'em // VDI. 1951. № 2. S. 106–116.
- Zeest I.B. K voprosu o trgovle Neapolya i ee znachenie dlya Bospora (po dannym izucheniya keramicheskoy tary iz raskopok Neapolya 1945-1950 gg) // MIA. 33. 1954. S. 71–77.
- Zograf A.N. Recenziya na knigu B.N. Grakova «Drevnegecheskie keramicheskie klejma». Zeitschr.f.Numism. 1930. T. XI.
- Kacevalov A. Narisi z istorii ekonomichnogo zhittya grec'kih kolonij na shvnichnomu uzberezhzhi chornogo morya //Zbirnik Zakodoznavstva Vseukrainsvkoï Akademii Nauk. Kiiv. 1929. 46 s.
- Knipovich T.N. K voprosu o torgovyh snosheniyah antichnyh kolonij Severnogo Prichernomor'ya s ehpolu ehllinizma // SA. 1949. XI. S. 271–284.
- Kruglikova I.T. K voprosu o keramicheskom proizvodstve v Pantikapee // KSIIMK. 1955. Vyp. 58. S. 26–30.
- Krushkol Yu.S. Eksport i sel'skohozyajstvennyj import Severnogo Prichernomor'ya (V-I vv. do n.e.) // Uchenye zapiski istorich. Fakul'teta Moskovskogo obl. ped. instituta. M., 1940. T. 2. S. 170–186.
- Lebedev V.D., Lapin Yu.E. O rybolovstve v Bosporskom carstve // MIA. 1954. 33 s.
- Marti V.Yu. Novye dannye o rybnom promysle v Bospore Kimmerijskom po raskopkam Tiritaki i Mirmekiya // SA. 1941. VII. S. 94–106.
- Marti Yu. Yu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki // MIA. 1941. № 4. S. 93–94.
- Nejhart A.A. Pamyatniki keramicheskoy ehpiigrafiki Mirmekiya i Tiritaki kak istochnik dlya izucheniya torgovyh svyazej Bosporskogo carstva s centrami Prichernomor'ya v ehllinisticheskuyu ehpolu. Avtoref. kand. dis.M., 1951.
- Nikishin I.I. Nahodka zeren v Kerchi // KSIIMK. 1948. Vyp. XXIII. S. 84–85.
- Onajko N.A. Torgovlya antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya s plemenami Srednego Pridneprov'ya v VII-III vv. do n.eh. Avtoref. kand. dis.M., 1955.
- Platonova N.I. Istoriya arheologicheskoy mysli v Rossii (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka). SPb., 2010.
- Semenov-Zuser S.A. Rybnoe hozyajstvo i rynki na yuge SSSR v drevnosti. Har'kov, 1947. 47 s.
- Sovetskaya arheologicheskaya literatura. Bibliografiya (1918–1940). M.-L., 1965.

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- Sovetskaya arheologicheskaya literatura. Bibliografiya (1941-1957). M.-L., 1959.
Solomonik E.H.I. Novye ehpiigraficheskie pamyatniki Hersonesa. Kiev, 1973.
Tunkina I.V. Sovremennye tendencii izucheniya istorii otechestvennoj arheologii v Rossii i na Ukraine // Istoriya arheologii: lichnosti i shkoly. SPb. 2011. S. 55–59.
Flyaksberger K. Arheologicheskie nahodki hlebnyh rastenij v oblastyah prilegayushchih k Chernomu moryu // KSIIMK. VIII. M-L 1940. S. 117–119.
Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. SPb., 2009. 616 s.
Shelov D.B., Vinogradov YU.G. B.N.Grakov i razvitie antichnoj ehpiigrafiki v SSSR // Grakov B.N. Rannij zheleznyj vek. M., 1977.

Резюме

В статье представлен историографический обзор научных работ, посвященных экономике Боспорского царства, и предпринята попытка по выявлению и оценке основных тенденций развития отечественной археологии в 1920–1950-е гг. Направленность археологических раскопок после революционных событий была обусловлена новыми методологическими установками, что повлекло за собой изучение «малых городов» и памятников сельской хоры Боспора. В ходе постепенно увеличивающегося объема раскопок и совершенствования методики обработки массового археологического материала было получено большое количество информации, которая послужила основой для целого ряда публикаций по рассматриваемой тематике и заложила прочную научную основу для современных исследований в данной области.

Ключевые слова: историография, экономика, Боспорское царство, история науки, археология.

Summary

The article presents a historiographical review of the scientific works on the economy of the Bosporian Kingdom and attempt to identify and assess the main trends of development of domestic archaeology in the 1920–1950-s. The path of development of archaeological excavations after the revolutionary events was due to the new methodological base, which entailed the study of «small towns» and rural monuments of Chora of the Bosporian Kingdom. In the course of gradually increasing the volume of excavation and development of methods for processing mass of archaeological material was obtained a large amount of information, which served as the basis for a number of publications on the subject and has laid a solid scientific basis for modern research in this area.

Keywords: historiography, economy, the Bosporian Kingdom, the history of science, archaeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Застрожнова Евгения Григорьевна, к. и. н.,
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН,
старший научный сотрудник.
+7 911-138-78-13
pankratova0484@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zastrozhnova Evgenia, PhD,
Saint-Petersburg branch of the Archive of RAS
Senior Researcher.
+ 7 911-138-78-13
pankratova0484@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Яйленко В. П. Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей // БИ. 2016. Т. 33.
- АВ – Археологические вести
- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья
- АНК – Античное наследие Кубани
- АО – Археологические открытия
- БИ – Боспорские исследования. Керчь
- БРЭ – Большая Российская энциклопедия
- ВДИ – Вестник древней истории. М. : Наука
- ДБ – Древности Боспора. М.
- ЗСКОАИЭ – Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии
- ИАК – Известия императорской архивной комиссии
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. Москва
- ИИМК – Институт истории материальной культуры
- КБН – Корпус боспорских надписей
- КГИКЗ – Керченский государственный историко-культурный заповедник. Керчь
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2015
- МИА – Материалы и исследования по археологии
- МКФУ – Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / отв. ред. Г. В. Федюнева. М., 1990. Т. 2
- НИЦ ИАК КФУ
им. В.И. Вернадского – Научно-исследовательский Центр истории и археологии
Крыма Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского

Боспорские исследования, вып. XXXVI

- ОХБ – Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб., 2017
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Ред. Н. А. Баскаков и др. М., 1988
- Скифия – Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII-III вв. до н.э. М., 2013
- ТАБ – Яйленко В.П. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19
- ТАК – Яйленко В. П. Топонимика античного Крыма // БИ. 2017. Т. 35
- ТБР – Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 2010
- ФДТ – Яйленко В.П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // ДБ. 2014. Т. 18
- ЦАИ БФ «Деметра» – Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»
- Archäologisches Institut AW CR – Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik Brno
- IOSPE I² – Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli : Akademia nauk, 1916. Vol. I²
- IPE – Incriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
- LSJ – Liddell H. G. , Scott R. , Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1968
- RE – *Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart: Metzler Verlagsbuchhandlung
- SAV – Slovenská académiavied. Nitra
- SC 1, 2 – Latyshev V. V. *Scythica et Caucasica*. Sanct-Peterburg: Akademia nauk, 1890-1906. Т. 1 (1890-1900) ; Т. 2 (1904-1906)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Я.М. Паромов</i> Боспор Киммерийский и формирование торговых связей Азиатского Боспора во второй и третьей четверти VI в. до н.э.	3
<i>Д.Е. Чистов</i> Импорт товаров в амфорной таре на Березанское поселение в VI-V вв. до н.э. (по материалам раскопок участка «О-Западный» в 2004–2016 гг.).	19
<i>В.П. Яйленко</i> Заметки по топонимике, этнонимии античного и средневекового Северного Причерноморья, Скифии – Сарматии	37
<i>Н.В. Молева</i> Гетеры на Боспоре	87
<i>В.Г. Зубарев, С.Л. Смекалов, С.В. Ярцев</i> Основные дороги Европейского Боспора в римский период	100
<i>М.М. Казанский, А.В. Мастыкова</i> Конское снаряжение эпохи Великого переселения народов из Сёсдалы и его понто-дунайские параллели	118
<i>А.В. Мастыкова</i> Листовидные подвески эпохи Великого переселения народов в понто-кавказском регионе	143

ПУБЛИКАЦИИ

<i>С.Н. Сенаторов</i> Раннескифские наконечники стрел из некрополя античной Тиритаки (по материалам раскопок О.Д. Чевелева в 1986 г.)	168
<i>С.В. Кашаев</i> Амфоры из детских погребений на некрополе Артющенко 2	177
<i>А.П. Бехтер, А.М. Бутягин</i> Остракон из раскопок Мирмекия 2012 г.	190
<i>Н.Ф. Федосеев, Е.А. Молев</i> Керамические клейма Китея из раскопок 2005 – 2015 гг.	197
<i>Н.И. Суворова</i> Богиня из Нисы (к вопросу о среднеазиатских связях с Северным Причерноморьем)	233
<i>Н.А. Алексеенко</i> Моливодовул коммерциария Амиса из византийского Херсона	248

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Е.Г. Застрожнова</i> Исследования по изучению экономики Боспорского царства (1920–1950 гг.) (историографический обзор)	258
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	268

CONTENTS

ARTICLES

<i>Paromov Ia.M.</i> Bosporus Cimmerian and formation of trade relations of Asian Bosporus in the second and third quarters of the VI century B.C.	3
<i>Chistov D.E.</i> Importation of goods in transport amphorae to the Berezan Island site in 6th – 5th centuries B.C. (based on excavations of the sector “O-Western” in 2004–2016)	19
<i>Yailenko V.P.</i> Essays on toponymy, ethnonymy of ancient and medieval North Pontic region, Skythia – Sarmatia	37
<i>Moleva N.V.</i> Hetaerae on the Bosporus	87
<i>Zubarev V.G., Smekalov S.L., Yartsev S.V.</i> The main roads of the European of the Bosporus during the roman period	100
<i>Kazansky M.M., Mastykova A.V.</i> Equestrian equipment of the Great migration of nations period from Sösdala and its ponto-danube parallels	118
<i>Mastykova A.V.</i> Leaf-shaped pendants of the era of the great migration of nations in the ponto-caucasus region	143

PUBLICATION

<i>Senatorov S.N.</i> Early Scythian arrowheads from the necropolis of the ancient Tyritake. (on materials of excavations of O.D. Chevelev in 1986)	168
<i>Kashaev S.V.</i> Amphorae from the children’s burials of Artjuschenko 2 necropolis	177
<i>Bekhter A.P., Butyagin A.M.</i> Ostracon from the excavations of Myrmekion in 2012	190
<i>Fedoseev N.F., Molev E.A.</i> Kytaiia ceramic stamps from excavations 2005 – 2012	197
<i>Suvorova N. I.</i> Goddess from Nisa (to the question of Central Asian ties with the Northern Black Sea Coast)	233
<i>Alekseienko N.A.</i> The molybdoboullos of the kommerkiarios of Amisos in Byzantine Cherson	248

HISTORY

<i>Zastrozhnova E.G.</i> Research on the study of the economy of the Bosporan Kingdom (1920-1950s) (historiographical review)	258
---	-----

LIST OF ABBREVIATIONS	268
-----------------------------	-----

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXVI

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год

Сайт журнала: <http://bospor-issled.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *Г.Н. Хлебникова*

Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 3.04.2018 г.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 17,51.

Тираж 300 экз. Заказ 416.

Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.